

АЛЕКСАНДР ИГНАТОВ

ГАВИЛАН

ОХОТНИК НА ЧУДИЩА

16+

Александр Михайлович Игнатов

Гавилан, охотник на чудищ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50062552

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-08042-3

Аннотация

Гавилан, молодой парень, мечтает стать самым лучшим охотником на чудищ. Он только начинает свое путешествие по миру Телехии, сражаясь со множеством монстров, как известных ему по бестиариям, так и совершенно неизученных. Конечно, не все удастся ему с первого раза, но благодаря поддержке друзей Гавилан преодолевает все трудности на своем пути. К сожалению, он не догадывается, что его действия мешают одному из самых страшных чудовищ Телехии...

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Губитель книг	25
Глава 2. Сумрачный Город	77
Глава 3. Форма, жизнь, движение, смерть	129
Глава 4. Падший ангел	193
Глава 5. И в огне ты умрешь	248
Глава 6. Разрыв-трава	299
Глава 7. Поймать монстра на крючок	334
Глава 8. Сага о воине	390
Глава 9. Жара	447
Глава 10. Совет Дарконис	486
Глава 11. Битва за Сердце леса	526
Глава 12. Судьба Энтерра	556
Эпилог	597

Пролог

– Нет, ну это уже никуда не годится! – воскликнул Агрилий, деревенский староста. – Уже третья корова за месяц, а дело ни капли не сдвинулось! А как быть с молоком зимой?

Толпа крестьян, от малолетних детей до седых стариков, собралась вокруг трупа коровы, найденной на пасечном лугу. У коровы были выедены все внутренности в области живота, при этом остальные части тела никто не трогал, даже не задевал. Тот факт, что корова была не первой, найденной таким образом в маленькой деревеньке Нижняя Валушка, говорил о том, что селяне имели дело с каким-то извращенным мстителем, решившим погубить деревню.

Полузабытые деревни выживали большей частью за счет своих собственных сил, реже – продажей сельскохозяйственных продуктов или ремесленных поделок на общем рынке, который находился в нескольких днях пути. Смерть даже одной коровы – проблема, ведь теленок будет долго расти, прежде чем начнет давать молоко, а стоимость взрослой коровы была чрезвычайно большой не только для простого селянина, но и для старосты. Смерть трех коров за одно лето означала, что деревня будет голодать будущей зимой.

После убийства второй коровы деревенские парни съездили за следователями в Пироград, центральный город в округе, который находился примерно в пяти днях езды от Ниж-

ней Валушки. Приехавшие блюстители закона, однако, за полумесячное пребывание в деревне так и не смогли ничего узнать, так как никогда с такими случаями не сталкивались. Они не могли даже найти следы преступника, настолько умело он скрывался. Староста Агрилий долго терпел следователей, но с каждым днем все больше и больше сердился, ведь лето подходило к концу, а урожай из-за всех случившихся происшествий мало кто собирал.

В Телехии, огромном материке, плывущем посреди бескрайнего океана, смена времен года происходит довольно точно. В году всего восемь месяцев, по два на каждое время года. Месяцы делятся по пять недель, в каждой неделе ровно десять дней, а в каждом дне – двадцать часов. Как бы кому ни было странно, но по окончании второго месяца сразу заметно изменение в природе – весна сменяется летом, зима заменяет осень. Воздух и почва моментально приспособляются к новой погоде, как и растения с животными, поэтому людям тоже приходится мириться с резкими переменами. Вот почему лето – период пахоты, выращивания культур и сбора урожая – так высоко ценилось по всей Телехии, и почему Агрилий нервничал, понимая, что всего через неделю весь несобранный урожай превратится в гниль.

– Я вам оставил половину своих парней, а вы до сих пор ничего толком не сделали, окаянные! – кричал он следователям, трясая своей худосочной рукой в просторной льняной рубашке. – Как мне общину кормить зимой, а? Мало того,

что коров почти не осталось, так еще вы меня без пшеницы и картошки оставите!

– Спокойно, папаша, – ответил один из следователей. – Вы сами прекрасно понимаете, что случай не обычный, так чего возникать?

– Я не буду возникать, если ваша пирогоградская следственная служба выделит мне пару коров или хотя бы денег на них, – ответил Агрилий. – Но я знаю, что мне ни шиша не будет, а тем временем лето к концу подходит. И чем мне кормить людей в деревне? – с досады он пнул коровий труп. Труп ответил протяжным воем, вышедшим из пустой разорванной кишки.

Следователь вздохнул.

– Мы обыскали весь луг, но так и не нашли никаких следов от ботинок. Единственные следы на лугу – это следы лап ваших собак, да копыт злополучной коровы, – сказал он.

Староста взвился:

– Каких собак, вы что, очумели? У нас никогда ни одной собаки не водилось, даже близко не бегало!

Следователь ошеломленно глянул на Агрилия.

– А следы тогда откуда?..

Народ мигом побежал смотреть следы на поле. Действительно, всюду на прополотой земле были отпечатаны следы, сильно смахивающие на собачьи – такие же формы подушечек, столько же пальцев.

– Собаки же, ну, мастер Двиллий, – сказал один из следо-

вателей. – Даже когти заметны.

– Запиши это в протокол, Скаддиус, – ответил Двиллий, начальник следователей. Скаддиус мигом достал небольшой пергаментный блокнот, меловой карандаш и стал быстро что-то строчить.

Двиллий тем временем наклонился к следу и внимательно оглядел его.

– Ну да, собака... Что я, следов собаки не видел?.. Вот только с чего вдруг собаке пришло в голову загрызть корову, да не одну?..

– Да ну не может быть так, мастер следователь, – воскликнул кто-то из деревенщин. – Я видал собак. Маленькие они для коровы. Не смогут они ее съесть.

– Может, и маленькие, – согласился Двиллий. – Вот только это может быть стая собак, бродячая стая. Как думаешь, Штрум?

Третий следователь пожал плечами.

– Наверяд ли, мастер Двиллий. Мне кажется, собаки напали бы на корову со всех сторон и разодрали. А наша коро-ва...

– Не ваша она корова, а наша! – вставил свое слово Агрилий. Штрум поморщился и продолжил:

– Корова была целехоньякая, не считая пуза. Собаки бы этим не ограничились, да и не получилось бы у них.

– Верно говоришь, Штрум, – ответил мастер следователь и повернулся к старосте. – Похоже, у вас тут, кроме преступ-

ника, бегают еще одна или несколько бродячих собак.

– Собаки говорят «гав-гав», – сказала маленькая девочка, стоявшая рядом со следователями и прижимавшая тряпичную куклу к груди, как будто опасаясь, что ее может постичь та же судьба, что и корову.

– И то верно, мастер следователь, – поддакнул парень в холщовой рубашке. – Собаки ж брехучие, в городе от них по ночам покоя нет. И тут они бы лаяли, да только не слышали мы ничего никогда.

Скаддиус закашлялся и протер рукавом свои очки. По его лицу было видно, что он расстроился, услышав полный разгром теории о собаках от простого мужика.

– И что ж нам делать? – спросил он мастера Двиллия.

– Ну явно не на заднице сидеть! – продолжал гнуть свое Агрилий. – Вы ж не на казенных харчах две недели живете, а на деревенских, а нам самим...

– Мы поняли, господин Агрилий! – раздраженно повысил голос Двиллий и поднял высокий воротник плаща. – Не беспокойтесь, наше проживание служба вам оплатит. За корову не ручаюсь... Но дело действительно непростое...

– Может, это кто-то из деревни сам убивает коров, чтоб за них денег от нас получить? – предположил Скаддиус и сразу же начал вписывать свои предположения в блокнот.

– Я те дам, «денег получить», ирод проклятый! – Агрилий не выдержал и впал в ярость, набросившись с поднятыми кулаками на Скаддиуса с его несчастным блокнотом. Штрум

вовремя среагировал и бросился наперерез старосте, схватил его, заломив руки, и так удерживал, пока гнев Агрилия полностью не выветрился.

Староста выл:

– Я своих-то знаю! У нас никто не будет всем во вред коров убивать! Денег получить, надо же! Это у вас, треклятых, в городе деньги важнее, а нам корова много дороже будет! Придумают тоже! Лишь бы в своих бумажках пописать, а о наших бедах никто не заботится! Куда катится мир...

– Это псевдособака.

Из толпы вышел светловолосый мальчик лет восьми в шерстяной накидке. В руках он держал маленькую книжку, немного потрепанную по краям и с налетом грязи на ребрах страниц.

– Чего-чего? – удивленно переспросил Двиллий.

Мальчик повторил:

– Это псевдособака. Внешне похожа на обычную собаку, только голова другая. Желудка у псевдособаки нет, поэтому есть обычную еду она не может, и ей приходится кушать переваренную пищу, выгрызая желудки у других животных. Вот почему у коровы только живот вырван. Псевдособаке больше не надо.

– Ишь ты чего, – усмехнулся парень в холщовой рубашке. – Это откуда ты такого набрался, Гавилан?

– Вот, – мальчик протянул книжку мастеру следователю. – Здесь все написано.

Двиллий взял книжку и взглянул на обложку. На книге было написано «Удивительные твари Восточной Телехии. Поля и леса». Двиллий вопросительно взглянул на мальчика.

– Мне дядя из города привозит, – стал оправдываться Гавилан. – Я в три года научился читать, а книг у нас в деревне очень мало, вот он мне и возит. Мне нравится читать про чудищ, вот я и прошу у него брать именно такие книги.

– И что же еще ты знаешь о псевдосообаках, Гавилан? – спросил Двиллий.

Мальчик ответил:

– Псевдосообаки сильные и быстрые. Они постоянно ищут еду и могут бегать на большие расстояния. В книге пишут, что они часто бегают около деревень или в лесах, так как там еду найти проще и ее легче загрызть.

– О, мастер следователь! – воскликнул рыжий бородатый мужик с котомкой за плечами и хлопнул себя по лбу. – Я тут охотой иногда промышляю, и как раз вспомнил, что видел пару раз мертвых зайцев с вот такой же дырой в пузе, аки у коровы. А, и еще один раз лисицу тоже увидел. Я как то не придал смысла, а тут вот вспомнилось...

Гавилан оглянулся на мужика и продолжил:

– А не лают псевдосообаки потому, что лаять нечем. У них и пасти такой, как у собак, нет, только зубов много, в несколько рядов, и глотки нет, рот сразу в кишки переходит.

– Что-то не верится мне в это, мастер Двиллий, – сказал Скаддиус, подозрительно косясь то на мальчика, то на старо-

сту. – Никто толком и не видел этих псевдособак, а в книжках всякое написать могут.

– Ну, я слышал немного про псевдособак, – ответил Двиллий. – А в книжках и ты вон иногда такую чушь пишешь, что читать противно, – Скаддиус покраснел, а мастер следователь повернулся обратно к Гавилану и спросил: – А как ловить псевдособак, не скажешь?

– Скажу, – ответил Гавилан, улыбнувшись и радостно воспряв духом. – В книгах и это было написано.

К вечеру следователи сидели в доме, где жил Гавилан со своими родителями, братьями и сестрой. Мать семейства была очень горда тем, что средний сын принимает важное участие в работе следователей из Пирограда. Она все трещала без умолку о том, какой Гавилан хороший и какой он прекрасный помощник в работе родителей. Не забывала она, конечно, и про других своих детей. Однако ее болтовня была скорее фоном для разговора следователей и Гавилана, который объяснял, как нужно ловить псевдособаку.

На следующее утро мастер следователь Двиллий пошел к Агрилию с просьбой взять овцу.

– Вы у меня и овцу хотите забрать? – спросил Агрилий, поразившись наглости следователя. – У нас в деревне всего две овцы, с одной нам шерсти точно не хватит. Мы баранину даже не едим!

– Господин староста, нам нужна эта овца. Если вы нам ее не отдадите сейчас, кто знает, может, мы найдем эту овцу

через неделю мертвой на поле, – ответил Двиллий. – Ну, или вы можете дать еще одну корову...

– Нет! – крикнул Агрилий. – Это последняя корова!

– Дедушка Агрилий, отдайте овцу, пожалуйста, – вдруг вмешался в разговор Гавилан, стоявший за спиной следователя. – Она нужна для поимки псевдособаки...

Агрилий изумленно посмотрел на Гавилана.

– И что вы втолковали ребенку? – спросил он, взглянув на Двиллия. Тот попытался начать оправдываться, но Агрилий остановил его жестом. – Ладно, – сказал он, – дам я овцу. Но только я пойду с вами, и буду непрерывно следить за ней и за вами, ясно?

Двиллий вздохнул, прошептав еле слышно: «Что за деревенька», и кивнул.

– Хорошо, – ответил он. – Но если вдруг что-то с вами случится, я за вас не отвечаю. Все-таки это дело для следователей...

– Дедушка Агрилий, я тоже пойду! – важно сказал Гавилан, уперев руку в стену. Агрилий косо поглядел на него, ища рукой вслепую свою метелку.

– Ишь, чего ты удумал, малой! – пригрозил он. – Псевдособака – это тебе не какой-то там котенок! Ни за что ты не пойдешь!

Гавилан насупился и посмотрел на Двиллия, ища у того поддержку. Двиллий покачал головой.

– Нет, Гавилан, тебя я не возьму. Ты действительно слиш-

ком мал для такого дела.

Гавилан обиделся и, насупившись, молча выбежал из избы старосты.

– До чего довели ваши городские штучки наших ребят, – поцокал грустно языком Агрилий и тут же с сердитым лицом повернулся к следователю. – Не было такого, пока вся эта бурда не началась! Что за лето... Так и помереть недолго. – Он помолчал, подумав о чем-то своем, старческом. – Ну что, мастер следователь?

– Что? – спросил Двиллий.

– Что делать то с овцой надо?

Пока Двиллий вкратце объяснял старосте план действий, тот охал, почесывал свою длинную седую бороду и грустно цокал языком. Но делать было нечего, ведь потеря овцы все же была меньшим злом, чем потеря всей деревенской скотины, а то и людей. Выслушав мастера следователя, Агрилий проводил его до калитки, а сам пошел во двор к овце, обнял ее, снова задумавшись о чем-то вечном. Потом он сел рядом с овцой и стал ждать вечера, тихонько напевая старые деревенские песни себе под нос.

К вечеру на пшеничное поле около деревни вышли трое следователей, каждый из которых держал при себе обоюдоострый меч и пистоль. Сзади плелся староста, ведя за собой на удавочке овцу. Овца до конца не понимала, что с ней собираются делать, но на всякий случай боялась.

– Идеальный вечер для ловли монстра, – вздохнул Штрум,

глядя на колышущиеся верхушки деревьев, стоящие на окраине поля. Там начиналась небольшая рощица, довольно быстро переходящая в густой и угрюмый лес.

Облака почти полностью закрыли небо, свет достигал земли, переливаясь в воздухе разными цветами. Было немного зябко. На растущей траве выступила роса. Растения боялись замерзнуть до того, как к власти придет зима, всегда укрывающая своим теплым бархатным снегом.

Начал накрапывать дождик, и без того мокрые сапоги следователей стали хлопать и набирать грязь на подошвы. Старик Агрилий еле слышно ворчал про себя, пеняя на то, что осень почти началась, а пшеница так и не убрана.

– Давай здесь, – сказал Двиллий Агрилию, указывая на небольшую ложбинку на поле. Агрилий вздохнул. Штрум достал колышек, вбил его в землю прямо в центре ложбинки, Агрилий взял удавочку за конец и крепко привязал ее к этому колышку. Овца забеспокоилась, но деваться было некуда – удавочка крепко держала ее за шею.

– Скаддиус, Штрум, готовьте полянку, – продолжил мастер следователь. Двое следователей достали из своих заплечных сумок толстые рукавицы. Надев их, Скаддиус вытащил из сумки длинную стальную проволоку с обвязанными то тут, то там кусками тонкой острой лески. Штрум помог ему размотать проволоку и обложить ее вокруг ложбинки с овцой.

– Зорюшку только не заденьте, – взмолился Агрилий.

Двиллий тем временем вытащил флакончик с какой-то бурой жидкостью и огляделся.

– Вон там поодаль кусты, за ними и спрячемся, – сказал он. – Все готовы?

– Да, мастер следователь, – хором ответили Штрум со Скаддиусом. Агрилий просто молча кивнул.

– Тогда идите, я за вами, – ответил Двиллий.

Когда все ушли к кустам, Двиллий откупорил бутылку и, рефлекторно понюхав ее, поморщился.

– Ну и гадость, – буркнул он, разливая содержимое бутылки на ложбинку, на проволоку и рядом с овцой. Овца было заметалась, но удавка все еще прочно ее удерживала, не давая ни малейшей надежды на побег. Опустошив бутылку, Двиллий отбросил ее подальше, а сам уныло поплелся к кустам. Ветер пробирал его до костей, и никакая теплая служебная одежда не могла спасти следователя от холода.

Двиллий уселся в кустах прямо между двумя своими подчиненными и достал окуляр из-за пазухи.

– Ничего пока не замечали? – прошептал он.

– Нет, – ответили ему также шепотом.

Двиллий приложил окуляр к глазу и стал осматривать поле.

– Ничего не вижу, – процедил он сквозь зубы. – Когда наша ловушка уже сработает? Такое ощущение, что вонь от бутылки стоит на все поле...

Вонь действительно разошлась на большое расстояние, во

многим благодаря разбушевавшемуся ветру, который со временем только усиливался. Овца уже не металась, она только иступленно блеяла, жмуря глаза, и неудивительно – ведь в бутылке была ядреная смесь животной мочи, грязи и гнилого мяса. Такой запах, чем-то напоминающий переваривающуюся пищу, должен был, по идее, привлечь псевдособаку, но пока что на поле никого не было видно, как Двиллий не глазел в свой окуляр.

– Неужели все впустую, – шептал он про себя, не отрывая от окуляра глаз. Шея уже начала побаливать от постоянного верчения и задувающего за воротник ветра.

Неожиданно Двиллий боковым зрением заметил какое-то движение на краю поля. Он направил окуляр на то место и стал упорно всматриваться, заметно нервничая. Вдруг он грязно выругался.

– Ах ты, несносный мальчишка, – буркнул он и вскочил на ноги, бросив окуляр. Не теряя ни мгновения, он выбежал на поле. Только тогда Скаддиус, Штрум и Агрилий заметили, что по полю бежит Гавилан, размахивая бутылочкой с зеленоватой жижей.

– Дядя Двиллий! – обрадовался он следователю, несущемуся к нему со всех ног. – У нас тут свинку пропоносило, и я это в смесь добавил, чтобы запах сильнее был!

– Ты что делаешь?! – заорал Двиллий на бегу. – Я же сказал, что тебе сюда нельзя приходить!

– Но дядя Двиллий! – возразил Гавилан. – Это же я все

придумал...

Внезапно Гавилан споткнулся о межу и упал. Бутылочка, которую он нес в руках, упала и разбилась от сильного удара об землю. Вонь не замедлила растечься вместе с жижей. Действительно, смесь Гавилана была куда ядренее, чем та, которую принес с собой Двиллий. Мастер следователь закрыл рот и нос рукавом, но у него защипало даже в глазах. Следом прибежали остальные. Агрилий был позади всех, и он не успел добежать, как вдруг остановился от ужаса, который он увидел перед собой, и закашлялся.

На поле, недалеко от овцы, показалась небольшая серая фигура. Видом своим она напоминала волка, только сильно облезлого. На голове у фигуры был виден небольшой рог. Фигура любопытно оглядывала следователей и Агрилия с Гавиланом.

– Псевдособака, – ужаснулся Двиллий.

Псевдособака еще немного посмотрела на людей. Все ее тело сплошь состояло из мышц, которые перекачивались под кожей в нетерпении. Неудивительно, что такому монстру нужно было много еды! На затылке у псевдособаки торчал небольшой хохолок. Глаза у нее были маленькие, похоже, что на зрение она особенно не полагалась. Зато у псевдособаки был огромный нос с большими ноздрями, которые колыхались каждый раз, когда жадно вдыхали воздух. Из конца морды у нее торчали два толстых шиповидных клыка.

Из псевдособаки слышался какой-то внутриутробный

рокот, она повернулась к овце и набросилась на нее. Агрилий испуганно охнул, а от живота овцы осталась только каша. Морда псевдособаки была вся в густой багровой крови, стекающей прямо с подбородка. Чудище опять рокотнуло и побежало к людям.

– Осторожно! – только и успел крикнуть Двиллий. Но не успела псевдособака начать свой бег, как задела задней лапой острую проволоку. Из лапы полилась черная кровь, мгновенно облив всю траву вокруг. Псевдособака не то взвизгнула, не то заклокотала, и припала на колени.

– Пистолы! – скомандовал Двиллий.

– Не поможет, дядя Двиллий, – Гавилан уже встал с грязи, виновато отряхнувшись. – У псевдособак толстые мускулы. Их только резать хорошо.

– Ты почто, окаянный, тут делаешь! – очнулся Агрилий, позабыв о том, что они стоят в самом эпицентре вони от жидкости из бутылки. – Придем домой, все мамке скажу, уж она тебя накажет!

– Если вернемся, староста, – ответил Скаддиус, вытащив пистоль из набедренной сумки.

– Уходи с ребенком, Агрилий, – сказал старосте Двиллий, потянув его за руку, – пока псевдособака не оклемалась. Слишком опасно тут находиться.

Агрилий не стал спорить и взял Гавилана за руку. Тот пытался сопротивляться, но рука старика все же был тверже, и староста потащил мальчика в сторону деревни.

Тем временем псевдособака оправилась от раны на лапе и понеслась на следователей. Скаддиус со Штрумом выстрелили. От одной пули чудище увернулось, вторая же попала в плечо. Псевдособака немного затормозила, но почти сразу же вернула прежнее ускорение.

Пистоль Двиллия заело то ли от сырости, то ли от какой-то скрытой неисправности. Двиллий пытался нажать на курок, но тот лишь съезжал без толку. Псевдособака уже практически настигла их, пригнувшись для прыжка. Штрум инстинктивно закрыл лицо руками...

Но псевдособака и не целилась в лицо. Она словно окунулась в брюшную часть тела Штрума, тот даже не успел что-нибудь сказать. Двиллий мог только заметить несколько рядов острых и тонких, словно маленькие бритвы, зубов, яростно вгрызающихся в живот товарища. Скаддиус взвыл от страха, уронив свой пистоль на землю. Столь же молниеносно псевдособака оторвалась от Штрума, куски его кишок упали со шлепком на землю, а следом за ними и сам Штрум.

Наверное, вкус следователя не особо понравился псевдособаке, ибо она практически бесшумно выбежала обратно на поле и, заметив уходящих Агрилия с Гавиланом, понеслась к ним.

– Стой! – крикнул ей вслед Двиллий, но псевдособака даже не обратила на него внимания. Вот она уже почти настигла мальчика...

Гавилан развернулся, в его сжатом кулачке что-то мельк-

нуло. Паренек размахнулся и выбросил все, что у него там было, перед псевдособакой. Агрилий, оглянувшись на псевдособаку, упал от страха.

Чудище наступило на одну выброшенную Гавиланом штуку, и раздался глухой хлопок. Вслед за ним раздалось еще два таких хлопка. Псевдособака печально зарокотала, ослабила лапы и по инерции пролетела еще пару метров, прежде чем взрыть землю торчащими клыками.

Подоспевший Двиллий увидел, что лапы, которыми упавший монстр беспомощно мотал из стороны в сторону, разорвало так, что пальцы на них смотрели в разные стороны, а из сухожилий торчали маленькие острые стеклышки. Черная кровь реками струилась из раненых конечностей псевдособаки. Чудище неистово рокотало и дергалось, но не могло снова встать, ему было больно. Двиллий молча достал меч и отрубил псевдособаке голову. Голова не сразу поддалась, ибо мышцы на шее монстра были не менее мощными и толстыми, чем на всем его теле.

– Какой ужас, – прошептал оправившийся Агрилий, перекрестясь.

Двиллий молчал. Он смотрел на огромную черную лужу под псевдособакой, которая быстро увеличивалась в размерах. Удивительно, как интенсивно работало сердце псевдособаки, чтобы перегонять большое количество крови по всем мышцам, работающим беспрестанно во время поиска пропитания для себя.

– Я это тоже в книгах прочитал, – прервал тишину Гавилан. – У старших друзей взял немного пороха и разбил стекло в коровнике, все равно там уже почти никого нет. Я же говорил, что псевдособаку нужно резать...

Двиллий вздохнул. «Штруму все равно уже никак не можешь», подумал он.

– Пошли за деревенскими, – сказал он подоспевшему Скаддиусу, у которого дрожали коленки. – Соберем здесь все, что осталось.

Сумерки начались раньше из-за дождя. Уже почти стемнело. Дорогу к деревне совсем размыло, было очень скользко. Несмотря на это, дед Агрилий шел сам и вел с собой Гавилана, а вот Двиллий со Скаддиусом поддерживали друг друга, чтобы не упасть.

В деревне новость восприняли молча. С одной стороны, наконец-то в Нижней Валушке избавились от проблемы, мучавшей их все лето. С другой, сами жители деревни лишились скотины, а следователи лишились своего человека. К тому же, кто теперь мог ручаться, что по округе не бегают еще псевдособаки?

– Труп чудища я заберу с собой в Пироград, – сказал Двиллий на деревенском совете, собранном на следующее утро. – Штрума... Я тоже заберу с собой.

– А нам-то теперь что делать? – спросил Агрилий, опираясь на запыленный посох, который он достал из дальних углов своей избы. Предыдущий день отнял у него последние

силы, поэтому самостоятельно стоять ему было трудно. – Я все понимаю, конечно, но и вы нас поймите. Три коровы, овца...

– Я знаю, господин староста, – тихо рыкнул Двиллий в ответ. – Я обязательно все распишу в протоколе, в том числе и ваши нужды. Кстати, есть еще одна просьба... Я бы хотел еще кое-что взять... Вернее, кое-кого.

Он огляделся, но, видимо, не нашел того, кто был ему нужен.

– А где Гавилан? – спросил мастер следователь.

– Сын дома сидит, наказан он, – сказал высокий мужик со смолянисто-черными волосами, в котором Двиллий узнал отца Гавилана, которого видел, когда сидел у них в гостях. Двиллий решил не терять инициативу.

– Как насчет того, чтобы я взял вашего сына в Пироград, в академию? Глядишь, вырастет умный парень. Он сейчас много надежд подает.

– Ну я ажно не знаю, – раскраснелся отец Гавилана. – Это надо посоветоваться...

– Чего тебе советовать, Грашик? – закричал Агрилий. Усталость у него словно испарилась. – Это же какие эти-то... Возможности! Хотя, я бы сильно таким следователям не доверял...

– Дак мне-то с женой надо поговорить, – засмутился Грашик. – А то она, сам знаешь, Агрилий, своевольная.

– Так она б тебя и не спрашивала бы, – возразил Агри-

лий. – Она бы мигом Гавилана собрала. А что, вдруг он и за нас там слово скажет, за корову, например?

– Ну за корову то можно, – согласился отец Гавилана.

Действительно, мать Гавилана уговаривать не пришлось. Это была ее мечта – отдать сына на обучение в какой-нибудь большой город. Таким образом, уже к вечеру того же дня Гавилан вышел из дома с огромным мешком, полным вещей. Отец помог ему взвалить мешок на повозку, которую снарядили для следователей. Несколько мужиков из деревни решили поехать с ними заодно и взяли с собой немного товара на продажу, как ни противился этому Агрилий, который снова негодовал по тому, что некому убирать поля. Гавилан попрощался с родителями, похлопал братьев по плечу, поцеловал в щеку маленькую сестренку и залез на козлы рядом с Двиллием и кучером. Мужики сидели сзади, а у самой задней ступеньки печально сидел Скаддиус, возле которого лежали два мешка, с Штрумом и псевдособакой. Штрума не похоронили на деревенском кладбище, потому что Двиллий сказал, что в городе его примет семья.

– Ну что, Гавилан, – сказал Двиллий, похлопав мальчика по плечу. – Готов увидеть Пироград и много книжек?

– Готов, дядя Двиллий, – ответил Гавилан. Двиллий кивнул кучеру, и тот хлопнул поводьями по коням. Повозка понеслась вперед по дороге, вдоль Нижней Валушки, в сторону Пирограда. Люди смотрели ей вслед, пока она совсем не скрылась из виду, и думали о том, как много всего необыч-

ного произошло за последние дни.

– А урожай так никто и не собрал, – грустно усмехнулся Агрилий и, возмущенно помахав посохом на пробегающую мимо курицу, ушел к себе во двор.

Глава 1. Губитель книг

– Вон там шпили видишь? Это Верселлия. Тут недалеко – около получаса пешком. Ну все, давай, удачи, – с этими словами торговец помог мне слезть с телеги, оставив меня с моими вещами, а сам повернул на перекрестке в другую сторону от города.

Верселлия – огромный город с расписными башнями и величественными зданиями, украшенными лепниной – в первую очередь знаменит своими университетами и библиотеками. Телехия целиком состояла из городов-полисов, которые, несмотря на то, что имели общий свод законов и правил, были абсолютно самостоятельны. Мелкие поселки и деревни обычно стояли в окрестностях какого-либо такого города, и потому фактически принадлежали ему и относились к его области. Лишние товары, производимые в таких областях, продавались соседним городам. В общем, жизнь для всех полисов была удобной и счастливой, войну никто никогда никому не объявлял, и в таких условиях экономика росла как грибы после дождя.

Все города имели какую-то особенную специализацию. Та же Верселлия была городом знаний, здесь продавали книги, различные изобретения, сюда все полисы присылали молодежь обучаться разным наукам. Пироград известен своими продовольственными товарами и бакалеей, а Энтерберг,

Лесное Убежище, регулярно направлял в другие поселения караваны с вкусным мясом диких животных, роскошными мехами и охотничьими приспособлениями.

Я же пришел в Верселлию не за тем, чтобы учиться. Все мое обучение прошло в детстве в Пирограде. Еще ребенком меня забрал из деревни мастер следователь Двиллий из следственной службы. Тогда я помог ему с ловлей псевдособаки, и, хоть все прошло не очень удачно, этот случай определил мое будущее. В деревне я с жадностью читал книги, которые мне привозили, в особенности бестиарии, а уж в Пирограде мне открылись целые сокровищницы в виде местных библиотек. Мастер Двиллий направил меня в пироградскую школу, которую я вскоре блестяще окончил, хотя тамошние предметы меня особенно не интересовали, и сразу же поступил в следственную службу Пирограда. Понятно, что Двиллий хотел сделать из меня первоклассного следователя, но я недолго проработал в службе. Большинство моих заданий было довольно скучным: найти потерявшегося мальчика, который на самом деле просто забежал в гости к друзьям; снять котенка с дерева в парке; собрать налог со старушки, которая из-за бедности не могла купить себе нормальной еды и за которую в итоге заплатил я сам. Но не зря же я читал бестиарии! В пироградских библиотеках я прогуливал школьные занятия, читая книги знаменитых в какой-то степени охотников и ловцов чудищ. Как раз задания такого плана я брал с интересом. Похищенный ребенок, рядом с колыбелью ко-

тогого нашли следы когтей и клоки шерсти – вот что было мне по душе расследовать! Вскоре начальник следственной службы, заметив мое рвение в этом направлении, стал целенаправленно давать мне эти задания.

Но мои познания о чудовищах мало бы что давали без соответствующего снаряжения. Стандартного обмундирования следователя для таких нестандартных случаев мне не хватало, поэтому приходилось придумывать хитрые механизмы и карманное оружие, чтобы всегда быть наготове в любой ситуации. Того же стрекальника – низшего вампира, питающегося кровью мертвых людей – я бы вряд ли победил, не имея при себе бомбы со святой водой и тертым боярышником.

Своих родных я почти не видел с момента, как уехал в Пирогоград, и мало что знаю о них с тех пор. После дела с псевдособакой Двиллий направил просьбу о компенсации в Нижнюю Валушку и туда отправили пять коров и несколько золотых монет. Староста Агрилий, наверное, был сильно рад, но, к сожалению, он недолго прожил. В ту же зиму начала бушевать эпидемия оспы, и много крестьян умерло, особенно старики и дети. Не пережил зиму и мой младший брат, Гладий. Мать тогда с помощью старшего брата писала мне весной письмо, в котором все рассказала.

Сам старший брат, Януш, стал писанным красавцем и умелым работником. Он отделился от семьи и держал самое большое хозяйство в деревне. Младшую сестру Силлию от-

дали замуж за сына нового старосты. В общем, несмотря на то, что каждый год мне приходили письма и я сам пару раз заезжал домой, обратно в деревню мне хотелось все меньше и меньше. Меня влекли новые места, и обжиться где-то в одном точно не было в моих планах на ближайшее время.

Это влечение постоянно не давало мне покоя. За все недолгое время службы в Пирогrade я познакомился с множеством людей из других полисов, которые предлагали мне хорошую работу у себя. Но я отказывался. Моей мечтой было стать охотником на чудищ, как те люди, чьи книги я читал.

Откуда взялись чудища, никто толком не знает. Будучи маленьким, я думал, что чудища существуют давно. Может, так оно и было, но только до недавнего времени они особенно себя не проявляли. Что-то побудило их вылезти из обсиженных гнезд, из обжитых пещер, вырасти и развиваться, став страшнее и ужаснее. Чудища стали часто нападать на людей. Поэтому последние пару десятилетий некоторые люди, стремясь защитить своих родных, становились охотниками на чудищ – изучали их внешний вид, повадки, их оружие, способы атаки и выслеживания добычи. Они были теми, кто писал первые книги об охоте на чудищ, бестиарии, те самые книги, которыми я зачитывался в детстве и отрочестве. Благодаря этим людям я решил продолжить их дело, и втайне надеялся, что смогу разгадать тайну внезапного появления чудищ.

Во время одного из опасных заданий по поимке преступ-

ной банды Двиллия смертельно ранили, он впал в кому и спустя неделю скончался. Его комната в доме, где он жил вместе со мной, выставилась на продажу. Я мог бы ее выкупить, но вместо этого я бросил работу в службе, собрал все свои вещи – изобретенные мной механизмы и несколько bestiариев, мелкие инструменты, меч и пригоршню монет – и покинул Пироград. Многие товарищи по службе посчитали, что я не смог смириться со смертью наставника, и я не стал их разубеждать. Горечь от гибели Двиллия, конечно, оставалась в моей душе, но следователь был единственной нитью, удерживающей меня в Пирограде.

Незадолго до смерти Двиллия мне пришло письмо от товарища из Верселлии, Занзалама, ученика Университета Истории. Занзалам, как обычно, звал меня в гости; но в этот раз письмо меня заинтересовало. Занзалам писал, что в университетской библиотеке поселился какой-то неизвестный зверь, который по ночам рвет книги в труху. Занзалам просил приехать и разобраться с этим, так как знал, что я хорошо справляюсь с чудовищами, а это наверняка был какой-то монстр. Таким образом, я оказался на большом тракте, ведущему в Верселлию, с походной сумкой и весь перевязанный ремнями, по всей длине которых были закреплены инструменты.

На тракте я встретил торговца, который ехал мимо Верселлии в Ланир, большой портовый город, связывающий материк с Телехскими островами. С меня он не взял плату, вза-

мен попросив лишь скрасить его скучную поездку. Мне это было только на руку, и я согласился.

И вот я уже добрался до Верселлии. Шпили перед глазами давно выросли выше моей головы. Башни, которым эти шпили принадлежали, так и не открылись мне полностью, так как их закрывали величественные каменные здания города, украшенные резными фигурами и оплетенные множеством труб и громоотводов. В отличие от Пирограда, в котором жители ходили размеренно и неторопливо, в Верселлии от каждого человека я чувствовал занятость, люди как муравьи сновали туда-сюда по своим делам, заполняя узкие улицы.

– Эй, уважаемый! – окликнул я какого-то усатого мужичка с кучей бумаг под мышкой. Мужичок пробежал мимо, даже не оглянувшись. Я спросил еще какого-то паренька. Он испуганно шарахнулся от меня и скрылся в толпе. Я вздохнул. Похоже, поиск Университета Истории окажется куда более сложным, чем я себе это представлял.

Мимо меня вдруг пронеслась карета. Я еле успел отпрыгнуть с дороги и прижался к кирпичной стене дома. Поразительно, как эта карета вообще могла уместиться на такой улочке, не говоря уже о том, чтобы проехать здесь. Кучер грязно выругался куда-то в воздух – очевидно, я был не первый, кто чуть было не попал под колеса.

Я вздохнул второй раз. Что ж, надо хотя бы найти какой-нибудь трактир. Я устал и к тому же сильно проголодался.

ся с дороги. Тем более, если я сразу не нашел нужное мне место, то неизвестно, насколько долго затянется дело. Я поправил сумку на плече и свернул в переулок.

Внешний вид Верселлии был бесподобен. На улице, с которой я сошел, кругом стояла пыль, зато в переулке было тише и спокойнее. Из-под дорожной брусчатки пробивалась весенняя трава, стены домов окутывал мох, который недавно проснулся после долгого зимнего сна и продолжил свое победное шествие по городским постройкам. Откуда-то со стороны доносился запах сирени, распустившей свои бутоны. В воздухе кружили медоносные пчелы, ища сладкий нектар. Если бы не люди вокруг, Верселлию вполне можно было принять за брошенный город, настолько тесно сплелись здесь цивилизация и природа.

Идя по переулкам, мне приходилось вертеть головой из стороны в сторону. В Пирограде все трактиры, дома ремесленников и прочие заведения имели вывески, прибитые над дверью. Здесь же вывесок не было вообще, а на домах определенного назначения висели соответствующие таблички. Пока что я не нашел ни одной таблички с изображением еды, а шея уже начала болеть.

Неожиданный ветер со свистом пронесся рядом со мной. От внезапного холода меня даже передернуло. Наверное, зря я надел лишь легкую льняную рубашку. Лето еще не началось, и весенние заморозки могли застигнуть меня врасплох, ведь я не взял с собой никакой теплой одежды.

Под ногами пронеслись дети, игравшие в салки. Поистине этот город был идеальным местом для такой игры – прямые узкие улицы только и ждали того, что по ним будут бегать друг за другом ребяташки. Водящий, мальчик со светлыми волосами, остановился, удивленно разглядывая висящие на мне вещи. Сверху, с карниза ближайшего дома, на его голову свалилась зеленая гусеница, но мальчик, похоже, этого не заметил.

– Не знаешь, где тут Университет Истории? – спросил я, особенно не надеясь услышать ответ.

– Он тут, не очень далеко, – ответил ребенок, показывая мне в том направлении, откуда я пришел. Я вздохнул в третий раз. – Как эта улица кончится, надо повернуть направо, вниз по склону к побережью, и там будет Университет. Моя сестра там учится, – он улыбнулся. Я поблагодарил его и развернулся в ту сторону, куда мне показал паренек. В конце концов, поем уже в Университете. Главное, что я его нашел... Наверное, нашел...

Мальчик оказался прав. Я спустился по крутым ступенькам вниз. Напротив меня открывался прекрасный вид на море. Склон был весь покрыт зеленью, и от этого море представало еще более красивым, будто окруженным зеленой рамкой. Внизу, словно врезавшись в крутой склон, стояло огромное здание. Подойдя к нему, я прочитал висящую железную табличку «Университет Истории. Главное здание. Часы работы – с пяти утра до полуночи». Обрадовавшись, я

взялся за ручку двери с бойком и попытался открыть. Дверь была заперта. Пришлось постучать. Спустя минуту мне открыл какой-то дежурящий студент и пустил внутрь. Дежурный что-то буркнул про каникулы, но я пропустил это мимо ушей и спросил его, где находится общежитие. Получив ответ, что оно расположено на верхнем этаже Университета, я пошел к лестнице.

К счастью, Занзалам в письме написал, в какой комнате он живет, поэтому его каморку я нашел быстро. Обрадованный товарищ сперва даже не нашелся, что сказать.

– Ты пока сбрось вещи, – сказал он. – Я пойду сбегать за вином.

Устроившись на простых деревянных стульях, мы с Занзаламом сидели до самого вечера. Он угощал меня вином и мясом со свежесдобитым хлебом, и все расспрашивал про жизнь в Пирограде. Я вполне охотно отвечал ему, рассказывая, что произошло с того времени, как он последний раз был там. В свою очередь, я спросил его про Верселлию.

– Ох, ну ты и сам все знаешь, – отмахнулся Занзалам. – За те полгода, что прошли, как я написал тебе письмо, ничего не поменялось. В нашей библиотеке уже куча книг пришла в негодность. Представляешь, почти каждую ночь кто-то приходит в библиотеку, хотя все заперто, и грызет книги. Причем не просто грызет, как мыши или крысы, а в совершеннейшую труху, и от книги ничего не остается, кроме пыли. Пару раз нам удавалось заставить его врасплох. Тогда-то

мы и узнали, что книги кто-то жрет, до этого думали, что их воруют. Вот только заметить мы никого не успели, потому что он быстро смотался. Я знаю, что ты любишь всякие расследования, где есть чудища, ты же собирался стать охотником...

– Как видишь, я уже, считай, им стал, – улыбнулся я. – Я теперь свободный, могу идти куда хочу.

– Ну так еще лучше! – рассмеялся Занзалам. – Ты много знаешь про чудовищ, я сам помню, как ты при мне разгадал дело с зубными феями. В общем, я посоветовал тебя нашей кафедре, и они дали добро. Все уже отчаялись, потому что никаких следов, кроме трухи от книг, нет, и никакие службы нам не могут помочь. Ох, что я все про работу, – он забеспокоился и вскочил со стула. – Тебя же обустроить надо где-нибудь. Хотя... Ты не против поселиться у меня? Правда, будешь спать на полу, но мы что-нибудь придумаем, я могу постелить одеяло...

– Да я и так не против, – ответил я. – Только учти, что мне надо будет и свои вещи разложить.

– Да нет, это меня не пугает, – возразил Занзалам. – Сейчас в Университете каникулы, и мне ничего учить не надо, поэтому места много не понадобится. В общем, решили! Ты тогда пока обживайся, а завтра пойдем к нашему кафедральному мастеру Тробнопу. Я ему уже все уши прожужжал про тебя, он сам давно ждал, когда ты к нам приедешь.

– А что охотники на чудищ? – спросил я. – Разве в области

Верселлии нет ни одного? Мне кажется, любой бы уже давно мог взяться за это дело.

– Где уж там, – фыркнул товарищ. – Ты как будто чересчур начитался их книжек. Это только кажется, что охотников много, на самом деле найти даже одного – большая удача. Охотников же никто не считает, они не прикреплены официально бумагами к какому-либо определенному месту. Мы искали, конечно, но никого не нашли. Можно сказать, ты наша единственная надежда, – он улыбнулся во всю ширь своего рта, обнажив свои большие белоснежные зубы.

Занзалам был поразительной личностью. Кафедра летописи Университета Истории – это действительно было истинным призванием Занзалама. Его постоянно тянуло в разные места, он бесконечно записывал что-то в свои блокноты, тратя по несколько листов пергамента в считанные минуты. Его учеба, по сути, уже сильно пересекалась с работой – записью современной истории Телехии, хотя Занзалам умудрялся вполне самостоятельно влипать в истории, с помощью врожденного невезения и постоянной пустой болтовне. Открытый всему и каждому, Занзалам мог легко попасться на крючки аферистов или мог случайно упасть в колодец, оказавшийся на самом деле пещерой контрабандистов. Собственно, познакомился я с ним при похожих обстоятельствах – по приезду в Пирогоград для записи истории прошедшего года его ботинок отгрызла бездомная собака и убежала с ним в неизвестном направлении. Конечно, можно было бы

просто купить новые ботинки, но в подошве именно того ботинка, который унесла собака, у Занзалама был зашит значок летописца (чтобы не украли), который давал ему разрешение на проход в любое место и скидку на услуги. Дабы Занзалам не возвращался в Верселлию ни с чем, мы перерыли весь город, прежде чем обнаружили облизанный и облеваный ботинок в одной из трущоб, в центре крысиного гнезда. После сражения с крысиным королем и возвращения значка Занзалам был бесконечно мне благодарен и, похоже, считал меня своим лучшим другом, хотя я в ответ столь же сильных чувств к нему не испытывал.

Я взял в руки свою сумку и открыл ее. Внутри были разложены по баночкам различные ингредиенты для снадобий, в небольших мехах находились масла, на дне гурьбой лежали кожаные заплатки и инструменты по отделке. Я осторожно вытащил содержимое сумки и стал раскладывать все на полу рядом с кроватью Занзалама. Занзалам сначала с интересом разглядывал мои вещи, потом ему надоело и он достал из шкафа учебник риторики и, со скрипом грохнувшись на кровать, стал внимательно его изучать. Тем временем я достал из другого отделения сумки пару бестиариев, блокнот для записей и письменные принадлежности.

– Знаешь, Занзалам, – сказал я, – на самом деле я не помню чудища с таким описанием, как у тебя. Нигде еще не читал, чтобы монстры сгрызали книги.

– И что делать? – испугался Занзалам.

– Возможно, я буду первым охотником, кто его опишет, – усмехнулся я. Разложив книги, я снял с себя ремни, удерживающие остальные приспособления для ремонта и ухода за своими вещами. С правой руки я снял щиток, который защищал мою кисть и запястье от внезапных нападений и рывков противника. С головы я снял защитные очки. Очки были моей гордостью. Мало того, что затемненное стекло, вставленное в толстую оправу с прорезиненной оторочкой, уберегло мои глаза от чересчур яркого света и искр огня, но я еще прикрутил сбоку настраиваемые линзы для того, чтобы заниматься мелкими механизмами, требующими ювелирной работы. Также я снял свой толстый пояс с множеством затяжек, кармашков и выдвижных клапанов для хранения мелочи, которая могла бы пригодиться в самый неожиданный момент.

– Ботинки снимать будешь? – хихикнул Занзалам.

Вместо ответа я вытащил шнурки из-за углубления в ботинках и развязал узлы. Ботинки, действительно, выглядели серьезно. Окаймление было сделано плотным, чтобы ни грязь, ни снег не могли попасть внутрь. Подошва была довольно высокая, с набойками. Цокать по камням такими набойками не получалось, зато я мог вполне свободно держаться на льду.

– Труссы я тебе не покажу, – пошутил я, и уселся на пол. Занзалам отвернулся к шкафу, порылся там и достал мне толстое шерстяное одеяло.

– На, ложись на него, – сказал он мне.

Я поблагодарил Занзалама и расстелил одеяло на полу. В ноги сразу же впилося множество иголок грубой шерсти, и я понял, что ночью замерзнуть у меня не получится.

Весь вечер мы болтали с Занзаламом на разные темы, попутно добывая вино, принесенное летописцем, а наутро мы, с немного звенящими от легкого похмелья головами, собрались и направились на кафедру летописи к мастеру Тробнопу. Пока мы шли по длинному узкому коридору, с левой стороны которого были расположены двери в учебные классы, а с правой – тонкие высокие окна с видом на море, Занзалам рассказал мне все про мастера-летописца. Когда мы, наконец, дошли до кафедры, я с облегчением вздохнул. В кабинете нас встретил высокий широкоплечий мужчина с ухоженной бородкой, в длинной темной мантии с оторочкой бронзового оттенка. Он жестом пригласил нас сесть на обитые пухом стулья, а сам уселся на массивное деревянное кресло.

– Значит, ты и есть Гавилан? – спросил он. – Занзалам рассказывал мне про тебя. Как бы для тебя это ни было странно, но ты первый охотник на чудищ, к которому мы обращаемся.

– Занзалам не был бы Занзаламом, если бы не рассказал про меня, мастер Тробноп, – ответил я. Тробноп внимательно разглядывал меня, изучая.

– Гавилан, – сказал он, перебирая каждый звук моего имени своими губами. – Имя звучит как городское, но, насколько мне известно, ты не из города?

– Нет, мастер Тробноп, я родился в деревне. Там же провел первую половину детства.

– Интересно, – пробормотал Тробноп. – А твои родители или более далекие предки не были случайно разорившимися купцами или обесчещенной знатью?

– Насколько мне известно, нет, – ответил я. – Весь мой род – это крестьяне.

– Значит, твои родители хотели для тебя лучшей жизни, чем в деревне, – заключил ученый. – Крестьяне имеют простые имена, чтобы было легко и быстро звать друг друга. К тому же, деревни обычно не достигают больших размеров, поэтому простые имена имеют не так уж и много людей, но между деревнями пересечение имен просто колоссальное. В городах такого нет, здесь слишком много людей, слишком много знакомых у каждого человека, поэтому имена детям придумывают вычурные, длинные. Может, такие имена труднее выговорить, но в городской жизни это не так уж и важно. Видишь, Гавилан, одно лишь имя способно рассказать мне судьбу человека, – продолжил Тробноп, улыбнувшись. – В этом и заключается суть летописи – не только записывать известные факты, но также логически выводить те моменты, которые уже утеряны. К сожалению, мы не всегда располагаем полным набором документов, что-то неизбежно теряется, поэтому приходится прибегать к таким методам. Надеюсь, – он вздохнул, – что мы не ошибаемся, или ошибаемся редко. И все-таки, Гавилан, наверняка у тебя в роду

были городские жители...

– Мастер, расскажите лучше про чудище, – вмешался Занзалам, нервно топая ногой.

Тробноп вдрогнул, словно очнулся.

– Да-да, Занзалам, всему свое время, – ответил он и снова повернулся ко мне. – Ты уже слышан о библиотечном чудище? Это проблема не покидает нас уже полгода. Мы бы не так сильно переживали, случись это в каком другом месте, но библиотека – важная часть нашего университета как святылища истории. Столько книг пропало в эти месяцы! Я даже не знаю, что делать. Книги пропадают из разных разделов, из разных шкафов. Исчезают книги не только с нижних полок – чудище достает их и с более высоких мест. Лишь книги под самым потолком остались нетронуты... Ох, ты не видел потолок!..

– Потолки в библиотеке очень высокие, – опять вставил свое слово Занзалам. – Представляешь, какой прыгучий этот монстр?

Тробноп продолжил свой монолог, одернув рукава своей мантии:

– Следственная служба Верселлии не помогает нам. Однажды мне удалось их привлечь, но они лишь осмотрели выходы, посмотрели на опилки, оставшиеся после утерянного альманаха, и сказали, что все это чушь, никаких таких чудищ не существует и мы сами рвем книги. Ты представляешь, Гавилан? После такой неслыханной дерзости я не могу

заставить себя просить от них помощи еще раз. Итак, – мастер полностью повернулся ко мне, сложив пальцы рук друг с другом, и посмотрел исподлобья, – поможешь ли ты нам, юный охотник? Естественно, по окончании ты получишь награду.

– Конечно, помогу, – ответил я. – Мне даже очень интересно это дело, оно явно необычно. Но, если можно, сначала я хотел бы осмотреть библиотеку.

– Конечно, – согласился, кивнув, Тробноп, – мы можем отправиться прямо сейчас.

С этими словами он встал с кресла и проводил нас с Занзаламом к выходу из кабинета. К счастью, я заранее взял с собой свои инструменты, посчитав, что они мне сразу же пригодятся. Мы вышли из главного здания Университета и направились вверх по склону.

– Скажи, Гавилан, тебе действительно семнадцать лет? – спросил меня по дороге Тробноп.

– Да, – ответил я.

– Поразительно, – сказал летописец. – В таком молодом возрасте ты уже охотник. Обычно в это время городские подростки только заканчивают учебу в школе, а у тебя уже, насколько я помню из рассказов Занзалама, есть двухгодичный опыт работы в следственной службе Пирограда. Занзалам на пару лет тебя старше, но он не выглядит взрослее.

– Надеюсь, я не состарюсь так же быстро, как вырос, – пошутил я. Тробноп улыбнулся и показал рукой на огромней-

шее каменное сооружение, украшенное большими резными статуями, подпирающими массивные стены. Честно говоря, внешний вид здания напомнил мне гигантский гроб с окошками.

– Вот библиотека Университета, – сказал он. – Сейчас она закрыта. Видишь ли, раньше библиотека была открыта круглосуточно, но после появления чудища мы стали закрывать ее на ночь. Ночных дежурных мы пока освободили от обязанностей.

– Чудище появляется только по ночам? – спросил я.

– Да, – ответил Тробноп. – Студенты, конечно, воспротивились, ибо им часто и любое время нужны учебники и фолианты старых времен, но, к моей глубокой печали, в данный момент я не могу им позволить встретиться с монстром. Кто знает, на что он способен... Сейчас, во время каникул, пока большинство студентов в разъездах, мы вообще держим библиотеку запертой.

Мы подошли к библиотеке. Морской бриз доходил до вершины утеса и окутывал нас ароматом свежей соленой воды. Тробноп достал из кармана мантии ключи и открыл дверь в библиотеку. Из недр библиотеки сразу же потянуло запахом пыли и старых книг. Примерно такой же запах, только во много раз слабее, царил в пирогоградских библиотеках. Конечно, никакая тамошняя библиотека не могла сравниться с огромными царствами библиотек верселльских.

Я зашел в библиотеку и огляделся. Несмотря на большие

окна, в помещении было немного сумрачно. Практически сразу за столом учета, где должен был сидеть дежурный, начинались длинные линии книжных шкафов, иногда прерывающиеся столиками для читателей. Ко многим шкафам были приставлены лестницы, позволяющие достать книги с самых высоких полок. Занзалам с Тробнопом меня не обманули, потолки действительно были высокими, примерно в три-четыре человеческих роста. Я обошел весь этаж, особенно приглядываясь к углам между полом и стеной, но ничего не обнаружил.

– Не знаю, есть ли что-нибудь на этом этаже, но почему-то все преступления происходили наверху, – заметил Тробноп.

Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Других этажей не было, но мне бы хватило и этого. Второй этаж был еще выше первого, окна здесь были намного шире, все читательские столы стояли по периметру этажа, а огромные шкафы лабиринтом закрывали центр просторного зала.

– В библиотеке устроена довольно сложная система лампового освещения, – рассказал кафедральный мастер. – Все сделано для удобства студентов, которые могли без проблем пользоваться нашими книгами в любое время суток. Сейчас мы все равно включаем на ночь свет, но делаем это все реже и реже.

Я обошел и этот этаж, но около стен ничего не заметил. Зато у одного из шкафов я нашел нечто интересное. Это был кусок корешка от книги «История др... ира во времен...

гии», ну или по крайней мере так мне говорил этот корешок. Рядом была разбросана белый порошок. Взяв немного порошка в руку, я понял, что это были страницы книги. Вернее, когда то были. Вряд ли я смог бы об этом догадаться, будь я не в библиотеке.

– Поразительно, – прошептал я. – Ни одно чудище так не перемалывает свою пищу. Обычно они сразу глотают. Но зачем чудищу понадобились именно книги? В чем польза от бумаги его организму? Старая бумага сухая и не содержит никаких питательных веществ.

Я посидел еще немного и поразмышлял. В этот момент ко мне подошли Занзалам с Тробнопом. Тробноп сильно расстроился, увидев груды мусора рядом со мной.

– О боги! – воскликнул он и в отчаянии прижал руки ко лбу. – Эра Драстагии утеряна для нас! Это была такая замечательная книга с полезными фактами.

– Мастер, – ответил Занзалам, пытаясь успокоить наставника, – возможно, кто-нибудь из наших студентов хорошо помнит эту книгу и сможет ее восстановить, пусть и не до конца, но хоть как-то...

Тробнопа это не сильно обрадовало. Было видно, как он горюет о потере, причем она была для него не первой, а возможно, и не последней.

Я достал из бокового кармана сумки пустой флакончик, откупорил крышку и ссыпал горсть перемолотой бумаги в него. Несколько бумажных пылинок достаточно заметно

впились мне в руку, словно занозы, и это навело меня на мысль.

– Скажите, у вас в библиотеке все каменное? – спросил я.

– А что ты хочешь? – спросил Занзалам.

– Есть какие-нибудь деревянные части?

– Да, – ответил, шмыгнув носом, Тробноп. – Вентиляционные выходы делали из дерева, так как металл стоил слишком дорого во времена строительства, на этом решили сэкономить. Некоторые архитектурные украшения, к слову, так же сделаны из дерева.

– Вроде я не видел ни одно испорченное украшение, – сказал я. – Наверное, их чем-то обрабатывали.

– Все украшения обильно облиты лаком, – ответил мастер. – Поэтому они такие темные и гладкие. Вентиляцию не видно, поэтому, я так думаю, никто особенно не утруждался ее отделкой.

– Хорошо, – кивнул я. – Где на этом этаже находится вентиляция?

Когда мы подошли к вентиляционному люку, я понял, что мои догадки подтвердились. Люк был наполовину изрезан и выглядел так, будто из него выпилили круг, а потом края получившейся дырки хорошо отшлифовали. Все вокруг было покрыто тончайшем слоем крошечных опилок.

– Отлично, – сказал я. – Похоже, наше чудище обожает древесину.

– И что это дает? – спросил Тробноп.

– Пока не знаю, – ответил я. – Я читал про древней, дриад и других лесных чудищ, но чудищ, жрущих дерево, я не встречал нигде. Но, похоже, все-таки придется встретиться. Надо подготовиться к этому.

Я еще раз оглядел этаж библиотеки. Подняв глаза к потолку, я заметил рельсы, проходившие между огромными люстрами.

– А что это? – спросил я, показав на рельсы.

– Система транспортировки книг, – ответил Занзалам. – Тут где-то должен находиться подъемник. Новые книги кладутся в подъемник, все это тянется за трос и поднимается на нужную высоту, к той полке, на которой ты эти книги хочешь расположить. Это намного проще и быстрее, чем ставить книги на полки поодиночке с помощью лестницы.

– А подъемник выдержит меня? – спросил я.

Занзалам хитро прищурился.

– Подъемник выдерживает гору книг, – ответил он, ухмыляясь. – Как думаешь, выдержит ли он мелкого парня?

Мы нашли подъемник. Это была довольно большая клетка с узкими решетками, к верхушке которой был привязан трос, перевешенный через колесо, закрепленное на рельсе. Другой конец троса был привязан к крюку на стене.

Мы развязали трос и опустили подъемник. По размерам я вполне подходил, но сидеть там можно было, только согнувшись.

– Отлично, – сказал я, хлопнув Занзалама по плечу. – Я

сяду сюда и посижу здесь ночью. Надеюсь, мне повезет, и я увижу монстра.

– Ты действительно хочешь просидеть всю ночь внутри? – удивился Тробноп. – Не слишком ли это опасно?

– Вряд ли, – ответил я. – К тому же, моя работа все равно предполагает наличие опасности.

Было решено в эту ночь оставить меня в подъемнике. Мы сходили в город пообедать, и ближе к вечеру снова пришли в библиотеку. Я сел в клетку, Тробноп и Занзалам потянули трос и подняли меня под потолок, выше шкафов, после чего привязали трос к еще одному крюку в стене библиотеки. Меня разместили примерно в центре этажа, напротив вентиляционного выхода, чтобы я мог заметить появление чудища и следить за ним, куда бы оно ни пошло. Тробноп пообещал оставить освещение в библиотеке и придти к утру. Когда они спустились, я услышал внизу щелчок, и вдруг все люстры разом вспыхнули ярким светом масляных ламп. Я достал блокнот и графитную палочку и стал ждать захода солнца.

Лучи задевали края библиотечных окон, выглядывая с западной стороны, но с каждой минутой их становилось все меньше и меньше. Над колышущимся вдалеке морем повис растущий месяц. Следом за ним появился еще один, убывающий, меньше размером, но не менее яркий. Каждую ночь жители Телехии наблюдали две луны. Они уменьшались и росли в противофазе, и именно под их размер были придуманы месяцы. Словно заколдованные, луны четко определя-

ли время года и жизнь в мире. Еще давным-давно им приписывали странные события, происходившие в Телехии. Названы они были тоже странно, по крайней мере, для меня – Мачеха и Падчерица. Мачехой называлась бóльшая луна, которая, по поверью, приносила несчастья, а Падчерицей – луна меньшая, предвещавшая добрые вести. Раз в месяц, когда Мачеха была полной, Падчерица полностью пропадала с неба, и люди старались сидеть дома, ибо в ту ночь совершались преступления. Говорили, что в ночь Мачехи демоны вылезали из глубин подземелий и забирали людей с собой в пылающие недра, где над несчастными издевались до скончания веков. В ночь Падчерицы, наоборот, народ выходил на улицы и праздновал полнолуние до наступления рассвета, отмечая победу доброй луны хлопучками, парадами, играми и, естественно, большим пиром. День равнолуния же, когда Мачеха и Падчерица одинаково светили на небе, означал смену месяца. Ночь Мачехи приходилась на середину первого месяца времени года, а ночь Падчерицы – на середину второго. Сейчас подходила к концу весна, и Мачеха начинала заметно расти, как росло сейчас мое напряжение.

Мои мысли о лунах прервал шорох, доносившийся, как и ожидалось, со стороны вентиляции. Я повернул голову в ту сторону и заметил какое-то мелкое существо золотисто-белого цвета, которое осторожно, но довольно резво бежало к книгам, причем как раз туда, где висел я. Я немного испугался, предположив, что меня обнаружили, но существо

подбежало к соседнему от меня шкафу и стало ковыряться в книгах.

Я мог хорошо разглядеть это чудище, которое и чудищем-то не казалось. Внешне оно напоминало кролика с пушистым длинным лоснящимся мехом, только без ушей. Глаза были черные и сильно вытаращенные, практически вываливающиеся из орбит. Задние лапки были мощные, как у настоящего кролика, возможно, зверек умел хорошо бегать и прыгать. Передние лапы имели более развитые пальцы, явно не как у обычных животных – очевидно, что монстр владел мелкой моторикой. Я незамедлительно стал записывать свои наблюдения в блокнот, при этом «кролик» как раз подтверждал мои мысли, взяв лапками книги и осматривая ее со всех сторон, переворачивая страницы и разглядывая обложку.

Пока что ничего не показывало на то, как крошечный монстр раздирал книги. Я решил не ждать и проверить слух животного. Я слегка постучал графитной палочкой по дну клетки, в которой сидел. Монстр отложил книгу и стал оглядываться, посматривая из стороны в сторону в поисках источника опасности. Я записал в блокнот «обладает средним слухом – может слышать звуки, но не может определить место, откуда они доносятся». Пока я это писал, мой наблюдаемый расслабился и снова взял книгу в лапы, принявшись к ней своим маленьким черным носиком.

Я стал его зарисовывать, поглядывая то на страницу блокнота, то на чудище, заодно пытаюсь придумать название для

этого, безусловно, нового вида чудищ. Неожиданно для меня «кролик» распахнул пасть неестественно широко. От такого вида я даже перестал писать, полностью переключив внимание на сцену, происходящую внизу. Из раздвинутой пасти монстрика вылез длинный костяной язык, покрытый зубами, расположенными спиралью, словно странная круглая пила. Кончик языка был заметно расширен, в центре открылось какое-то отверстие, наверное, настоящая пасть. Язык стал делать поступающие движения, дергаясь туда-сюда из пасти чудища, все быстрее и быстрее, а потом начал с нарастающим треском крутиться. Монстр, не двигаясь, направил передними лапками книгу прямо к беснующемуся языку. Соприкоснувшись, книга издала жуткий визг, какой слышится, когда пилят дрова, и стала постепенно пропадать в пасти чудища. Крошки от остатков страниц сыпались из пасти вниз, образуя горочку. Оставив в лапах лишь часть обложки, монстр отбросил ее, и его язык стал замедляться, пока совсем не остановился. Его рот сладостно причмокнул и закрылся. Язык втянулся обратно вовнутрь чудища и его внешняя пасть тоже закрылась. «Кролик» еще раз огляделся во круг и засеменял обратно к вентиляции.

Я ошеломленно смотрел ему вслед, пока он не свернул за угол, где я его уже не мог видеть. Ничего подобного я действительно никогда не видел и не читал ни в одной книге. Ручка с графитом потянулась к верхней части исписанной страницы блокнота и написала там большими буквами название

нового существа – «термитоид».

Пожалуй, такое название, хоть и никак не соответствовало внешнему виду чудища, вполне показывало его реальную природу. Я сделал еще несколько пометок, которые уместились только на другом развороте страниц, и сложил вещи на полу клетки. Устроившись поудобнее, насколько это было возможно в таком тесном пространстве, я задремал. Больше в эту ночь чудище не приходило, и в полудреме я провел остаток ночи, пока внизу не послышался звук отпираемых дверей.

Поднявшийся по лестнице Тробноп первым делом подбежал к свежей горке опилок. Схватив останки обложки, он с горечью воскликнул:

– О нет! Единственные в своем роде сочинения Дезидия Триумфального! Это же одна из гордостей нашей библиотеки! Пропала такая книга!..

– Что же ты не сохранил книгу, Гавилан? – спросил подошедший Занзалам.

Я сначала было опешил, но потом ответил:

– Во-первых, это неизвестное чудище, не описанное ни в одном бестиарии, и неизвестно было, что от него ожидать. Ну а во-вторых, в любом случае я бы не смог спуститься вниз, потому что я заперт в подъемнике.

Занзалам ойкнул и поспешил к крюку с привязанным тросом. Тробноп все еще сокрушался над книгой, но, заметив краем глаза своего возящегося с узлом студента, быстро на-

правился к нему. Ругать его за глупую самодостаточность, которая могла бы привести к разрушению подъемника вместе со мной, он не стал, и стал помогать. Он беззвучно шевелил губами, и нетрудно было догадаться, что это из-за уничтоженной книги и быстро это не пройдет.

Когда клетка опустилась и дверца отперлась, я вылез, на ходу доставая записи. От моего рисунка у обоих летописцев чуть глаза на лоб не полезли.

– погоди, Гавилан! – то ли посмеиваясь, то ли ужасаясь, сказал Занзалам. – То есть ты хочешь сказать, что безухий кролик, которого ты назвал «термитоидом» – это и есть то самое чудище, поедающее книги?

– Именно так, Занзалам, – ответил я. – В принципе, ничего особо странного я не вижу. Кролики же грызут кору деревьев, стачивая ее в опилки, так и термитоид, внешне на него похожий, поедает книги, страницы которых изначально были деревьями.

– В словах Гавилана есть смысл, – вмешался Тробноп, додумывая мысль. – За все время пребывания в библиотеке чудище ело лишь бумажные книги, не трогая фолианты из пергамента или льна.

Я продолжил:

– Станным выглядит способ питания. Рот выглядит так, как будто совсем не относится к самому чудищу. Я надеюсь, что в следующую ночь термитоид снова придет в библиотеку, и я его убью. Тогда можно будет поподробнее рассмотреть

реть строение его тела. Кроме длинного рта-дрели, атакующих частей я не увидел. Ноги, правда, у него сильные, поэтому в случае чего он наверняка будет пытаться убежать.

– Тебе нужна будет помощь, Гавилан? – спросил кафедральный мастер.

– Мне нужен весь день, – ответил я. – Я буду готовиться к следующей ночи. Возможно, мне понадобятся некоторые механические детали или обрезки тканей, возможно, какие-то травы. Я, конечно, многое взял с собой, но чего-то вполне может не оказаться.

– Хорошо, Гавилан, – кивнул Тробноп. – Если ты будешь в чем-либо нуждаться, спрашивай меня, я постараюсь помочь.

– Я тоже, – поддержал Занзалам.

– Спасибо, – ответил я, – спасибо за сотрудничество. А теперь, если позволите, я отправлюсь в трактир. Кстати, не подскажете, где находится ближайший?

Занзалам махнул рукой в сторону юго-запада.

– Вот там есть хорошая таверна, называется «Пухлый бо-чонок». Ты его ни с чем не перепутаешь, это здание отличается от других своей, так сказать, архитектурой.

Я посмотрел в сторону, указанную товарищем, заткнул вещи за ремни и пошел вдоль склона. Когда я уходил, ветер донес мне частичку разговора Занзалама со своим учителем:

– Мастер, почему вы не рассказали об охотнике ректорату?

– Ректорат нам с самого начала ничем не помогал. К тому

же, если Гавилан не справится, то мы можем оказаться в еще более худшем положении, как ненадежные люди...

Занзалам не обманул меня, здание таверны я нашел сразу. В отличие от статных каменных домов Верселлии, таверна «Пухлый бочонок» при первом же взгляде напоминало не что иное, как пухлый деревянный бочонок пива. Я нащупал рукой карман с кошельком, оценивая его объем (я взял с собой не все деньги, которые привез – часть оставил в комнате Занзалама), и вошел в дверь, сопровождаемый ярким звоном колокольчиков, висящих на входе.

Нестандартный вид таверны был хозяевам только на руку. В центре стояла барная лавка, огибающая узкую винтовую лестницу, ведущую как наверх, на кухню, так и вниз, в погреб. Вокруг лавки стояли высокие стулья, за которыми сидели завсегдатаи таверны, сжав в кулаках большие берестяные кружки с пенящимся элем. Вокруг, несмотря на кажущееся небольшим пространство, стояло бесчисленное количество столиков, рассчитанных на любую группу людей – от скучающих одиночек и влюбленных пар до огромнейших веселых компаний. С ребристого потолка свисали разноцветные стеклянные шары, выполняющие роль светильников. Благодаря им убранство таверны ежесекундно играло новыми красками.

Я сел в центре, заказав обед. Остальные посетители, занимавшие окружность лавки, с некоторым удивлением взглянули на меня, видимо, не ожидая, что человек, устроивший-

ся за барной лавкой, будет заказывать что-то кроме выпивки. Однако они успокоились, когда увидели, что помимо первого и второго мне принесли бутылку рома, склянку с крапивной настойкой и маленькую рюмку местного самогона, и заодно яблоко на закуску.

– Надолго, – понимающе кивнул сидящий по соседству от меня дедок, глянув на мое меню. – Уважаю.

Больше внимания на меня никто не обращал. Суп с жарким, которое было мне подано, я съел, а вот алкоголь оставил, зажав все стеклянные емкости своими нагрудными ремнями так, чтобы они не свалились при ходьбе. Самогон из рюмки я аккуратно перелил в свою флягу, предварительно допив оставшуюся там воду. Поблагодарив хозяина таверны, я оставил ему плату вместе в порядочными чаевыми и, припрятав оставшееся яблоко за пазухой, вышел. Честно говоря, я ожидал какой-либо драки, ибо появление незнакомца, да еще и в нехарактерной для города одежде, легко могло спровоцировать самых активных и пьяных «жителей» таверны.

Занзалам сидел у себя в комнате, когда я вернулся. Было похоже, что он скучал, потому что он очень обрадовался, увидя меня в дверях.

– Быстро ты пришел, Гавилан! – воскликнул он, распахнув руки. – Ну, как тебе таверна? Извини, что с тобой не пошел, но я перед этим уже плотно позавтракал.

– Да ничего, – ответил я. – А теперь прости, но в твоей комнате будет вонять.

Занзалам рассмеялся во всю ширь своего рта.

– Не думаю, что ты провоняешь тут больше, чем это бывает после окончания сессии, – хихикая, сказал он и вытер слезы с уголков глаз. – А вообще мне интересно, чем ты собрался заняться?

– Перегонкой, – усмехнулся я, доставая бутылки из ремней.

Я придвинул к себе несколько трубок, которые лежали в груди моих вещей, и вытащил горелку. Спичками я поджег фитиль горелки, смоченный в масле. После этого я вскрыл бутылку с ромом, вставил в горлышко один конец трубки, а другой конец воткнул в мензурку. Саму бутылку я подставил над огнем. Спустя время ром закипел, и спирт начал выпариваться из него. Когда мензурка заполнялась, я моментально заменял ее новой. Таким образом, от рома у меня набралось шесть мензурок спирта. В роме осталось только очень густая сахарная патока. После выпаривания рома я проделал то же самое с настойкой, оставив на дне склянки лишь крапивную эссенцию.

Я надеялся на сходство термитоида с кроликом, поэтому и использовал ром. Кролики любят сахар – тростник, смородину, фрукты. Сахарная патока привлекла бы внимание кролика, а значит, может привлечь и термитоида. Среди своих ингредиентов я вытащил сухую толченую белену, высыпал ее на широкую посуду и смешал с патокой, после чего достал яблоко и выжал сок в получившийся порошок. В конце я со-

брал полученную сладкую массу в банку. Если все пройдет как задумано, то термитоид найдет смесь, наестся ее и потеряет сознание, или хотя бы перестанет ориентироваться в пространстве.

С крапивной настойкой все было немного по-другому. Я разбил склянку вместе с крапивной эссенцией в другой посуде и добавил туда немного пороха. Полученную смесь я равномерно закинул в свои бомбы, в довершение осторожно накапав туда мерку нитроглицерина.

Бомбы были в какой-то степени моей гордостью. Я сам придумал скромный ударный механизм, используя действие огнива. При нажатии на небольшую кнопку с небольшой задержкой отпускался кремневый рычажок, который, стуча по металлической наковальне, выбивал искру внутри бомбы. Обычно мои бомбы содержали порох и нитроглицерин, которые даже по отдельности могли неплохо бабахнуть, а вместе представляли собой опасную гремучую смесь. Для собственной безопасности стенки бомбы я придумал уплотнять мягкими амортизационными стенками, чтобы взрывная смесь не сработала от случайного движения. Таким образом, мои бомбы были очень маленького размера, но вместе с тем несли поистине разрушительную мощь.

Бомбу для термитоида я решил сделать особенной. Неизвестно, что ожидать от кроликообразного чудища, учитывая увиденную мной прыткость монстра, поэтому на всякий случай неплохо было бы убавить его резвость. Крапива обладает

згучим эффектом за счет веществ в своем соке, а в эссенции этот эффект многократно усилен. Но у самой крапивы есть острые иголки, наносящие маленькие ранки, куда может проникнуть сок, поэтому мне нужна была какая-то замена, например, битое стекло. К тому же, разлетаясь во время взрыва с огромной скоростью, стекло может не только просто поранить.

Конечно, я мог бы использовать обычные фрукты с рынка или крапиву, растущую вдоль дорог. Вот только это оказалось бы себе дороже – выжимать в концентрат свежие растения заняло бы больше времени, да и рынок был далеко не самым безопасным местом в городе. А так у меня получилось еще и сытно пообедать.

– А что ты будешь делать с перегонкой? – спросил Занзалам.

– Мне оно не нужно, – ответил я. У меня уже был самогон во фляге. Я не был уверен, что термитоид не окажется ядовитым, поэтому, если он меня ранит, необходимо иметь хоть какое-то противоядие. Самогон является универсальным дезинфицирующим средством против большинства слабых и некоторых сильных ядов. Конечно, от всех отрав он меня не спасет, но я не знаю конкретного яда термитоида, поэтому ничего лучшего мне не оставалось. Перегонка из рома и настойки, конечно, тоже сгодилась бы, но она была уж слишком вонючей. – Можешь взять себе, если хочешь. Как раз понадобится после следующей сессии, – я улыбнулся.

Занзалам взял пустую бутылку из-под рома.

– Можно? – спросил он.

– Бери, – ответил я.

Почти профессиональным движением он перелил спирт из моих мензурок в бутылку, закрыл ее и спрятал под кроватью.

Я распределил свои инструменты по ремням. Бомбы я подвесил за пояс, прикрыв кнопки специально приделанной защитной плашкой во избежание случайного нажатия. К правой руке я привязал щиток, закрыв руку до локтя. Потом я взял свой меч – метровый клинок, обернутый полотном, развязал, проверил лезвие, подправив остроту небольшим точильным камнем, и вытащил из сумки складные ножны. Ими я не часто пользовался, так как в длительном походе ножны только мешались, но в бою они были явно удобнее постоянно запутывающихся тряпок. Меч я повесил за спину, на правую сторону, чтобы его было легко доставать, но при этом он не мешался сумке. В карманах сумки уже лежали необходимые мне вещи, поэтому я просто повесил ее через плечо чуть позади левого бока. Я проверил все снаряжение, подергал меч, свободно ли он вынимается, после чего встал ровно перед Занзаламом.

– Я готов, – сказал я.

Занзалам обернулся к окну.

– Как раз вечерет, уже Падчерица видна, – согласился он. – Пошли, встретимся с мастером Тробнопом.

Тробноп уже ждал нас у дверей своей кафедры, постукивая каблуком туфли от нетерпения.

– Поразительно, Гавилан, – сказал он, глядя на мое обмундирование. – Признаться, правда, сначала я думал, что ты избавишься от чудища еще в первый день, но после этого разум вернулся ко мне, и я решил, что ты будешь разбираться с ним по крайней мере неделю. Хотя, если уж продолжать говорить правду, наши следователи решают дела еще дольше.

– Мастер-летописец, за день расправиться с неизвестным чудищем мне бы представилась возможность разве что благодаря огромной удаче, – ответил я. – Даже сейчас я не до конца уверен в своих силах, и все мои приготовления большей частью основаны на предположениях.

Тробноп задумался.

– Ну что ж, – наконец сказал он, задумчиво подперев рукой мохнатый подбородок. – Все-таки человек не всесилен. Даже такой, как охотник на чудищ.

Я слегка смутился и пробормотал:

– Ну, я отнюдь не силен... Однако я стараюсь.

– Это главное, Гавилан, – согласился с моими словами ученый. – В любом деле на первом месте всегда стоит стремление приложить все свои усилия на достижение цели. Даже если цель не будет достигнута именно тобой, твой след в истории все равно останется, яркий и заметный. Студентам такое стремление тоже важно, – он кивнул в сторону Занза-

лама. – Ведь учеба, хоть и кажется просто учебой, на самом деле тоже являет собой достижение высокой цели тем, кто учится, даже если цель уже достигнута человечеством.

Я выглянул в окно коридора. Уже по-летнему чистое небо заняли луны – уменьшающаяся Падчерица и растущая Манеха, которая смотрелась больше своей соседки. Луны озарял оранжевый солнечный свет, предвещавший скорое наступление ночи. По виду уже было начало шестнадцатого часа. К лету день увеличивался, и совсем скоро темнеть начнет очень поздно, чуть ли не в полночь.

– Пора, – сказал я.

– Да, пора – кивнув, согласился Тробноп.

Библиотека была озарена лунами, отражающими солнечные лучи. Из-за того, что ее освещение было выключено, выглядело здание зловеще, еще больше навевая сходство с гробом. Дверь тихо скрипнула, поддавшись толчку Тробнопа, который, зайдя за учетный стол, нажал выключатель, и лампы моментально зажглись ровным уютным светом.

– В этот раз я обойдусь без клетки, – сказал я. – Спрячусь где-нибудь. У термитоида со слухом не очень хорошо, с обонянием, как я понял, тоже.

– Мы больше не нужны? – в голосе Занзалама звучали одновременно и огромное желание помочь или хоть как-то приобщиться к интересному делу, и страх перед неизвестным чудищем, которое вполне могло бы сгрызть студента как книгу.

– Нет, спасибо, дальше я справлюсь сам, – ответил я. На лице Занзалама промелькнуло облегчение. Нет, все-таки он – не тот человек, который мог бы встретиться с опасностью лицом к лицу, пусть даже работа летописца косвенно с этим связана.

Мастер-летописец Тробноп ничего у меня не спросил, он лишь кивнул мне в знак одобрения и вышел из библиотеки. Вслед за ним вышел и Занзалам. Послышался скрежет проворачивающегося в замке ключа и я снова остался заперт в библиотеке на целую ночь.

В этот раз времени было не так уж и много. Необходимо было расставить приманки по полу. Я вытащил банку с патокой. Решив, что слишком близко к вентиляции приманку лучше не разливать, чтобы не вызвать лишних подозрений у термитоида, я поднялся на второй этаж библиотеки и дошел до середины. Здесь я вылил немного сладкой смеси, чтобы образовалась небольшая лужица, далее прошел с банкой мимо шкафов к стене, создав узенькую сладкую тропинку. У самой стены я вытряс остатки. Надеюсь, зверь дойдет сюда, не отвлекаясь на книги.

Пустую банку я плотно закрыл крышкой и убрал обратно за ремень. Больше она мне не понадобится. Я вытащил меч из ножен, еще раз проверил лезвие и заодно оглядел бомбы. Теперь надо найти более-менее подходящее укрытие, чтобы спрятаться. Не найдя никакого укромного места, я просто взял читальный стол, сдвинул его немного поближе к поме-

ченной стене и опрокинул набок, а сам присел за ним.

Внутри меня немного пробежал холодок. Не знаю чего именно, но я побаивался. Был ли это страх перед боем с неизвестным доселе чудищем, или страх возможной смерти? Возможно, хотя мне казалось, что самым большим страхом на тот момент была боязнь того, что термитоид сегодня вообще не появится в библиотеке.

Однако мои опасения, к счастью, не подтвердились. Едва город окутала тьма, из вентиляции послышался шорох. Я ждал, не выглядывая, чтобы не спугнуть монстра раньше времени. Похоже, что термитоид заинтересовался недоеденной канализационной крышкой. Это было плохо, подумал я. Термитоид может наестся этой самой крышкой и до книжных шкафов попросту не дойдет.

Внезапно умеренную ночную тишину прервало радостное верещание. Мне оставалось лишь догадываться, что чудище наткнулось на мою приманку. Действительно, судя по шуршанию и топоту маленьких пушистых лапок, зверь мчался по паточной дорожке прямо на стену, облитую отравленной смесью. Видимо, термитоид все-таки имел приблизительно то же происхождение, что и кролик. Интересная заметка, но записать ее сейчас у меня не было возможности.

От стены с гулким эхом раздалось жужжание. Я осторожно выглянул из-за стола. Термитоид сидел, повернувшись ко мне спиной в три четверти и высунув свой длинный безобразный рот. Он, весело и увлеченно жужжа зубами-буром,

грыз сладкую кашницу. Решив, что он меня не заметит, я вышел из укрытия, держа меч наготове. Я почти было склонился над ним, занеся клинок, но тут термитоид моментально втащил рот обратно в свою пасть и быстро развернулся ко мне.

Я сразу же опустил меч на монстра, но тот резво отпрыгнул в сторону. Его немного качнуло, похоже, белена все же чуть-чуть подействовала на него. Термитоид яростно заверещал, его пасть снова распахнулась со всей силы, и оттуда, ужасно гудя, выскочил страшный коловорот. Термитоид понесся на меня со всей своей кроличьей прытью, но я успел отскочить от направления его рывка, попутно подсекая его мечом. Термитоид снова увернулся от удара, скользя по лакированному полу библиотеки. Он встал на задние лапы, и на его брюхе я заметил еще две маленькие лапы, оканчивающиеся широкими подушечками. Термитоид взвизгнул, и с этим визгом вскинул подушечки. Я скрылся за столом. С диким свистом, прорезая воздух, в стол вонзились две толстые иглы, выйдя с моей стороны на пару сантиметров.

– Ах ты, паршивец! – воскликнул я с досады. Такого я не ожидал. Теперь же я знал, что термитоид умеет метать иглы с силой, способной пробить хорошую броню. Правда, на мне вообще не было никаких доспехов, разве что щиток на руке, но здесь он явно был бесполезен.

Я присмотрелся к кончикам игл. Они были сухие, но с глубокими бороздками. Похоже, иглы не были ядовитыми, а

бороздки были необходимы для уменьшения веса игл и увеличения скорости полета.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове за миг. В следующее мгновение, убедившись, что больше игл на меня не полетит, я кувыркком выпрыгнул из-за стола. Термитоид уже несся на своих мощных лапах к своему спасению – вентиляции. Я отдернул защитную планку на поясе, вытащил бомбу и, нажав кнопку, бросил ее в сторону вентиляционной крышки. Бомба ударилась об стену чуть выше выхода и отскочила прямо под подбежавшего монстра. Я снова спрятался за стол и тут же раздался взрыв.

Термитоид завершал. Выглянув из укрытия, я увидел, как он катается по полу вдоль стены в неудержимой агонии. Множество стеклянных осколков врезалось в его тело, и весь белый пушистый мех термитоида порозовел от его собственной крови, собравшись во влажные комки. Крапива жгла его тело, причиняя невыносимые страдания чудищу. Катание не приносило никакой пользы, напротив, осколки только глубже впивались в мясо. Ужасный рот термитоида ходил взад-вперед, беспрестанно удлиняясь и укорачиваясь, зубы, расположенные на нем спиралью, шатались в разные стороны от гнева, безумия и беспомощности. Крик зверя переходил в рев, рев – в жалостливый визг, и все это смешивалось с шумом топота отталкивающихся от пола лап и скрежета стекол о библиотечную плитку. Пол, где катался термитоид, сам стал багряного цвета. Рефлекторно, в порыве ненависти, тер-

митоид вытащил свои скрытые лапки. Я поспешно укрылся за ближайшим книжным шкафом, посчитав его более крепким, чем стол. Мимо меня прорезали воздух, синхронно звеня, две иглы. Потом еще две. Следующая пара врезалась в шкаф, за которым я стоял, с оглушительным стуком, будто в него со всей силы забили молотком длинные толстые гвозди.

Я поразился тому, сколько игл хранится в теле термитоида. Пока мимо меня свистели снаряды чудища, я старался насчитать их количество. Получилось, что за это время термитоид выпустил с двух лап порядка двадцати игл.

Наконец, выстрелы прекратились. Я осторожно выглянул из шкафа. Термитоид кое-как образумился и теперь еле-еле ковылял к спасительной дырке. Одурев от боли и жжения в ранах, усиленных опьянением от съеденной белены, он не обращал внимания ни на что вокруг, идя прямо к своей цели. Не видел он и меня, подбежавшего к нему. Быстрым и легким движением я снес термитоиду голову и тут же отпрыгнул от неожиданности, потому что все мышцы монстра после смерти расслабились и из пасти вылез во всю длину, конвульсивно дергаясь в разные стороны, ужасный зубастый рот-дрель чудища. Кровь потекла из шеи монстра, однако не слишком сильно, так как значительная часть уже вытекла из многочисленных ран на его тушке.

Я достал резиновую перчатку и, надев ее, обмакнул палец в образовавшуюся красную лужу. Ничего с перчаткой не произошло, значит, кровь термитоида не являлась кислотой.

Но она все равно может быть ядовитой, поэтому я на всякий случай вытащил из сумки пробирку и забрал немного крови прямым из раны. Также я взял с собой одну из игл, убрав ее за один из ремней. Вспомнив про иглы, я заглянул под тушку термитоида, осмотрев его внутренние лапы. Действительно, под подушечками скрывался целый мешок, где росли иголки. Чуть выше мешка находилось множество мелких мышц, очевидно, отвечавших за выстреливание этими самыми иглами. Сами лапки были довольно маленькими и компактными и в сложенном состоянии спокойно держались под брюхом чудища, не мешая его движению.

Я вытер перчатку, снял ее и убрал обратно в сумку, а потом сел за один из читательских столов. Я достал свой блокнот и начал записывать все, что узнал за сегодняшнюю ночь. К утру, когда снова послышался скрежет замков, у меня уже было готово несколько страниц с достаточно подробным описанием термитоида и способами охоты на него. Хотя сами записи еще требовали некоторых уточнений, я был доволен проделанной работой.

Когда Занзалам с Тробнопом зашли в библиотеку, я прочитал в их глазах некоторое удивление.

– И этот кролик жрал наши книги? – спросил Тробноп.

– Присмотритесь получше к кролику, мастер-летописец, – ответил я. – В особенности на голову «кролика».

Оглянувшись, летописцы ахнули.

– Ничего себе штукovina, – прошептал в ужасе Занза-

лам. – Как он так людей не ел... .

– Чудище само по себе пугливое, и люди не входят в его рацион. Да и атакует оно совсем не пастью, – сказал я, показывая иглу.

Тробноп осторожно взял иглу из моих рук и внимательно ее осмотрел.

– Поразительно, – восхищенно сказал он. – Это коготь?

– Это снаряд, – возразил я, – термитоид метал такие иглы. Эту я оставляю себе для исследований, но в библиотеке на полу и в шкафах осталось еще полтора десятка таких.

– А что делать с самим чудищем? – спросил Занзалам, не столько меня, сколько Тробнопа.

Тробноп вопросительно взглянул на меня.

– Тебе нужно тело чудища? – спросил он.

– Нет, – сказал я, – все, что мне было нужно, я уже забрал.

Кафедрального мастера этот ответ более чем удовлетворил.

– Занзалам, иди в университет за мешком, – скомандовал он. Занзалам тут же понесся вниз по ступеням, громко стуча ботинками, и хлопнул за собой дверь.

– Тебе еще что-нибудь нужно? – спросил мастер-летописец.

– Мне осталось лишь дополнить мои записи, – ответил я. – Пожалуй, я попробую догнать Занзалама.

– Тогда не буду тебя задерживать, – кивнул Тробноп.

Я встал из-за стола, собрав все свои вещи, и спустился по

лестнице. Оглянувшись назад, я увидел, что летописец пошел к шкафам и, сокрушаясь по поводу каких-то поврежденных фолиантов, начал ощупывать иглы, воткнутые в полки. Решив более не задерживаться в библиотеке, я вышел в вестибюль и направился к входной двери.

Открыв дверь, я немного отпрянул от внезапного порыва свежего воздуха, прилетевшего с моря. Стремительный солоноватый бриз прошиб мне нос, взбодрив меня после бессонной ночи. Вспоминая дорогу к университету, я пошел навстречу поднимающемуся солнцу, которое уже начало нагревать городскую дорожную плитку по-настоящему летним жаром.

Занзалам любезно предоставил мне свою комнату для моих исследований, уйдя гулять на целый день. За это время я успел убедиться с помощью нехитрых химических опытов в том, что термитоид не обладает никаким известным ядом. К тому же обнаружилось, что кровь чудища обладает плохой свертываемостью. Данное открытие меня вдохновило. Если кому-либо из охотников встретится еще термитоид, то для его убийства вполне хватит даже одной раны, которая станет смертельной для монстра.

Полученные знания я кропотливо записал в свои заметки, после чего правильно сложил все записи вместе. Рукопись я бережно упаковал в сумку, положив осторожно, чтобы не повредить тонкий и нежный пергамент.

– Что будешь дальше делать с записями? – спросил меня

голос Занзалама, внезапно зашедшего в комнату. От неожиданности я вздрогнул и чуть было не упал на свою же сумку.

– Не пугай меня так, – сказал я. Занзалам рассмеялся.

– Да ты что! – гоготнул он. – Охотник на чудищ испугался студента-летописца? Никогда не поверю! Так что, – он наклонился ко мне, – что дальше-то, Гавилан? Вернешься обратно в Пироград или останешься в Верселлии? Отметить вместе каникулы или тебе уже пора отправляться?

– Не знаю, – честно признался я. – Я как-то не особо задумывался об этом. Но оставаться тут без дела я точно не буду. Знаешь, – я взял сумку в руки, открыл ее и стал доставать рукописи, – может, ты возьмешь себе на хранение? Я боюсь, что в моих странствиях с записями может что-то случиться.

Занзалам посмотрел на меня и мои листы и отодвинул мои руки.

– Нет, – ответил он, – я не возьму. Ты же меня знаешь, – он улыбнулся, подмигнув. – К тому же надо, чтобы ты написал свой собственный бестиарий. Пусть эти записи будут твоей первой главой в книге. Когда напишешь всю книгу, тогда я ее возьму и помещу в библиотеке, на самом видном месте, чтобы любой охотник на чудищ в будущем мог прочитать про удивительных монстров, встреченных Гавиланом, и узнать способы борьбы с ними.

– Спасибо, Занзи, – добродушно ответил я. Занзалам поморщился.

– Пожалуйста, не называй меня так, – сказал он. – Ты же

знаешь, что мне не нравится, когда меня так называют, Гави.

Теперь настал мой черед морщиться. Занзалам усмехнулся и протянул руку.

– Больше никаких «Занзи» и «Гави», идет? – спросил он, улыбаясь.

– Идет! – рассмеялся я и пожал ему руку.

– Знаешь, – продолжил я, зевнув. – Что-то я давно уже не спал.

Занзалам забеспокоился.

– Ох, конечно! – воскликнул он. – Я, пожалуй, пойду еще прогуляюсь, а ты отсыпайся.

– Спасибо тебе еще раз, – сказал я товарищу. – Ты за это время столько всего для меня сделал.

– А уж как много ты сделал! – возразил Занзалам. – При чем не только мне, а всему Университету. Ладно, – он встал с кровати, на которую только недавно присел, – я пошел. Спокойной ночи... Или дня, как тебе там удобнее... – Он снова улыбнулся и вышел из комнаты.

Сколько я проспал, я сам не знал. Мне казалось, что я пролежал всего ничего, однако Занзалам, растормошивший меня, охрипшим голосом сказал мне, что я спал около полутора суток. Слипшимися от долгого сна глазами я взглянул на него. Похоже, что пока я спал, Занзалам неплохо погулял, попробовав все известные ему способы проведения досуга, такие как выпивка и драки, что четко отпечаталось на его лице.

Занзалам с грохотом упал на кровать, слегка постанывая от бурно проведенных часов. В это время я, потирая чешущийся правый глаз, упаковывал вещи обратно по сумкам и карманам. В конце концов, я собрал все свои пожитки и устался на Занзалама.

– Ты что, уже уходишь? – простонал он, глядя на меня.

– Конечно, – ответил я. – Извини, но дальше наши пути расходятся. Тебе предстоит продолжить обучение, а я пойду путешествовать.

– Куда же ты собираешься? – спросил Занзалам, оперев рукой подбородок. Локоть соскользнул с кровати, и Занзалам полетел вслед за ним на пол.

– Я думаю посмотреть Энтерберг, – ответил я, поддерживая товарища под мышкой и помогая ему устроиться обратно на кровать.

– Лесное Убежище? Оно же глубоко в Энтеррском лесу, где полно всяких хищников и хрен знает чего еще! – удивился Занзалам.

– Именно поэтому я туда и хочу, – улыбнулся я. – В Энтеррском лесу наверняка полно чудищ. А где много чудищ, там много и работы для охотника.

– Вот оно как... Это... Гавилан... Можно мне тебя не провозить? – спросил Занзалам, пытаясь затащить свои ноги на кровать. Получалось у него не очень хорошо, но я был уверен, что к вечеру он как раз справится.

– Без проблем, – ответил я. – Я не обижусь.

– Куда мне писать, если вдруг что?

– Не переживай, я тебя сам найду, – сказал я и направился к выходу. Никогда не любил долгих прощаний, а наш разговор и так уже слишком затягивался.

– Счастливо, – сказал я довольно громким голосом и захлопнул дверь.

Немного подумав, я зашел на кафедру летописи. Как я и ожидал, Тробноп сидел там. Он был в окружении других профессоров, которые поздравляли его с убийством вредителя. Обезглавленная тушка термитоида лежала там же на столе, к ней подходили, осматривали и, цокая языком, снова шли к мастеру-летописцу. Заметив меня, Тробноп сразу же оставил своих коллег и подошел к двери.

– Спасибо тебе, Гавилан, за твою работу, – сказал он, роясь в карманах своей мантии. – Ты хорошо поработал, Университет будет вечно тебе благодарен, – с этими словами он вытащил из кармана позвякивающий мешочек и протянул его мне. – Вот. Здесь сто золотых монет. Конечно, это не стоит всех тех книг, которые были бы уничтожены, если бы ты не вмешался, но тем не менее такая сумма вполне серьезная.

Я старался не подавать излишней радости. Сто золотых – это сумма, на которую можно месяц питаться в дорогих ресторанах до отвала! Это жизнь в самых дорогих отелях, а не в дешевых общих лежанках! Это путешествия в карете, а не пешком! Наша семья, сколько я помню, в год зарабатывала порядка десяти золотых, и то мы считались зажиточными.

Корова тогда стояла, наверное, монет семь...

– Спасибо, – только и мог сказать я.

Тробноп словно прочитал мои мысли.

– Конечно, может, для тебя такая сумма огромна, – ответил он. – Но не забудь также, что тебя ждет далекий путь странника. Не забудь также, что охотник – это профессия непостоянная, и тебе не всегда будет хватать денег на жизнь. Будь готов ко всему, юный Гавилан, и в первую очередь к лишениям. Университет может позволить себе потратить такие деньги, а вот крестьяне, которых ты можешь спасти от опасности похуже того термитоида – нет.

– Спасибо, – снова сказал я. – Спасибо большое, мастер Тробноп. Кстати, – замялся я.

– Да? – спросил кафедральный мастер.

Я вытащил из сумки свои записи про термитоида.

– Возьмите эти записи. Я сделал себе копию, но хочу, чтобы один экземпляр лежал у вас, в сохранности. Я уже просил Занзалама...

– Занзалам не принял и правильно сделал, – кивнул Тробноп. – В какой-то мере он понимает, что еще не научился хранить истинно драгоценные вещи. Хорошо, Гавилан, – он принял записки из моих рук, – я сохраню эти записи в Университете. Пусть Верселлия, а с ней и весь мир, будет помнить про охотника на чудищ Гавилана.

– Тробноп! – послышался крик из кабинета. – А что это за клыки? Ой!..

– Иду! – крикнул летописец внутрь комнаты и снова обратился ко мне. – Кажется, они переключились на голову, которую я им еще не показывал, – улыбнулся он. – Ну, Гавилан, счастливого тебе пути!

– Благодарю, – кивнул я в знак уважения.

Тробноп тепло улыбнулся.

– Не знаю, встретимся ли мы еще раз, но знаю одно – в Верселлию ты еще вернешься. Неизвестно когда, но, может, какой-нибудь кафедральный мастер Занзалам встретит тебя и примет твои бестиарии.

– Кафедральный мастер Занзалам?! Ты там с ума сходишь что ли?! – снова послышалось из кабинета.

Я рассмеялся.

– Счастливо вам всем, – сказал я.

Тробноп пожал мне руку.

– И тебе счастья, – ответил он.

На этих словах мы развернулись и ушли, каждый в свою сторону: я – из Университета, а мастер-летописец – в свой кабинет, к коллегам.

Я шел по горячим, обжигающим камням мостовой Верселлии, и думал. Несмотря на то, что я ненавидел долгие прощания, летописцам как-то удалось разговорить меня достаточно надолго. С другой стороны, на то они и летописцы, чтобы позволить людям высказать им все, что лежит на душе и хранится глубоко в голове. История не терпит искажений, и им надо узнать всю правду.

В моей фляге бултыхался так и не использованный самогон, а пить хотелось с каждым шагом все больше и больше. Я откупорил крышку фляги и вылил самогон на мостовую. Камни зашипели, от них моментально пошел пар. Я взглянул в сторону моря. Яркое солнце светило над ним, раскинув свои лучи по всему небосводу. Чайки не летали в это время, дожидаясь вечера, когда жара спадет. Люди тоже старались не находиться долгое время на улице, проводя полдень в тавернах с друзьями. Я решил последовать их примеру и заодно пополнить припасы еды и воды. Наступало лето, и меня ждал долгий путь в таинственный Энтерберг, Лесное Убежище.

Глава 2. Сумрачный Город

Раздался тихий щелчок, и гнолл, харкаяще гавкнув, свалился в лужу.

– Отлично, – прошептал я, оценив действие своего нового ручного арбалета. Пока я ставил на взвод новый болт, вокруг мертвого товарища встали другие гноллы. Они что-то испуганно обсуждали на своем собачьем, лающе-рычащем языке. Пока они переругивались, грозя друг другу своими допотопными копьями, в одного из них влетел очередной болт, пробив насквозь затылок. Несчастный гнолл рухнул прямо на своего мертвого соплеменника. Проследив глазами направление выстрела, гноллы наконец обнаружили меня – своего убийцу – в соседних ракитовых кустах. Однако прежде чем они подбежали ко мне, я бросил в них бомбу.

Бомба не содержала ничего, кроме пороха, но большего и не требовалось. Энтеррский лес славится своими широкими топами, по которым было опасно ходить, не зная секретных троп. Часто из глубин мягкой, глинистой земли вырывался на свободу тухлый болотный газ. Гноллы как раз стояли в одной из таких небольших газовых тучек газа. Взорвавшись, бомба воспламенила его, и он мгновенно вспыхнул, разорвав тела гноллов.

Я успел отвернуться от взрыва. За куст, прямо мне на голову, упала оторванная уродливая рука, покрытая потерты-

ми рунами из засохшей грязи. Эту руку я подобрал и подвязал себе на пояс в качестве трофея, затем подобрал заостренный шест-водомерку, которым проверял проходимость троп, и пошел обратно в деревню.

Предупреждения Тробнопа оказались верными – большую часть золота я потратил только в попытке добраться до Энтерберга. Никто из купцов и торговцев не горел желанием туда отправляться, а те, кто собирал караваны до Лесного Убежища, как иначе называли Энтерберг, отказывались брать лишнего человека. Кое-как я нашел караван ремесленников из самого Энтеррского леса, собиравшийся обратно в свой полис, но задешево меня брать не хотели. Как ни уверял я их, что прекрасно гожусь на роль охраны каравана, никто из них мне не верил, то ли из-за моего возраста, то ли из-за непримечательного вида, без брони и доспехов. В итоге я договорился на место только за целых пятнадцать золотых монет. Удивительно, но дорога обошлась без каких-либо происшествий, так что я действительно оказался лишним человеком в караване.

Полис был поразительным, непохожим ни на один другой во всей Телехии. Давным-давно люди основали его, чтобы вместе защититься от напастей леса. Кругом были дикие звери, опасные болота, неизлечимые болезни – выжить в одиночку было невозможно. Сильные вожди древних племен объединились вместе и построили Энтерберг, Город в Лесу Энтерр, Убежище от Леса.

Жилая часть города была не слишком большой, по площади немного превышая простые деревни. Десятки хижин обвивали высокие многовековые деревья в несколько уровней. Жилища стояли прямо на толстых ветвях старых дубов и гигантских ив и омел, крепко держась мощными опорами из прочных брусев. Такие домики на деревьях и составляли весь город, в центре которого была площадь, на которой торговали и справляли охотничьи праздники. За жилой частью города разрастались укрепления, состоящие из рядов стен, частоколов, крепостей, заборов, решеток и рвов. Повсюду, тут и там, находились окопы, ежи, гирлянды колючей проволоки, ловушки и западни. Защитная линия Энтерберга простиралась далеко настолько, что попасть в него стало действительно трудно. Со временем все это поросло бурьяном и плющом, рвы вышли из своих же берегов, затопив близлежащие окопы, частоколы заросли кустарником, завалившись набок, отчего местность стала еще более непроходимой. Деревья склонили над городом свои лианы, загордив от солнца крыши домов. Булыжники мостовых поросли травой, смешавшись с грязью топей. Энтерберг помрачнел, слившись цветом с окружающей его природой. В бегстве от лесных опасностей Энтерберг сам стал частью леса.

Город почти не занимался ни производством горшков, ни шитьем, ни выпечкой пышных булок. Практически все ремесла объединяло одно – охота. Большинство жителей Лесного Убежища были охотниками, либо так или иначе отно-

сились к охоте – кто-то дубил шкуры, кто-то работал в кожаной мастерской, кто-то ковал оружие.

Когда появились чудища, множество их произошло из Энтеррского леса, густо заселенного диким зверьем. Здесь же появились первые охотники на чудищ. Первые бестиарии писались тут, под угрюмыми кронами старых деревьев.

Но я недолго пробыл в самом Энтерберге. Я лишь познакомился с некоторыми людьми и прочитал большую часть бестиариев в городском книжном хранилище, после чего отправился в близлежащие деревни. Само собой, жители деревень были не против помощи охотника, хоть они и полагались больше на собственные силы. Тем не менее, за все время, что я жил под покровом леса, мой заработок был более-менее постоянным. Вот и сейчас мне в который уже раз поручили избавиться от гноллов, наседавших на крестьян, выращивающих рис в местном мелком озере.

Гноллы были, несмотря на свой общий практически небоеспособный внешний вид, одними из самых пугающих чудищ. Читая бестиарии разных лет, я поражался тому, как по-разному были описаны гноллы. В итоге я пришел к выводу, что гноллы стремительно развивались и эволюционировали. Изначально они почти ничем не отличались от диких собак, разве что были чуть злобнее и безумнее. Потом они постепенно вставали на задние лапы, а передние развились в кисти, так что они смогли держать и использовать простые орудия. Вскоре гноллы стали одеваться в рваные

тряпки, а последний из прочитанных мною бестиариев описывал примитивный гнольский язык. Этот бестиарий ужаснул меня больше всего, ибо написан он был всего полгода назад, а гноллы, которых я встретил, довольно резво общались на своем языке, явно используя сложные конструкции. Того и гляди, подумал я, скоро они начнут тактически мыслить, а это грозит ужасной войной. Именно поэтому я всегда в первую очередь брал поручения на убийство гноллов, стараясь истребить их как можно больше.

В энтеррских деревнях мне нравилось то, как относились к охотникам. В каждой деревне на главной улице в землю были прочно вбиты широкие таблички, на которые местные жители крепили объявления разного толка. Кто-то просто писал новости за последний месяц, кто-то звал на праздник, а кто-то искал пропавшую свинью. Конечно, мало кто владел письменностью, поэтому в основном все объявления были написаны одним и тем же почерком местного писаря. Были среди бумажек и такие, на уголках которых ярко выделялась красная полоска. Они-то меня и интересовали, ибо это были заказы на убийство чудищ. Зачастую там же писали и награду, так что я просто брал листок и сразу же принимался за дело.

Лето прошло для меня незаметно, так как я, во-первых, был занят охотой, а во-вторых, в чаще леса не ощущалась та жара, какая бывает в других краях Телехии. Правда, жители деревень мне говорили, что осенью болота во время дождей

разрастаются слишком широко, так что у них именно осень, а не зима – время, когда все сидят дома.

Уже приближался конец Грабня – второго месяца лета. Крестьяне собирали урожай, последние торговцы собирались с запакованным товаром в другие города, старики заготавливали соленья и консервировали ягоды на ближайшие полгода.

Подумать только – прошло уже девять лет, как я уехал из почти такой же деревни, в которую заходил сейчас. Теперь многочисленные задания закалили и натренировали меня. Я даже успел приобрести у одного механических дел мастера новый ручной арбалет, который только что опробовал на гноллах. Конечно, с таким не очень удобным оружием ловкость немного снижается, но зато гноллы даже не успели дойти до меня. Руки, правда, чесались от желания погромить какого-нибудь монстра мечом.

В деревне я сразу повернул к дому старосты. Не успел я подойти к порогу, как дверь тут же открылась, и вышел хозяин дома, Таллиан-Энтеине. Это был высокий, даже очень, мужчина среднего возраста. Он вроде бы уже начинал стареть, но его лицо и тело все еще скрывали эту тайну, стремясь отобразить в действительности стан молодого парня. Он все время воевал со своей бородой – постоянно ее сбривал, но она каким-то чудесным образом отрастала обратно буквально за день. Я заметил, что он только что брился, но волоски уже нагло лезли наружу по всему подбородку. Одет

он был в жилет из красной кожи, переплетенный бечевкой, что интересно сочеталось с его лохматой прической болотного цвета.

– Гавилан! – обрадовано провозгласил он. – Я тебя как раз ждал!

– Что случилось? – взволнованно спросил я.

Таллиан-Энтейне рассмеялся.

– Ничего такого, – ответил он, – не переживай. Просто тут есть одно дело... Ты живешь в доме старухи Бергезиль, а она, сам знаешь, одинока, ни мужа, ни сыновей. Сам понимаешь, тяжело ей к осени-то готовиться. Я предлагаю тебе условие – ты соберешь ей овса для домашних животных да заготовишь дров до весны, а я договорюсь, что она с тебя плату за проживание до конца лета брать не будет.

Я подумал. Предложение довольно заманчивое. Хотя работать в поле – тем более в поле, которое находится в лесу – не самое увлекательное занятие, я таким образом сэконоблю немного денег.

– Ладно, – согласился я. – Идет. Кстати, о работе – я нашел тех гноллов, которые испортили всходы риса у семьи Вийборнов.

Таллиан-Энтейне, усмехнувшись, принял руку гнолла.

– Отлично, – сказал он. Он ушел в дом и спустя минуту вернулся с монетами в ладони – Вот твои два золотых. – Он отдал мне деньги и улыбнулся: – Поле ждет тебя.

Вечером, после тяжелой работы, я плотно покушал у ба-

бушки Бергезиль, которая теперь, казалось, стала еще добрее ко мне, и отправился во двор отдохнуть. Я полулежал, облокотившись на собранный стог сена, а рядом на скамейке сидел староста, раскуривая трубку душистым табаком, измельченным с листьями омелы. Сладко-колючий хвойный запах успокаивал нервы и настраивал на хорошее настроение, так необходимое здесь, в Энтеррском лесу.

– Скажи, Таллиан, – начал я.

– М? – спросил староста, держа губами мундштук.

– Откуда у тебя такое странное двойное имя?

– О, это интересная история, – улыбнулся он, задумчиво поднимая глаза вверх. Наверху действительно было что смотреть. К ночи различие между небом и верхушками деревьев размывалось, и лунный свет нежно окрашивал все вокруг в приятный бирюзовый цвет. В коре дубов просыпались светлячки, взлетая на листья, и эти маленькие огоньки порхали в воздухе, собираясь в странные и красивые созвездия. Где-то, казалось, издалека ухали неизвестные звери, выли волки, стрекотали кузнечики, гудели цикады – ночной лес жил не хуже дневного, производя мириады маленьких звуков, сливающихся в одну большую густую колыбельную.

Староста тем временем начал свою историю:

– Моя мать была мечтательной девушкой и настояла на том, чтобы мне к моему обычному энтеррскому имени, Таллиан, добавили имя Энтеине, что, по ее мнению, в переводе с эльфийского означает «не расстающийся».

– Эльфийского? – спросил я. – Эльфов же вроде как не существует. Откуда им взяться?

– Говорят, эльфы иногда заходят в Лесное Убежище. Это очень скрытный народ, и никто не знает точно, как они выглядят. В основном, все сводится к единому мнению о том, что у них просто уши длиннее, чем у людей, а сами они немного повыше и жилистее. Говорят, что эльфы – истинные хозяева леса, и они недолюбливают людей, построивших свой город прямо в чаще Энтерра. Сами они, конечно же, живут не прямо в лесу, у них есть свой город, раскинувшийся под сводом гигантского дерева – Сердца Энтеррского леса. Само дерево – это их дом, а природа – архитектор. Город этот, несмотря на его огромнейшие размеры, никто никогда не видел, потому что эльфы оберегают его от непрошенных гостей разными магическими заклинаниями и оберегами. Я слышал, что эльфы свой город называют Дадал'Тревар, а мы называем его Сумрачным Городом.

– А ты веришь в эльфов? – спросил я Таллиана. Тот усмехнулся.

– А какой смысл верить в то, чего нет? – ответил он. – И какой смысл не верить в то, что действительно есть? Вот я, например, верю в обед, но не верю в двухголового кабана, потому что никогда такого не видел.

Я задумчиво жевал былинку, выдранную из стога.

– Я тоже не верю в двухголового кабана, – высказался я. – Но мой разум охотника не отрицает возможность ко-

гда-нибудь встретить его. За пару лет службы следователем Пирограда я увидел множество странных существ, которых не всякий увидит и за всю жизнь, а за пару месяцев в роли охотника на чудищ я повидал еще больше монстров, причем иногда таких, каких никто до меня не видел. Кто знает, может, двухголовый кабан ждет меня где-нибудь на тропинке, ведущей из твоей деревни.

Таллиан-Энтейне рассмеялся, но тут же, подавившись дымом из трубки, закашлялся.

– Смотри, как бы тебе трехногий енот не попался, – гоготнул он, наконец успокоившись. – А вообще, не стоит загружать себе голову лишними фактами. Я видел ученых, которые проходили через нашу деревню. Они настолько забивали себе ум, что старели уже к тридцати годам. Мне уже идет пятый десяток, но я не видел ни одного седого волоса у себя на голове. Сказать по правде, – он наклонился ко мне ближе, дыхнув ароматом омелы прямо в мое лицо, – я был бы не против облысеть, – с этими словами он рассмеялся и откинулся обратно, почесывая свой заросший подбородок.

Я вздохнул, улыбаясь. Люди в Энтеррском лесу были довольно странными. Здесь никто не зависел сильно от других, как везде, и почти никто не заводил себе друзей. Все относилось к жизни проще, и старались особо не вникать в жизнь других. Наверное, Таллиан прав – не надо стараться удерживать в голове больше, чем тебе нужно, тогда и жить станет легче. Правда, мое призвание заставляет меня штудировать

бестиарии чуть ли не стопками и готовиться при встрече с любым противником. Мой мозг и так уже перегружен, а ведь мне пока только семнадцать.

Когда я возвращался в дом Бергезиль через задний двор, краем глаза я заметил какое-то движение в лесу. Расплывчатый силуэт легонько тронул ветку так, что она даже не качнулась, что меня насторожило. Я быстро забежал в дом, наспех набросил на себя свои вещи и оружие, не замечая удивленный взгляд Бергезиль, и понесся в чашу. Кто-то пытался скрытно шпионить за деревней, и я должен его найти.

Больше всего я боялся, что это был гнолл. Если мои опасения подтвердятся, это будет означать, что гноллы развились еще сильнее. Пока я пробирался сквозь бурьян, убегающая тень скользнула вдоль маленького ручья, протекающего в этом месте, не создав ни малейшего звука. Я же, по своему собственному мнению, шумел так, что даже сверчки замолкли и попрятались по своим укрытиям.

Продираясь через густо расположенные упругие ветки кустов, листья которых были покрыты ночной испариной, я выбрался на небольшую полянку, засвеченную ярким лунным светом. Тень стояла напротив меня, и я смог разглядеть ее очертания. Верхняя часть тени выглядела похожей на человеческую, точнее – на полуобнаженную фигуру молодой девушки, а снизу я опознал поджарый стан кобылы, стоящей на четырех тонких ногах, оканчивающихся высокими копытами.

Дриада! Этих существ я нередко видел в бестиариях. Опытные охотники писали, что дриады обладают интеллектом не меньшим, чем люди, при этом они чрезвычайно ловки и выносливы. Живут они глубоко в лесу, и убежать от них нет смысла, потому что они легко и быстро догонят любого, а свой лес они знают лучше, чем кто бы то ни было. Зачастую дриады устраивали засады на охотников, зашедших достаточно далеко в чащу Энтеррского леса. Немного людей выжило после встречи с дриадами, но все они описывали дриад как сильных и ловких воинов, вооруженных отравленными копьями.

Дриада, стоящая передо мной, как раз держала копье в занесенной над плечом руке, чтобы в любой момент метнуть его в меня. Я прикрылся щитком на правой руке, а левой стал нащупывать арбалет. Возможно, дриады не совсем хорошо разбираются в технологиях людей...

Чья-то рука тяжело опустилась мне на плечо.

– Даже не думай, доних, – грубо сказал голос за моей спиной, ткнув мне между лопаток чем-то острым.

Я застыл в том положении, в котором меня застали врасплох. По спине ледяным водопадом проползли мурашки. Кто и как умудрился подобраться ко мне так близко, не издав не малейшего шума? Я тихо стоял, глядя на дриаду перед собой. Она благодарно кивнула тому, кто меня держал, и ускакала дальше в лес, ловко и стремительно ныряя в открытые коридоры между зарослями.

– Что мне делать? – спросил я своего порабитителя.

– Ничего, что могло бы нанести вред, – ответил голос. Судя по тембру, голос принадлежал серьезному мужчине средних лет. – Если ты обещаешь не причинять боли дриадам, я отпущу тебя.

– Она сама вскинула копье, – возразил я и тут же получил еще один тычок между лопаток.

– Но это именно ты стал на нее охотиться, – сказал голос.

– Я просто увидел подозрительную тень рядом с деревней, – пытался оправдаться я.

– С твоей деревней ничего не случится, доних. Сначала мы подозревали, что на нее нападут гноллы, но опасность миновала. Кто-то уже убил их.

– Возможно, что это был я, если ты имеешь в виду гноллов, которые портили рис, – сказал я. Другая рука опустилась на противоположное плечо и развернула меня.

– Так это ты – тот доних!

Передо мной стоял высокий мужчина в зеленом плаще и такого же цвета камзоле, сделанном, на первый взгляд, из листьев. Через плечо у него был надет длинный изогнутый композитный лук. На голове мужчины красовалась огромная темно-серая широкополая шляпа, за которой не было видно глаз, но из-под нее, словно контрастируя с холодным тоном одежды, струились длинные тяжелые светло-золотистые волосы. Подбородок его красиво окаймляла полоска короткой бороды, которая, в отличие от волос, была черная,

как самая темная ночь. На шляпе я заметил ремешок, на котором красовалась большая пряжка с причудливой формой. И тут я заметил...

– Ты эльф? – спросил я.

Из шляпы через специально проделанные щели торчали заостренные кончики длинных ушей. Мужчина хитро улыбнулся, обнажив мелкие зубы.

– Ну да. И что теперь, доних?

– Почему ты меня называешь Донихом? Я Гавилан, – возмутился я, предположив теперь, что меня перепутали с кем-то другим. Но эльф был по-прежнему серьезен.

– Ты доних. Твой друг – доних. Любой из твоей деревни – доних, – ответил он. – Доних – это, по-вашему, кажется, человек.

Эльф все еще держал меня за плечи, не давая вырваться из захвата. Несмотря на его не такой уж и грозный вид, он был чересчур силен для меня.

– Зачем ты меня поймал? – спросил я.

– Ты охотился на дриаду, – повторил эльф. – Это неправильно для охотника. Я сам – охотник. Охотник не охотится бездумно. Охотник должен знать и понимать, на кого можно охотиться, а на кого – нет. Дриады не желают зла, значит, на них охотиться нельзя.

– Да я вообще не знал, что это именно дриада, – ответил я. – Я увидел только подозрительную тень и последовал за ней. А вдруг это действительно был бы гнолл?

– Какой ужас, охотник не умеет распознавать цель, – покачал головой эльф. – Тень дриады разительно отличается от тени, отбрасываемой гноллом. Если тебе, чтобы во всем убедиться, нужно увидеть самого гнолла, то ты ничем не отличаешься от других, не охотников.

Я промолчал. Эльф приподнял голову, и я увидел пару прищуренных лиловых глаз, оценивающе глядящих прямо на меня. Так же я увидел брови, такие же светлые, как волосы эльфа, и длинные, почти как его уши.

– Я вижу, что ты молодой доних, – продолжил он, – а значит, учишься. Возможно, скоро ты начнешь различать тени. Советую тебе как можно скорее этому научиться, потому что в следующий раз я тебя просто так не отпущу.

С этими словами он выпрямил свои руки, оттолкнув меня назад. Я опрокинулся на спину, еле-еле успев подставить локти, чтобы не удариться. Тем временем эльф подпрыгнул, причем довольно высоко, словно отпружинив от земли, присел на нижнюю ветку дуба и побежал вдоль нее, затем перепрыгнул на другую ветку соседнего дерева и таким образом скрылся из виду. Я смотрел на его перемещение как завороченный, так что даже не принял ни малейшей попытки проследить за ним. Да я бы и не успел за эльфом, настолько стремительно он убежал.

Уже далеко за полночь я вернулся в деревню. Дорогу назад я нашел лишь по сломанным сучкам, которые сам же и оставлял, гонясь за дриадой. Старушка Бергезиль уже креп-

ко спала, отчаявшись дожидаться меня. А может, она решила, что я снова ушел на охоту. Разбудить ее, даже специально, было сложно, поэтому я спокойно разделся и лег спать.

Следующую пару дней я провел спокойно, помогая Бергезиль собирать урожай. С этого времени она, довольная как никогда раньше, стала кормить меня словно поросенка на убой. Но сельская работа не могла полностью отвлечь меня от высказанных эльфом мыслей о том, что за деревней могли следить гноллы. Про встречу с дриадой и эльфом я никому из жителей деревни, естественно, не сказал.

К утру третьего дня я проходил мимо доски объявлений и заметил новый листок, помеченный красной полоской. Я содрал его и стал читать. Дом семьи Сигнелль, расположенный на самом краю деревни, прошлой ночью слышал тихий гогочущий лай. Испугавшись, что это может быть гнолл, Сигнелли просят охотника разобраться.

Я задумался, вспоминая домик Сигнеллей. Старейший Мордрент был главой этой семьи – статный широкий мужик с густым волосяным покровом по всему телу. Ни одна гулянка не обходилась без него, причем не только как участника, но и как устроителя. Такому человеку, конечно, гноллы вполне могли привидеться, но вот только его старшая дочь, набожная Таинка, вряд ли просто так перепутает гнолла с обычной собакой. Я решил немедленно пойти и разобраться с проблемой.

Через полчаса я был уже на подходе к дому Сигнеллей,

где кончалась деревня. Вообще, все время моего пребывания в Энтеррском лесу меня передергивало от простого слова «деревня» без упоминания названия, но местные селяне не так много путешествовали, поэтому количество населенных пунктов у них зачастую ограничивалось двумя – «моя деревня» и «Энтерберг». Именно по этой причине ни одна, хоть самая захолустная, хоть богатая и урожайная деревня в лесу не имела своего собственного названия. Глубоко в сердце я был чрезмерно счастлив, что люди Энтерра хотя бы своим детям дают имена, а не называют друг друга как-нибудь типа «мой сопляк».

К самим Сигнеллям я не заходил, потому что встретил у калитки их двора одетую в кружевную шаль молодую Таинку, возвращавшуюся с колодца, которая вкратце рассказала мне про вчерашний случай. Оказывается, лай был слышен под самими окнами. К счастью, Таинка всегда закрывает ставни на окнах на ночь, а дом Сигнеллей всегда выглядел будто заброшенный. Таинка рассказала, что лай был не такой, каким обычно заливаются собаки, а словно ругающийся, покрикивающий. Девушка испуганно шептала, что казалось, будто снаружи что-то замышляют. Никто из их семьи не открывал ни окна, ни двери до самого утра.

Я поблагодарил девушку за подробности, а сам зашел за угол дома, где начиналось болото. Опустившись на корточки и порывшись в грязи, я обнаружил полустертый след. Он был похож одновременно на собачий и на человеческий. Та-

кой определенно могли оставить только гноллы. Мои худшие опасения стали подтверждаться. Похоже, что гноллы теперь научились планировать свои действия. Мне придется столкнуться с группой чудищ, взаимодействующих друг с другом.

Я решил дождаться ночи. Если монстры не поумнели чересчур резко, тогда они наверняка решили напасть на деревню в темноте. Отправившись к себе, я собрал все необходимые виды оружия для борьбы с гноллами – арбалет, простые бомбы, слезоточивые бомбы, сделанные из едкой луковой смеси, свой короткий меч, капканы. Вечером, перед отходом ко сну всех деревенских жителей, я предупредил Сигнеллей о том, что может произойти ночью. Таинка робко кивнула и наскоро перекрестилась, а Мордрент недоверчиво глянул на меня, хотя ничего не сказал. Его жена обняла маленьких детей, крепко прижав к себе, и с беспокойством смотрела на своего мужа, непринужденно относящегося ко всему в жизни.

Я расставил капканы вокруг дома и рядом с тропой, ведущей в деревню. Затем я достал свой шест-водомерку и расковырял в нескольких местах болота дырки, которые яростно захлюпали, пытаясь всосать в себя воздух. Такое импровизированное поле с ловушками гноллов не остановит, но заметно их задержит, и чудищам придется двигаться отдельными маленькими группами или поодиночке. В одиночку сразу всех собакоподобных монстров мне не остановить, а так мои шансы к победе заметно увеличивались.

Ночь еще не успела наступить – было, наверное, около половины семнадцатого часа – когда я услышал вдалеке шелест веток. Болотная грязь булькала под многочисленными лапами гноллов, а я сидел на полуразваленной скамье близ тропинки и ждал. Я сидел в полузабытье, до конца не понимая, что я буду делать, когда армия чудищ, наконец, дойдет до деревни. Несмотря на свою страсть к планированию операций, сейчас я не осознавал себя. Даже во время службы я никогда не противостоял большой группе противников, тем более один.

Я уже видел первых гноллов, несущихся навстречу мне. Некоторые заметили меня и ускорили свой бег, радостно гогоча и посмеиваясь, словно гиены. В их лапах я видел разнообразные виды оружия – копья, мечи, дубины. У одного, самого здорового из всех, я заметил огромный молот, похожий на кузнечный. Ужас вызывал не столько вид молота, сколько руны, высеченные на нем. Я нигде не видел подобные рисунки, выдающие оружие собственного производства, а не украденное у какого-нибудь ремесленника.

– Значит, делать оружие вы уже научились, – сказал я приближающейся толпе, вставая со скамейки и обнажая меч. – Посмотрим, как вы научились боевому искусству.

Как научились воевать первые ряды гноллов, я так никогда и не узнал. Монстры попали лапами в почти затянувшиеся болотные ямы, сделанные мной, и увязли там. Ничего страшного с ними не случилось, но сзади наседали дру-

гие ряды, поэтому гноллы оказались буквально втоптаны в месиво своими же сородичами. Но прорвавшихся ожидали ряды капканов, в которые они влетали с последующим лязгом. Бездушный железный механизм крепко вгрызался в ноги чудищ с ужасной силой, перекусывая кости, словно палочки. Визг и плач стоял жуткий. К припадающим на одну ногу гноллам я подскакивал, перерубая шейные позвонки, и сразу же отпрыгивал назад.

Сбоку от себя я заметил подобравшуюся на опасное расстояние группу гноллов. Не мешкая, я бросил в них слезоточивую бомбу. Бомба разорвалась, ослепив монстров, которые побросали свои оружия и терли раздраженные глазницы. Я надел очки, кувыркнулся в самый центр группы и произвел круговой удар мечом, а затем отпрыгнул обратно. Все гноллы в зоне поражения бомбы превратились в кучу трупов.

Другую группу я попросту закидал обычными бомбами. Обуглившиеся тела падали, разваливаясь на куски еще в воздухе. Видимо, я набил слишком много пороха в бомбы, но в данный момент мне это было лишь на пользу. Гноллы, видя свою изрядно поредевшую армию и меня в центре этой армии, теперь уже не слишком спешили в атаку, ожидая, что товарищи нападут первыми.

Несмотря на сильный грохот, из деревни никто не вышел. Как я говорил, Сигнелли жили буквально на отшибе, а им самим я строго запретил выходить из дома. Бой был неравным, и хоть на моем счету и было уже несколько убитых чу-

дищ, я понемногу начинал отступать.

Здоровый гнолл с молотом уже вышел из болота и полосы капканов и теперь медленно, злорадно ухмыляясь, как могут ухмыляться только гноллы своими собачьими мордами, шел ко мне, обхватив длинную рукоять своими мощными руками. Я достал свой арбалет и, быстро прицелившись, выстрелил прямо в грудь здоровяка. Тот немного отшатнулся, но продолжил так же непреклонно подходить ко мне. Он будто чувствовал, что рано или поздно все равно дойдет до меня, и потому не торопил события, степенно перешагивая через тела своих мертвых товарищей. Я перезарядил арбалет и снова выстрелил, теперь стараясь целиться в бицепс правой руки гнолла, чтобы тот расслабил хватку и уронил молот. Болт прошил мускул насквозь и попал прямо в лоб другого гнолла, который торопился нанести мне удар раньше остальных. Сила удара откинула его обратно в болотную жижу. Здоровяк же словно не замечал порвавшейся мышцы – окровавленная рука так же крепко сжимала железную палку. Он уже почти настиг меня. Не сбавляя темпа движения, он стал заносить молот над собой, чтобы опустить всю его тяжесть на мою голову. Я знал, что мог, в принципе, в любой момент отскочить от удара, но я словно замороженный стоял на месте, а мои ноги стали будто ватными, настолько грозным выглядело все происходящее передо мной.

Ночной воздух прорезал, тихо дребезжа, тонкий дротик. Воткнувшись в нос большого гнолла, он остался там висеть.

Сначала гнолл не обратил на это внимания, но тут место вокруг укола быстро позеленело, вены под кожей монстра стали изумрудного цвета, а меня все это вывело из транса. Я отскочил в сторону, а гнолл ойкнул и свалился назад, выпустив свой молот из рук, который грохнулся прямо на грудь своего хозяина, проломив ему ребра со смачным хрустом.

Я оглянулся назад, откуда, как я понял, прилетел дротик, и увидел дриаду. Не могу сказать точно, та ли это была дриада, которую я видел недавней ночью, но она была очень на нее похожа. Дриада не обратила на меня внимания, она лишь подняла свою руку. Ближайшая к ней ветка дерева потянулась к руке и залезла, как змея, в ладонь, а потом оборвалась, оставив в хватке дриады новый дротик, который полудевушка-полулань незамедлительно метнула в следующего гнолла. Сбоку я заметил еще одно мелькающее движение, и вот я оказался в окружении нескольких дриад. Все они игнорировали меня, сосредоточив внимание лишь на армии гноллов. Не производя ни малейшего шума, кроме тихого шелеста веток, они метали свои смертельные дротики.

– Не знаю, какой из тебя охотник, доних, но воин из тебя еще хуже, – сказал внезапно появившийся рядом со мной тот самый эльф в широкополой шляпе, который задержал меня той ночью. Он уже снял свой композитный лук с плеча, и я смог увидеть, что в центре лука находилась платформа, чем-то похожая на мой щиток на правой руке, и которая, по-видимому, играла ту же роль. Привычным движением эльф вы-

ташил из колчана за своей спиной целых три стрелы, оканчивающиеся не оперением, как обычно, а пожухлыми осенними листьями грязно-желтого цвета. Когда он положил их на тетиву, листья вспыхнули странным фиолетовым огнем. Эльф что-то тихо прошептал под нос и выпустил стрелы. Все три стрелы поразили цели, каждая – свою, причем все они вошли в тела гноллов так, что горящие листья оказались прямо в самой груди. Мгновение – и фиолетовое пламя покрыло гноллов целиком, практически моментально превратив их тела в тлеющие угольки, которые рассыпались по тропе.

Эльф искоса взглянул на меня и, поразмыслив немного, пояснил:

– Природный огонь, доних, – амвитен. Враг леса сгорит заживо, не нанося окружающему миру ни капли вреда, а прах его послужит удобрением молодым растениям.

Но это не столь сильно волновало меня.

– Как ты управляешься с тремя стрелами сразу? – спросил я, начисто позабыв о тактичности.

Эльф усмехнулся.

– Я охотник, – сказал он. – Я не трачу лишнее время на охоту. Зачем убивать одно чудище, если можно убить троих?

Я не знал, что ответить. Эльф словно пытался поставить меня в тупик, показывая, насколько я бесполезен. Решив, что словами я доказать ничего не смогу, я вновь развернулся к гноллам и прицелил на них свой арбалет.

Армия чудищ все больше редела. Теперь они менее охот-

но стали лезть вперед. Наседающие сзади гноллы тоже обратили внимание на то, что их впереди идущие товарищи умирают быстро, не успев даже подойти на расстояние ближнего боя. Наконец, они приняли какое-то общее безмолвное решение и, развернувшись, обратились в бегство.

– Су ди-ретан! – воскликнул эльф на своем языке и помчался за остатками армии гноллов. Я побежал за ним, стараясь не отставать. Однако я бежал сквозь дебри, судорожно глотая воздух, а эльф несся как ветер, иногда перескакивая на ветки, не сбивая темп и не показывая ни малейших признаков усталости. Очевидно было, что он догонит дезертиров раньше меня. Уже на ходу он вскинул свой лук – удивительно, как он не задевал его о ветви и стволы деревьев! – и методично начал отстреливать гноллов, выпуская по три стрелы с природным огнем за раз. Я бежал позади, хоть и приближаясь к неуклюжим гноллам, но отставая от эльфа.

Пытаясь на ходу зарядить арбалет, я случайно выстрелил в верхушку кроны одной из нескольких растущих в округе сосен. Практически сразу рядом со мной кто-то шикнул, и я увидел дриад, скачущих рядом со мной.

– Извините, я не хотел! – попытался оправдаться я.

Не знаю, приняли ли мое извинение дриады, но они вдруг разбежались в разные стороны. Я не понял, с чем это было связано, ведь погоня еще не закончилась. Я попробовал выстрелить еще раз в отстающих гноллов. В этот раз это мне удалось, и пара чудищ с проткнутыми насквозь глотками,

пролетев лишнюю пару метров по инерции, свалились в густую траву.

Внезапно я нагнал эльфа. Тот стоял, глядя широкую поляну, возникшую прямо перед нами, посреди леса. Ровно посреди поляны выросла из земли пещера, неуютно зияя своим темным входом.

– Я не помню это место, – пробормотал эльф, не столько мне, сколько самому себе.

– Лес большой, все места не запомнишь, – ответил я. Эльф покачал головой.

– Нет, ты не понимаешь, доних, – сказал он. – Мы все знаем лес. Это наш дом. Если я говорю, что не помню это место, значит, оно появилось здесь совсем недавно. Тем более странно, что гноллы бежали сюда. Надо было оставить кого-то в живых... Можно было бы за ним проследить...

– Ты всех убил? – удивился я. – Тогда чего бояться? Возможно, в пещере никого и нет.

Эльф поглядел на меня как на сумасшедшего.

– Ты и правда слишком мал, доних, для охотника, – поцокал языком эльф, поправляя шляпу, съехавшую со лба. – Мало ли, что может быть в пещере. Если ты идешь куда-нибудь один, то наверняка за тобой следят. Если же ты идешь, следя за кем-то, то возможно, что за тобой никто не следит. Ты когда-нибудь выслеживал чудищ?

Я поразмыслил. Действительно, самым выслеживанием я никогда не занимался, обычно я просто устраивал засады и

ловушки. Эльф все понял по моему молчанию.

– Я так и думал, – сказал он, – тебе еще предстоит множество тренировок и множество охот.

Я взглянул на пещеру.

– По-моему, здесь довольно тихо, – сказал я. – Возможно, там действительно никого нет. Кто-то же должен это проверить!

– Даже не думай! – сказал эльф. – Это может быть опасно. Если ты чего-то не знаешь или сомневаешься, что знаешь – это несет опасность. Само незнание и есть опасность. От своего незнания ты можешь не только сам погибнуть, но и потянуть за собой других. Надо обследовать место вокруг, – решил он. – Советую тебе уходить отсюда, теперь это мое дело. Твоя деревня спасена.

– Моя деревня не будет спасена, пока не решится истинная проблема с гноллами! – возразил я. – К тому же, это не совсем моя деревня, я там живу лишь временно.

– И тем не менее забудь об этом, – ответил эльф, забросив лук на свое плечо и поправив плащ. – Остальное доделаю я сам. Найдешь дорогу обратно, доних?

– Да, – сказал я сухо. Конечно, эльф намного опытнее меня, но ведь это было мое дело, моя работа! Я хотел завершить начатое до конца, хотел принимать участие до самого завершения дело, а тут меня просто отталкивают в сторону.

Хорошо, что эльф не заметил моей душевной ярости и, удовлетворительно кивнув головой, скрылся сзади в кустах.

Я подождал немного и, убедившись, что эльф ушел далеко, обошел вокруг поляны. Ничего не найдя, я вышел из-за деревьев и подкрался ко входу в пещеру. Внутри было темно, но оттуда шел холодный воздух. Стены пещеры были сухими и потертыми. Все выглядело так, что пещеру никто никогда не обживал, но я сомневался. Не может быть, чтобы гноллы бежали в незнакомое место! К тому же эльф говорил, что никогда не видел эту поляну. Я собрался, взял себя в руки и заглянул внутрь.

– Стой! – услышал я за собой крик эльфа. Неужели он следил за мной?..

Из тоннеля пещеры, урча, вырвался мощный столп огня. Я инстинктивно закрылся щитком, и он спас меня от обугливания, хотя сам нагрелся очень сильно и начал жечь мне руку с внутренней стороны. Пламя несло с такой силой и скоростью, что оно выбило меня из пещеры и подбросило на много метров вверх. Я зачем-то посмотрел вниз и увидел бегущего мне навстречу эльфа. Потом мой взгляд переместился на уже затихшую пещеру, после чего я посмотрел на лес. Я никогда не видел Энтеррский лес сверху, да и не мог видеть. Красивый бирюзовый свет, прежде виденный снизу, теперь искрился серебром на кронах самых высоких дубов и сосен, словно на поверхности большого зеленого моря. Ночные птицы перелетали с одного дерева на другое, ища себе пару или пищу.

Мой полет замедлился и сменил направление. Теперь я

стал падать. Наверное, с того момента, как меня окутал огонь, прошла всего пара секунд, но для меня время замедлилось. Я чувствовал себя так, будто я уже умер и созерцал свое падение со стороны. Как я упал, я не почувствовал, так как потерял сознание еще в воздухе.

Очнулся я в теплой, мягкой постели. Вокруг меня было сумрачно, и я мог разглядеть лишь смутные тени. Постепенно мое зрение сфокусировалось, я стал различать предметы. Я пытался поднять голову, но не мог из-за слабости, сопровождаемой зудящей болью, растекающейся по всему позвоночнику при малейшем моем движении. Я застонал, не выдержав очередного наплыва боли. Внезапно сбоку от меня кто-то зашевелился, я повернул взгляд, не поворачивая голову, и увидел у своей постели сидящую девушку. У нее были красиво переливающиеся изумрудные волосы, чистое гладкое лицо с лиловыми глазами, маленьким носиком и тонкими губами. Девушка улыбнулась, встала, и тут я обратил внимание, что ее брови, тоже изумрудные, были длинные, как и ее уши, в которые были вставлены разнообразные серьги и другие украшения. Девушка вышла из моего поля зрения, оставив за собой только аромат свежих цветов.

Эльфийка! Но что она делала рядом со мной? Где я вообще нахожусь?

Я услышал шелест листьев и увидел перед собой лицо знакомого эльфа. Он наклонился надо мной так, что я мог разглядеть даже малейшие черты его лица. Самым странным

мне показалось то, что лицо его было слишком похоже на лицо той девушки, что вышла перед этим, разве что немного грубее (не считая, конечно, цвета волос и уж тем более наличия бороды).

– Тебе повезло, доних, – серьезно, без малейшей тени улыбки, сказал эльф. – Я не успел тебя подхватить, но перед падением пустил тебе под спину стрелы. Они прорвали тебе одежду и немного спину и протащили тебя по земле. Конечно, позвоночник у тебя поврежден, но иначе тебя бы просто сломало пополам, или расплющило.

Я хотел ответить ему, попытался открыть рот, но боль перешла из спины в горло, и я мог выдать из себя лишь очередной стон.

– Лежи тихо, доних, – ответил эльф. – Я сам тебе расскажу все. Ты лежишь тут без сознания пять дней. Мы втерли тебе в спину мазь из целебных растений. Конечно, болеть будет еще достаточно долго, но вскоре твоя спина заживет и все вернется на круги своя. А пока спи и отдыхай.

Эльф развернулся и ушел. Появилась эльфийка с ложкой и, наклонившись ко мне, стала вливать мне в рот густой травяной суп. Я жадно глотал, несмотря на свербящее горло, и каждый глоток супа успокаивал боль в моем теле. После кормления эльфийка вышла из комнаты. Я хотел ее дождаться, но после обеда мне очень сильно захотелось спать, и я буквально провалился в сон.

Таким образом прошли еще пять дней. Я просыпался в

полутемной комнате, ко мне приходила эльфийка, кормила меня супом и снова уходила. Иногда она приходила просто так и сидела рядом со мной, улыбаясь и взбивая мою постель. Один раз она пришла с каким-то странным музыкальным инструментом – колесом со струнами – и стала играть на нем очаровательную мелодию, тихо напевая в такт. Я слушал ее, и мне хотелось поблагодарить ее, но я все еще был слишком слаб.

Время от времени ко мне заходил и сам эльф, оглядывал меня и спрашивал эльфийку о моем здоровье. Из их разговора я не понимал ни слова, к тому же они разговаривали так тихо, что ничего не возможно было разобрать.

К исходу недели я уже набрался достаточно сил, чтобы мотать головой. Первым делом я оглядел свою комнату. Она был целиком круглая, со стенами, похожими на ствол дерева, покрытыми плющом с мягкими зелеными листьями. Вход в комнату был также закрыт занавеской из плюща, а единственное круглое окно, находящееся прямо напротив меня, было прикрыто какой-то тонкой бурой тканью, которая скрывала помещение от яркого солнца. Повсюду стояли резные кадки с цветами и небольшая мебель, украшенная красивым орнаментом.

– Ты уже вертишься, доних! – воскликнул эльф, неожиданно войдя в комнату и улыбнувшись, первый раз за все время после моего падения. – Значит, идешь на поправку.

Я сглотнул слюну и попытался заговорить.

– Ты... – начал было разговор я, но тут же остановился, испугавшись собственного сиплого голоса с жуткой хрипотой. Переборю себя, я продолжил: – Ты так и не назвал мне своего имени.

– Зачем тебе мое имя? – спросил эльф. – Хотя, насколько я помню, доних, ты представился мне, при первой нашей встрече – Гавилан, не так ли?

– Да, – ответил я. – Так меня зовут.

– Что ж, молодой Гавилан, тогда и я представлюсь, – эльф снял свою шляпу, раскинув свои длинные волосы, которые заструились вниз по его плечам, – Аурум Адамантис, охотник. Можешь называть меня охотником на чудищ, но у нас, эльфети, нет различий. Охотник – тот кто охотится, неважно, на чудищ или на животных, для защиты или для пропитания.

– Аурум... Эльфети... Я слышал, что вы зоветесь эльфами, а не эльфети...

Аурум поморщился.

– Эльфы – это ваше название, доних, – ответил он. – Исковерканное наше благородное слово. Эльфети – вот чистое имя для нас.

Я потупил взгляд.

– Извини, – сказал я, – я еще никогда не встречался с вами... То есть, до недавнего времени не встречался, и не знаю, как вести себя.

– Веди себя естественно, – сказал эльф. – Естественность

– вот главное в жизни. Ведя себя так, как ты себя чувствуешь, ты живешь полной жизнью.

В комнату внезапно вошла зеленоволосая эльфийка с плоской супа. Аурум взглянул на нее, надел шляпу и направился к выходу. У двери он повернулся ко мне и сказал:

– На сегодня достаточно разговоров, Гавилан, твоему горлу еще необходим покой. Алесия накормит тебя. Не разговаривай с ней, у тебя еще будет много времени.

– Хотя у доних никогда не будет много времени, – буркнул он себе под нос и ушел. Тем временем эльфийка поднесла мне суп ко рту. Теперь я уже мог самостоятельно пить из плошки, но держать ее у меня еще не получалось.

Алесия! Какое прекрасное имя у не менее прекрасной эльфийки! Я хотел было сказать ей слова благодарности, она приложила к моим губам ткань, вытерев остатки супа, и тихо сказала:

– Подожди еще, тебе было велено молчать. Горло еще не зажило до конца.

Эльфийка ушла, а я снова остался один, наедине со своими мыслями и душистым комнатным интерьером.

Теперь Аурум стал чаще ко мне заходить. Он спрашивал меня про мою жизнь, таким образом тренируя мою гортань, и я охотно рассказывал ему и про свое детство, и про учебу, и про свои приключения в роли охотника на чудищ. Эльф тоже иногда что-то рассказывал о себе. Я узнал, что ему семьдесят лет, что довольно мало для эльфов, живущих

по триста-четырееста лет, что Алесия – его младшая сестра, тоже охотница, которой было шестьдесят лет, что было вполне равноценно моим семнадцати годам. Сама Алесия тоже иногда заходила к нам, слушая наши диалоги и мои истории, но никогда сама не вступала в разговор, хотя я догадывался, что Аурум пересказывает ей про меня все, что она не слышала.

Меня стали кормить не только супом. Однажды Аурум принес пару тушек кроликов, и они с сестрой приготовили настолько вкусное и питательное рагу, что после целой тарелки я хотел еще немного, хотя и чувствовал, что в мой желудок больше не влезет.

– Животных можно убивать только тогда, когда это нужно для пропитания – в этом смысл охоты, – говорил Аурум. – Чудищ же, доних, нужно убивать сразу, так как они выбиваются из круговорота жизни, бездумно нарушая его.

К окончанию второй недели я мог уже достаточно свободно ворочаться в постели, привставать на руках и облокачиваться на край кровати. Вставать и вертикально держаться мне было еще тяжело, но той невыносимой боли, что раньше, я уже не ощущал.

Вечером одного дня Аурум зашел ко мне снова, поговорить. В середине нашей беседы он вдруг ответил мне:

– Знаешь, доних, ты ведь неправильно дерешься.

– Почему неправильно? – удивился я. – Я же побеждаю противников.

Эльф рассмеялся.

– Это показывает лишь беспомощность твоих противников, а не твое умение драться. Видишь ли, у каждого живого существа есть битх'бал, или, как говорят у вас – биологическое поле. Это невидимый шар, обволакивающий существо и состоящий из его внутренней энергии и ощущений. Существо чувствует себя комфортно, когда его битх'бал никто не нарушает, и начинает нервничать или впадать в депрессию, когда границы битх'бал нарушаются. Соответственно, в бою нужно учитывать, когда ты разрушаешь битх'бал врага, и стараться не допустить того же самого с твоим битх'бал. Ты видел, как сражаюсь я, – продолжил он. – Мое оружие – лук. Я стреляю и, следовательно, мои стрелы, даже если не попадают во врага, проходят через его битх'бал. До моего поля никто не достает, я не позволяю это сделать, пуская несколько стрел в ответ. Мое расстояние – моя защита. Ты же дерешься мечом, постоянно подвергая опасности свой битх'бал. Это неправильно, и этим пользуются твои противники.

– Что же мне делать? – спросил я. – Я учился сражаться мечом, и то, как я дерусь – это стиль абсолютного большинства мечников вроде меня.

– Вот почему ты плохой охотник, доних, – сказал Аурум, снова ехидно улыбаясь. – Когда ты найдешь свой собственный стиль и свое собственное оружие, когда ты научишься защищать свой битх'бал, тогда ты станешь селххет.

– Кем? – переспросил я.

– Селххет, – повторил Аурум. – Охотником, по-вашему. Вот только вы не вкладываете в это слово той силы и того значения, как мы в свое. Для людей ты можешь быть сколь угодно хорошим охотником, но я никогда не назову тебя селххет.

Следующим утром, когда Алесия принесла мне завтрак, я спросил у нее про брата.

– Не придавай слишком много значения словам Аурума, человек, – сказала эльфийка, улыбаясь. – Он добрый и справедливый, но он всегда четко разделяет границы между понятиями.

– В каком смысле? – спросил я. – И он, и ты называете меня человеком.

– Может быть, но Аурум не назовет тебя человеком на твоём языке. Как бы ты ни стал ему близок за последнее время, ты для него все-таки чужой – доних, как он говорит. Ты должен сделать что-то очень значимое для него, чтобы он тебя принял как родного.

– А ты? – вопросительно посмотрел на Алесию я. – Ты меня называешь человеком, не донихом. Как ты меня принимаешь?

Щеки Алесии еле заметно порозовели, и она молча вышла из комнаты. Я остался сидеть наедине с завтраком, который медленно остывал, стоя на низенькой тумбе. Может, я сказал чересчур много и задел, пусть даже словами, то самое поле,

о котором говорил Аурум?

Больше мы с Алесией не разговаривали на эту тему, а совсем скоро я стал понемногу вставать на ноги с кровати, и Аурум сообщил, что выйдет со мной из комнаты на прогулку.

– Будь готов увидеть то, что мало кто из вас видел, других, – сказал он, поддерживая меня, когда я встал.

Выйдя наружу, я обнаружил себя на широком пространстве, заполненной зеленью. Передо мной находилась большая площадь, разделенная клумбами на соединенные друг с другом окружности, по которым прогуливались... Нет, не люди. Все прохожие были эльфами – высокие, статные, с длинными ушами и волосами всевозможных расцветок и причесок. Я оглянулся назад и увидел, что домик, где я лежал, был маленьким и круглым, в виде цветочного дерева. Оглядевшись вокруг, я заметил, что везде стояли такие же домики, в них эльфы жили и отдыхали. Впереди меня, далеко впереди, стояло гигантское дерево, которое уходило глубоко вверх, через облака. Дерево обвивала целая сеть этажей, многоуровневых домиков, мостов, во многих местах в стволе были вырезаны большие красивые дупла. С громадных толстых веток дерева свисали могучие лианы, на которых болтались маленькие качельки с играющими детьми. Сверху искрились теплые яркие лучи солнца, без проблем прорываясь через густую крону дерева, заливая густым красно-желтым светом полянки с большими, раскинувшими ши-

рокие фиолетовые листья, цветами. Воздух благоухал тяжелым запахом нектара, мяты и еще множества других растений, включая такие, запах которых даже я, не понаслышке знакомый с травничеством, не мог распознать. Вокруг летали тысячи насекомых, включая светлячков, шмелей, медоносных пчел и бабочек, но они, как ни странно, не издавали ни малейшего звука вроде жужжания, словно благоговей перед священной тишиной лесного дома.

– Добро пожаловать в Дадал’Тревар, единственный и великий город эльфети! – воскликнул Аурум Адамантис, раскинув руки, словно втягивая в себя энергию внезапного порыва ветра, образовавшегося перед ним. – Хоть ты, доних, и находишься здесь половину месяца, сам город видишь впервые. Немногие доних видели его, так что тебе очень повезло!

– Немногие? – удивился я, не прекращая смотреть вокруг себя. Теперь я разглядывал самих эльфов. Все одежды у них были сделаны из природных материалов, практически никак не обработанных – листьев, лепестков цветов, стеблей, древесной коры – но тем не менее прекрасно сидящих на них, словно сама природа специально выращивала и сшивала эту одежду для эльфов.

– Были случаи, когда доних приходил в наш город, – отвечал на мой вопрос эльф. – Разные причины были у них появиться здесь, но все оставляли эту тайну при себе. К сожалению, некоторые умудрялись разболтать о нашем городе другим, но дальше слухов и легенд дело не дошло.

– Но как же вы спрячетесь, если в вашем городе растет такое большое дерево, которое заметно переросло все остальные деревья в Энтеррском лесу? – поразился я.

Эльф помолчал, а потом вдруг спросил:

– Ты видел когда-нибудь свое сердце?

– Нет, конечно, – ответил я, не понимая, к чему он ведет.

– Это дерево – сердце Энтеррского леса, – сказал Аурум. – Сам лес оберегает и укрывает его, ведь без этого дерева он сам погибнет. Мы – хранители Сердца леса и его защитники. Мы помогаем лесу оберегать дерево своей древней магией. Если лес не захочет, никто никогда не увидит Сердце леса и Дадал’Тревар.

Мимо нас прошел эльф, настолько большой и высокий, что был выше даже Адамантис. Он был одет в толстую, похожую на металлическую, броню, сплошь покрытую шипами. На эльфе не было ни малейшего свободного места, где не торчал бы шип. Я не мог проверить, но был твердо уверен, что шипы были остро заточенными, а может, и ядовитыми.

– Показиуаещь доних сэрге? – спросил он Аурума, улыбаясь мне, с жутким акцентом на людском языке.

– Да, Энтиэль, этому очень повезло, что он видит город, – ответил ему Аурум, дружески, но в то же время почтительно, поклонившись. Энтиэль улыбнулся и поклонился в ответ и тут же сказал, переходя на эльфийский:

– Слания ждйот ти ин седе тейлой, Аурум. Техват, – и, развернувшись, он ушел по дорожке к сторону дерева.

– Что он сказал? Что за Слания? – спросил я Аурума.

– Слания – наша с Алесией мать, – неожиданно сухо ответил эльф. – Она меня ждет зачем-то. Иди в дом. Алесия принесет тебе еды. Погуляем в следующий раз.

Я немного расстроился, но послушаться не смел. Я был не в том положении и месте, чтобы противиться приказам Аурума. Когда Алесия пришла ко мне, я не удержался и спросил ее:

– Ваша мать строго к вам относится? Почему Аурум так поменялся в настроении, упоминая ее?

Алесия вздохнула и, судорожно сглотнув, ответила:

– Наш отец был охотником. Он погиб, защищая нас и нашу мать, спас нас от гибели. Мы с Аурумом поклялись стать охотниками в честь отца, а мать была против. Она – жрица леса, и хотела, чтобы я тоже стала жрицей. Аурум всегда меня защищал, и тут он тоже защитил меня, настроив себя против матери. В итоге они разругались до того, что Аурума лишили привилегий. Теперь они почти не разговаривают друг с другом, но Аурум повинуетя ей, ведь ее положение выше, чем его, к тому же она все-таки наша мать. Прости, – она снова вздохнула, – я больше ничего не могу сказать тебе...

Она хотела уйти, но я удержал ее за плечо – хоть она и была ниже старшего брата, мы были с ней одного роста – и ответил:

– Это ты меня прости... Я не должен был расспрашивать тебя об этом.

– Нет-нет, – закивала головой Алесия. – Ты так много рассказал о своей жизни, а мы почти ничего не говорили о своей...

Остаток ужина мы провели молча. Я неспешно доел свою порцию травяного супа, и Алесия вновь ушла, но теперь мне было действительно жаль, что она меня покидает в таком настроении.

Во время нашей следующей прогулки мы с Аурумом прошли намного дальше, обойдя всю обширную площадь по периметру.

– Скажи, Аурум, – начал я. Эльф кивнул:

– Да? – спросил он.

– Ты мне говорил, что драться нужно так, чтобы не задевать свое биологическое поле. Но я видел твоего товарища... Энтиэля. Кто он? Воин?

Аурум усмехнулся и ответил:

– Он селххет, как и я. У нас нет воинов, мы ни с кем не воюем. И он сражается, защищая свой битх'бал, обнимая врагов своими доспехами и прижимая к своим острым шипам.

– Но ведь получается, что он подпускает врагов слишком близко и нарушает границы поля! – возразил я.

– Нет, доних, – отрицательно покачал головой Аурум. – Ты снова ничего не понял. Он защищает свой битх'бал, облакая его в свои доспехи. Враг не может подойти ближе, чем надетый на Энтиэля доспех, и задеть его поле. При этом Энтиэль, прижимая врага к себе, разрушает целостность бит-

х'бал противника. Его способ хоть и отличается от моего, тем не менее направлен на одно и то же. Твой меч для тебя – плохое оружие. Почему, спросишь ты? Ты не можешь защитить свой битх'бал мечом, враг постоянно прорывает его и выходит обратно. Получается, границы твоего поля в бою беспрестанно разрушаются, ты их не контролируешь. Если враг тоже владеет мечом, то получается, что дерясь, вы попеременно разрушаете битх'бал друг друга, и проигрывает тот, кто вымотается быстрее. Если бы твое поле не нарушалось, ты бы никогда не вымотался. Возможно, ты вспомнишь свои предыдущие бои и то, как ты сильно уставал после них, не столько физически, сколько морально?

Я уже в который раз промолчал на вопрос Аурума, осознавая, что опять он в какой-то степени оказался прав. Часто я ощущал себя опустошенным после долгой драки с преступником, когда уже казалось, что он вот-вот проткнет тебя своим остро заточенным клинком, но судьба складывалась иначе. Тогда я думал, что побеждал за счет своего мастерства, но теперь, после слов эльфа, стал сомневаться в этом. Было ли это действительно мое мастерство или же просто большая удача? Сложно было ответить.

– Вот почему мне не нравится твой меч, – продолжал эльф. – Однако, твой арбалет мне нравится, потому что, как и лук, позволяет атаковать битх'бал врага, не допуская его к себе. Если бы ты его не перезаряжал так долго, то это было бы превосходным оружием. Твои бомбы, – подумал

он, – возможно, тоже вполне подходящее оружие, помогающее расправиться с противником на расстоянии. Но мне оно не нравится, так как задевает много лишнего при взрыве и наносит вред природе.

Я задумался о словах Аурума. С его точки зрения получается, что все мои дополнительные способы борьбы с чудищами на самом деле являются главными, и что я дерусь совсем не так, как надо. Я не мог до конца поверить эльфу, ведь годы обучения фехтованию не могли пройти просто так! И все же в моей голове начали закрадываться мысли сомнения о моем стиле сражения.

– Я разговаривал со Сланией, – сказал внезапно Аурум. – Она говорит, что тебе пора уходить. Ты уже почти излечился.

– Да, я излечился, – согласился я. – Я премного благодарен... Но разве я ничего не могу сделать взамен? Или остаться еще здесь на некоторое время?

Аурум молчал. Он опустил свою громоздкую шляпу на лоб так низко, что я не видел ничего, кроме его тонкой черной бороды.

– Она говорит, что ты можешь принести беду в Дадал’Тревар, – вдруг сказал он, нарушив нашу тишину. – Возможно, что, зайдя в ту странную пещеру, ты пробудил чудовище.

– Какое чудовище? – спросил я. – Там было чудовище?

– Не чудовище, – ответил Аурум, не поворачиваясь ко мне, – чудовище. Доних, ты не знаешь разницу между ними?

– Ну, чудовище – это зверь, не входящий в основной цикл

жизни природы, – стал объяснять я. – Цель чудища – беспричинное уничтожение и разрушение. Насколько я знаю, чудища стали часто появляться в мире лет сорок назад...

– А чудовища?

– Я не понимаю, – признался я. Аурум вздохнул и ответил.

– Бывает, что чудища вырастают до невообразимых размеров и мощи и становятся угрозой не просто какому-то животному, доних или эльфети, а целому городу или того больше – всему миру. Такие монстры называются чудовищами, повелителями чудищ. Да, они могут использовать других чудищ для достижения своих целей, и сами являются не такими глупыми и прямолинейными, как чудища. Правда, чудовища появляются крайне редко, – Аурум снова замолк на несколько секунд. – За свою жизнь я сталкивался с чудовищем один раз. Тогда погиб мой отец...

– Тогда ты поклялся стать охотником, – прошептал я.

– Нет, – ответил эльф, услышав мою фразу, – тогда я поклялся стать селххет, как и моя сестра. Но Слания была против. Она хотела, чтобы Алесия стала жрицей. Я вступился за Алесию... Теперь я Адамантис.

– Что это значит? – спросил я, недоумевая. – Я думал, это твоя фамилия...

– Нет, – отрезал Аурум. – У нас нет фамилий, доних. Мы принадлежали к высшим эльфети, Дарконис, касте жрецов. Но Слания на правах матери отняла наше звание, и мы стали отреченными, которых эльфети называют Адамантис. Ада-

мантис не имеют права голоса на общем совете и они должны сами заботиться о себе, не получая помощи от других эльфети. Но мне, как и Алесии, это неважно, главное – отомстить за смерть отца.

Голос Аурума был тверд, но все же где-то внутри ощущалось отчаяние. Видимо, эльф уже не первый год пытается восстановить свое имя, но не знает, откуда начинать поиски того чудовища, которое убило его отца.

– Я могу увидеться со Сланией? – спросил я. – Я мог бы попробовать поговорить с ней...

– Нет, – сухо перебил меня Аурум. – Доних не может видеться с Дарконис, это строго запрещено. Вообще, я слишком много тебе рассказал. Тебе следует молчать о том, о чем мы говорили сегодня, иначе тебя точно будут ждать неприятности.

Больше мы не разговаривали, до самого конца прогулки. Аурум проводил меня до моего домика и сразу же ушел, тихо и бесшумно, и даже шаль на входе не шелохнулась за его широкими плечами.

Значит, все то, что Аурум с Алесией делали здесь для меня, они делали самостоятельно, не получая помощи от других эльфов? Но зачем им нужно было выхаживать меня? Я был не более полезен для них, чем кто-нибудь другой из людей. Вообще, чем больше я находился в Сумрачном Городе, тем больше я путался в его устройстве. Были ли все отреченные изгоями или они все-таки играли какую-то роль в жизни

эльфов? Что такого особенного делают Дарконис? Есть ли другие эльфийские касты?

Мои размышления прервала вошедшая со своим любимым музыкальным инструментом Алесия. Она тихо уселась на стульчик, положив инструмент на колени, и сказала:

– Я хотела немного спеть тебе нашу песню...

– Что это за песня? – тихо спросил я.

– Она посвящена нашему народу, – ответила Алесия, настраивая длину струн на колесе. – Эта песня о том, что мы потеряли и что обрели взамен... Я всегда думаю о нашем отце, когда пою эту песню... – Она дернула ручку, прикрепленную к колесу, и стала его крутить. Из инструмента понеслись красивые мелодичные звуки, и тут Алесия запела. Ее голос звучал спокойно и волшебно, изящно переплетаясь с гармонией инструмента, перекатываясь, словно морские волны, то становясь быстрее и громче, то наоборот, тише и медленнее, и все это завораживало и навевало самые разные мысли, о прошлом и о будущем, и заставляло сердце внимать песне и стучать ей в такт, будто соглашаясь с историей, которую песня пыталась донести. Звонким голосом звучал голос Алесии, словно у меня в голове:

*А улати, мон атрон,
А брохен компрохон,
А хсту, уратуи уорробион...
Кенетлон, клоуисьон,*

Кауарон, калетон...

Пока она пела, мне казалось, что я понимаю смысл слов, не тот, который звучал в песне Алесии, а тот, который был скрыт за самими строчками, который мог понять любой, впус- тивший эту песню в себя, в свое сердце. Когда Алесия за- кончила петь, казалось, что мимо меня прошла целая веч- ность, весь золотой век эльфийской истории.

– Ты так мечтательно задумался, человек, – грустно улыб- нулась она. – Надеюсь, тебе понравилось.

Я просто кивнул, так как у меня не хватило бы слов, чтобы описать все впечатления, которые я испытал от этой песни.

Так же печально улыбаясь, Алесия вышла из комнаты. Мир погружался в вечернюю тьму, и я, успокоившись от кра- сивой мелодии, легко и непринужденно уснул в мягкой по- стели.

Очнулся я от холода. Где-то сверху я слышал тяжелый шум льющей, как из ведра, воды.

– Где я? – спросил я, испуганно озираясь.

– В Энтеррском лесу, – ответил стоящий рядом со мной Аурум. – Я вывел тебя из Дадал’Тревара, пока ты спал. На- стало время нам расстаться.

– Прямо так? – удивился я, протирая спросонья глаза. – Но я ведь не был одет в свое снаряжение, и вещи я тоже не взял.

– Если ты согласишься на себя, – сказал эльф, натягивая

шляпу на лоб. – Ты увидишь, что какой-то молодой доних одет в снаряжение охотника, с сумкой на плечах и палкой, – тут он подкинул мне шест-водомерку, – в руках.

Я подхватил шест и оглядел себя. Действительно, я был одет абсолютно так же, как тогда, когда дрался против армии гноллов.

– А как же спина? – спросил я.

– Твоя спина полностью зажила, – сказал из-под шляпы эльф. – Если ты про рваные дырки сзади на одежде, то они залатаны так, словно ничего и не рвалось.

Проверить слова Аурума у меня бы не получилось, но я ему охотно поверил.

– Твоя деревня в той стороне, не слишком далеко, – показал пальцем Аурум. – Больше я тебе ничем помочь не могу, доних. Тебе придется добираться одному. Техват!

Эльф шагнул назад в кусты и исчез, будто его тут и не было. Я остался один под плотной желтой листвой молодой омелы, посреди болота, да еще и в сильный ливень.

Я уже совсем забыл, что я пробыл в эльфийском городе три недели, а тем временем уже давно наступила осень. Странно, как в Дадал’Треваре поддерживалась теплая, ясная погода, тогда как весь Энтеррский лес беспрестанно заливало ливнями, как сейчас? Уровень воды в озерах и болотах существенно поднялся, теперь стало сложнее найти брод. Вся земля в лесу превратилась в сплошную слякоть, на которой было нетрудно поскользнуться. Сквозь пелену падаю-

щих дождевых капель я видел не дальше, чем на десяток метров. Понятно, что эльф не специально выкинул меня в столь суровое время, но неужели он не мог меня довести прямо до деревни, тем более зная, где она находится? На мгновение эта мысль скользнула в моей голове, но почти сразу же сменилась другой – я задумался, как Аурум пробирается сквозь лес под таким же дождем?

Я пошел в ту сторону, куда указал мне эльф-охотник. Нащупывая более-менее твердую почву шестом, я медленно перебирался по чащобе. Вокруг себя я не видел ни животного, ни чудища – никакого живого существа. Никто не осмеливался выйти под такой сильный дождь, лишь я один шел под открытым небом, да и то не совсем по своей воле. Окружение вокруг меня не менялось, повсюду преобладали серо-коричневые цвета, а воздух почти целиком состоял из водного пара, в котором было довольно тяжело дышать. Внезапный порыв ветра изменил угол падения капель, решивших теперь найти все щели в моей и без того насквозь промокшей одежде, и сорвал с деревьев уже пожухлые темно-красные листья, часть из которых врезалась в меня и так и осталась, прилипнув к сумке, рубашке и штанам. Вода тоненькими ручейками стекала с моих волос мне за воротник, щекоча лопатки.

Случайно перед собой я наткнулся на несколько стоящих друг рядом с другом деревьев, ветки которых были сломаны. Пройдя чуть вперед, мой шест наткнулся на что-то твердое

на земле, звякнувшее глухим железным эхом. Я наклонился и опустил руку под воду. Рука нащупала древко металлического оружия. Я поднял его и увидел, что это не что иное, как гнолловское копьё. Похоже, что я пришел на дорогу, по которой мы с эльфом и дриадами догоняли остатки армии гноллов. За три недели копьё уже полностью проржавело и безвозвратно испортилось. Я уставился на это копьё и задумался. Глянув вправо, я заметил, что там тоже были сломаны ветки, к тому же из воды торчали наполовину обглоданные кости. Похоже, что погоня велась в ту сторону, хотя в такую погоду обнаружить это было почти невозможно. Что-то екнуло у меня в груди, я повернулся направо и пошел туда.

В конце должна быть поляна с той самой злополучной пещерой. Я был уверен, что огонь вырвался из нее не просто так. К тому же Слания, по словам Аурума, говорила, что в этой пещере, возможно, пробудилось некое чудовище. Под таким ливнем пламя мне не грозит, единственное, чего я боялся – что саму пещеру затопило, и я не смогу туда забраться, ведь неизвестно, какой она величины и формы.

За себя я уже не боялся – я и так промок насквозь и наверняка простужусь. Сейчас у меня была одна цель – пещера.

Мимолетом я подумал о Ауруме и на мгновение остановился. А вдруг эльф снова следит за мной? Может, он опять попытается остановить меня, как пытался в прошлый раз? Вот только поможет ли он мне теперь, когда я, не смотря ни на что, снова его послушался... Но я отбросил эту мысль и

снова продолжил свой тихий путь. Вряд ли эльф присматривает за мной, слишком уж дрянной была погода.

Деревья передо мной расступились, и я вышел на ту самую поляну, где потерял сознание три недели назад. Сквозь пелену дождя я пытался всмотреться в середину этой поляны, которая сейчас была самым настоящим озером, окруженным со всех сторон густым лесом. Но зрение меня подводило – я не мог обнаружить холмик, обозначающий пещеру, хотя он явно должен был проступать над текущим уровнем воды.

Я решил подойти ближе и направился, как я подумал, в центр поляны. Внезапно землю подо мной повело в сторону, я не удержался и заскользил ногой по илу. Вскинув в последнем рывке руки, я упал, захлебнув пару глотков грязной воды. Встав на руки, которые моментально окоченели под водой, я откашлялся и попытался встать. Ступни не сразу могли нащупать твердое основание, чтобы я мог опереться, но наконец у меня получилось присесть сначала на колени, а потом и на прямые ноги.

С ужасом я понял, что в падении уронил свой шест-водомерку, и теперь он лежал где-то на дне этого достаточно большого озера, если его не унесло подводным течением или не засосало под зыбкое илистое дно. Но делать было нечего, и я, нащупывая ногами путь, пошел дальше.

Кажется, я дошел уже до середины поляны – я мог видеть деревья на другом краю озера, но холма я так и не обна-

ружил. Что же это могло значить? Не могла же пещера пропасть просто так, моментально, без каких-либо признаков завала или чего-то подобного? Или я вышел на совсем другую поляну? Но такое просто не могло произойти, ведь я шел точно по следам, оставленным убежавшими тогда гноллами. Но где же пещера? На этот вопрос я нигде не мог найти ответа.

Пройдя еще немного времени по поляне в тщетных попытках поиска, я понял, что надо возвращаться в деревню. Правда, теперь это было сложнее – я потерял шест, измазался в грязи, наглотался воды и продрог. Борясь с ознобом, пытающимся заставить мои конечности дрожать мелкой беспоконной дрожью, я поспешил по обратному пути. Сделать это было не так просто, даже с учетом того, что я только что здесь проходил – ведь я не оставлял следов, идя по грязным ручьям, затопившим лес.

Не знаю, сколько времени я шел по лесу, постоянно спотыкаясь или утопая по бедра в воде. На лес уже опускались сумерки, когда я, жутко дрожа от холода, наткнулся на небольшую возвышенность, до которой не достала вода. Впереди я заметил разъехавшуюся тропинку и только теперь понял, что я уже совсем близко от деревни.

Как раз, когда я ступил на дорожку, ливень стал прекращаться и вскоре от него остались только редкие капли, падающие с громким хлопком по всему лесу вокруг. Я волочил ноги, набирая комки глины носками своих сапог. Хлюпанье

ног впереди заставило меня поднять взгляд. Я увидел перед собой деревню. У калитки дома Сигнеллей стояла перепуганная Таинка, а ее отец Мордрент, звучно топча своими широкими ботинками, бежал ко мне, держа в руках развернутое толстое меховое одеяло. Из деревни выходила размытая фигура, но приглядевшись, я распознал в ней старосту Таллиана-Энтейне. Он стоял на дороге, укоризненно глядя на меня и держа в зубах свою вечную трубку с дымящимся табаком. В его руке я увидел венок из омелы, который Таллиан, недолго думая, швырнул далеко в сторону, прямо в грязь. В носу внезапно защекотало, и я громко и протяжно чихнул...

Глава 3. Форма, жизнь, движение, смерть

Тяжелая, дождливая осень Энтеррского леса подошла к концу и успокоилась, уступив место прохладной зиме. В отличие от других регионов Телехии именно осень, а не зима, была временем, когда жители леса отдыхали от своих дел и сидели целыми днями дома. Осенью весь лес был затоплен бесконечными дождями, а зимой вся вода замерзала и превращалась в сплошной каток. С неба постоянно падал тихий снежок, который еле-еле укрывал уставшую землю и талял от одного лишь прикосновения к нему. Зима в Энтерберге и окрестностях под ощущениям была даже немного теплее осени, благодаря защите древних высоких деревьев, спасавших людей от холода и ветра. Поэтому в начале зимы я выбрался из деревни Таллиана-Энтейне, поблагодарив всех за кров и за то, что вылечили меня от простуды, вызванной долгой прогулкой по осеннему лесу. Таллиан от лица деревни поблагодарил меня за спасение от гноллов, довольно щедро вознаградив меня. Половину награды я оставил старухе Бергезиль – ей деньги куда нужнее.

Зимний Энтеррский лес был бесподобно красив – теперь густую зелень заменил ослепительно белый снег, а не успевшие высохнуть ручьи покрылись льдом чуть ли не до самого

дна. Все вокруг блестело и сверкало и даже в мыслях не возникало каких-либо опасений по поводу того, кто мог скрываться за любым из кустов, мимо которых я проходил, хотя зимой лес не становился менее опасным из-за населяющих его хищных животных и страшных чудищ.

У меня не было цели прийти в какое-то определенное место, поэтому я просто шел по лесу, осматривая красоты зимнего пейзажа. Редкие животные, в основном белки да мыши-полевки, попадались мне, внезапно выскакивая из своих подснежных лабиринтов, ошарашено глядя на меня и тут же исчезая за низкими кустами спящих малиновых кустов. Один раз мне встретился лось, который абсолютно безразлично посмотрел в мою сторону, не переставая медленно и методично разжевывать мох, который в изобилии рос на коре деревьев.

К вечеру – а вечерело теперь рано – я проголодался. Уже начинались сумерки, и я решил поймать какого-нибудь мелкого зверька, чтобы поужинать. Как назло, все мыши и хомяки куда-то пропали, и мне пришлось брести дальше, и только легкое поскрипывание снежинок под ногами немного приглушало недовольное урчание в моем животе.

Уже перед самой ночью я заметил пробегающую полевку. Она, видимо, тоже заметила меня и юркнула в небольшой сугроб. Словно лиса, я прыгнул за ней, на ходу доставая нож. Разрыв сугроб, я обнаружил, что в нем у полевки было гнездо. В окружении сухого хвороста и листьев сидели три

мышки, обреченно глядя на меня. Не то, чтобы мне совсем не было их жалко, но организм требовал пищи. Я вспомнил слова Аурума о том, что животных убивать нужно только для пропитания, а я жутко хотел есть. Тремя точными ударами я получил трех в меру упитанных грызунов.

Используя гнездо полевок, которое никому больше не пригодится, для розжига костра, я освежевал зверьков, распотрошил их и, насадив на длинную палку, стал поджаривать на костре. Параллельно я поддерживал огонь, подкидывая ветки, отломанные у соседних деревьев и кустов. Худо-бедно поужинав, я достал спальный мешок, сшитый из двух толстых одеял, взятых в деревне. Я залез в мешок, пристроившись поближе к теплому костру, который еще горел, и уснул здоровым сном.

Костер еще долго тлел, и тепло от него шло всю ночь, за которую никто меня не потревожил. Проснувшись утром, я быстро собрался, аккуратно замел следы своего ночного пребывания и пошел дальше. Желудок как бы ненароком напомнил мне своим легоньким бурчанием, что неплохо было бы и позавтракать, но я решил пройти еще немного пути хотя бы до полудня.

Благодаря теплой шерстяной одежде, которую мне отдала Бергезиль, связавшая ее специально для меня в качестве благодарности за помощь в хозяйстве, я не мерз, лишь лицо чуть-чуть ощущало холодное прикосновение зимнего мороза. От ходьбы мне даже стало немного жарковато, но я про-

должал идти, не останавливаясь.

Жар становился нетерпимее, и спустя время я уже обливался потом. Сначала я думал снять с себя часть одежды, но потом заметил, что жар чувствуется с одной стороны, причем с каждым моим шагом тепло только увеличивалось.

Я заподозрил неладное и ускорил свой шаг в сторону тепла. Живот разочарованно заурчал, но у меня не было времени отвлекаться на еду. На ходу я расстегнул свою накидку, раскрыв под ней легкую рубашку, и перешел на бег.

В воздухе запахло какой-то гарью. Не замедляя бег, я вскинул голову наверх и увидел серый дым, расползавшийся по небу. Я побежал в его сторону и увидел большой пожар.

Горела церковь, стоящая в лесу. Из-за деревянного каркаса огонь быстро охватил все здание, подтачивая глиняные стены, которые теперь слабо держались, лишившись опоры. Пожар переместился с церкви на стоящие по соседству деревья, растапливая их верхушки, отчего и шел такой мерзкий дым. К счастью, все деревья были покрыты снегом, поэтому огонь не мог так быстро распространиться, но он упорно желал продолжать свое разрушительное шествие по лесу.

Внизу туда-сюда сновали монахи, бегая с различной посудой всевозможных объемов – от плошек до ведер и ушат. Они забегали куда-то за ближайшую березовую рощу и возвращались оттуда с водой, которую незамедлительно выплескивали на церковь.

– Что тут происходит? – спросил я пробегающего мимо

послушника в белой одежде, покрывшейся копотью. Сначала он не обратил на меня внимания, поэтому мне пришлось задержать его, ухватив крепко за плечо.

– Демоны напали! – испуганно прокричал послушник. – Спаси нас святой крест!

Священное учение крестоворота было широко распространено по всей Телехии. В принципе, ничего такого особенного оно собой не представляло, кроме призыва почитать нерушимый годовой ход солнца и звезд, а также неукоснительно исполнять посты и заповеди, которые, как они верили, были даны им самим создателем нашего мира. Священники крестоворота не были яркими распространителями своего учения и никого не призывали к нему насильно – наоборот, они ратовали за добродетельные качества человека. Однако, кроме веры в бога, они также были слишком подвержены вере в сверхъестественных существ, вроде ангелов и демонов.

– Какой демон?! – прокричал я ему в ответ, пытаюсь переорать треск обуглившихся бревен. – Нет тут никаких демонов!

Послушник в испуге отрицательно задергал головой.

– Нет, нет! – кричал он. – Я сам видел. Демон вышел из леса и наказал нас за нашу веру! О, великий Создатель, защити нас от беды! – запричитал он.

Со стороны церкви послышался булькающий смех. От колокольной башни отделилась огромная вспышка пламени и,

пролетев вокруг церкви, зависла над входным крестом. Приглядевшись, я увидел в пламени едва заметные очертания глаз и рта, а внизу – небольшой вихрь, благодаря которому пламя держалось в воздухе на одном месте.

– Это элементарь! – воскликнул я. Некоторые служители, услышав мой голос, остановились, будто осмысливая сказанной мной.

– Огненный элементарь? – переспросил послушник.

Я помотал головой.

– Тебя как зовут? – спросил я послушника.

– К-клемм, – ответил, немного сбившись, послушник.

Я ответил ему:

– Понимаешь, Клемм, не бывает каких-то определенных элементарей – огня там или воды. Элементарь сам по себе – это совокупность всех четырех изначальных элементов, которые переходят один в другой прямо на ходу. Вон, сейчас, – я ткнул пальцем в висящее пламя, – элементарь перешел в огненную форму, однако снизу он оставил воздушную, – я переместил палец на вихрь, – чтобы летать.

Элементарии были опасными чудищами, так до конца и не изученными охотниками. Они постоянно перетекали из одного состояния в другое, причем могли перевоплощаться как полностью, так и по частям. Бывалые охотники писали в своих bestiариях, что четыре изначальных элемента представляют собой четыре стороны существования элементаря: земля – форма, вода – жизнь, воздух – движение, огонь –

смерть. Будучи в земляной форме, элементаль приобретал свойства огромного валуна с тяжелым весом и силой удара какого-нибудь великана. В водяной форме элементаль растекался, когда ему нужно было просочиться через небольшой проем или избавиться от назойливого противника. В форме воздушной элементали летали, парили и неслись с умопомрачительной скоростью, моментально достигая того места, куда они хотели попасть. И, наконец, в огненной форме они творили разрушения и несли гибель всему живому.

Откуда появлялись элементали и как они рождались, никто не мог дать ответа. Зачем они уничтожали все вокруг себя, тоже никто не знал, кроме того, что элементалей сложно разозлить, если не потревожить их место обитания. Но главное, что вывели охотники – это то, что в самом центре субстанции элементалья находился довольно твердый осколок, похожий на многоцветный кристалл, который назывался средоточием стихий. Если каким-либо образом вытащить или выбить средоточие стихий из элементалья, то он погибнет. Естественно, просто так достать средоточие стихий элементаль не давал, защищая свой источник существования любыми способами.

Охота на элементалей была трудна, если не знать, как с ним сражаться. Неопытные люди пытались тушить огонь элементалья, выпаривать воду, сдувать вихри – все это было без толку, ибо элементаль вбирал в себя огонь или воду, отражая удар обратно в атакующего. Главное правило боя

с элементом было простым – не использовать в бою изначальные элементы. Оружие для борьбы с элементом не должно было содержать ни землю, ни огонь, ни воду, ни даже воздух. Многие новички терялись, думая, что это правило невозможно соблюсти – ведь все в мире состоит из изначальных элементов. Однако я знал, что данное правило не надо было выполнять досконально. По сути, почти любой искусственно созданный предмет подходил для боя. Например, мой меч был хорошим оружием против элемента, ибо он был создан из металла, который не являлся изначальным элементом.

Я достал из-за спины свой клинок, прикидывая, как можно достать элемента, зависшего над догорающей церковью. Однако долго думать мне не пришлось, так как чудище заметило меня и, яростно завывая, понеслось вниз ко мне.

Монахи в ужасе разбежались в стороны, а Клемм, испуганно глядя на элемента и неистово крестясь, стоял там же, где я его остановил, не двигаясь. Левой рукой я оттолкнул послушника в сторону, и тот от неожиданности свалился на колени и тут же, опомнившись, быстро отполз в сторону. Сам я отскочил в другую сторону, и вовремя, потому что в следующее мгновение элементаль с глухим грохотом врезался в землю, растопив снег и спалив дерн под ним.

Я повернулся в сторону чудища, держа меч наготове и сокрушаясь по поводу того, что кроме меча и арбалета за плечом у меня больше ничего при себе не было. Но эти мысли

испарились, когда я увидел происходящее перед собой.

Огонь элементаля словно впитался в землю, которая затвердела и стала менять цвет с темно-коричневого на серый, камня на глазах. Внезапно камень поднялся наверх, на ходу обретая форму гуманоида – маленькую шипастую голову, толстое туловище, небольшие крепкие ноги с широкими ступнями и огромные шершавые округлые руки с большими кулаками. Выглядело это существо как каменный голем, подходя одновременно и на нагромождение булыжников, и на антропоморфного монстра. Из глазниц элементаля струился вверх темно-сизый дымок. Элементаль вскинул руку для удара и тяжело опустил ее на то место, где я стоял секунду назад. Кулак чудища оставил огромный кратер на этом самом месте, а сам монстр снова развернулся ко мне, разминая плечи, словно решив сровняться с моим темпом сражения.

Я стоял перед элементом в боевой стойке, выставив меч вперед. Честно говоря, я не очень понимал, как смогу противостоять камню стальным клинком. Элементаль гневно взглянул на меня чадящими глазами, дым из его глазниц повалил еще сильнее. Монстр открыл свою пасть и издал роко-чущий рев, вызвав небольшой ветер, который заставил трепетать мои длинные светлые волосы. Некоторые пряди попали мне в глаз и рот, а элементаль, словно ожидая этого момента, рванул ко мне, моментально сократив дистанцию и заведя левый кулак для горизонтального удара. Я едва успел выставить щиток, прикрыв голову правой рукой. Каменный

кулак врезался в щиток, который завибрировал от сильно-го столкновения и треснул. Я почувствовал гудящую боль в месте удара и мысленно поблагодарил сломанный щит за спасение руки от неминуемой травмы. К сожалению, больше ничего для защиты у меня не было, а элементаль уже завел свой правый кулак. Я оказался быстрее его, сориентировавшись и ударив клинком по занесенной руке, целясь в место, где, по моему мнению, соединялись соседние булыжники. Как ни странно, это сработало – меч прорубил руку элементаля насквозь, и кулак упал на землю, разбившись на куски. Элементаль дико взревел, а я улетел по инерции дальше. Это меня спасло, ибо левая кисть элементаля расплавилась и превратилась в шипящую струю огня, которую он сразу же направил в то место, где я был в момент атаки.

Ноги элементаля встали рядом друг с другом и срослись вместе, скрутившись и обратившись в неистовый вихрь, поднявший своего хозяина на пару метров в воздух. Обе руки элементаля – и левая, и правая, которая отросла обратно – превратились в лавовые шары. Элементаль завис над мной и стал попеременно обеими руками швырять в меня огненные всполохи, которые при ударе с землей поджигали уснувшую под снегом траву, заставляя ее чадить серым смрадом. Я умело уворачивался от снарядов, попутно доставая арбалет. Вскинув его на руку и не особо целясь, я выстрелил в центр чудища. Болт вошел в твердую каменную плоть элементаля и застрял там, но ненадолго, так как вскоре те-

ло элементаря расплылось, превратившись в мягкую землю, и болт, немного покачавшись, вывалился из монстра, гулко плюхнувшись на подтаявший снег.

Я не растерялся и быстро перезарядил арбалет, теперь уже точнее целясь в центр элементаря. Однако первый же выстрел пролетел мимо него, потому что монстр вовремя заметил летящий болт и превратил все свое тело в один сплошной вихрь. Воздух вокруг него завертелся, ускоряясь с каждым мгновением, захватывая с собой старые пожухлые листья и летящую от горевшей церкви золу. Элементарь наклонился вперед, ко мне, и полетел прямо мне навстречу, злорадно ухмыляясь, что было видно по темной ломаной линии, изображающей пасть чудища, а также щурящимся чадящим глазам.

Вихрь подхватил меня, пронеся немного вдоль поверхности земли, от чего мои ноги немного проехали по снегу, а один ботинок не удержался и сорвался, прокатившись, словно колесо, до ближайшего оврага, где он благополучно затерялся.

Элементарь же немедленно понес меня наверх, удерживая в своем маленьком смерче. Мои конечности болтались так, словно мне не принадлежали. Я пытался удержать меч в руке. Наконец, у меня получилось вывернуться так, что я смог несколько раз махнуть по туловищу монстра клинком. Однако это не увенчалось никаким успехом. Я надеялся задеть хотя бы одним ударом средоточие стихий, которое наверняка там скрывалось, но у меня ничего не получилось. Со сле-

дующим взмахом от элементаря отделилась воздушная рука, превращаясь в водяной столп, который затормозил движение моего меча. Как только меч оказался в толще воды-руки, та сразу же превратилась в землю, а потом – в твердый камень. Рот элементаря расширился, будто улыбаясь, и тут же каменная клешня стала сжиматься вокруг стального оружия. Послышался жуткий треск, после чего камень разжал свою хватку, и я увидел множество металлических осколков, летящих далеко вниз, поблескивая от вспышек пожара.

Мой меч! Это было мое, пусть и не самое лучшее в мире, но тем не менее достойное оружие, которое я с честью носил с собой. Его мне подарил Двиллий на окончание школы. Я тогда уже умел им владеть, так как учился фехтованию у знакомых мастера-следователя. Пусть эльф Аурум и говорил, что меч – плохой выбор для боя, он оставался для меня частью жизни. Теперь же эта часть уносилась от меня в виде кучки обломков.

Элементарь довольно нес меня все выше и выше. Некоторые деревья, самые молодые в лесу, уже остались позади, и мы летели рядом с высоченной трехсотлетней сосной, которая едва не задевала меня своими длинными, широкими хвойными ветвями. Я судорожно стал перебирать в уме все вещи, которые у меня остались с собой. Почти наугад, я выхватил толстую колбу широким горлышком из-за ремня на груди и пустил ее в грудь элементаря, но немного промахнулся и прошел под тем местом, где у людей бывает левая

подмышка, а у чудища это было воздушной ямой на встрече двух соседних торнадо.

Дым из глаз элементаря перестал падать, а я услышал дребезг колбы и увидел, что внутри стеклянной посуды лежит, переливаясь всеми цветами радуги, небольшой кристалл в форме правильной призмы. От кристалла исходил ровный теплый свет, и я ни капли не сомневался, что это и есть средоточие стихий. От радости я вскрикнул, но тут же осекся.

Очертания элементаря стали расплываться, вихри унесло настоящим, природным ветром, и я остался один в воздухе, без какой либо поддержки. На секунду повиснув в небе, я стал падать вниз. Мне вспомнилось падение после взрыва из пещеры, но теперь меня некому было спасать – эльфа рядом не было, а монахи не смогут так быстро сообразить. На мое счастье, я быстро обернулся и увидел древнюю сосну, которую мы с элементарем так и не обогнали по высоте. Падая, я задвинул колбу со средоточием стихий за ремень и постарался подобраться ближе к толстому стволу. Вот я уже был совсем близко. Я попытался взяться за ствол руками, но мое падение было слишком быстрым, и я моментально стер ладони. От неожиданно возникнувшей боли я закричал. Мозг лихорадочно пытался придумать другое решение. От безысходности я подтянулся к стволу еще ближе. Осознавая, что я скоро упаду, а удержаться надо, я понял, что мне нужна какая-нибудь защита на ладони, но такой защиты не было. Взглянув на руки и осознавая свою глупость, я прильнул к

сосне и обнял ее руками, защищаясь рукавами своей рубашки. Голову я отвел назад, чтобы ненароком не стереть себе лицо. Тонкий лен быстро стирался и становился тоньше, зато я, крепко держась за сосну, заметно замедлял свое падение. Чуть погодя, я обхватил ствол еще и ногами, прижавшись коленями. Так я и соскальзывал, пока не стукнулся задом об одну из веток, торчавших на моем пути.

Я взглянул вниз и увидел, что до земли оставалось всего немного, примерно пару десятков метров. Ошалевшие священники, отвлекшись от тушения церкви, заметили меня и, бурно что-то обсуждая, притащили откуда-то широкое полотно, расстелив его точно подо мной. Я устало вздохнул и упал вниз.

Меня наскоро осмотрели и, удостоверившись, что я более-менее в порядке, убежали обратно тушить пожар. Я вылез из кучи полотна и увидел рядом с собой Клемма с взъерошенными темно-бордовыми волосами, покрытыми пеплом.

– С-спасибо, что помог, добрый человек, – робко ответил он.

– Да уж, было бы за что благодарить, – печально ответил я, осматривая себя.

У меня были в кровь стерты руки и сильно ушиблены локти с коленями. Про одежду и говорить было нечего – все было разодрано до такой степени, что не поддавалось починке. Про свое оружие я даже не хотел вспоминать – в схватке с элементом я остался охотником без снаряжения.

Однако ходить и таскать тяжести я все еще мог, поэтому я вскочил на ноги и, кивнув Клемму в сторону других священнослужителей, сказал:

– Пошли помогать.

– Как? Ты же ранен! – удивился Клемм.

– Ну не настолько, чтобы просто смотреть на горящую церковь, пока остальные трудятся – ответил я и пошел к шеренге водоносов.

Работа шла быстро и скоординировано, а главное, элементаль больше не мешался, поэтому довольно скоро весь пожар был потушен. Огонь, к сожалению, практически полностью съел все здание церкви и половину колокольной башни, а также несколько деревьев в округе, зато амбар и крытый загон с животными, пусть и чудом, но остались целы.

Во время тушения я заметил, что Клемм тихо, но рьяно помогал своим братьям в работе, стараясь сделать даже больше, чем от него рассчитывали. Сказать по правде, мне это показалось несколько странным по сравнению с первым ощущением, которое оказал на меня этот робкий послушник. Он выглядел маленьким и щуплым, особенно по сравнению с остальными монахами, рослыми и коренастыми.

Когда пожар закончился, все священники собрались вместе на переключку, и старый, седоватый с проплешиной, игумен с большим железным восьмиконечным крестом на шее называл поименно каждого человека, спрашивая о его состоянии. К счастью, все были на месте, и никто (кроме меня)

не был ранен. В конце переклички игумен подошел ко мне и спросил мое имя. Игумен, в свою очередь, представился мне как отец Лоуренс.

– От лица всего церковного прихода и от лица Создателя, что живет над нами и созерцает наши жизни, благодарю тебя, Гавилан, за избавление от напасти! – ответил отец Лоуренс. – Позволь же нам в ответ приютить тебя, излечить твои раны и привести тебя в порядок.

Я, конечно же, согласился. Так или иначе, мне пришлось бы здесь остаться – у меня не было ни одежды, ни оружия, ни тем более еды, при этом я был изрядно голоден.

Всю следующую неделю я пробыл в приходе. Отец Лоуренс, словно специально, приставил ко мне Клемма для ухода за ранами. Сам я в стороне не оставался и при любом случае помогал священникам восстанавливать церковь. Большие суровые монахи, вроде братьев Тарайля и Жешшена, срубали и стачивали деревья для каркаса церкви, монахи-кузнецы исправляли помятый колокол и делали дверные крепежи, а такие, как Клемм – не обладавшие особым умением послушники – собирали вокруг приходского озера, которое находилось поблизости от церкви, глину для укрепления стен. Я исполнял роль разнорабочего, стараясь помогать всем, кому нужна была помощь.

Обедали мы в амбаре, где также временно проживали. Клемм всегда подсаживался ко мне, восхищенно слушая мои истории про чудищ. Оказывается, он родился в дерев-

не неподалеку от леса и, хоть номинально его деревня относилась к региону Ланира, много жителей промышляло охотой в окраинах Энтеррского леса. Клемм с детства грезил охотой, но однажды его внимание привлекли странствующие монахи, проходящие мимо его дома. Внешний вид сильных людей, посвятивших свои жизни служению вере и помощи окружающим людям, привлек его еще больше, и вот он оказался в лесном церковном приходе, помогая старшим братьям по хозяйству и готовясь стать полноценным священником.

– Знаешь, Гавилан, я никогда не думал, что есть охотники на чудищ, – сказал однажды за обедом Клемм, тщательно прожевывая солонину. – Я думал, что существует просто охота – на животных, и мечтал о том, как буду ходить в лес и снабжать добрых людей свежим мясом и шкурами. Но потом я понял, что смогу сделать больше – уже даже сейчас – будучи причастным к церкви крестоворота.

– Причем, Гавилан, он неплохо справляется, – ответил сидящий рядом с послушником Тарайль, похлопывая Клемма по плечу, от чего тот стеснительно съежился. – Еще немного, и он станет хорошим монахом. Вот только немного храбрости ему не хватает, даже не знаю, как ему вообще в голову пришло быть охотником.

Я улыбнулся и сказал:

– Мечты не всегда отражают внешние признаки человека, но всегда отражают внутренние. Главное, что Клемм стре-

мится к своей мечте во что бы то ни стало.

– Это ты верно говоришь, – согласился Тарайль и вытер рукавом грязную от каши бороду. – Хоть ты и сам молод, но способностей у тебя хоть отбавляй. – Он сделал три больших глотка вина из кружки и довольно крякнул.

Восстановление церкви шло скоро, но никакая работа не могла отвлечь меня от грустных мыслей о моем мече. Я не знал, что мне делать и куда деваться – никакой покупной меч не мог быть близок к тому, что был у меня, ни по качеству, ни по удобству. С печалью смотрел я на оружейные стойки крестоворотцев, вытасенные из старой церкви – там были и кистени, и шестоперы, и боевые вилы, которые монахи называли трезубцами. Мне казалось странным, что среди всех видов оружия, хранящихся в приходе, не было ни одного обычного. Я не удержался и спросил отца Лоуренса, почему так.

– На церковь много кто может посягнуть, Гавилан, – отвечал он. – Нам неоткуда ждать помощи, приходится защищать самих себя. Мы не такие умелые бойцы, как закаленные в бою воины и наемники, но мы обладаем небольшой хитростью. Да, все оружия здесь необычны, зато каждый наш монах долгое время тренируется сражаться с их помощью и достигает в этом какого-то мастерства. Владей он мечом, он бы тоже мог сразиться с противником, но здесь все иначе. Нестандартным оружием сложно драться, не скрою, но также сложно и драться против него. Например, ты, Гавилан, умеешь биться против кистеня?

– Не знаю, – признался я. – Я никогда не сражался. Возможно, я смогу справиться, ведь у меня есть опыт сражений с чудищами, которые сами по себе имеют врожденные нестандартные оружия...

– Но ты не уверен, – подытожил Лоуренс. – Ты, хоть и научен боевому искусству, не знаешь всех особенностей сражения против кистеня, его отличия от меча или топора. А монах, который учился драться кистенем год или два, знает, как себя ведет это оружие, и может не только предугадать ход боя, но и развернуть его в свою сторону. Для нас это важно, ведь мы оберегаем не только свои жизни, но и весь приход, и свою веру в целом.

После этого разговора я всерьез задумался о новом оружии. Мне стало понятно, что нужно научиться владеть таким оружием, против которого никто не умеет воевать. Таким образом, мечи, топоры, копья и кинжалы отбрасывались сразу. Если я выберу себе такое оружие, которого ни у кого нет, то потом мне будет легче сражаться против людей и даже чудищ. Я обходил оружейные стойки по много раз, разглядывая наиболее полюбившиеся экземпляры. Но ничто не смогло меня взбудоражить – ни кистень, ни шестопер, ни странное оружие в виде двух палок, скрепленных цепью, которые монахи называли двубиткой. Я не мог ни к чему привыкнуть. По ночам, когда все спали в общей зале, я сидел и безуспешно пытался что-либо придумать.

В один день я проходил мимо озера и заглянул в воду. На

меня снизу глядела какая-то безобразная буро-желтая жаба, прикрывая свои маленькие темные икринки, как будто бы думала, что я хотел их отобрать. Я смотрел на икринки, размышляя о том, что маленьким головастикам хорошо сидеть в таком большом шаре, где никто их не тревожит...

И тут я вспомнил слова Аурума про биологическое поле, или, как он его называл, битх'бал. Конечно же! Мне нужно было оружие, которое бы идеально защищало мое поле без особых усилий с моей стороны! Возможно, из-за этого мне и не понравились монашеские кистени...

Я быстро побежал в залу, где лежали мои вещи, вытащил блокнот и стал рисовать человечков и биополя вокруг них. Помня о словах отца Лоуренса о том, что против необычного оружия сложнее драться, я вырисовывал поля по контуру, придавая им вид длинных изогнутых клинков. В конце концов, все это вылилось в две пары, по одной на каждую руку, полукруглых мечей.

– Что ты рисуешь? – спросил меня внезапно подошедший Клемм, заглядывая за плечо. Его руки были в грязи – он только что собирал глину. – О, это же глефы!

– Что? – спросил я.

– Глефы, – ответил Клемм, удивленно глядя на меня. – Ты не знаешь? Ох, прости меня, непонятливого... – Он уселся на колени и стал объяснять, увлеченно жестикулируя руками, отчего еще не засохшая грязь брызгала во все стороны:

– В старом мире, когда церковь еще зарождалась, многие

монахи использовали для защиты своих земель глефы. Это были длинные изогнутые мечи, рукоять которых находилась между двух клинков. Такое оружие, особенно в умелых руках, внушало страх тем, кто посягал на приходскую территорию. К сожалению, глефы уже давно никто не использует, потому что они были довольно тяжелы, к тому же требовали много материала для изготовления и особой сноровки кузнеца. Ту же булаву куда проще и дешевле сделать.

– Много ты мне рассказал, – усмехнулся я.

– Про глефы не очень много написано в книгах из нашей библиотеки... Было написано, пока все не сгорело, – покраснев, признался Клемм. – Хотя я читал все по очереди, как оказался здесь.

– Слушай, – ответил я, целиком развернувшись в сторону послушника, – по поводу сгоревшей церкви. Давно хотел спросить, но все никак не получалось. Как так вышло, что на вас напал элементаль? Насколько я помню, элементали не часто нападают на людей просто так, непонятно почему – надо растревожить их место обитания, чтобы они так рассердились.

– Не знаю, – пожал плечами Клемм. – Честно говоря, не помню, чтобы мы делали что-то такое, отличное от обычной нашей работы. Из года в год мы всегда делаем одни и те же дела, никуда не выходя лишний раз. Может, тебе стоит спросить кого-нибудь другого?

За обедом я спросил еще нескольких монахов про элемен-

тая, но никто не смог мне толком ответить, откуда он взялся. Самое большее, что я услышал в ответ – это то, что элементаль был послан на церковь силами свыше, чтобы покарать за грехи. Потом я обратился к игумену, но он тоже не мог дать мне какого-либо ответа. В итоге я пришел к выводу, что либо священники растормошили жилище элементаля случайно, сами того не зная, либо чудище натравил какой-то маньяк, ненавидящий церкви.

Я плюнул на безрезультатные расследования и занялся дальше своими клинками, или глефами, как называл их Клемм. Я уже перешел к чертежам. Вспоминая уроки арифметики в школе, я подсчитал, что вес клинка при его длине действительно должен быть очень большим, а сам клинок – чересчур громоздким для дальних путешествий. После длительного размышления мне в голову пришла интересная идея пластинчатых клинков, выдвигающихся друг из друга, словно матрешки. Таким образом, каждая часть клинка будет полый и, следовательно, легкой, а самовыдвигающийся механизм обеспечит компактность при переноске.

Далее я подумал про защиту руки. Кисть оказывалась одним из самых незащитных мест, куда было довольно легко попасть, не особо рискуя порезаться о клинки. Вспоминая свой щиток, я пририсовал примерно такой же на центр глефы, лишь удлинив его примерно до середины руки и «укрепив» металлическими стяжками. Я решил, что держать глефу только лишь за рукоять будет немного тяжеловато, по-

этому придумал дополнительные крепежные ремни дальше запястья. Таким образом, на бумаге глефа представляла грозным продолжением моей же собственной руки и ярким защитником моего биополя.

Конечно, самому мне такое оружие не выковать, поэтому я намерился отправиться в Энтерберг к кузнецам. Тем более, к тому времени, как был готов мой чертеж, церковь уже была почти достроена – оставались только косметические работы, после чего монахи собирались расписать ее изнутри святыми картинами и расставить все спасенное убранство из амбара обратно по местам.

Все мои раны давно зажили. Одежду мне, взамен старой и обтрепанной, дали монашескую – широкие штаны, лапти и рясу. Пока я работал в приходе, я не особо обращал внимание, во что я одет, а сейчас, перед самым уходом, я понял, что в городе помимо кузнеца надо будет найти и кожевенника с портным, чтобы подыскать подходящую одежду для охотника на чудищ.

Я посчитал все деньги, которые у меня имелись. Наверное, на всю работу кузнеца у меня не хватит, но я хотя бы закажу железные пластины, а собрать их вместе воедино я могу и сам. К тому же, механизм самовывдвижения у меня должен быть довольно хитер, и я не хотел доверять его изготовление кому-то, кроме себя самого.

Монахи тепло проводили меня, снабдив в придачу запасами продовольствия – солониной, хлебцами и головкой сы-

ра. Клемму, стеснительно стоящему в толпе, я вручил один из имевшихся у меня bestiариев.

– Возьми, – сказал я, – ты говорил, что никогда не читал про охотников на чудищ. Может быть, эта книга тебя заинтересует. Надеюсь, я как-нибудь снова загляну к вам и подарю тебе еще книг. Кстати, вот еще, – я вытащил позабытую было мной колбу со средоточием стихий, оставшимся от бушевавшего элементаля, и тоже отдал ее послушнику. – Сувенир от чудища на память.

– Спасибо, – зардевшись, ответил Клемм, торопливо убирая bestiарий и колбу за пазуху. Потом он достал руку, взялся за мою и долго тряс ее. – Спасибо тебе, добрый Гавилан. Дай бог тебе здоровья.

Священники не провожали меня, лишь Тарайль зашел со мной глубоко в лес, и то по большей части потому, что ему нужно было срубить пару деревьев для крыши церкви. Он указал мне примерное направление к Энтербергу, сказав, правда, что сами они туда очень редко отправляются, поэтому более точную дорогу он мне показать не сможет. Я поблагодарил большого и сильного, но при этом доброжелательного и отзывчивого монаха и отправился в Энтерберг, надеясь, что иду почти той же дорогой, что и привела меня сюда.

Я очень сильно торопился, ведь у меня не было с собой никакого оружия, кроме ножа, который я взял у приходского повара-священника. Да и то это был нож для резки скорее овощей, чем чудищ и хищников. Несмотря на самый разгар

зимы, мне было даже немного жарковато в просторной рясе от почти безостановочного бега. Ночь Мачехи уже прошла, и большая луна каждую ночь постепенно растворялась в небе. Я надеялся, что шанс нарваться на какое-нибудь злоключение так же уменьшался. Спал я, укрывшись под ворохом пожухлых листьев, под колючими кустами, каждую минуту ожидая, что кто-то захочет полакомиться беззащитным человеческим мясом. К концу недели такого напряженного путешествия я почувствовал, что вряд ли смогу выдержать еще столько же времени, не говоря уже о том, чтобы добраться до Энтерберга.

Я ощущал себя измотанным, хотя никто мне до сих пор не встречался. Запасы еды подходили к концу, несмотря на то, что я старался как можно больше экономить, отрезая ножом тончайшие кусочки сыра. Солонину я зачастую просто держал во рту во время бега, чтобы таким образом обманывать свой желудок кажущимся насыщением. Иногда я ее пережевывал и отправлял в рот пару глотков слюны, перемешанных с едким вкусом вяленого мяса.

В один из ярких дней я на бегу услышал сбоку тихий шорох веток. Этот шорох показался мне знакомым. Я усиленно стал вспоминать, где мог слышать точно такой же звук, пытаясь четко выстроить мысли, беспрестанно перемешивающиеся от бега. Наконец, я вспомнил и остановился. Передо мной на прогалину вышла дриада.

– Здравствуй, милая дриада, – слабым голосом сказал я,

не зная, что бы ей ответить. – Не знаю, встречались ли мы с тобой, но, возможно, ты знаешь эльфа-охотника по имени Аурум Адамантис.

При упоминании эльфа дриада насторожилась, дернув своими похожими на рысьи заостренными ушками. С тех пор, как я познакомился с Аурумом, у меня стали закрадываться мысли, будто он знает всех дриад в Энтеррском лесу.

Я продолжил говорить:

– Милая дриада, я не знаю, чего ты хочешь от меня, но видишь, как я слаб и беспомощен, – при этом я вытащил свой нож из-за пазухи и медленно, аккуратно положил его перед собой на снег. Сообразив еще кое о чем, я вытащил и свой арбалет. Болтов к нему у меня уже не осталось, но один лишь вид такого оружия может спугнуть дриаду или настроить ее против меня. – Помочь тебе, если что случилось, я не смогу, но прошу тебя, помоги мне. Мне нужно добраться до Энтерберга...

Дриада посмотрела на меня как на сумасшедшего и поспешила незамедлительно скрыться в чаще леса. Я вздохнул от безысходности, подобрал свое оружие и пошел дальше, стараясь постепенно ускоряться, достигая прежнего темпа бега.

Через пару десятков минут я снова услышал шорох за спиной. Не дожидаясь ничего, дриада выскочила передо мной, оценивающе посмотрела на меня, потом вдруг неожиданно повернулась ко мне спиной и стала на колени. Я мгновенно все понял и кое-как забрался на круп дриады. Мощным и

резким движением дриада вскочила на ноги, и меня немного откинуло... На талию, наверное... В общем, туда, где у лошадей обычно бывает седло. Как ни странно, но даже без соответствующего снаряжения мне было удобно сидеть на дриаде, я, немного смущаясь, взял ее за талию... Другую талию, которая принадлежала человекоподобной части тела дриады... И правильно сделал, потому что лесная жительница вдруг рванула вперед с такой скоростью и прытью, что даже степные мустанги, бешено носящиеся по ланирским полям, показались бы медлительными улитками. Мне оставалось только держаться за дриаду, но трясло довольно сильно, и я каждую секунду удивлялся сам себе, как еще не свалился.

Ветки деревьев словно сами по себе расступались перед дриадой, а она скакала вперед, изредка сворачивая вбок, избегая дремучие места леса, и мне казалось, что перед нами все время была чистая дорога – лес будто специально для нас расчищал путь.

Над лесом опустилась ночь, я ничего не видел перед собой, но дриада даже и не думала сбавлять скорость, она все так же неслась вперед, совершенно не уставая. Сколько мы уже пробежали, и сколько нам еще оставалось – я не знал, ибо было бесполезно считать время, и, утомившись от беспрестанного монотонного бега, я уснул прямо на скачущей дриаде, крепко обхватив ее своими руками.

Разбудил меня резкий толчок. Оказывается, мы добрались почти вплотную к Энтербергу, и дриада, словно вко-

панная, остановилась прямо у внешних границ Лесного Убежища. От такой неожиданной остановки я перелетел через голову дриады и упал перед ней в сугроб. Пытаясь выкарабкаться из снежной кучи, я услышал над собой тихий тоненький хохоток. Впервые я услышал голос дриады, хоть и не совсем в той ситуации, как мог бы ожидать.

– Спасибо тебе, – больше с благодарностью, чем с сарказмом, сказал я, отряхивая штаны от снега. – Возьми, что тебе нужно, в награду за помощь.

Я протянул ей остатки своих запасов еды. Дриада внимательно ее осмотрела, потом подобрала с земли невесть откуда взявшееся длинное копьё, ловко срезала им кусочек сыра, кивнув на прощание и, хихикнув еще раз, ускакала обратно в недра леса. Она исчезла из виду так быстро, что я даже не успел с ней попрощаться.

Я огляделся. Рядом со мной проходила широкая дорога, ведущая в видневшийся вдаль город. По-моему, это был главный торговый путь Энтерберга, тот самый, по которому я приехал сюда летом, только теперь он был слегка запылён снегом. Эта дорога была единственным безопасным путем, ведущим в Лесное Убежище, не считая того, что она днём и ночью охранялась несколькими отрядами энтербергских стражников. Радуюсь тому, что я теперь не заблужусь и не потеряюсь, и что добрался живым и невредимым, я пошел по направлению к городу.

Энтерберг никак не обратил внимания на мое прибытие.

Город жил своей охотничьей жизнью. Правда, я ловил на себе несколько заинтересованных взглядов, но это было, скорее всего, из-за моей одежды – не каждый раз увидишь в большом городе человека в одеждах монаха-отшельника, тем более в таком не склонном к религии городе, как Энтерберг. Я не задумывался о том, как выгляжу – сейчас моей целью было найти хорошего кузнеца. В первый (и последний) раз, когда я был в Лесном Убежище, я подметил несколько мастерских, оценивая вывешенные и выложенные напоказ работы, прикидывая, кто лучше разбирается в ковке металла. Кто-то больше любил оружие огромного размера, вроде двуручных мечей и топоров, боевых молотов и алебард, при этом напрочь забывая о реальности, выдавая в итоге такие монструозные орудия, что даже большие силачи не могли бы с ними управиться. Кто-то делал превосходные изогнутые мечи – сабли, катаны, ятаганы – поразительной легкости, тонкие, словно листы самой дорогой бумаги, и острые, как наточенные бритвы. Некоторые кузнецы, сведущие в механике, выплавляли почти ювелирной работы крохотные дула, затворы, бойки и рукояти для пистолей, мушкетов, ружей и ручных арбалетов. Я отмечал и запоминал все, надеясь вернуться при любом удобном случае, когда мне вдруг пригодится то или иное оружие. Разумеется, раньше я не мог знать, что буду искать кузнеца тогда, когда оружия у меня вообще не окажется, поэтому я боялся попасть на недостаточно опытного мастера, который мог бы загубить мою идею

на корню (причем за мои же деньги).

В итоге я остановился у вывески со словами «Кузнечных дел мастер Гаскойн», выточенными на клинке вычурно изогнутого меча. Рядом, за закрытой витриной, лежали работы всевозможных видов – я обратил внимание на детали латных доспехов с занятыми украшениями и разными нашивками, а также на прямые и кривые мечи, пики и булавы, копье с раздвижной рукоятью. Но главное, что меня привлекло больше всего, лежало дальше – длинная скамья с небольшими игрушками, выполненными из железа. Здесь были механические овечки с цимбалами в руках, которые звонко трещали, ударяясь друг от друга; была скачущая на маленьких лапках жестяная собачка; была юла, которая каким-то чудесным образом раскручивала сама себя, как только падала на бок. Я решил, что мастер, умеющий делать такие вещи, сможет справиться и с моим запросом. Я постучал в мастерскую и, услышав крик «Входите!», зашел.

Меня тут же окутал горячий пар из кузницы. Посреди мастерской стоял большой круглый горн и толстая кадка с ледяной водой, в которой гневно шипел, испуская плотные клубы пара, оранжево-красный клинок. Что должно было получиться в итоге, еще не было видно, но на клинке уже отчетливо пропечатывались странные руны. У кадки стоял высокий мужчина, в толстой кожаной маске со стеклянными окнами для глаз и в огромных плотных рукавицах с заклепками. Торс мужчины был открыт, и он весь блестел от све-

жих капель пота, беспрестанно проступающих на коже. Мастер снял маску и мне открылся приветливого вида мужчина, с черными короткими кудрявящимися волосами и шрамом, тянущимся от левой брови через глаз до середины переносицы.

– Это будущий рунный цвайхандер, делаю для одного своего орлоогского клиента, – сказал, кивнув на остывающий в кадке клинок, кузнец. – Скоро придет руноплет, заговорит меч, и тогда руны загорятся ярким синим цветом, а я потом доделаю форму меча, укреплю его и заточу, как надо.

– В первый раз вижу рунный меч, – признался я. – Неужели руны помогают?

Кузнец пожал плечами.

– Кому-то помогают, – ответил он. – Может и не напрямую, а просто потому, что в них верят. Мне без особо разницы, но слово заказчика – закон. Зато сам меч я и без рун сделаю добротный, такой даже затачивать часто не придется. Кстати, – спохватился он, – я так понимаю, ты что-то желаешь заказать, парень?

– Да, – ответил я, замешкавшись. Я достал из сумки чертежи и показал их кузнецу. – Мне нужно несколько таких деталей. Я заметил на входе множество игрушек, и подумал, что у вас смело можно заказывать работу любой сложности.

– Это должны быть выдвигающиеся клинки? – спросил кузнец, разглядывая мой чертеж. Он снял перчатку и взял листы, присматриваясь к ним ближе. – Интересная вещь. Я

так понимаю, это глефы?

– Да, – ответил я. – Две глефы, каждая с парой выдвижных клинков.

– Занятно, – причмокнул мастер. – Я смотрю, в чертежах ты разбираешься. В основах кузнечного дела, я так понимаю, тоже. Тут вот убрана часть металла для уменьшения веса, а в этом месте ты добавил дополнительное ребро жесткости. Интересно...

Настало время главного вопроса.

– Сколько это будет стоить? – выпалил я и стал ожидать ответа. Я надеялся уложиться не больше, чем в десять золотых монет, хоть и понимал, что это не очень много для такого тяжелого в производстве такого оружия, как глефа.

– Ну давай посмотрим по материалам, – сказал кузнец. – Одна пластина будет стоить вс реднем примерно пятьдесят серебряных монет, то есть половину золотой... Значит, если с каждой стороны по восемь пластин, а глеф две, то это получается тридцать две пластины и шестнадцать золотых, плюс рукоять с защитой, а это еще две золотых, плюс сборка и обработка... Итого выходит – двадцать четыре золотых монеты, – подытожил он.

Я упал духом. На столько я точно не рассчитывал, да и таких денег у меня не было. Кузнец это заметил и сразу спросил:

– Многовато? Я понимаю. Подожди секунду, – он надел перчатку и маску обратно, отодвинул меня немного в сторо-

ну и вытащил из кадки меч. Положив его на горн, он стал мехами раздувать пламя, дожидаясь, когда клинок разогреется. – Понимаешь, я ведь сам не такой уж и богатый. Материалы доставать непросто, и они недешевые, к тому же твоя работа, хоть и интересна, но крайне сложна и затратна по времени.

– Мне бы только пластины, – сказал я тихо. – Остальное я уж как-нибудь сам доделаю.

Кузнец обернулся и, покачав головой, ответил глухим из-за маски голосом:

– Твое дело, но как можно менять мастера в середине работы? Любое кузнечное дело требует завершенности, меня этому учил мой хозяин, когда я служил у него подмастерьем. Оружие не потерпит, что его так небрежно оставляют еще в процессе рождения.

– Но у меня нет таких денег! – взмолился я. – Неужели нельзя ничего придумать?..

Кузнец достал из-под кадки кувалду, выдвинул перед горном наковальню и переложил на нее почти горящий клинок, который от чрезмерного лежания на горне начал течь. Короткими, но мощными ударами он стал бить кувалдой по клинку, заметно изменяя его форму, где-то удлиняя, где-то укорачивая, создавая прекрасно-губительный образ цвайхандера. С каждым ударом от меча, треща и мерца в полутьме мастерской, отлетали искры. В помещении становилось горячее, у меня по всему телу начал проступать пот.

После нескольких минут тишины, нарушаемой лишь звонком ударов по новому мечу, кузнец с оглушительным шипением опустил клинок в кадку с водой и, убрав кувалду, обратился ко мне.

– Знаешь, можно много чего придумать, – ответил он. – Можно сделать не пластинчатый, а целый клинок. Тогда создание каждого будет оцениваться где-то в два золотых вместо четырех.

– Нет, мне нужны именно пластинчатые, – твердо ответил я. Немного стеснясь, я добавил: – Может, мне стоит найти другого кузнеца...

– Может, – согласился кузнец. – Но немного мастеров в нашем городе может сделать такое оружие. Некоторые запросят еще больше.

Может, мастер немного и привирал, но в целом он был прав. Вряд ли у меня получится снизить цену глеф до десяти золотых даже у самого захудалого кузнеца.

– У меня есть еще идея, – сказал мой кузнец. – Если ты, конечно, этой зимой особо ничем не занят.

– Сейчас не занят, – ответил я, не совсем понимая, куда клонит собеседник.

– Тогда слушай, – ответил мастер. – Можешь стать у меня подмастерьем. Работы у меня вполне хватает, от лишней пары рук я не откажусь, оплата будет соответствующая. Если ты согласен поработать у меня пару недель, причем хорошо поработать, то это может окупить десяток золотых. Плюс я

оставлю эти чертежи себе, и тогда итоговая цена глеф будет считаться... Десять золотых монет.

Я опешил. Я не ожидал такого поворота, очень благоприятного для меня.

– Я, конечно, согласен, – ответил я. – Но как две недели могут окупить целых десять золотых монет?

– О, это будут очень веселые две недели, – улыбнулся кузнец. – Я же сказал – придется хорошо поработать. Добро пожаловать к Гаскойну, новоиспеченный подмастерье, – с этими словами он протянул мне свою толстую мускулистую руку.

Я принял его рукопожатие и следующие две недели прожил в кузнечной мастерской.

Кузнечных дел мастер Гаскойн оказался прав насчет хорошей работы. Ему ежедневно проступали заказы, он закупал кучу металлического мусора и железной руды, готовя самые разнообразные виды доспехов и оружия. Казалось, что его фантазия в выплавке металла была неиссякаемой. Самую главную работу он мне не доверял, но мне хватало и всего остального. Я без остановки таскал холодную воду для закалки клинков, ящики с рудой, перетаскивал готовые мечи на стойки. Я раздувал большие меха для горна, находясь настолько близко от пламени, что казалось, будто его языки уже лижут меня. Мне казалось, что я сильно загорел за время работы в кузнице, либо просто покрылся толстым слоем копоти. Гаскойн нагружал меня по полной программе, не

давая практически ни минуты для передышки, и даже вечером, когда все остальные ремесленники закрывались и уходили к себе в комнаты отдыхать, он все равно сидел перед горном и мелкими щипцами выплавлял небольшие детали для механических игрушек. Собрать всю эту мелочь, кстати, он поручал мне. Это это не было чьим-то заказом, просто Гаскойн любил делать игрушки, и они редко, но регулярно покупались купцами или маленькими детьми.

– Ты здорово справился, Гавилан! – воскликнул Гаскойн по прошествии времени нашего договора. – Мы выполнили кучу заказов, как минимум в полтора раза больше обычного! Если бы ты был не против, я бы оставил тебя подмастерьем. С такими результатами ты бы очень скоро сам стал отличным кузнецом.

– Благодарю, мастер Гаскойн, – ответил я. – Но моя душа жаждет вернуться к жизни охотника.

Кузнец улыбнулся.

– Конечно, не буду тебя держать, – произнес он. По его лицу слегка промелькнула тень огорчения, которую можно было легко пропустить, потому мастер быстро вернулся к веселому и задорному настроению. – Каждому свое, и если уж ты выбрал путь охотника на чудищ, то значит, так тому и быть. Теперь остался твой заказ.

Той ночью Гаскойн так и не лег спать. До самого утра в кузнице горел огонь, шипел металл, трещали искры и раздавался яркий звон кувалды. Меня он не пустил, сказав, что

это его личная работа, которую он хотел бы сделать самостоятельно, от начала до конца.

Наутро, когда я пришел в кузницу, я не увидел ничего. Гаскойн сидел на наковальне и дремал.

– Где же глефы? – спросил я кузнеца.

Тот моментально очнулся и, посмотрев на меня, ответил:

– Они еще не готовы. Это слишком тяжелая работа для одного вечера. Кстати, ты заслужил кое-что, – он встал, подошел к полке в углу кузницы и достал откуда-то пригоршню серебряных монет. – Это тебе. Здесь монет на две золотых. Ты заработал их сверх нашего договора, за счет игрушек. Сегодня рано утром у нас купили их на семь золотых, минус три на материалы... – он зевнул и продолжил: – Ну, ты понял меня. Кстати, я, конечно, не могу тебя заставлять, но я бы посоветовал тебе на эти деньги помыться и приодеться. Твоя старая одежда и так была не очень крепкой, а после кузницы на нее смотреть уже даже и не страшно – ее просто не видно за гарью. – Он опять зевнул и, опершись на наковальню отставленными назад руками, уселся обратно.

Гаскойн словно прочитал мои мысли, когда вручал монеты. Я давно хотел помыться, а подобрать себе одежду я собирался еще до того, как вообще пришел в город, поэтому этот день я провел с большой пользой.

Чистый и вымытый, я отправился на вещевой рынок. В итоге я выбрал себе одежду, похожую на ту, что была у меня раньше – плотные штаны и рубашку. Рубашку, однако,

я взял без завязок, чтобы можно было одевать через голову, подобрав ее ровно под свой обхват груди. У кожевников я нашел замечательные ботильоны, обитые железными пластинами и с толстой ребристой подошвой из каучукового дерева. Еще я взял круглые латные наплечники, с ребрами для отвода удара от шеи, с обратной стороны которых находились крепления для ремней, проходящих снизу. Для меня такая вещь была подходящей, потому что раньше ремни могли соскользнуть с плеч и висеть где-нибудь на талии. В конце я выбрал себе перчатки, настолько тонкие, что они почти не ощущались на руке. Кисти плавно переходили в наручи, крепко оборачивая руку и надежно держа запястье.

Когда у меня осталась половина золотой монеты, я не удержался и пошел посмотреть на кожаную броню. Около одной из них я остановился. Это был дублет с тесемками для лучшего обхвата туловища и маленькими металлическими заклепками для увеличения плотности. Но главное, что меня в нем заинтересовало – это множество кармашков и ремешков, для хранения разных мелких приборов и инструментов. Поторговавшись с продавцом, я купил дублет ровно за оставшиеся деньги и, довольный, полностью экипированный, пошел обратно к Гаскойну.

В следующую ночь Гаскойн снова не пустил меня в кузницу, заперев дверь, и я остался в спальне. Но теперь я не сокрушался – я зажег масляную лампу и достал свои инструменты и очки для механических работ. Всю ночь, под долбя-

щие звуки, доносящиеся из кузницы, я сидел со своей новой одеждой и подкручивал, подрезал и подбивал мелкие детали так, чтобы все сидело на мне ровно, и каждый сантиметр экипировки приносил пользу. В итоге я получил снаряжение, которое было идеально создано для охоты на чудищ. Все инструменты, бомбы, склянки и арбалет находились буквально под рукой, готовые в ту же секунду для использования. Я оделся, примерился и остался очень доволен. Счастливый, я лег спать и крепко проспал до самого утра.

Утром Гаскойн, хитро улыбаясь уставшими глазами, проводил меня в кузницу. Передо мной на верстаке, укрытые легким одеялом, лежали две небольшие металлические капли. Я сдернул одеяло и поразился. Передо мной сверкали новые стальные щитки, покрытые изогнутыми узорами, которые к тому же укрепляли форму щита.

– Можно взять? – спросил я.

– Конечно! – рассмеялся Гаскойн. – Это же твое! Ты сам за них заплатил, забыл, что ли?

Я потянулся к щиткам и взялся за рукояти, поставленные с внутренней стороны поперек щитов.

Я долго учился тренироваться мечом. Начав учебу еще подростком, мне было трудно привыкнуть к рукояти меча, тяжело было приноровиться к тому, чтобы держать меч, не задумываясь об этом. Еще труднее было научиться владеть мечом так, чтобы он был словно продолжение руки. Конечно, спустя годы тренировок у меня все начало получаться, но

все же я никогда до конца не ощущал свой меч частью себя.

Когда я просунул руки через ремни и взялся за рукояти глеф, у меня возникло чувство, будто я всегда их носил на себе. Щиты ровно, словно по трафарету, обрамляли мои руки до локтей. Я повертел руками, покрутил немного кистью. Даже когда кисть выезжала с линии руки, щиты мягко скользили за ней, не задевая руку. Я специально дернул левой рукой – глефа даже и не думала вываливаться из моей хватки, она так же дернулась вслед за мной. Она была легкой и никак не давила на руку и не оттягивала ее.

– Попробуй клинки, – подсказал Гаскойн.

Я нащупал находящийся немного над пальцами пусковой рычажок и легонько дернул его. Глефы как будто только этого и ждали – с мягким свистом из щитов по обе стороны вылезли сверкающие стальные пластины, сначала одна, самая большая, потом, уже из этой пластины, другая, и так далее, пока клинок не стал целым. Все это произошло в доли секунды, без задержки. Каждый из клинков был чуть длиннее моей руки, немного изогнутый – он словно пытался повторить очертания моего биологического поля. Я никогда не чувствовал себя таким защищенным, как сейчас. Казалось, что я нахожусь в собственной крепости, созданной моими глефами, и никто никогда не сумеет потревожить меня. Радостное тепло разливалось по моему телу, тепло свободы и неприступности.

Я снова потряс глефы. Никакая пластина не люфтила,

все держалось крепко и прочно. Я дотронулся одной рукой до поверхности клинка и провел по нему. Все было гладко, и, если бы не тонкие полосы в местах соединения пластин, невозможно было сказать, что клинок не являлся единым целым.

– Как тебе? – довольно спросил кузнец.

– Превосходно, – шепотом, с придыханием, ответил я. – Я никогда не ощущал такого благоговейного счастья от оружия.

Гаскойн улыбнулся.

– Ну, ты все-таки заслужил это оружие, – ответил он с гордостью за свое творение. – Теперь мы с тобой квиты.

Я обернулся к кузнецу.

– Я бы хотел спросить у тебя еще кое-что, – предложил я.

Гаскойн озадаченно спросил:

– Что же?

Я ответил:

– Я бы хотел поработать у тебя еще недельку. Но на полставки, – уточнил я. – Половину дня я буду продолжать работать у тебя подмастерьем, а другую половину я хочу посвятить тренировке боя с глефами.

– А ты никогда ими не дрался? – поразился Гаскойн. – Мда, тут я удивлен. Заказал такой дорогой товар, не умея им пользоваться...

– Я научусь, – уверил я мастера. – Я уверен, что глефы сослужат мне верную службу. Тем более, я сомневаюсь, что

с ними может что-то случиться.

– Если ты их не утопишь, то ничего, – сказал кузнец. – Только не забывай время от времени затачивать лезвия да иногда смазывать маслом ходовые механизмы. Сталь в этих глефах я сделал очень хорошую, но заботы о себе она все же требует. Ладно, – он хлопнул себя по коленям, – можешь остаться у меня еще на неделю. Только я тогда не пойму, что ты все еще тут стоишь и не раздуваешь меха?!

Я радостно кивнул и надавил на пусковой рычажок. Клинки так же тихо собрались вместе и скрылись за толстым металлом щитов. Я расслабил ремни и побежал в спальню, спеша убрать глефы и взяться за работу подмастерья.

Так прошла еще неделя, в которую я проработал подмастерьем кузнца. Работы у меня не убавилось – наоборот, казалось, что Гаскойн решил уложить дневную норму в первую половину дня, чтобы полностью, без остатка, занять меня. Я не сопротивлялся, тем более что я по-прежнему жил у кузнца и ел за его же счет. Зато по вечерам я полностью отдавался занятиям с глефами, пропадая в тренировочном районе, устроенном на окраине Энтерберга с незапамятных времен мастерами-охотниками. Каждое мое движение чувствовалось всем телом, я отдавался воле своих мыслей, на ходу выдумывая пируэты и тут же исполняя их длинными клинками. Занятия на манекенах, однако, мне быстро наскучили, и я стал искать напарников на том же поле. Некоторые изъявляли желание выйти против меня, но быстро уставали – ни-

кто не понимал, как сражаться против глеф, которые сверкали перед ними. Я настолько быстро и яро охранял свое биополе, нагло разрушая чужие, что уже на третий день у меня закончились все соперники. Я понял, что мне нужен был кто-то достаточно опытный в сражениях, и вскоре догадался.

В конце недели Гаскойн оставил мне десяток серебряных монет, снова заработанных сверх меры, и снарядил меня в дорогу, дав недельный запас пищи и воды. Я чувствовал себя настоящим охотником на чудищ как никогда ранее – с жестко закрепленными ремнями, в кожаной броне с металлическими вставками и с двумя сложенными глефами за плечами. Если раньше я ощущал себя юным учеником, то теперь – молодым воином, готовым к любым опасностям в окружающем меня мире. С этим настроением я, простившись с талантливым кузнецом, покинул Энтерберг.

Я прошел защитную линию Энтерберга и углубился в чащу Энтеррского леса. Я понимал, что мне нужен превосходный боец для моей тренировки обращения с глефами, и не мог придумать никого лучше, чем Аурум Адамантис. К сожалению, я не знал, как его искать, поэтому я ходил бесцельно по лесу и изредка выкрикивал его имя.

Но никто не откликнулся на мой зов. Мои попытки были напрасны.

Вечерело, и я решил собрать хвороста и развести костер. Огонь весело горел во тьме чащи. Маленькая Падчерица перестала скромно прятаться на небе и размеренно входила

во власть – скоро должна быть ее ночь. Я посидел немного, поужинав небольшой частью своих припасов, чтобы только уменьшить чувство голода, и лег спать, предварительно покричав имя Аурума в темноту склонившихся деревьев. Разочарованный, я уснул, придвинувшись ближе к костру.

Мой тревожный сон разбудило тихое подвывание. Резко вскочив, я увидел вокруг своего костра небольшую стаю молодых волков. Быстро оглядевшись, я насчитал около пяти особей, но я не был уверен, что это были все волки. Наверняка еще несколько хищников скрывались за деревьями. Я выхватил глефы, затягивать их ремнями не было времени, и нажал рычажок. Клинки послушно вышли, а волки, увидев мое оружие, немного опешили. Однако желание пожить оказалось сильнее чувства безопасности, и ближайший ко мне волк выскочил с раскрытой пастью в молниеносном прыжке.

Правая рука резко ответила на прыжок хищника. Глефа твердо защищала биополе передо мной. Волк напоролся прямо на лезвие, не имея возможности отпрыгнуть. Обратным движением руки клинок рассек грудь волка, уронив бездыханное тело животного в полтора метрах передо мной.

Остальные волки осторожно ходили вокруг меня, угрожающе рыча, пытаясь напугать меня. Я встал в стойку, расставив полусогнутые руки в стороны и расположив глефы горизонтально. Я был готов к нападению и ежесекундно ожидал этого, стоя молча у костра.

Внезапно волки наострили уши, будто что-то услышали, и, последний раз рыкнув на меня, убежали в чащу. Я огляделся и увидел дриаду, тихо смотрящую на меня и на труп волка передо мной. Я опустил свое оружие, показывая, что не желаю ей зла. Дриада подошла к волку, наклонилась к нему и поцеловала в похолодевший лоб хищника. Сразу после поцелуя голову волка охватила зелень, буйно разрастаясь по всему телу и украшаясь маленькими белыми цветочками. Когда весь волк стал окутан цветами, дриада подхватила его на руки и, не обращая на меня внимания, умчалась далеко в лес.

– Ты не виноват, доних, – услышал я знакомый голос. – Ты лишь защищал себя. А волк просто хотел есть, поэтому он тоже не виноват. Все прошло согласно закону природы.

– Аурум? – удивленно спросил я. С ветки стоящего рядом со мной дерева на землю спустился эльф, бесшумно упав на ноги.

– Да, доних, – ответил Аурум. – Дриады слышали тебя и передали, что ты меня ищешь. Сказать по правде, орал ты на весь лес так, что тебя было трудно не услышать. Не очень похоже на охотника.

– Я действительно искал тебя, – сказал я. – У меня к тебе появилась большая просьба, и я надеялся, что ты мне поможешь.

– Что же это за просьба? – хитро взглянул на меня эльф. Я показал ему глефы в своих руках.

– Мой меч сломался в схватке с элементом, и я выковал себе новое оружие.

Аурум внимательно осмотрел глефы, пощупывая щитки и лезвия.

– Поразительно, – ответил он спустя время. – Ты сделал себе оружие, идеально защищающее твой битх'бал. Я видел, как волк напал на тебя. Не все животные могут защищать свой битх'бал, и волк в их числе, и эта разница в ваших способностях сразу же показала себя. Как ты себя чувствуешь? – эльф оглядел меня.

– Легко, – признался я. – С мечом я никогда себя так не чувствовал. Такое ощущение, будто я нахожусь дома, одетый в толстую броню... Не знаю, как выразить точнее, но таким защищенным я себя никогда не ощущал только лишь из-за того, что в руках у меня оружие.

Аурум усмехнулся.

– Вот что дает оружие, защищающее твой битх'бал, – ответил он. – С этими глефами ты даже уставать будешь намного меньше. Так все-таки, – спросил он, – что за просьбу ты хотел мне доверить?

Я спохватился и ответил:

– Аурум... Ты – один из самых искусных охотников и воинов, которых я знаю, – при моих словах эльф улыбнулся и сложил руки на груди. – Я раньше не учился драться на глефах, поэтому мне нужны тренировки. Пожалуйста, научи меня сражаться, помоги улучшить свои навыки.

– Судя по тому, что я видел, ты уже неплохо обращаешься с глефой, – ответил Аурум. – Я, конечно, не самый лучший охотник и уж тем более не воин, но так и быть, натренировать тебя я могу, доних. Встретимся утром на этом же месте, – с этими словами эльф запрыгнул на дерево и исчез из виду.

Утром эльф, как и обещал, появился с рассветом на том же самом месте в лесу, где я разбил свой лагерь. Он сразу же заявил мне, что не будет драться на близком расстоянии, а будет использовать свое любимое оружие – лук. Так мы и тренировались – он пускал в меня стрелу, а я ее отбивал. Сначала у меня получалось не очень хорошо, даже пару раз стрела с режущим ухо свистом пролетала в непосредственной близости от меня, от чего Аурум гневно кричал, что я не умею уворачиваться. Впрочем, он сам стрелял не в полную силу, и было видно, что он старался не целиться напрямую в меня.

На следующий день мы продолжили тренировки. Я стал лучше сбивать стрелы, чем у меня получалось вчера. Вскоре я стал понемногу замечать, что Аурум целится мне грудь, голову и другие мои конечности, таким образом наращивая сложность. Тем не менее, я с легкостью отбивал его стрелы, одну даже разрубил пополам в воздухе. После этого я услышал, что эльф прокричал что-то вроде: «К черту эти игры!», и в меня полетели сразу три стрелы. Одну я кое-как отбил от себя, а от второй мне пришлось отскочить. Третья же скользнула по моему наплечнику, оставив легкую бороздку на ска-

те.

Спустя пару дней я стал отбивать и три стрелы, пущенные Аурумом. Эльф даже пытался стрелять вразнобой и в разные стороны, но я специально устремлялся к улетающей стреле и в круговом прыжке перерубал древко. Аурум немного ругался, говоря, что я перевожу стрелы, но я перестал воспринимать его ворчание после того, как он сказал, что сами стрелы – природные. Они даны ему самим лесом в несметных количествах и потом принимаются обратно. Действительно, упавшие стрелы через некоторое время опускались под землю или же разлагались на мелкие корешки и травки.

Потом мы устроили игру – Аурум пускал в меня залпы стрел, а я подходил к нему до тех пор, пока не оказывался на расстоянии битх'бал эльфа. Это было довольно забавно, но на близких расстояниях мне было сложно сконцентрироваться на отдельных снарядах, поэтому я придумал хорошую механику для защиты, крутя перед собой непрекращающимся вихрем клинков. Стрелы разлетались в щепки, и в конце Аурум признал, что я хорошо овладел мастерством боя с глефами.

– Давай попробуем стрелы с природным огнем? – спросил я эльфа.

– Нет, – наотрез отказался Аурум. – Амвитен создан природой не для игр. Это слишком опасное оружие, и ты не сможешь от него уклониться – он прожжет твои глефы и взорвется у тебя в руках. Ты и так уже умеешь драться против

стрел, доних, большее тебе не нужно. Ты же не собираешься воевать против природы, чтобы мне пришлось использовать амвитен? – он многозначительно посмотрел на меня исподлобья, приподняв край шляпы.

Я решительно покачал головой.

– Никогда, – ответил я.

– Надеюсь, – вздохнул Аурум. – Теперь тебе, наверное, стоит попробовать ближний бой с глефами. Что ж, я знаю, кто может тебе в этом помочь. Но это будет завтра, на сегодня хватит. Счастливо, доних!

Наутро я намного загодя встал и ждал эльфа с глефами наготове. Мне было интересно, кого приведет Аурум для занятий ближнего боя. Может, это будет дриада? Хотя вряд ли, дриады обычно используют метательные копья и дротики и стараются не подходить слишком близко.

Наконец, Аурум спустился с полумерзлой лианы, свисающей с вековой осины. Вслед за ним на землю прыгнула другая фигура в капюшоне.

– Доброе утро, доних! – поприветствовал меня эльф. – Теперь ты будешь драться в ближнем бою, как я и обещал.

– Но кто мой оппонент? – спросил я. – Можешь меня познакомить?

Аурум удивленно вскинул свою длинную светлую бровь.

– Я думал, что ты ее знаешь, – сказал он.

Фигура скинула капюшон назад, и я увидел изумрудно-зеленые волосы.

– Алесия? – удивился я. Аурум пораженно посмотрел на меня и рассмеялся.

– Доних, иногда ты мне кажешься чересчур забавным, – сказал он, поправляя шляпу, съехавшую с ушей. – Конечно, кто еще может быть лучшим соперником в тренировке, как не моя сестра. Она – очень умелый селххет, немногие могут с ней потягаться. Давай же, готовься!

– Но я не могу драться с девушкой! – пытался сопротивляться я.

– Сейчас я в первую очередь селххет, а не девушка! – ответила за себя Алесия. Она скинула плащ, и я увидел, что она была одета в жилет, похожий на тот, что был на Ауруме, только насыщенного темно-зеленого цвета, словно буйная зелень посреди лета. Внизу, помимо обтягивающих штанов, на ней была короткая юбка такого же цвета, похожая на соединенные друг с другом широкие травяные листья. На бедрах у нее висели два меча, которые она схватила за рукояти.

– Мечи? – поразился я. – Но они же не могут защитить битх'бал!

Аурум укоризненно покачал головой.

– Ты как-то плохо разбираешься в оружии, доних, – сказал он. – Это не мечи. Алесия хорошо владеет скимитарами. В отличие от обычных прямых мечей, которые действительно никак не могут защитить битх'бал, скимитар имеет изогнутый хитрым образом клинок и нестандартно заточенное лез-

вие. Так, ты не сможешь напрямую бить своей глефой – скимитар будет отводить удар в сторону, туда, куда удобно Алесии. Она изменяет направление движения ударов, заставляя врага двигаться по ее воле, и может сделать даже так, что противник будет избивать сам себя. Скимитар отлично позволяет контролировать свой битх'бал. Более того – он подчиняет себе битх'бал врага.

Я смотрел, как Алесия вынимала свое оружие из поясных ремешков. Скимитары и правда выглядели грозно. Лезвие шло будто невпопад, больше всего напоминая вилку, на зубья которой несколько раз падал тяжелый камень. Клинок разветвлялся в нескольких местах, уходя то вбок, то вдоль основной части, словно должен был с одной стороны распарывать жертву, а с другой – проходить сквозь рану как по маслу, нигде не застревая.

– Тренируйтесь! – торжественно воскликнул Аурум. – Я покину вас на сегодня.

Алесия бросилась навстречу мне, но остановилась чуть дальше места, с которого я мог бы ее достать, намекая, чтобы я сам напал на нее. Я взмахнул левой глефой, но навстречу ей взлетел правый скимитар Алесии. Лезвие глефы вошло точно в сопряжение зубцов лезвия скимитара, и эльфийка не преминула этим воспользоваться, отведя оружие в сторону и занося левый скимитар для удара. Я защитился свободной глефой, но скимитар зацепил изогнутым концом край моего клинка и завел его в другую сторону. Мой центр остался

свободным, и Алесия быстро вскинула ногу и со всей силы ударила меня в грудь.

Мой кожаный дублет жалобно скрипнул, а я отлетел назад. Я не ожидал такой силы от казавшейся хрупкой эльфийки. В полете я невзначай отпустил руки, и хорошо, что глефы были прочно закреплены на запястье и руке, иначе они бы улетели далеко от меня. Я собрался с мыслями и быстро вскочил на ноги, зажав оружие в руках.

Бой для меня шел очень плохо, Алесия уводила все мои атаки в сторону, делая биополе беззащитным. Каждый раз я отлетал назад, падая на спину. Алесия же терпеливо ждала, когда я встану, непринужденно взмахивая скимитарами по большой дуге, от чего в воздухе слышался тугой и громкий вой.

– Ты плохо приноравливаешься к бою, человек, – сухо говорила она, копируя стиль речи брата. От той нежности, с которой она выхаживала меня в Дадал'Треваре, казалось, не осталось и следа. – Охотник должен уметь выбирать правильный способ победы, а не переть каждый раз напролом с одной и той же атакой.

Я прислушался к ее словам, стараясь подобрать атаку, которую эльфийка не будет ожидать. Однако все мои старания уходили впустую – размашистые удары уходили дальше, сопровождаемые изгибами скимитаров, а точечные подхватывали зазубренные лезвия, которые двигали глефами как хотели – и каждый раз я улетал назад, ударяясь спиной об утоптаный

снег. Уже поздно вечером Алесия остановила тренировку и попрощалась со мной.

На следующий день эльфийка пришла одна и мы сразу же продолжили нашу схватку. Всю ночь я почти не спал, думая о том, как можно использовать силу скимитаров в свою пользу, и не мог ничего придумать, поэтому я решил пробовать все известные мне методы боя, надеясь, что какой-нибудь из них поможет.

Когда Алесия, захватив мои глефы, приготовилась пнуть меня, я сам поднял ногу и пнул ее в ответ. Моя ступня ударилась об ее ступню. Нога задрожала от резонанса, и я снова упал. Алесия же кое-как удержалась, но все же в итоге именно она устояла и поднесла конец клинка к моему горлу.

– Неплохо в этот раз, – сказала она, – однако победа все равно за мной. Ты не в полную силу использовал свое преимущество, так что оно превратилось в недостаток.

Она протянула мне руку, и я поднялся с ее помощью.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Но как же мне тебя победить, если мои атаки все время отводятся? Может, подскажешь мне?

Алесия улыбнулась.

– Ты должен сам догадаться, – ответила она. – Я думаю, ни одно чудовище не будет рассказывать тебе, как его победить.

Хоть ее слова и были мне понятны, для победы над эльфийкой они ничего не значили. Я по-прежнему не мог ей ничего сделать, все мои движения предугадывались движе-

ниями Алесии и ее скимитарами. Вся моя энергия уходила впустую, когда ее встречал скимитар.

Следующий день тренировок снова не приносил ничего нового. Я ощущал себя манекеном, хотя в том же Энтерберге все было с точностью до наоборот. Я ничего не мог противопоставить Алесии.

Она снова спокойным жестом завела мою глефу в сторону, и тут мне пришло в голову последовать за ней. Я ушел вместе с глефой и сдвинул вторую прямо под ведущий скимитар. Клинок Алесии отбился, а я быстро ударил первой глефой в грудь эльфийки. Второй скимитар поспешил отвести клинок, но мне это было и не нужно. Ударом ноги я сбил Алесию с ног, опрокинув ее на землю.

– Отлично, – сказала она, поднимаясь с помощью моей руки. – Ты, похоже, нашел слабость скимитаров.

– Скимитары могут уводить удары, – подытожил я, – но не могут следить за уводимым ударом дальше.

Алесия хихикнула.

– Это только моя слабость, – ответила она. – Да, дальше уводимого удара я не могу следить, но это не значит, что я не могу этому научиться. В этом смысл тренировок – совершенствоваться в бою, используя разные возможности своего оружия и себя самого. Идеальная тренировка бывает именно тогда, когда оба противника учатся чему-то новому.

С этого момента наши бои стали проходить примерно с одинаковым счетом: иногда побеждал я, а иногда – Алесия.

Я тренировался избегать отвода ударов, делая фальшивые движения или позволяя увести себя для контратаки, а Алесия старалась контролировать уводимые удары, переключая скимитары по очереди в одном большом сложном маневре.

Так прошла еще пара дней. Мы с Алесией наловчились сражаться друг против друга и во время сражения иногда проводили стандартные, простые атаки, чтобы расслабиться и отдохнуть между напряженными схватками.

– Алесия, скажи мне, а как вы перемещаетесь по деревьям? – спросил я эльфийку в один из таких моментов.

– А что такого? – спросила она меня, бесстрастно парируя мою боковую атаку.

– Просто мне было интересно, как вы так высоко прыгаете и сразу же исчезаете из глаз, – глефа дернулась в сторону, съехав с ожидаемой траектории.

– Ничего удивительного тут нет, – улыбнулась Алесия, заводя глефу наверх и назад, за спину мне. – Просто мы живем в единстве с природой, чтим ее и благословляем. Сам лес – наш покровитель. Помнишь Сердце леса? Лес доверил нам самую сокровенную свою часть, а мы, в свою очередь, доверяем ему свои жизни. Поэтому тебе кажется, что мы сами по себе скачем по деревьям, но это сам лес помогает нам двигаться так легко. То же и с дриадами. Они – дети леса, любимые его дети, и мы дружим с ними, как вы, люди, дружите семьями.

– Кстати, – улыбнулась Алесия, рассекая скимитарами

воздух перед моим прямым ударом, – Йеллити рассказывала нам, как ты с ее помощью добирался до Лесного Убежища. Это должно было быть весело, судя по тому, что она говорила. И сыр ей понравился, ничего такого в лесу не растет.

Я вспомнил дриаду, которая несла меня через Энтеррский лес на своем крупе и покраснел. Алесия рассмеялась.

– Дриады очень любят пошутить, и любят, когда к ним и к лесу проявляют заботу, – пояснила она. – Ты не браконьер, и ты вежливо обратился к Йеллити, и потому она помогла тебе.

На другой день Алесия пришла вместе с Аурумом.

– Доних, Алесия сказала мне, что ты преуспел в своих тренировках, – сказал Аурум. – Поэтому я думаю, что наша задача выполнена.

– Алесия тоже не зря тренировалась, – ответил я, – и многому научилась.

– Я знаю, – улыбнулся Аурум. – Сестра все мне рассказала. Теперь твой битх'бал и ты сам будете в безопасности. Конечно, если ты не встретишься бою с опытным эльфети.

– Что ты теперь будешь делать? – спросила меня Алесия.

– Я хочу вернуться в церковный приход, где в прошлый раз встретился с элементом, – ответил я. – Мне кажется, что его специально натравили. Надо навестить монахов и заодно проверить, все ли у них в порядке.

– Элементали сами по себе не нападают, – согласился Аурум. – Но натравливать чудище на церковь... Что-то я силь-

но сомневаюсь.

– Тогда откуда он мог взяться? – спросил я удивленно. – Остается только вариант, что какой-то монах просто нашел место обитания элементаля и случайно потревожил его. В любом случае надо туда отправиться. К тому же одному послушнику я обещал привезти пару книг взамен сгоревших.

– Может, ты и прав, – ответил Аурум. – Однако ты помнишь пещеру, в которой тебя чуть не спалило огнем? Позже я обыскал ту поляну. Пещера к тому времени пропала.

Я знал это, но промолчал, чтобы не злить эльфа. Аурум тем временем продолжал:

– Я боюсь, что мы с тобой, и в первую очередь ты, кого-то разгневали в той пещере. Возможно, что элементаля натравили не на церковь, а на тебя, просто церковь оказалась в непосредственной близости от тебя, вот гнев элементаля распространился и на нее.

Я вспомнил, как элементаль понесся на меня, едва заметив, и предположение Аурума показалось мне не таким уж и беспочвенным.

– Но раз уж ты хочешь в церковь, я знаю, кто тебе поможет, – улыбнулся эльф. Алесия захихикала.

Из леса вышла стройная дриада. Внешне она мне никого особо не напомнила, но приглядевшись, мне показалось, что это была та самая, что несла меня до Энтерберга. Аурум подтвердил мои слова:

– Йеллити отнесет тебя до церкви за пару дней. Она сама

вызвалась тебе помочь. У тебя же есть немного сыра? – и тут он сам не удержался и рассмеялся вслед за сестрой.

Я поковырялся в сумке и достал половину головки энтербергского сыра. Йеллити взглянула на него жадными глазами и срезала с верхушки толстый кусок, который тут же незамедлительно съела.

Я собрал все свои вещи, сложил глефы за спиной, закинул за плечо сумку и залез на дриаду.

– Счастливо тебе, доних! – Аурум, уходя, помахал рукой в развороте. – Будь осторожен!

– До встречи, Гавилан, – сказала, улыбаясь, Алесия.

Эльфы умчались вдаль по верхушкам деревьев, а Йеллити не дожидаясь от меня подтверждения, когда я буду готов, помчалась вдоль деревьев в сторону церковного прихода.

Казалось, мы неслись еще быстрее, чем в прошлый раз, потому что уже на исходе следующего дня мы оказались в знакомых мне местах. Недалеко от новой церкви дриада скинула меня, забрав в качестве оплаты остаток от сырной головки. Впрочем, я не был против, тем более что дриаде сыр очень понравился. Убегая в лес, она повернулась ко мне и, хихикая, подмигнула.

В церкви меня встретили очень дружелюбно. Приход уже был полностью восстановлен, поэтому отец Лоуренс дал мне отдельную келью для проживания, благо таких было достаточно много. Церковь крестоворота всегда была гостеприимной, каждому страннику в любое время суток монахи всегда

были готовы выделить место.

Мое новое обмундирование поразило многих, но больше всего священников удивили мои глефы. Отец Лоуренс по достоинству оценил мое новое оружие.

– Необычное и очень полезное в умелых руках, – сказал он. – Не все могут драться против глеф, мало кто может это делать. Главное – уметь драться с ними самому.

– Я так и знал, что их сделаешь, – радостно восклицал Клемм. – Точь-в-точь по тем рисункам, что ты чертил. Удивительно, как они искусно выплавлены!..

Я смущенно принимал слова восхищения, заодно спрашивая, не случилось ли чего за время моего отсутствия. Как оказалось, пока меня не было, ничего не происходило, церковь восстанавливалась в спокойствии, поэтому я зря волновался.

Я решил долго не задерживаться и, переночевав, продолжить свое путешествие по миру. Монахи не стали мне противиться, они понимали, что я в приходе лишний рот, к тому же негоже мешать человеку на его жизненном пути – так учит вера. Я подготовил вещи в поход, выкупил немного еды про запас (братъ ее за просто так у меня не хватило смелости, ведь наверняка приход сейчас испытывал небольшие проблемы в деньгах и пропитании) и лег спать.

Ночью меня разбудил такой жуткий вой, что в окне задрезжали тонкие стекла, жалобно стуча в своих пазах. Я выглянул наружу и увидел игристое пламя, танцующее в воз-

духе.

Неужели снова элементарь? Я не мог поверить. Похоже на правду, что этих чудищ натравливали именно на меня, а не на церковь, как говорил Аурум. Но кто? Кому я мог переступить дорогу? Не могли же гноллы, которых прежде я убивал десятками, собраться против меня и строить мне козни! Я снова вспомнил пещеру и огонь из нее. Неужели я действительно пробудил там нечто страшное, что теперь желает моей смерти? Мать Аурума, с его слов, говорила что-то про чудовище... Что это за создание и зачем ему нужен я? В чем я мог ему помешать?

У меня не было времени раздумывать над этим, потому что над недавно построенной церковью летал разъяренный элементарь, грозящий спалить весь приход заново. Я быстро оделся, закрепил глефы и побежал к выходу.

Элементарь словно ждал меня, камнем рухнув вниз на землю. Дыра в земле, которую он образовал, раскалилась докрасна, и оттуда вылезло магмовое чудище, покрытое искрящими кусками земли. Элементарь, рыча и шлепая горящими лапами по направлению ко мне, готовился ударить ошпаренными кулаками по моей голове.

Я не стал ждать момента, когда чудище подобрется ко мне, и понесся навстречу ему. Скользя в прыжке над горящим кулаком элементаря, я прокрутился в воздухе, пройдя левой глефой по руке монстра, и приземлился за его спиной. Прямыми точными выпадами я ударил в расплавленное тело эле-

менталю и кончиками клинков нащупал твердый кристалл средоточия стихий. Элементаль испуганно зарокотал и превратился в воду, окунувшись в снег подо мной, после чего он встал ледяной глыбой вокруг моих ног. Я отклонился назад, снял с пояса бомбу и бросил ее под основание глыбы, а сам согнулся вперед. Бомба рванула, освободив меня от ледяных оков и еще сильнее раззадорив элементалю.

Монстр превратился в большой вихрь и стал пускать в меня сильные порывы ветра, чтобы уронить меня. Я с легкостью отбивал их вертикальными ударами глеф, и ветер лишь мягко трепал меня с двух сторон по щекам. Наконец, элементаль подлетел почти вплотную, и я резко закрутился вокруг своей оси вместе с глефами, рассекши тело чудища пополам. Что-то звякнуло, и на землю свалилось средоточие стихий, которое я незамедлительно схватил в руки.

Остатки элементалю испуганно пытались отобрать у меня кристалл, постепенно растворяясь в воздухе, но я крепко держал его и отходил дальше от монстра, пока тот совсем не исчез. Кристалл выпал у меня из рук, и я ошалело огляделся по сторонам, не веря, что так быстро справился с чудищем, которое в прошлый раз доставило мне немало хлопот. Из церкви я видел бегущих ко мне монахов – Тарайлю, Клемма и других. Они подхватили меня под руки, осматривая наличие ранений, и повели обратно в келью. На полпути к церкви я очнулся и освободился от объятий церковных братьев.

– Со мной все в порядке! – рявкнул я, чтобы все удостоверились в этом и перестали лезть ко мне с помощью.

– Мы видели чудище, – сказал подошедший отец Лоуренс. – В прошлый раз ты был довольно сильно побит. С тобой точно все хорошо?

– Да, – утвердительно ответил я. – Я удивлен не меньше вашего, но это так. Элементаль повержен.

Монахи пожали плечами и, не имея больше никаких забот, отправились спать обратно в кельи. Я же от сильного возбуждения не мог уснуть до самого утра. Я никак не мог поверить, что глефы так облегчат мне бой... Или это тренировки с эльфами так дали о себе знать? Хотя, возможно, все дело в совокупности этих причин... Как бы то ни было, теперь элементали не будут для меня серьезной помехой.

Утром за завтраком все только и делали, что обсуждали мой ночной бой с элементом. Клемм, увидев меня в столовой, сразу же занял место рядом со мной и стал увлеченно расспрашивать меня о прошедшей битве.

– Я тебе, кстати, книг привез, – опомнился я.

– Да? – удивился послушник, тотчас переключив внимание на новую тему. – Что это за книги?

– Еще парочка bestiaries от охотников на чудищ, – ответил я. – Я думаю, тебе будет интересно почитать, что творится в нашем мире в дикой природе. И вдобавок еще одна книга по рукопашному и оружейному бою, хотя, – я подумал о стойке с шестоперами, – не очень уверен, что она тебе при-

годится, ведь вокруг тебя полно более опытных учителей.

Клемм вздохнул.

– Эх, добрый Гавилан! – воскликнул он. – Ты зажег во мне искру приключений! Сначала я хотел быть охотником, потом монахом, но теперь я знаю – я хочу помогать людям, будучи охотником на чудищ!

– Звучит забавно, – улыбнулся я. – По крайней мере, ты будешь первым охотником-священником на моей памяти. Правда, профессия охотника на чудищ требует большого умения и сноровки, больших знаний и широкого кругозора, хорошей физической подготовки и твердого характера.

– У него даже заикание пропало, как только он стал болтать про охоту на чудищ! – рассмеялся сидящий рядом священник Зирзан. – Характер у него твердеет что надо!

Клемм зарделся.

– Даже отец Лоуренс не возражает, – сказал он. – Я уже спрашивал его об этом. Еще он говорит, что скоро меня переведут из послушников в священники.

– Поздравляю, – сказал я. – Но я говорю не менее серьезно – это опасное занятие, и нужно быть готовым ко всему.

– У нас везде опасно, – ответил Зирзан. – Монах ли, охотник на чудищ – любой подвержен опасности почти одинаково. Там, где охотника не съедят, съедят монаха или крестьянина. Так что, Гавилан, не надо так говорить. Мы живем в Телехии, а это сам по себе опасный мир, и да поможет нам бог в нашей нелегкой жизни, – перекрестился он.

Провожать меня собралось не так уж и много народу – зима скоро подходила к концу, надо было готовиться к весне и лету. Отец Лоуренс перекрестил меня на дорогу и благословил мой путь, Клемм счастливо пожал мне руку, держа книги под мышкой, а Тарайль, как и в прошлый раз, проводил меня до окраины леса.

– Удачи тебе, Гавилан, – сказал он. – Да хранят тебя боги. Все, которые у нас есть.

Глава 4. Падший ангел

Я сидел в высокой белоснежной башне в гостинице Ланира и заполнял свой собственный бестиарий. Последние дни зимы и начало весны, когда мне исполнилось восемнадцать лет, я провел в Энтеррском лесу, сталкиваясь со странными существами. На вид они были как маленькие летающие глаза. В первый раз я встретился с ними, когда они облепили труп косули и обсасывали ее со всех сторон.

Сами по себе эти чудища были безобидны, однако по сути являлись хищниками и безжалостными трупоедами. Они не атаквали свою жертву. Вместо этого они находили ближайшего хищника и приводили его к цели. Хищник убивал несчастное животное и трапезничал. Обычно он съедал немного, после чего наступал пир чудищ. Они опускались на еще теплый труп, протыкали его своими игольчатыми присосками и вводили разжижающий яд. Внутренности жертвы превращались в мягкую кашу, которую чудища высасывали через те же присоски до самого конца, пока от трупа не оставалась лишь пустая оболочка. За способность охотиться с помощью хищника я называл этих чудищ аттрами, что в переводе с древнего телехского языка означало «привлекать».

Второй раз я встретил аттру абсолютно случайно, выслеживая бешеного вепря, заразившего половину домашних животных одной из лесных деревень. Сначала я не уделил

особого внимания на парящий в воздухе глаз, даже когда тот скрылся за толстыми стволами. Однако буквально через пару минут ко мне, размеренно покачивая толстыми бедрами, из чащи вывалился огромный медведь. Сам аттра при этом находился чуть поодаль, ожидая окончания схватки, так как ему было, в принципе, все равно, кто из нас с медведем победит. Было похоже, что косолапый не первый раз пользовался «услугами» аттры, так как мишка довольно вальяжно направлялся ко мне. Чувствовалось, что он не вынюхивал меня специально. К несчастью для медведя, у меня была с собой слезоточивая бомба, которая незамедлительно полетела прямо в морду зверя. Сам аттра не смог насладиться пищей, так как со следующим взмахом арбалета к нему полетел болт, который прошиб монстра насквозь, прибив к дереву. Пока медведь оттирал заслезившиеся глаза, я быстро схватил тушку аттры и убежал в сторону деревни, где надеялся провести вскрытие неопознанного чудища.

В ходе исследований я многое узнал об аттрах. Например, внутри них находится мешок, наполненный легким газом, давление которого постоянно меняется, отчего аттры могут летать по воздуху на нужной им высоте. Также я нашел в теле чудища зуб с кислотой, растворяющей внутренности жертвы, и простую пищеварительную систему, без желудка и с одной тонкой кишкой.

Последние очерки об аттрах я записал уже в ходе наблюдения за их популяцией, благо в той части леса, в которой я

находился, этих чудищ было невообразимо много. Конечно, по возможности я старался убивать их, но общее количество аттр не особо уменьшалось.

Теперь, уже в Ланире, я компоновал все записи воедино. Я жил в местной гостинице пару дней и пока что почти не высовывался из своей комнаты, спускаясь вниз только чтобы позавтракать и пообедать.

Ланир был древним портовым городом на северном побережье Телехии, откуда многочисленные корабли, ладьи и лодки отправлялись вдоль берегов материка к другим, более мелким портам и рыбацким деревушкам. Но Ланир вырос таким большим не только поэтому – отсюда также шел большой торговый путь к Телехским островам, знаменитым своими крайне плодородными землями и теплым климатом, при котором почти не было зимы, так что местные жители могли выращивать фрукты и овощи круглый год.

Когда-то давно в Ланире процветала незаконная торговля, почти повсюду продавались контрабандные товары, от которых многие травились, заражались тропическими болезнями и умирали. Однажды здесь разразилась самая настоящая эпидемия, унесшая жизни половины жителей города. После нее прошел большой переворот, в ходе которого во главе Ланира встал Парламент – группа уважаемых в городе людей, пользовавшихся огромным авторитетом и обладающих жестким и негибким характером, во главе с мэром. Парламент принял множество законов, особенно каса-

тельно пиратов и контрабандистов, с суровыми наказаниями за их нарушение. Для слежения за порядком в городе была основана Полиция Ланира, в которую набирали только тех людей, которые проходили долгую тщательную проверку на беспристрастность и преданность порядку. После этого преступность стала угасать, пока совсем не исчезла. Конечно, контрабандисты могли сбывать свои товары в других, соседних с городом местах, но это было абсолютно невыгодно, ведь главные торговые пути шли напрямик в Ланир, избегая другие села и деревни.

Когда порядок в полисе был установлен, Парламент принял решение изменить облик города. Все низенькие деревянные и глиняные дома были снесены, и на их месте были возведены высоченные башни из белоснежного камня. Таким образом Парламент хотел решить две проблемы – огромное количество жителей в городе и узкие дороги, недостаточные для прохода торговых караванов. После перестройки в Ланире появились широкие проспекты и просторные площади, среди которых возвышались небоскребы, как жилые и гостиничные, так и деловые или торговые.

С тех пор Ланир стал сказкой наяву. Сюда из Верселлии потянулись изобретатели, добавляющие в город особое очарование современности и ближайшего будущего. Например, здесь были созданы лифты – грандиозные сооружения, встраиваемые в дома, которые служили людям, поднимая их на верхние этажи башен. Это в других городах количество

этажей зачастую не превышало пять, и то лишь в отдельных зданиях, в Ланире же этажи небоскребов исчислялись десятками. К сожалению, я не успел опробовать лифты, так как в гостинице, где я жил, было всего лишь двенадцать этажей, и мне приходилось подниматься на свой одиннадцатый по широкой мраморной лестнице.

Все время пребывания в полисе я был поглощен своей работой. В принципе, Ланир интересовал меня по двум причинам – как большой музей с кучей достопримечательностей и как единственное место, откуда я мог отправиться на Телехские острова, где, как можно было судить по многочисленным бестиариям, жили разнообразные чудища, которые не водились на материке.

Я уже завершал свою книгу, как вдруг что-то промелькнуло мимо моего высокого и широкого окна, на секунду загородив мне яркий солнечный свет, льющийся с чистого голубого неба, которое в Ланире редко застилалось тучами. Мгновение позже снизу донеслись ужасные вопли, которые я не смог бы перепутать – это были предсмертные крики. Я бросил записи, захватил лежащее рядом оружие, и понесся вниз по лестнице, на ходу затягивая дублет.

Когда я выбежал на площадь рядом с гостиницей, там уже образовалась толпа зевак, местных торговков и случайных прохожих. Осторожно проходя меж людей, я зашел в центр толпы.

– Какой молоденький! – заголосила толстая мужиковатая

баба с корзиной рыбы под рукой. – И кому он мог только дорогу перейти?!

На лужайке рядом с площадью лежал совсем молодой парень, даже младше меня. У него и бородка только-только начала расти, вернее, это был лишь мягкий жиденький пушок на подбородке и скулах. Лицо его было мертвенно-бледное – он умер мгновенно от сильного удара в голову, и кровь, вытекающая из дыры на затылке, только подтверждала это.

Я попытался взять тело за плечи и перевернуть, чтобы лучше рассмотреть дыру и определить, было ли это дело рук какого-то определенного чудища или кого-то еще, как вдруг услышал за своей спиной громкий и четкий женский голос:

– Не трогать! Именем Полиции, я повелеваю разойтись!

Я обернулся и увидел женщину, стоящую прямо надо мной. Она была высокой и худощавой, но вместе с тем в ней чувствовалась сила, намекающая, что она способна повалить даже крепкого мужика. Она была одета в длинный, до самой земли, белый двубортный плащ с высоким воротником, под которым еле заметно выглядывала такая же белоснежная рубашка и темный галстук. Лицо ее выглядело сурово – нахмуренные брови и тонкие губы могли бы прибавить ей год-другой, хотя в целом она выглядела лет на тридцать. Интереснее всего выглядели волосы женщины. Похоже, что она не очень любила за ними ухаживать, потому что спереди они были коротко подстриженными и торчали ровно вверх, и лишь сзади, с затылка, на плечи опускались длинные темно-фиолето-

вые пряди, которые напоминали о том, какого пола человек стоит перед тобой.

– Ты что уставился?! – закричала женщина на меня. – Уйди отсюда, не мешай следствию работать!

– Я охотник на чудищ, – ответил я как можно более спокойно, хотя меня уже начинал понемногу раздражать повышенный тон моей собеседницы. – Я хотел только проверить, нет ли на трупе следов какого-либо известного мне монстра.

Женщина порылась в одном из карманов своего белого плаща и достала удостоверение, которое незамедлительно раскрыла и показала мне.

– Начальник отдела следствий Полиции Ланира Ингресс, – заявила она жестким голосом, который, хоть и звучал теперь тише, все равно раздражал слух. – Здесь я занимаюсь убийствами и всем, что с ними связано. Никакие самопальные охотники мне тут не нужны.

Я открыл рот, чтобы поспорить, но тут, растолкав толпу, к женщине-полицейской вышли два бугая в серых мундирах и знаками отличия городской Полиции на плечах и оторочках.

– Леди Ингресс, есть проблема? – спросили они женщину.

– Пока не знаю, – ответила она. – Но если этот молодой выскочка не уберется сию же минуту с места преступления, то проблема появится. У него.

– Ладно-ладно, я уйду, – сказал я, поднимаясь и отходя к толпе, которая, почувствовав мое поражение, радостно заулюлюкала, но тут же замолкла, поймав грозный взгляд на-

чальницы отдела следствий.

– Кто-нибудь видел, что произошло? – спросила она окружающих, при этом не сводя своих карих глаз с меня, ожидая, чтобы я скрылся из виду. Я вздохнул про себя и заторопился выйти из плотного кольца людей, придерживая свои глефы, чтобы те не сорвались. Баба с рыбой выдалась вперед и сказала:

– Конечно, леди Ингресс, видели! Иду я, значит, на рынок рыбу продавать, как обычно, и вдруг смотрю – тень большая на земле движется. Я наверх смотрю, а там этот парень летит вниз, прямо на меня! Я от неожиданности вскрикнула и отпрянула, а он летел совсем тихо, даже не кричал. Только когда стукнулся головой, только тогда вскрикнул и распростерся! Вот и все, – баба рьяно жестикулировала, размахивая корзиной с рыбой и обдавая всю толпу соответствующим запахом, точно священник церкви крестоворота с кадиллом, – потом вот тот паренек с мечами подошел, пощупать труп хотел зачем-то, а тут и вы подоспели!..

Я уже вышел из толпы и плохо слышал рассказ. Думая, что за мной по-прежнему следят, я плюнул на все и пошел в гостиницу. Надо было дописывать bestiарий. Пускай Полиция сама разбирается, если ей не нужна помощь.

Вечером я сидел за барной стойкой на первом этаже гостиницы и попивал кислое ревеневое пиво. У стойки больше никого не было, лишь несколько человек сидели с ужином за столиками.

– Что там произошло, сегодня днем? – спросил меня бармен, седой бородатый старичок, муж хозяйки гостиницы. – Народ выбежал смотреть, и никто так ничего и не рассказал, все молчат.

– Парень упал с высоты, расколол себе затылок, – ответил я. – Больше ничего не знаю, меня самого прогнали оттуда. Какая-то женщина в белом...

– Леди Ингресс? – переспросил бармен, ехидно улыбаясь. – Конечно, она ведь начальник следствия всей Полиции Ланира. Она не любит, когда мешаются у нее под ногами.

– Но я-то не мешался! – возразил я, отхлебнув еще глоток пива. – Я охотник на чудищ! Может, это было какое-нибудь известное мне чудище, которое можно было бы быстро поймать по горячим следам. А теперь уже неизвестно, где оно находится.

Бармен отмахнулся полотенцем, которым он вытирал тарелки.

– Какие чудища, скажешь тоже, – сказал он. – У нас тут такие отродясь не водятся. За городом – да, там полно чудищ, а здесь все люди – люди и творят преступления. Вот Полиция и не дает никому мешаться, особенно Леония Ингресс.

– Кто это вообще за Ингресс такая? – спросил я. – Я смотрю, все очень благоговейно, а то и со страхом, относятся к ней.

Бармен притих, оглянулся вокруг и наклонился ко мне.

– У-у, не стоит так легко и дерзко говорить о ней, – ска-

зал он. – Это действительно великий человек. Благодаря ей преступность в Ланире заметно снизилась со времен самого основания Полиции.

– А разве преступность не исчезла совсем при основании Полиции, собственно? – удивился я.

– О нет, – покачал головой старик. – Тогда исчезли контрабандисты, они же и стали первыми настоящими преступниками – убийцами, ворами, вымогателями. Полиция пыталась с ними бороться, но на место одного вставали другие. Днем Ланир был замечательным местом, а ночью по его улицам было не только страшно, но и опасно ходить.

Леония Ингресс лишилась родителей еще в детстве. Тогда наши газеты писали о загадочном маньяке, орудовавшем в западной части города. Была там и статья про маленькую девочку, которую нашли около тел взрослой пары. Маньяк не убил ее, он сделал много хуже. У девочки не было даже сил плакать после того, что произошло, горе буквально парализовало ее. Многие жители смилостивились и собрали ей денег на тихую жизнь в приюте. Наверное, когда-то тогда в ней и стали происходить перемены.

Леония росла совсем не как обычная девочка. Обычно она занималась тем, чем обычно в ее возрасте занимаются мальчики – дралась, мастерила какие-то деревянные фигурки, стреляла из рогатки по воробьям. У нее не было друзей, она от всех отгораживалась. Когда Леония подросла, она пошла в школу, которую закончила на отлично. Больше всего

она мечтала пойти в Полицию Ланира, чтобы отомстить за своих родителей, и ее мечта сбылась – она стала первой женщиной, служащей в Полиции.

Несмотря на то, что она была молодой девушкой, Леония легко догнала и перегнала сослуживцев не только в мастерстве рукопашного боя и стрельбы из пистолей, но и в умении раскрывать всевозможные преступления. Ее определили в отдел следствий, где она быстро поднималась по карьерной лестнице. Единственным ее недостатком была неудержимая ярость по отношению к нарушителям закона.

– Я пару раз видел, как она обращалась с пойманными преступниками, – продолжал свой рассказ бармен. – Я даже удивился, как ее не взяли в отдел пыток, потому что даже самые отъявленные мерзавцы рыдали и умоляли о прощении, стоя перед ней на коленях – представляешь, насколько жестокой с ними была Леония? Но у нее, похоже, всегда перед глазами стояли ее родители, оставившие ее много лет назад. Тем не менее, несмотря ни на что, с приходом Леонии количество нарушителей порядка стало редеть, и вскоре настал день, когда ее назначили начальником отдела.

Почти сразу же – может специально, а может по чистой случайности – Полиции удалось поймать того самого маньяка, что убил родителей Леонии и надругался над ней самой. Наверное, даже это было не так страшно, как то, что Ингресс сделала с ним тогда. Я присутствовал на публичной казни, одной из тех, что Полиция время от времени устраивала в

назидание будущим преступникам. Когда двери штаба Полиции открылись и Леония выволокла маньяка, народ ужаснулся. На нем живого места не было, кожа клочьями свисала с тех конечностей, которые не были обуглены или оторваны. Взойдя на помост, Ингресс прокричала, что так будет с каждым убийцей, который посягнет на жизнь или честь жителей ее города. После этого маньяка потащили к гильотине. Представляешь, он умолял о смерти! Многие отвернулись, лишь некоторое остались смотреть, что будет дальше, и я в том числе. Лучше бы я этого не видел! Леония остановила палача и приказала перевернуть лезвие гильотины острием вверх. Бедный преступник с ужасом смотрел вокруг, губами произнося слова о прощении, пока гильотина не раздробила позвонки на его оголенной до жил и костей шее.

– Это было ужасно... Правда, стоит признать, что после этого случая количество преступлений значительно уменьшилось, – закончил историю бармен. – Лет пять назад убийства случались не реже раза в неделю, а теперь этот паренек, которого ты видел сегодня – первый за полгода.

– Но это же неправильно! – воскликнул я. – По сути, весь город держится в страхе перед одним отделом Полиции.

Бармен многозначительно посмотрел на меня и ответил:

– Знаешь, что я скажу тебе? Лучше пусть будет так, как есть сейчас, зато я всегда уверен, что мои дети дойдут от школы до дома в безопасности. Ингресс многое сделала для нас, и она взаправду любит город, в котором живет. Да, ее

немного побаиваются, но и почитают. Единственное, чего стоит бояться – кто ее заменит, когда самой Леонии не станет.

Я ничего не смог ответить бармену на это. Мое пиво в кружке закончилось, и я медленно побрел по лестнице наверх, в свой номер. Мои мысли, вкупе с тем, что рассказал старик в баре, перемешались, и мне не хотелось ни о чем думать. Так я и уснул, взволнованный и беспокойный, и мой сон был таким же.

На другой день я забросил все свои планы и решил прогуляться по городу. У меня не было какого-то определенного маршрута, я просто ходил по улицам и осматривал разные достопримечательности, благо после грандиозной перестройки Ланир стал словно бы музеем, большим и красивым.

Сами улицы были похожи одна на другую – широкие, мощеные бело-розовым мрамором, с аккуратными зелеными лужайками по краям, на которых, соблюдая расстояние, росли ухоженные кусты. Улицы соединяли площади разной величины, но сделанные по одной схеме – с центрическими клумбами и статуей посередине. Я видел статуи первых членов Парламента, статую рыбака, посвященную главной, изначальной, профессии города, статую памяти чумы, которая когда-то давно выкосила чуть ли не все население города. Так, шаг за шагом, я пришел на широкую светлую площадь, на которой возвышалась статуя сурового мужчины, одетого в красиво убранный мундир с множеством наград и меда-

лей. Я подошел ближе и прочитал надпись «Статуя первого главы Полиции». Я огляделся и увидел рядом небольшой деревянный помост с покосившейся стойкой, на которой, наверное, раньше была установлена гильотина. Помост обветшал и кое-где покрылся паутиной. Похоже, что им давно не пользовались, хотя и убирать его никто не спешил. Правда, могли бы хотя бы прибраться, но, наверное, чего-то боялись. На краю площади возвышался штаб Полиции. Он отличался от других зданий, хотя бы тем, что состоял из двух соединенных между собой во множестве мест квадратных башен. Башни возносились высоко к небесам, я не мог сосчитать количество этажей из-за слепящего солнца. Интересно, если даже сверху штаб такой высокий, то сколько же этажей еще было внизу, в его подвалах и подземельях?

Я ушел с площади и заметил, что дорога начинает спускаться вниз. Я решил, что, наверное, она ведет в знаменитый порт Ланира, и не ошибся, когда мне в нос ударил терпкий смешанный запах морской воды, рыбы и соли, а сверху стали доноситься крики многочисленных чаек. Я спустился дальше и уже вскоре был у причала.

Недалеко я обратил внимание на нескольких людей, столпившихся в одном месте. Проходившие мимо моряки оглядывались на них, некоторые останавливались, чем-то заинтересовавшись. Мне самому стало интересно, и я подошел к ним.

Крики из толпы становились все более различными по

мере того, как я приближался. Пока что я слышал что-то про моряка, который только вернулся из плавания на острова. Подойдя вплотную, я увидел, что толпа окружала труп взрослого человека в судовой форме, а рядом стояла леди Ингресс в том же белом плаще, что и вчера.

– Мы только утром с ним разговаривали, а теперь вот он, упал с портовой стены, – возмущался другой моряк, наверное, товарищ погибшего. – Он и слова не говорил о самоубийстве.

– Может, недавно случилось что-то такое, что могло бы натолкнуть его на такие мысли? – спрашивала Ингресс.

– Нет, ничего не происходило. Все как всегда... Хотя, – моряк почесал голову, – он всю дорогу говорил, что в прошлый раз нашел тут на окраине какие-то яйца большие, с трещинами. Одно яйцо он даже взял – яичницу приготовить. Говорил, гадость несусветнейшая, как будто сахару пересыпал. Больше ничего особенного не было.

Заслушавшись, я подошел совсем близко, и мог разглядеть труп. Он поразительно напоминал вчерашний труп бледностью лица, а на затылке зияла точно такая же дыра, из которой сочилась смешанная с мозгом кровь.

– Опять ты?! – Ингресс заметила меня. – Хватит ошиваться рядом!

– А что такого в том, что я проходил мимо? – ошетинился я. – Вон сколько людей стоит рядом и ничего.

Леония Ингресс посмотрела на меня немигающим взгля-

дом, в котором читалась бесконечная злоба. У меня закралась мысль, что в этот момент она записала меня в главные подозреваемые.

– Смотри, – прошипела она сквозь зубы, – я за тобой слежу. В этом городе никакой преступник не уйдет безнаказанным.

– Он второй день подряд уходит, – парировал я, и совершенно зря, потому что сзади меня появился полицейский с дубиной, которую он незамедлительно применил к моей спине. От неожиданности я вскрикнул и присел на корточки.

– Не смей пререкаться с леди Ингресс! – закричал полицейский надо мной.

– Оставь этого мальчишку, рядовой Гвинтс, – сказала равнодушно Леония. – Лучше возьми труп и отнеси в морг. Там его найдут родственники. А ты, – она наклонилась ко мне, и я почувствовал холод, исходящий от ее дыхания, – больше не смей появляться там, где идет следствие. А свои детские игры про чудищ оставь при себе и даже не вспоминай о них. Ишь, чего выдумал, – добавила она, уходя, – вообразил себя невесть каким охотником на чудищ и считает, что может теперь раскрыть любое преступление!

Зеваки вокруг меня рассмеялись. Я не выдержал этого и, преодолевая боль в лопатках, встал и побежал в сторону своей гостиницы.

Мне очень сильно не хотелось оставаться в городе, но тайна смерти двух человек за прошедшие дни интересовала ме-

ня еще сильнее, поэтому я все еще сидел в гостинице и размышлял. Вряд ли оба раза убийцы были разные, скорее всего это дело рук одного человека. Это подтверждал способ убийства – скидывание с большой высоты. Но если моряка сбросили со стены, то откуда тогда был выброшен парень? Неужели его вытолкнули из окна? И почему оба раза жертвы упали затылком вниз? Это было не слишком похоже на простую случайность.

На следующий день я пошел на рынок и купил себе просторный серый плащ с капюшоном. Возможно, так я буду меньше выделяться, особенно если ходить с оружием. К тому же, если я надену капюшон, никакая Полиция меня не узнает. Я видел довольно много людей в плащах на улицах Ланира, поэтому надеялся, что мой плащ никого не будет смущать или вызывать подозрений.

Когда я возвращался назад, на одной из улиц я увидел двух оживленно беседующих девушек. Одна из них, рыжая толстушка в цветастом сарафане, с широко раскрытыми от недавно пережитого ужаса глазами, что-то рассказывала своей подруге, брюнетке в темном платье с туго затянутым корсетом. Когда я подошел поближе, я услышал обрывки разговора:

– ... и тут что-то со скрипом грохается прямо на тюфяки! Я закричала, народ сбежался, смотрим, а там дворник Ригер лежит!

– Живой? – озабоченно спросила брюнетка.

– Живой, но кряхтел сильно. Его перевернули, а у него на затылке дырка с кулак! Я чуть в обморок не упала. Он застонал, и тут прибежала Полиция, Ригера забрали, а людей вокруг стали расспрашивать, что да как произошло. И никто не знает, все так внезапно случилось. Набросились на меня с расспросами, да только что я могла сказать, я сама ничего не видела, от ужаса чуть заикой не стала! Не буду больше сторожить батины тюфяки, пусть сам справляется, а то как меня берут, так сразу что-то происходит!..

Я прошел, не останавливаясь, и вскоре слова перестали долетать до меня. Да мне это и не было нужно, я и так узнал достаточно. Получается, что убийца пробивает дыру в затылке жертв до того как их скидывает, а я думал, что у них череп ломался от удара об землю. Но кто бы мог это сделать?

Я вспомнил, что товарищ моряка говорил что-то про яйца, необычно большие. Я не видел нигде гнезд, где могли бы жить столь огромные птицы. Крыши высоких ланирских домов были пирамидальными и покатыми, гнезда там тоже не могли находиться – они бы просто не удержались там. Единственным местом, где можно было бы поискать гнездо – это высокий каменный склон расположенный рядом с Ланиром. Берега там были слишком круты и высоки, чтобы к ним можно было пристать на какой-нибудь лодке, поэтому Ланир никогда не разрастался в ту сторону, благодаря чему тамошний берег был пуст и одинок, и только высокая трава развевалась на сильном ветру, который дул со стороны города.

Утром я, экипировавшись и надев плащ, направился к окраине Ланира, в сторону каменного берега. Я видел множество чаек, летающих над берегом, но они были слишком маленькие, чтобы откладывать яйца большого размера.

На самом склоне я пробирался через спутанные листья длинной травы, с трудом перебирая ноги. Несмотря на близость с городом, это место было абсолютно нелюдимо. Чайки, видя меня, спешили вниз, к своим птенцам, думая, что я собираюсь разворовывать гнезда. На сокола или коршуна я, конечно, не был похож, но, наверное, был не менее страшен. Я осматривал те гнездышки, которые были на краю обрыва, но ничего особенного не находил.

Я вздохнул, снял плащ и убрал его в сумку, а вместо этого достал трос с крюком, который незадолго до похода самостоятельно смастерил и скрепил. Уцепившись концом крюка за каменный выступ у обрыва и убедившись, что крюк держится прочно, я обвязал другой конец троса вокруг себя.

Я спустился вниз по склону на тросе. Чайки возмущенно закричали, выпорхнули из своих насиженных уголков, расположенных по всему склону и стали летать надо мной. Некоторые особенно смелые особи пытались спикировать на меня и клюнуть. Я отмахивался от них, попутно отмечая, что на отвесах тоже нет никаких огромных яиц. Почти все яйца уже были раскрыты, рядом с ними сидели недавно вылупившиеся птенцы, с интересом наблюдая за представлением, которые устроили их родители вместе со мной. Никаких от-

клонений в размерах я не наблюдал.

Я уже устал висеть и полез обратно наверх, проклиная себя за то, что так наивно поверил словам моряка. Я выбрался на берег, собрал вещи и пошел обратно в город.

Совершенно случайно я заметил, что недалеко от меня трава была немного примята. Я возвращался точно тем же путем, что пришел сюда, поэтому это точно не мог быть я. Мне стало интересно. Возможно, это Ингресс, так же, как и я, предположив найти здесь большое яйцо, пришла сюда. Я не запомнил, видел ли я примятую траву тогда, когда пришел сюда, но решил, что в любом случае необходимо проверить, куда ведут эти еле заметные следы.

Я сдвинулся немного вбок к смятой траве и пошел по ней. Идти там, где до меня кто-то уже шел, было сравнительно легко и удобно. Трава почти не мешалась, лишь изредка спутываясь вокруг подошв ботильонов. Путь вел меня вдоль берега, немного петляя, но все же идя довольно ровно.

Я шел, наверное, минут пятнадцать, когда увидел перед собой широкую кучу из сваленных веток. Подойдя поближе, я обнаружил, что стою около огромного гнезда, тщательно собранного из разнообразных материалов, и вполне неплохо собранного. Честно говоря, гнездо было так хорошо обустроено, особенно места с обмотанными тканевыми материалами, выглядящими словно кресла, что казалось, будто это гнездо было сделано человеком.

Но главное, что я обнаружил в этом гнезде – это яйцо, с

толстой желтоватой скорлупой, настолько высокое, что доставало мне до колена. Сверху и сбоку яйцо было пробито, рядом с дырами я увидел темно-серые пятна. Приглядевшись, я понял, что так может выглядеть только давно засохшая кровь. Не знаю, насколько давно, но неделя точно прошла. Я наклонился над яйцом и посмотрел было внутрь дырок, но сразу же отпрянул назад. Внутри яйцо совсем протухло и жутко воняло, и лишь благодаря морскому ветру, который уносил вонь прочь от берега, я почти не чувствовал противный запах, хотя стоял рядом.

Я решил, что достаточно насмотрелся на большое гнездо, и поторопился обратно в Ланир. Мне хотелось как можно скорее попасть в библиотеку и набрать бестиариев. Я нигде не встречал огромных гнезд, и даже не мог предположить, что за животное здесь обитало. Скорее всего, это было какое-нибудь чудище, обитающее только в окрестностях Ланира, поэтому лучшим решением было изучить здешние бестиарии.

Когда я проходил по утоптанному в траве пути, я заметил, что путь внезапно заканчивался, словно кто-то спустился в том месте с неба. Единственное место, где путь продолжался, было там, где шел я. Частички головоломки стали понемногу склеиваться друг с другом.

Все указывало на то, что убийства были сделаны каким-то летающим существом, вероятно, чудищем. Оставалось только узнать, кто именно это был и как его победить. Правда

была еще одна проблема – как найти это чудище, однако я посчитал, что оно продолжит убивать людей, поэтому я наверняка еще встречу с ним в городе.

В библиотеке я быстро нашел отдел, где находились бестиарии и, набрав кучу книг, уселся за читальный столик и стал быстро пролистывать страницы, выискивая что-либо, подходящее моему случаю. Недалеко от меня находился стол заведующей библиотекой. Заведовала библиотекой маленькая старушка, которая в данный момент сидела и всхлипывала, не обращая ни на что внимания. Меня это немного насторожило, и я отложил книги и подошел к ней, спросив, не случилось ли что.

– Не обращай внимания, молодой человек, – ответила старушка. – Это мое личное горе. В большом городе всякое случается...

– Что произошло? – не мог унять я. Я надеялся узнать хотя бы немного. Старушка шмыгнула носом и сказала:

– У меня муж сегодня скончался... Дети сейчас занимаются похоронами, а меня оставили на работе...

– Уж не убил его кто? – спросил я. Заведующая посмотрела на меня и ответила:

– Убили, убили... – она снова зарыдала, достала платочек и стала реветь в него. – Вчера нашли его с пробитой головой. Он был еще жив... его отправили в лечебницу... а он в бреду метался... И сегодня... сегодня...

– Вы жена дворника Ригера? – переспросил я. Старушка

удивленно взглянула на меня:

– Да... А ты откуда знаешь?

– Я вчера проходил мимо... того самого места и слышал разговоры, – сказал я. – Скажите, а он говорил что-нибудь особенное, когда бредил?

– Ничего такого, – ответила заведующая. Ее слезы на мгновение высохли, так как она не ожидала, что я буду сколько-нибудь в курсе происходящего. – Он только все говорил, что бог его покарал, и ангел пришел забрать его. Он никому зла не желал, за что его можно было покарать?! – воскликнула старушка и снова заревела. Я вытащил несколько монет и протянул их старушке.

– Это вам... Тут не очень много, но будет хоть какая-то помощь.

Старушка не взяла деньги, продолжая рыдать, поэтому я просто оставил их на столе и пошел обратно к бестиариям.

Я не знал, кого искать и что имел в виду дворник. Либо он был набожным и просто ждал, когда ангелы заберут его душу, либо убийца был похож на ангела. Пролистывая бестиарии один за другим, я не видел не то что ангелов, а хотя бы кого-то из чудищ, похожих на птиц.

Внезапно дверь библиотеки открылась, и в помещение вошла Леония Ингресс. В руках она держала какую-то книгу. Кивнув заведующей (та все еще всхлипывала, уткнувшись в платок, и не обращала ни на кого внимания), она пошла в сторону полки, где я брал бестиарии. Боясь, как бы Ингресс

не обнаружила меня, я нацепил капюшон и вскинул ногу на ногу, закрывшись одной из книг, будто увлеченно читал ее.

Тем временем начальница отдела следствий подошла к полке с бестиариями, вытащила из внутреннего кармана плаща довольно потрепанную книжку и поставила ее к другим таким же книгам. Развернувшись, она твердым шагом, стуча каблуками по половым плиткам, направилась к выходу. На меня она не обратила особого внимания, лишь мельком взглянула, но ничего не заподозрила. Уже открыв входную дверь, она посмотрела на заведующую и полураздраженно сказала:

– Хватит плакать! Вашего мужа все равно уже не вернуть, однако он помог следствию в самый последний момент! Поучитесь у него стойкости!

С этими словами она захлопнула дверь. Я сразу же кинулся к бестиариям. Найти книжку, которую оставила Ингресс, мне не составило труда – слишком уж она выделялась своей почти разорванной обложкой. Я взял ее и сел обратно за читальный стол, на ходу пролистывая помятые страницы.

Один заголовок задержал мое внимание, и тут я понял, что нашел то, что смотрела сама Леония. Глава называлась «Херув» и описывала странных человекоподобных существ с крыльями:

«Херувы выглядят словно люди, у которых на спине закреплены крылья вроде птичьих, с длинными белыми перьями. Происхождение херувов неизвестно, возможно, имело

место какое-то кровосмешение людей с летающими чудищами, однако херувы в больших количествах селятся на утесах близ Ланира (больше нигде не замечены). Столкновение с некоторыми особями дало понять, что данные чудища разбирают людскую речь и могут на ней говорить. Также у них особенно развит семейный инстинкт, поэтому гнездилище херувов охраняется и обороняется очень ревностно.

Особенностей в бою против херувов нет, их можно победить тем же оружием, с которым можно убить и обычного человека. Следует, однако, отметить, что херувы летают очень хорошо, поэтому стоит следить за небом и заодно не допускать, чтобы херув поднял тебя и уронил с большой высоты.

Ненавистью по отношению к людям херувы не испытывают, но легко могут убить заблудившегося путника, по ошибке завернувшего в гнездилище. Так же херувы убивают и играющих неподалеку мальчишек.

Из всего следует, что херувы – чудища, коим нет места в мире, поэтому они требуют истребления. Записал в 1319 году Содружества охотник на чудищ Серошрамм».

Чуть дальше следовала запись, написанная другим почерком, коряво и явно наспех:

«После явной атаки на гнездилище херувы взбесились и стали сами нападать на людей. Неизвестная болезнь (в Ланире прошла эпидемия гриппа, почти незаметно для людей) подкосила популяцию чудищ. Похоже, что херувов больше не осталось. Отметил в 1328 году Содр. охотник на чудищ

Фесст Ангирский».

Эта запись меня взбаламутила. Из нее следовало, что херувы вымерли, от эпидемии и от геноцида, более двадцати лет назад. Тем не менее, предсмертные бредни дворника, а также большое гнездо на склоне доказывали обратное. Я пожегся, начиная осознавать, что кто-то из этих чудищ, похоже, все-таки выжил.

Я убрал книгу и вышел из библиотеки. Как бы то ни было, Леония была на шаг впереди меня. Я не знал, зачем я вообще влез в это дело. По большому счету, Полиция Ланира вполне могла бы сама справиться, но меня очень сильно уязвило отношение леди Ингресс ко мне, так что у меня был лишний повод – восстановить свою пострадавшую гордость.

Мне пришла в голову мысль, что Леония не знает о гнезде, ведь она знает про «ангела» только со слов дворника, и это немного воодушевило меня. Твердым шагом я направился к своей гостинице, чтобы подготовиться к будущей встрече с херувом.

То, что херувы ничем, по сути, не отличались от человека, означало, что я мог не особо волноваться насчет особенных отваров и растворов, а также взрывчатых смесей. Я заготовил все самое обычное – сделал пару простых бомб, зарядил арбалет и обновил заточку глефовых лезвий. Однако в снаряжении была необходима лишняя «изюминка» – средство для борьбы с чудищем в воздухе. Конечно, я надеялся, что до этого дело не дойдет, но хорошему охотнику надо быть

готовым ко всему (в том числе к встрече с группой херувов, как бы абсурдно это ни звучало).

Ну а пока остаток вечера я провел за усовершенствование арбалета. Мне уже порядком надоело тратить много времени только на то, чтобы его перезарядить. Конечно, сила, с которой арбалет выстреливал, была несравнима с силой выстрела из лука, за исключением некоторых отдельных личностей – лучников-виртуозов вроде Аурума, – но время перезарядки было слишком долгим. Это время могло бы быть решающим в бою. К концу вечера, когда солнце уже совсем село и комнату освещал лишь тускловатый свет масляной лампы, у меня уже был готов компактный магазин для стрел с пружинным механизмом. Я проверил его на деревянных палочках (не использовать же стальные болты в гостиничном номере) и остался доволен. Когда болт вылетал, механизм автоматически загонял следующий снаряд из магазина и приподнимал курок, который заводил тетиву для следующего выстрела. Теперь я мог выстреливать до десяти болтов почти без перерыва, что было для меня личным счастьем.

Следующим утром я взялся за «изюминку» для боя. Я попросил у горничной мешок пыли. Она странно посмотрела на меня, приняв за сумасшедшего, но пыль дала. Весь день я вымачивал ее в слезоточащей жидкости, которая сохранилась у меня еще со времен пребывания в Энтеррском лесу, а потом сушил, чтобы на ней оставался лишь экстракт. Дальше я перенастроил взрыватель и вложил его вместе с сушены-

ми пылинками в несколько бомб. Теперь при взрыве бомба должна была оставлять в воздухе большое и довольно плотное зеленоватое облако, вызывающее кашель и раздражение глаз. С такими бомбами херув будет избегать контакта со мной в небе, а на земле я буду иметь преимущество.

Когда я был готов к встрече с чудищем, я задумался. Да, я подготовился к бою, но как мне найти самого херува? Ждать, когда он найдет новую жертву? Это возможно, но он скроется раньше, чем я успею на место преступления. Узнать заранее, кто будет новой жертвой? Но как?..

В голову мне пришли слова из бестиария о том, что херувы не агрессивны, и убивают только при защиты гнезда или во время мести...

Мечь...

Все жертвы были убиты в городе, далеко от гнезда, поэтому вряд ли херув защищал свое жилище. Выходит, он за что-то мстил. Тут же мне вспомнилось разбитое яйцо в гнезде и слова товарища погибшего моряка о том, что тот недавно нашел еще одно большое яйцо и сделал из него яичницу. Все сходилось. Оставалось непонятным только то, как в этом деле были замешаны дворник и парень.

Мне не терпелось узнать это. Парня я не знал, поэтому никак не смог бы найти его родных и друзей, а вот жена дворника должна до сих пор сидеть в библиотеке. Я быстро оделся и поспешил туда.

Заведующая разразилась новым плачем, когда я попросил

ее рассказать о муже. Постоянно сбиваясь из-за бесконечных всхлипов и шмыганий, она сказала, что муж ее ничем выдающимся не занимался, он только каждый день тихо убирал свой двор. Я спросил, какая именно часть города была закреплена за ним – мало ли, вдруг это пригодится, чтобы хотя бы сузить возможное место следующего преступления. Тут она вспомнила, что буквально неделю назад ребяташки притащили во двор какие-то рваные вонючие тряпки и толстые осколки, похожие на разбившуюся глиняную или керамическую посуду. Ригер долго ругал ребят, потом собрал весь хлам и сжег его в уголке.

– А что это за ребята были? – спросил я.

– Местные, от соседей, – вытирая глаза очередным платком, ответила заведующая. – Один из них, Миггель, тоже недавно свалился, прямо как мой Ригер... У него еще друзья были, Эннуэль и Вагир, взбалмошные до ужаса...

Я спросил старушку, не знает ли она, где живут эти ребята. Она ответила, что точно не знает, но уверена, что в том районе кто-нибудь подскажет – эта троица все время была на виду, проказничая и озорничая день ото дня.

Я поблагодарил вдову и направился на улицу, которая была мне указана. Все стало сходиться точно до ужаса. Похоже, ребята разграбили логово херува и разозлили его. Странно было только, что херув как-то слишком жестоко обошелся с ними.

Искать Эннуэля с Вагиром было не сложно – двое парни-

шек сами врезались в меня на бегу, не обращая внимания на то, что происходило впереди, потому что они убегали от толстенького полицейского, который гнался за ними.

– Стойте! Да стойте же вы, паршивцы! – кричал полицейский. – Я же с вами ничего делать не буду, только поговорить!

Ребята пытались встать, но я ухватил их за шкурки.

– Пусти, придурок! – крикнул один из них, с черными сальными волосами, кудрями вьющимися вокруг головы. Другой, рыжий с веснушками, попытался пнуть меня, но я вовремя уклонился.

– За придурка ответишь еще! – грозно ответил я. Сейчас я ощущал себя намного старше, хотя разница в возрасте между мной и этой шпаной вряд ли составляла больше трех лет.

– Ты вообще знаешь, кто мой отец?! – орал черноволосый. – Ты за кого меня держишь, а? Ты у меня дождешься!

Как раз в этот момент подросел полицейский.

– Фух, наконец-то! – выдохнул он, уперев руки в колени. – Ребята, я же просто поговорить...

– Мы ничего не знаем! – закричал рыжий и дернулся с такой силой, что я все-таки упустил его. Черноволосый воспользовался ситуацией и тоже вырвался из моей хватки, при этом плюнув мне в лицо.

– Я тебя еще запомню! – добавил он, убегая. Я медленно и тщательно вытер щеку рукавом своей рубашки.

Внезапный стук каблуков о мостовую заставил сорванцов

остановиться. Из-за угла вышла Леония Ингресс во всей своей ошеломляюще пугающей красе. Она грозно взглянула на ребят, потом подошла к ним и, мгновенно вытащив из карманов своего плаща руки, быстро дала им по подзатыльнику.

– Йезекайль, неужели было так сложно опросить ребят? – сказала она полицейскому, не обращая внимания на Эннуэля с Вагиром, пока те потирали больные места. Убежать они уже не пытались, да и не могли – Леония схватила их руками с такой силой, что на ее руках проступили вены.

– Простите, леди Ингресс, но они не хотели меня слушать и все время убегали, – стал оправдываться толстый полицейский.

– Теперь я сама их опрошу, – ответила Леония и посмотрела на меня. – Снова ты? – спросила она. – Почему-то ты постоянно попадаешься у меня на пути. Либо тебе так «везет», либо ты как-то замешан в этом деле.

– Я просто хочу в нем разобраться, – буркнул я. Следователь рассмеялась и встряхнула пареньков, стоявших рядом, словно мешки с картошкой.

– Ты почти ничем не отличаешься от этих сорванцов, – сказала она, – а лезешь непонятно куда. Запомни, раз и навсегда: еще раз я увижу тебя на своем пути, и просто так ты уже от меня не отвертишься. Сечешь?

– Я все равно не понимаю, почему вы ко мне так относитесь, – ответил я вежливо, сменив тактику сам не зная зачем.

– Потому что от таких, как ты, в городе одни проблемы! –

разгневалась Ингресс. – В прошлом город уже подвергался нападению монстров, причем почти на ровном месте. И знаешь по вине кого? Всех этих, так называемых охотников на чудищ! Это они двадцать пять лет назад разбередили гнездо монстров, и те стали нападать на простых граждан! Но теперь я руковожу отделом Полиции, и я не допущу, чтобы такое еще раз повторилось! Ланиру не нужны охотники на чудищ, они думают лишь о себе, да о том, как бы больше денег заработать! Лишь Полиция заботится о своих гражданах!

Леония во время тирады пришла в такую ярость, что ребята у нее в руках безмолвно повисли, не смея даже дышать.

– Прочь отсюда! – заорала она на меня. – И не смей больше говорить мне ничего про охотников! – Она перевела взгляд обратно на полицейского. – Йезекаиль, уведи его.

– Есть, леди Ингресс! – козырнул толстяк и обратился ко мне. – Пройдем.

– Я сам уйду, – ответил я и пошел в сторону от этой злой мегеры. Ярость переполнила и меня. Как эта женщина может говорить о вреде охотников! Если бы не мы, весь мир уже бы оказался переполнен разнообразными чудищами! Так же было бы и с херувами – если бы когда-то давно их не вырезали, то они бы не только обжили всю округу Ланира, но и заняли бы сам город.

Тем не менее, хоть это и было трудно, я сохранил благоразумие и промолчал. Завернув за угол улицы, я пробрался дворами обратно к тому месту, где Ингресс задержала ребят.

Все-таки моей целью было узнать, что же такое произошло, что парнишки навлекли на себя гнев херува.

Я прошел вдоль стены и откинулся у угла, сделав вид, что просто сижу, прячась от солнца. К сожалению, на начало допроса я не успел, да и слышать я мог не все фразы целиком, а только лишь обрывки. Однако из всей беседы я понял, что мальчишки гуляли за окраинами Ланира и зачем-то забрели на обрыв, где нашли большое гнездо с кучей яиц и старых вещей. Они взяли их с собой в город и хотели сделать чучел, но по пути к дому их встретил дворник, отругал и отобрал вещи, а потом сжег. Через несколько дней убили Миггеля, главного в их компании, который надоумил их пойти на утес, а потом забрать вещи из гнезда. Что это были за яйца и чье это было гнездо, ребята не знали. «Ну и славно», подумал я, «будут меньше волноваться». Хотя, наверное, они о чем-то догадываются...

Я узнал все, что хотел, а заодно прикинул, кто может быть следующей жертвой. Правда, леди Ингресс тоже догадывается об этом и наверняка выставит охрану, на глаза которой мне лучше было бы не попадаться. Я выглянул за угол и посмотрел, куда уходят ребята, и, набросив капюшон, немного последил за ними. Мое счастье, что они очень устали от разговора с полицейскими, и сразу пошли к себе домой. Теперь я знал, где они живут, и мог ждать нападения херува где-нибудь поблизости.

Я решил не тянуть время зря и вернулся в гостиницу за

снаряжением, после чего возвратился на место караула. Как я и ожидал, вскоре, когда стало вечереть, к дому, где жили ребята, подошли двое патрульных полицейских. Стараясь не вызывать к себе ненужного интереса, они сделали вид, что просто ходят по улице, хотя они раз за разом шли по одному маршруту, возле этого самого дома. Я сидел неподалеку, спрятавшись на клумбе за широкими ухоженными кустами.

Ночь прошла спокойно. Я пытался не уснуть, поэтому к утру стал клевать носом, лишь каким-то чудом держась в сознании. Полицейским повезло чуть больше – в полночь их заменила другая пара, а к утру пришел еще один патруль на подмену. В этот момент я решил отдать часть дела в руки правосудия и немного подремать. Если что-то вдруг случится, Полиция наверняка поднимет шум, от которого я и проснусь.

Однако я пробудился только вечером и, судя по знакомым лицам полицейских, прохаживающихся по дороге, за весь день ничего не случилось. Мой живот недовольно заурчал, напоминая о том, что я не ел уже целые сутки, но мне было не до еды. Я только достал флягу и сделал пару глотков, чтобы смочить высохшее после сна горло.

Ночь опять прошла без проблем. Я подумал, что херуву было бы неудобно летать в темноте, поэтому до утра можно было бы не беспокоиться. Похоже, что полицейские подумали точно так же, так как они остановились возле стены наблюдаемого дома, облокотились на нее и задремали, поддер-

живая друг друга плечами. Я уже выпался, поэтому поглядывал на нерадивых служителей закона сквозь тусклый свет уличных факелов и злорадно хихикал. Эх, видела бы сейчас Ингресс своих подчиненных!

Едва забрезжил свет, надо мной промелькнула тень. Я осекся и посмотрел вверх. Там я заметил какое-то существо, похожее на человека, который прикрепил к своей спине огромные крылья с большими перьями. Крылья были настолько мощными и плотными, что не пропускали сквозь себя свет, а одного малейшего их движения хватало чудищу, чтобы кардинально менять направление своего полета.

Херув взмахнул крыльями и сложил их вместе, чтобы таким образом спикировать прямо к входу в дом. Полицейские все еще спали, а я выскочил из-за клумбы и побежал к чудищу. Херув вспорхнул в открытое окно и буквально через мгновение в доме послышался душераздирающий крик, а спустя секунду монстр вылетел из окна, держа в руках черноволосого парня. Тот истошно кричал, дрыгая ногами, которые единственные были свободны. Полицейские встrepенулись, один из них достал из нагрудного кармашка свисток и пронзительно засвистел. Я достал арбалет и, почти не целясь, сделал выстрел в херува. Болт прошел вдоль головы, но нисколько не задел чудище. Следующий болт уже успел взвестись, поэтому я не мешкая выстрелил снова. На этот раз снаряд задел руку чудища, державшую подростка, сделав резаную рану вдоль мышцы. Херув выпустил жертву, и

мальчик упал вниз. К счастью, в этот момент подбежали еще полицейские, которые подхватили его. Слава богам, высота была не такой уж и большой, всего метров пять, но даже она могла быть смертельной.

Херув вытер кровь и, сделав взмах, приземлился на клумбу. Теперь я мог лучше разглядеть его. Действительно, он был похож на человека – такое же строение, те же части тела, не считая больших крыльев, росших чуть позади крепких плеч. Крылья были очень красивые – белоснежные, искрящиеся на солнце, как у огромных царственных райских птиц. Лишь несколько скомканных пушинок портили идеальный вид ангелоподобного херува.

После крыльев я обратил внимание на конечности херува. Руки ниже локтей и ноги ниже колен были намного толще и мощнее человеческих. Они были обтянуты прочными, будто резиновыми, мышцами, как канатами. На одной руке виднелся длинный порез, сделанный моим болтом. Удивительно, но кровь из него перестала течь прямо на моих глазах. Херув потер его другой рукой, и от раны осталась лишь широкая царапина.

Лицо у херува было совсем как человеческое, только глаза стояли от носа дальше, чем обычно, что могло обеспечивать отличное боковое зрение, да и сам нос был слегка приплюснутый. Прическа чудища состояла из несколько черных, как смоль, прядей, зачесанных ровно назад и выглядящих, словно иголки. Одет был херув в облегающую тунику, не сковы-

вающую движений, но и не болтающуюся на ветру во время полета. На ногах у него были надеты сандалии, обвязанные тесемками несколько раз вокруг толстых икр.

Херув внимательно смотрел на меня, изучая так же, как я изучал его. Это продолжалось всего лишь мгновение, пока я не услышал крик, который издала Леония Ингресс, подоспевшая на место:

– Чего вы все стоите?! Стреляйте!

Полицейские, державшие мальчишку, встрепенулись и достали пистолы. Херув, увидев это, моментально взмыл в небеса одним взмахом. Вслед за ним понеслись грохоты пистолей. Пули, как можно было ожидать от некомпетентных полицейских, ушли в никуда.

– Идиоты! – кричала Ингресс. – Дюжина человек, и все промахнулись! Вот почему я ненавижу эти пистолы! Мало того, что даже обычный меч куда лучше, так к тому же дебил, не умеющий им пользоваться, долго не проживет!

Она развернулась и вновь наши взгляды пересеклись. Кажется, я попал akurat в момент наивысшего гнева начальника отдела следствий.

– Ты! – закричала она. – Снова ты! Опять из-за тебя все летит к черту!

– Если бы не я, херув унес бы мальчишку и сбросил его! – крикнул я в ответ, но тут же осекся, потому что увидел раздувшиеся ноздри и покрасневшие от лопнувших прожилок глаза Леонии Ингресс и понял, что сейчас она не собирается

ни в чем разбираться.

– Если бы ты не мешался под ногами, все было бы нормально, и убийца был бы пойман! – прошипела она сквозь зубы. – Все было спланировано, у монстра не было шанса уйти. Но нет! Ты решил по-другому! Мало того, что ты своим выстрелом мог ранить ребенка, так еще он упал с большой высоты! Возомнил себя невесть каким охотником... Я тебе говорила, чтобы ты не лез в дела Полиции? Мы сами справимся с проблемами в нашем городе, а ты только мешаешь!

Ингресс развернулась к своим подчиненным и скомандовала, указывая на меня:

– Взять этого нарушителя и отобрать все его снаряжение! Пусть он больше здесь не появится!..

Я не успел дослушать ее приказ, так как быстро понял, к чему идет дело и припустил с улицы со всех ног. За спиной я слышал топот полицейских, но я-то бегал чаще вследствие постоянной охоты на чудищ и потому был быстрее. На мое счастье, знание улиц, которое могло бы быть на стороне полицейских, в Ланире не имело большого значения, так как на широких улицах не могло быть никаких тайных срезов и путей обхода. В итоге все решалось быстротой ног, и здесь я победил. Скрывшись за углом одного из высотных домов, я достал из сумки свой плащ с капюшоном и надел его. Теперь мне придется ходить так все время, которое я проведу в Ланире, пока все не успокоится. Судя по Леонии, мне казалось, что Полиция не успокоится никогда, пока не поймают меня.

Толпа полицейских пронеслась мимо меня. Я постарался не выдать себя и неспешным, вальяжным шагом направился к ближайшей известной мне таверне. Желудок после всех приключений снова напомнил о себе.

Пока я завтракал, мысли о херуве не покидали меня. К тому же, даже если бы я хотел не думать об этом, у меня бы ничего не вышло – в таверне только и шли разговоры, как об утреннем происшествии. Новости расходились в Ланире моментально. Кто-то из толпы обсуждающих тыкал пальцем в газету, что-то показывая собеседникам. Я увидел еще одну газету, оставленную на соседнем столе, и тихонько стянул ее. Удивительно, как печатное мастерство развилось в этом городе – еще ничего толком не закончилось, а уже напечатали целую статью про неудавшееся убийство мальчика. Того и гляди, сейчас Ингресс всерьез возьмется за меня и печатает кучу листовок с подписью «разыскивается».

Честно говоря, я и представить не мог, куда мне можно было пойти. Идти обратно в сторону жилья Эннуэля и Вагира было опасно – там наверняка до сих пор рыскает несколько полицейских патрулей. Других же мест в городе, которые могли бы заинтересовать херува, я не знал, да и вряд ли такие были.

Похоже, что мне оставалось только одно – вернуться в гнездо на утесе. Возможно, в этот раз херув будет там, долечивать рану, оставленную мной. Решившись, я заплатил за завтрак, не снимая капюшона своего плаща, и скромно вы-

шел на улицу.

По Ланиру туда-сюда бегали полицейские, начальники подразделений раздавали приказы своим подчиненным. Вдалеке я увидел Ингресс. Она беседовала с каким-то толстым и высоким бородатым полицейским в орденах. Наверное, это был начальник всей Полиции Ланира. Похоже, что в городе решили избавиться от чудища раз и навсегда, во что бы то ни стало. Я не мог сдержаться и усмехнулся – я в одиночку пытаюсь справиться с делом, на которое Полиция выделила не один десяток человек.

Я шел, опустив голову, пока не выбрался за пределы города. По уже знакомой тропе я поднялся на утес и только там скинул плащ, придавив его камнем, чтобы он не улетел далеко, когда я приду его забирать. Дальше плащ мне не понадобится, его длинные полы будут мне только мешать.

На подходе к гнезду я снял глефы со спины и надел их на руки. Затем я проверил магазин арбалета и сохранность противовоздушных бомб. Не знаю почему, но я чувствовал, что все мое снаряжение мне сейчас пригодится.

Когда я вышел на вершину утеса, я увидел невдалеке гнездо. Оно показалось мне пустым. Это удивило меня, и я ускорил шаг. Но вдруг из гнезда неожиданно встал херув, который уже заметил меня. Он узнал меня и спонтанно потерял свою побитую руку. Я взгляделся в нее. Рука выглядело абсолютно здоровой. Как она так быстро зажила?

Херув расправил крылья, принял защитную стойку, рас-

ставив ноги, и крикнул мне:

– Чего тебе надо? Ты хочешь моей смерти?!

Голос его был немного приглушенным – сильный ветер на утесе уносил часть слов в морскую даль.

Я был немного ошеломлен. Даже несмотря на то, что я знал по бестиарию, что херувы могут разговаривать по-человечески, я не думал, что он будет говорить на всеобщем языке с легкостью и без акцента.

– Чего ты молчишь?! – крикнул снова херув. У него был красивый голос – приятный баритон, слегка дребезжащий, но плавный. – Мало вам было смертей, вы хотите еще?!

– Ты про что? – спросил я. – Я ничего не хотел!

Херув не унимался. С каждым словом он делал шаг вперед ко мне.

– Мало было смертей?! Да?! – повторял он раз за разом. – Так получите же сами!

Он набросился на меня. Я увидел, как напряглись его мышцы на руках. И без того они казались будто обвитыми вокруг локтей, но теперь, когда кровь прилила к ним, они резко надулись и увеличились, сжав кости чудища и став упругими, как резина высшего качества. Херув замахнулся левой рукой и направил ее в мою грудь. Я увернулся от удара, но правая рука херува резким апперкотом ударила меня под левую мышку. Мне почудилось, что рука вылетела на мгновение из сустава, настолько сильным был удар. Я не был готов к обороне даже не потому, что херув был сильнее меня, а

потому, что я не хотел так сразу драться. Внезапно мне показалось, что херув не является таким же чудищем, с которыми я встречался – гноллами, элементариями, вампирами. Казалось, что у него есть какая-то скрытая обида, а не бессмысленная злоба и желание убивать.

Но нельзя было постоянно пропускать удары. Я замахнулся глефой. Херув, заметив это, вспорхнул ввысь. Я сразу же достал арбалет и прицелился. Первый болт прошел мимо, второй пробил крыло, выбив пару перьев. Херув разозлился, хоть этот удар и не нанес ему сколько-либо значительных повреждений. Он спикировал на меня, выставив вперед ногу. Это было настолько стремительное движение, что я еле успел откатиться вбок. Нога чудища врезалась в землю, прорыв небольшую борозку, и херув снова взлетел и прицелился для второго пике.

В этот раз я, не мешкая, достал бомбу и бросил ее в херува. Бомба взорвалась точно в тот момент, когда херув начал свой бросок. Слезоточивое облако развеялось по воздуху, херув вскрикнул, закашлялся и закрыл глаза руками. Его крылья повело, и он завалился на бок, упав на землю левым крылом. Я, все еще осторожничая, подбежал к нему.

– Все в порядке? – спросил я, сам не зная зачем.

Херув откашлялся и вытер глаза. Они еще были красные от едкой кислоты, которая находилась в бомбе.

– Ты еще и издеваешься?! – вспыхнул он от гнева и бросился на меня. Он повалил меня на спину и ударил по вис-

ку. Я на миг потерял зрение. Следующий удар я ощутил еще сильнее – все мои мысли поплыли вместе с окружающим миром. Третий удар я увел, ударив костяшки пальцев херува стальной каемкой щитка глефы. Херув вскрикнул от неожиданной боли и отскочил в сторону. За это мгновение я успел вскочить на ноги. Голова жутко болела, но я встал в боевую стойку и направился в сторону херува.

Один удар монстра закончился тем, что я прошелся лезвием глефы вдоль мышцы на руке. Кровь фонтаном хлынула из открывшейся раны и забрызгала мне руку. Я поспешно отдернул ее – кровь херува оказалась очень горячей, почти как кипяток. Но рана чудища перестала кровоточить почти сразу же – кровь херува быстро свернулась и оставила на руке лишь темно-красную ороговевшую полосу.

– Ты не посмеешь больше меня ранить! – закричал херув и схватил меня. Поразиться его стремительным движениям у меня не хватило времени – херув сильно сдавил мою грудную клетку, несмотря на прочный кожаный дублет. Мои руки тоже были зажаты, и я не мог никак задеть противника клинком.

Херув взмахнул крыльями и поднял меня вверх. Теперь мне стало страшно. Ну почему мне стали так часто попадаться враги, которые хотят поднять меня высоко-высоко и сбросить с этой высоты со всей силы? Херув, правда, пока что еще крепко держал меня, но мы так быстро поднимались, что мне показалось, будто вскоре мы пробьем облака.

Так и случилось. Раздался тихий хлопок, и я увидел вокруг себя сплошной белый туман. Внезапно стало тихо, даже воздух перестал свистеть у меня в ушах. На мне и на чудище стали быстро собираться водяные капли. Я почувствовал, что наше возвышение немного замедлилось, мы как будто немного отяжелели. Воды накопилась достаточно, чтобы стекать с моей головы, вниз по шее, по рукам, спине, залезая под воротник рубашки. Мои кисти рук тоже намокли. Я попробовал ими пошевелить и, к своей собственной радости, заметил, что хватка херува несколько ослабела, по большей степени от того, что благодаря влаге руки стали проскальзывать в объятиях получеловека-полуптицы.

Я покрутил руками еще раз и наконец-то высвободил правую руку. Я ухватился за плечо удивившегося от неожиданности херува и оттолкнулся от него вверх. Оказавшись на голову выше чудища, я замахнулся ребром глефы и ударил сверху по темени монстра. Херув быстро обмяк, полностью отпустив меня, а его крылья расслабились и стали неистово трепетать в разные стороны, иногда ударяя по нам, все еще державшимся рядом.

Теперь я сам ухватился за херува, чтобы не потерять его. Мы быстро потеряли скорость, так как лететь было некому, и спустя мгновение стали падать вниз. Наши тела стремительно ускорялись – вот мы уже вылетели из облака, и я увидел внизу каменистый край утеса. Размышлять было некогда, и я постарался раскрутиться в воздухе, чтобы немного сдвинуть

траекторию нашего падения. Все прошло почти мгновенно, и в последнее мгновение я развернул туловище херува под себя. Раздался оглушительный всплеск, меня окутало огромной соленой волной, и я на секунду потерял сознание...

Через несколько минут я вытащил херува на пологий берег, недалеко от утеса, по другую сторону от города. По моим ощущениям, сам херув был не таким уж и тяжелым – похоже, большую часть веса составляли только его мышцы, кости его, скорее всего, были полыми, а жировая масса и вообще отсутствовала. Правда, намокшая и просоленная от моря одежда добавляла немного веса, но незначительно.

Я был невредим, так как основной удар о водную поверхность принял на себя херув. Однако я не заметил каких-либо сломанных частей его тела, хотя тщательно осмотрел его на берегу. После этого я взвалил чудище на плечо и медленно потащил его на вершину утеса, к его гнезду.

Шли мы достаточно долго. Я порядком вымотался, к тому же мне приходилось продирается через высокую траву, которая с этой стороны утеса была нетронутой и казалась еще выше.

Дойдя до гнезда, я с облегчением сбросил бесчувственное тело херува на груды тряпья, сваленного в довольно плотную кучу. Наклонившись к груди, к тому месту, где по идее, должно было быть сердце, я прислушался и проверил, жив ли еще монстр. Я услышал слабый, но уверенный стук. Я оглядел херува еще раз. Никаких видимых повреждений не

было, раны, которые я ему нанес в ходе нашей драки, понемногу затягивались. Я уселся на край гнезда и стал ждать пробуждения.

Прошел, наверное, час, прежде чем херув задергался в мелких судорогах, появившихся от временного онемения тела. Он приоткрыл глаза, медленно повернул голову и увидел меня напротив.

– Зачем? – спросил он слабым голосом.

– Что именно? – переспросил я его.

Херув подтянул руку, оперся ею о дно гнезда и сменил позу, присев на тряпки.

– Зачем ты спас меня? – спросил он еще раз, уже более уверенно.

– А почему я не должен был спасти тебя? – сказал я. – Я, в конце концов, должен узнать всю правду в этой истории.

Херув прищурил глаза, недоверчиво глядя на меня, а я продолжил:

– Для начала я хотел бы спросить – есть ли у тебя какое-нибудь имя?

– Одам, – ответил херув. Похоже, он все-таки, хоть немного, но признал свое поражение и был готов мне рассказать все, что я хотел.

– Скажи, Одам, – начал я, – зачем ты убил столько людей? Парнишка, дворник, моряк – зачем нужны были эти убийства?

После моих слов губы Одама задрожали, он сам весь за-

трясся.

– Они... Они посмели, – руки его сжались в кулаки, а мышцы снова напряглись. – Мы жили с Эбе здесь, никого не тревожа...

– Эбе? – уточнил я. – Вас было двое?

– Нас. Оставалось. Двое, – четко выделяя слова, уточнил херув. – Мы были последней парой на этом утесе. Я даже родителей своих не помню – всех моих сородичей перебили давным-давно... Я сам чудом спасся. Здесь же я нашел Эбе – ее тоже миновала участь быть убитой ни за что. Я так думал, по крайней мере...

Одам, постоянно сбиваясь и вздыхая, рассказал мне все, что произошло за последнее время. Он жил здесь, на утесе, вместе со своей парой, херувом Эбе. Недавно у них появились яйца – ознаменование того, что скоро вылупится несколько детишек, которые положат начало возрождению популяции херувов. Все было хорошо, пока на утес не забрели случайно трое мальчишек, бесцельно гуляя по окрестностям Ланира. От безделья они зашли далеко от города и наткнулись на гнездо херувов. На свою беду, Одама в тот момент не было в гнезде, он искал пропитание, а Эбе спала крепким сном, даже не подозревая, что кто-то посягнет на их жилище. Херув-женщина, похожая на человеческую, да еще одна, разбудила похоть в телах мальчишек. Эбе была слабой по сравнению с парнями – они изнасиловали ее, попутно издеваясь, а потом проломили ей голову близлежащим булыж-

ником. Потом ребята нашли кладку яиц, проверили одно, разбив верхушку скорлупы, и, обнаружив там вполне знакомые белок с желтком, забрали с собой несколько штук, оставив всего два яйца. Лишь после того, как мальчишки ушли, прилетел Одам.

– Я увидел, что они сделали, – продолжал Одам. – Я нашел дорожку, которую они протоптали сюда. Я сразу решил, что им не жить.

Одам проследил за ребятами. Он увидел у них в руках свои яйца и решил спасти их, пока не поздно. К сожалению, все сложилось далеко не так. По пути ребята разбили одно из яиц, а у самого их дома ребят встретил дворник Ригер. Обнаружив у них яйца, он отругал ребят и забрал все себе. Похоже, он не знал, кому принадлежали эти яйца и подумал, что они могут быть ядовитыми или опасными, потому что он отнес их на помойку и там сжег. Одам видел это все с крыши одного из домов. Боль пронзила его сердце, но он не мог оторвать взгляда от пламени, в котором погибали его дети. Вернувшись обратно в гнездо, он стал вынашивать план мести.

– Я хотел их смерти, – сказал Одам. – И хотел умереть сам. Единственное, что удерживало меня от этого – это два нетронутых яйца. Еще с Эбе мы называли будущих детей, которые должны были вылупиться из этих яиц, Абелем и Кином. Я понимал, что наш род на этом мог закончиться – ведь девочек больше не осталось, но я еще надеялся, что мы

с сыновьями найдем в далеких землях другую колонию сородичей...

Одам занялся выхаживанием Абеля и Киина, еще не родившихся, но уже несчастных. Забота о детях постепенно сгладила ненависть херува, и он уже не думал о том, что хотел отомстить. Так продолжалось недолго, до тех пор, пока гнездо не нашел какой-то моряк. Одама снова не было на месте – как бы он ни хотел, он не мог постоянно быть в гнезде, ему приходилось искать пищу в море и на далеких полях. Снова Одам обнаружил проторенную дорожку к своему гнезду, и хватился одного из яиц.

– Ненависть вновь вспыхнула во мне. Теперь я твердо решил лишить жизни тех, кто лишил жизни мою семью.

Одам стал летать над Ланиром, выслеживая обидчиков. Как я понял, у херувов очень хорошее зрение, похожее на орлиное. Жители Ланира нечасто смотрели на небо, да и не смогли бы разглядеть в далекой точке чудище – его, скорее всего, приняли бы за обычную птицу.

Первым Одам нашел Миггеля. Тот зачем-то бегал по улице и пугал местных кошек. Стремительно спикировав, Одам поднял парня на большую высоту, пробил ему голову, как тот пробил яйцо, и отпустил руки. Все это произошло так быстро, что никто не успел ничего сообразить. Вторым Одаму попался моряк, через день – дворник Ригер. Много времени над Ланиром херув не проводил – у него все еще оставалось последнее яйцо, Абель, за которым нужно было сле-

дить.

– Однако, ничего не могло спасти Абея, – промолвил Одам, грустно уставившись на ступни своих ног. – Через день, как я сбросил дворника, я снова вылетел за едой... Я уже проклинаю все те разы, как отлучался от гнезда! Когда я вернулся, я не нашел Абея...

Я вспомнил, что не видел ни одного целого яйца, когда пришел сюда в первый раз.

– Я видел здесь только протухшее яйцо, которое было пробито довольно давно, – сказал я.

– Это была Руффь, – ответил Одам. – У меня так и не поднялась рука выбросить ее яйцо. Эбе я похоронил тут неподалеку, – он вздохнул. – Ты можешь попытаться меня остановить, но я не изменю себе. Либо я отомщу всем, либо сам погибну.

– А какой смысл во всем этом? – спросил я. – Ты уже не сможешь вернуть ни свою супругу, ни детей.

– Но Абель! Абель должен быть где-то! – воскликнул Одам. – Я не знаю, где он, но он еще может быть жив!

Он встрепенулся и вскочил на ноги. Он уже полностью восстановился и был готов хоть сейчас лететь куда угодно за своим последним оставшимся сыном.

Я вздохнул.

– Вряд ли, – сказал я. Так или иначе, мне пришлось бы высказать горькую правду. – Если яйцо пропало, с ним наверняка что-то случилось. Сам посуди, все украденные яйца

так или иначе были уничтожены.

Одам моментально поник.

– Если так, то остается только моя месть, – ответил он.

– Нет, – покачал головой я, – я тебе не позволю. Это бессмысленно. Во-первых, ты только втянешься в бесконечную череду кровной мести. Убив одного, ты принесешь много горя другим. Подумай сам, тот же дворник был не так уж и виноват. Он не знал, да и вряд ли мог знать, чьи это яйца и что они для него значат. Может, он посчитал их мусором... Во-вторых, на тебя уже неделю идет охота. За тобой гоняется вся Полиция Ланира.

– Что, прямо вся? – удивился херув.

– А ты не заметил, сколько человек целилось в тебя тогда, когда ты пытался последний раз убить мальчишку? Кстати, – я вспомнил про Ингресс, – среди них есть одна женщина, начальница. В детстве она тоже пережила большие потери, и с тех пор все время пытается кому-то отомстить, порой доходя до какой-то чрезвычайной жестокости. Неужели ты хочешь уподобиться ей?

Тут мне в голову пришла мысль.

– Постой, – сказал я. – Получается, до меня в гнездо приходил кто-то, а Ингресс уже тогда знала, кто ты есть. Наверняка это была она!

– Кто? – переспросил Одам. – Та самая женщина?

– Да, – ответил я и тут же осекся. Голос мой стал тише. – Прости, но тогда получается, что у твоего ребенка точно не

было никаких шансов...

– Я убью ее! – закричал Одам и снова вскочил.

– Не выйдет, – сказал я. – Она окружена полицейскими, тебя убьют раньше, чем ты успеешь до нее добраться.

Но херув не слушал меня. Он уже приготовился взлететь. Я быстро сообразил, в чем дело, и подскочил к нему.

– Нет! Не смей! – закричал я и ударил его кулаком в затылок. Херув не пытался сопротивляться, он просто не ожидал от меня такого. Я схватил херува за крылья и повалил на землю. Одам попробовал освободиться, но я старался крепко держать его.

– Пойми, там опасно! Ты погубишь себя и свой род! – кричал я, еле удерживая сильного получеловека.

– Мне нечего терять! – отвечал Одам, пытаясь вырваться. – Мне некуда податься!

– Ты мне сам говорил, что хотел найти сородичей в других землях! – настаивал я на своем. – Почему ты не сделаешь этого?

– А если там никого нет? – спросил херув. – Как мне дальше жить? Я один, непохожий ни на кого!

Я перекатился вместе с Одамом, повалив его лицом вниз, вытащил глефу и широким ударом отрубил ему оба крыла почти под корень. Херув сразу успокоился.

– Мне не было больно, – услышал я его голос с земли. – Но зачем ты это сделал?

– Теперь ты не сможешь нападать с воздуха, – сказал я. –

Но так ты похож на человека. Надень широкие одежды и иди в далекие края, ищи своих родственников. Если не найдешь, затеряешься среди людей. Тебя здесь ничего не держит, но мстить я не позволю. Будь выше всего этого, прошу тебя. Ты уже отомстил, остальное сделает за тебя сама жизнь. И время.

Одам молчал, потом вдруг с силой спихнул меня с себя и встал. Он подошел к груде тряпок в гнезде и, забрав охапку, обмотал их вокруг себя и своей головы, создав подобие плаща или накидки с капюшоном. Потом он встал на край гнезда, посмотрел в сторону, на море, после чего оглянулся на меня.

– Я не буду тебя благодарить за то, что ты сделал, – сказал херув. – Как не буду и прощаться. Может, мы еще увидимся... Может, я еще отомщу... Мне все равно нечего уже терять. Даже свои крылья я потерял.

С этими словами он выпрыгнул из гнезда и зашагал прочь быстрой походкой, не оглядываясь. Я стоял и глядел на него. Правильно ли я поступил с ним? Правильно ли я сделал, что защитил тех, кто был виновен? Не знаю, но именно с этого момента я стал понимать, что не все чудища – бесчувственные и злые монстры.

– Я все равно найду его и убью, – услышал я голос за спиной. Я обернулся и увидел Леонию Ингресс. Она стояла, засунув руки в карманы плаща, и смотрела туда, куда ушел херув.

– Ты взяла яйцо? – спросил я. Ингресс фыркнула.

– Не разговаривай со мной таким тоном. Может, и я взяла, тебе какое дело? – ответила она. – Тебя вообще надо бы осудить за сговор с чудищем. И после этого ты называешь себя охотником?

Я ничего не ответил, лишь развернулся и ушел. Как ни странно, Ингресс даже не пыталась задержать меня. Я дошел до места, где оставил плащ, подобрал его, отряхнул от пыли и нацепил на себя. Я заторопился в город – хотелось как можно быстрее оказаться в номере и полежать. Но перед этим нужно было кое-куда заглянуть.

В библиотеке я нашел потрепанный бестиарий и в главе про херувов дописал одно предложение: «Последняя семья херувов погибла 38 Таиня 1350 г. Содружества. Херувы как чудища вымерли окончательно. Охотник на чудищ Гавилан».

Спустя пару дней я сидел в баре своей гостиницы и обедал. Мимо столов проходил мальчик с газетами, и я взял одну почитать. Одна из статей сразу обратила на себя внимание. Там было написано, что ночью рыбаки выудили на берегу сильно искаженное тело мужчины средних лет. На спине мужики обнаружили два уродливых отростка, покрытых мелкими перьями, как будто оттуда росли крылья. Труп набух и посинел, скорее всего, мужчина утонул или его утопили. Полиция Ланира в лице начальника отдела следствий леди Леонии Ингресс забрала труп. Дело развития не получи-

ло, что стало с телом – неизвестно.

После того, как я прочитал статью, мне стало невмоготу оставаться в этом гнилом городе. Я собрал вещи, выплатил плату за номер и понесся в порт, где быстро нашел нужный корабль и вечером уже плыл в сторону Телехских островов.

Глава 5. И в огне ты умрешь

Раздался звон корабельного колокола, возвещающий о том, что земля близко. Мы приближались к Телехским островам.

– Добро пожаловать в Акинвар! – улыбнулся капитан, заметив меня, вышедшего из пассажирской каюты.

– К сожалению, я ничего не знаю об Акинваре! – признался я, пытаюсь посмотреть на капитана, и оттого щурясь, потому что солнце слепило мне глаза.

– Тогда зачем же ты тогда собрался сюда? – рассмеялся капитан нашего судна. – На островах расположена империя Акинвар – последняя из оставшихся в Телехии империй. Вся территория ее – это один большой город, который тоже называется Акинвар. Глядя на него, понемногу начинаешь сожалеть, что полисы на материке – не империи.

– Ты слушай больше нашего капитана, – приговаривал боцман, помогая мне сойти на каменный пирс порта, когда мы уже пристали. – Он сам – акинварец, и постоянно любит рассказывать о том, какая у них хорошая империя. Нет, не спорю, у них тут неплохо живется, но у нас в полисах люди все равны друг меж друга, и мне так как-то жить поспокойнее.

– А где можно узнать больше про Акинвар? – спросил я его. Боцман почему-то сразу погрустнел.

– Что, уже захотел остаться? – переспросил он. – Эх... Посмотри тут на рынке, поспрашивай народ, глядишь, кто-нибудь да отзовется. Местные люди знают всеобщий, это только в глубине города все разговаривают лишь на акинварском наречии.

Я поблагодарил боцмана и вышел на дощатый помост акинварского порта. Солнце жарило мое лицо яркими лучами, и неудивительно, ведь на Телехских островах была самая теплая погода, а фрукты и овощи росли здесь почти круглый год, давая урожай раз в пару месяцев. Торговля с остальными полисами Содружества была настолько эффективно налажена, что каждый день в порт приплывал десяток, а то и два, больших кораблей, и столько же уплывали обратно на материк.

Я вышел к просторному рынку, который был расположен впритык к порту, чтобы купцы не ходили далеко и распродавали свой товар (разные меха, украшения и прочее, чего не было на островах), не задерживаясь.

Я подошел к какой-то палатке с широким навесом, внутри которой сидел костлявый смуглый старичок, торговавший акинварскими одеждами. У него я обратил внимание на шляпы разного цвета и фасона. Решив, что мне очень сильно нужна какая-никакая защита от солнца, я спросил торговца:

– Почему шляпы?

– Тебе какую, парниш? – спросил старичок с еле заметным, причмокивающим, акцентом.

Я внимательно рассмотрел весь ассортимент.

– Вон ту, – я указал вдаль. Со средними полями, темно-серую, – мне эта шляпа, не слишком толстая, но и не слишком тонкая, показалась более-менее подходящей к моей одежде.

– Двести трихем, – не оборачиваясь к шляпам, ответил торговец.

– Чего-чего двести? – переспросил я, не разобрав.

– Трихем, – невозмутимо ответил торговец. – Бери, дешевле здесь нигде не найдешь.

– Да не в этом дело, – сказал я. – Просто у меня нет никаких трихем, только медные, серебряные и золотые монеты, которыми на материке пользуются.

Старичок с сожалением покачал головой.

– Э-э-э, нет, дорогой, – быстро ответил он. – У нас своя валюта. Монетами с материка у нас не пользуются. Хотя, – он почесал затылок и ткнул рукой в правую от меня сторону, – вон там сидит Дишшин, он здесь меняла. Получишь трихемы, вернешься ко мне. Понял?

– Понял! – радостно ответил я и пошел к соседней палатке. Рядом с менялой стоял какой-то торговец, который ругался с акинварцем.

– Это грабеж средь бела дня! – кричал он, размахивая своими широкими одеждами. – Когда я в прошлый раз был здесь, золотую монету меняли на триста трихем, а теперь ты говоришь, что больше чем за двести пятьдесят ты у меня не купишь!

– Курс меняется, – невозмутимо отвечал меняла. – Трихемы становятся популярны. Пару недель назад было не так много продаж, как сейчас. Сезон, знаешь ли!

– Сезон, сезон, – ворчал торговец дальше. – А завтра ты мне за эти двести пятьдесят трихем дашь не больше семи серебряных монет, да?

– Кто знает, – пожал плечами меняла. – Да и вообще, я же тоже должен кушать на что-то!

Торговец еще поворчал, но делать было нечего, и он разменял несколько золотых монет на акинварские трихемы. Я быстро посчитал монеты в своем мешочке. Наверное, не стоило менять много (тем более что много у меня и не было), поэтому я без лишних расспросов протянул меняле всего одну золотую монету.

– И все? – удивился меняла. – Ты что, не будешь тут торговать?

– Я путешественник, – ответил я. – Деньги мне здесь не нужны.

Меняла поерзал на стуле.

– Знаешь что, – сказал он. – Этого слишком мало, к тому же ты не будешь торговать. С учетом налога за торможение экономики и налога на туризм...

«Туризм? Что это за слово такое? Ладно», подумал я, «лишь бы шляпу купить».

– Таким образом, – продолжил меняла, – я дам тебе двести трихем.

– Двести?! – удивленно воскликнул я. – Только что ты давал двести пятьдесят!

– Эй-эй, не горячись! – ответил меняла. – Курс меняется, плюс налоги. Чего ты еще хотел? Бери деньги и проходи. Следующий!

Я взял горсточку мелких, похожих на камушки, монет. В принципе, трихемы можно было легко принять за камни, если бы не чеканка с профилем какого-то человека на двух противоположных сторонах, наверное, императора Акинвара.

Когда я подошел к палатке с одеждой, торговец сначала не признал меня, хотя прошло не более десяти минут. Когда же я указал ему на серую шляпу, он все вспомнил.

– А-а-а, да, – протянул он. – Двести десять трихем.

– Было же ровно двести, – не понял я.

– Не могло быть, – завертел головой старичок. – Эта шляпа на самом деле стоит двести двадцать, но я вижу, как тебе жарко от солнца, поэтому десяток сброшу.

– Да эта шляпа даже полторы сотни не стоит! – рассердился я и стукнул кулаком. Удар гулко отозвался по столу между мной и торговцем, практически целиком поглотившись грудой одежды.

– Эй, осторожнее! – прикрикнул на меня старик. – Хочешь, чтоб я охрану позвал? Ты мне тут не страшен, ты не один такой, кто хочет обмануть честного человека.

Я еле сдерживал себя, забыв даже о нагретой голове.

Вдруг за спиной я услышал знакомый голос:

– Эй, что тут происходит?

Обернувшись, я увидел команду моряков, на чьем корабле я добрался до Акинвара, во главе с боцманом и капитаном. Голос, конечно же, принадлежал капитану.

– Что такое? – спросил капитан еще раз.

– Эй, Хиршед, тут какой-то парнишка меня обсчитать хочет! – воскликнул торговец.

– Совсем наоборот! – начал было я, но тут капитан перешел на акинварский язык, и стал горячо спорить с торговцем. Акинварское наречие было полно чавкающих и клокочущих звуков, совсем не похожих на всеобщий язык. Местами казалось, будто беседующие пытаются наскоро прополоскать горло. Наконец, капитан с торговцем о чем-то договорились.

– С тебя сто пятьдесят трихем, – коротко сказал торговец, протягивая мне шляпу.

Когда мы отошли, я спросил капитана:

– О чем вы говорили?

– Это мой троюродный брат, – ответил капитан. – Сама шляпа, вообще-то, больше ста тридцати трихем не стоит, но брата трудно переспорить, поэтому мы согласились только на ста пятидесяти. Вообще, старайся здесь сбавлять цену, всегда. В любой вещи найдется изъян, – улыбнулся он. – Сказал бы, что его шляпа слишком тонка, или что цвет слишком темный и будет нагревать голову – тебе бы сразу сбросили

цену трихем на десять.

– Спасибо, я учту, – ответил я. Капитан продолжил:

– Мне сказали, ты ищешь проводника. Найди в восточной стороне самое высокое каменное здание с домной у фундамента. Там спросишь Фенхеля. Это мой давний друг, он знает острова как свои пять пальцев. Скажи ему, что ты от Хиршеда, и он примет тебя как почетного гостя.

Я поблагодарил капитана и всю его команду, нахлобучил шляпу на голову и пошел искать домну. Впредь я решил быть осторожнее и внимательнее, пока буду на островах, поэтому внимательно смотрел по сторонам, стараясь подмечать подозрительно выглядящих людей. Хотя толку от этого было немного – все вокруг выглядели подозрительно.

Попутно я осматривал город. Чем-то он напоминал Ланир – здесь архитектура тоже стояла во главе. Мостовые, ограды и стены, большие величественные здания, растущие на нескольких ярусах – все было сделано по большей части из рыжего кирпича, который производили имперцы в больших домнах, расположенных внутри города. Иногда рыжая и коричнево-серая гамма перемежалась радужными цветами украшений, которые акинварцы щедро вывешивали на улицы. Любые тряпки, сушащаяся одежда, навесы палаток – все переливалось перед глазами и местами выглядело ужасно аляписто, но, наверное, лучше пусть будет так, чем скучный городской вид.

Примерно с северной стороны город немного уходил в го-

ру. Выглядело это так, словно древние строители Акинвара пытались бороться с поверхностью, стараясь выровнять фундамент города, но в конце концов сдались и поддались природе. За высокими стенами виднелись высокие густые тропические леса, притягивающие своей яркой сочной зеленью. За лесом вдалеке виднелся большой широкий вулкан. Я никогда не видел вулканы, на материке такой сложно найти, но здесь он был будто бы хозяином островов. Наслушавшись историй моряков об Акинваре, я уже знал, что вулкан давным-давно уснул, возможно, навсегда, но туда никто не стремится добраться, потому что все равно боятся разбудить его.

Заодно я обнаружил главное отличие от Ланира. Ланир был строго структурирован – все детали в нем были однозначно размечены. Здания Акинвара же, наоборот, росли стихийно, почти случайно, по мере надобности. Это оправдывало такие, казалось бы, нелепые постройки, как небольшие жилые дома, стоящие на других, больших, строениях, а также всевозможные мосты и переходы, ведущие сквозь стены одних домов на крыши (или глубоко в центр) других. Также за все время прогулки я не заметил ни одного растения, хотя, казалось бы, зеленые насаждения важны для города, особенно такого большого. Однако, духоты и тяжести воздуха я не чувствовал – похоже, тропического леса вокруг империи хватало, чтобы восполнять потребности жителей в кислороде.

Я шел довольно долго, и стал уже сомневаться в том, прав-

ду ли мне сказал капитан про живущего в здании с домной своего друга, потому что уже вечерело, а никаких домен я пока не видел. Вокруг меня проносились странные повозки, роль лошадей в которых играли впряженные люди, резво бегущие по мостовым, несмотря на тяжелые грузы. Я подумал о том, чтобы окликнуть одного такого «извозчика», но вспомнил о торговце одеждой и о том, что в моем кармане лежало всего пятьдесят трихем.

Уже почти стемнело, я стал плохо различать силуэты перед собой. Странно, что в империи не подумали о городском освещении – даже в Пирограде всюду стояли факелы на высоких шестах, а в Ланире придумали загонять молнии в стеклянные сосуды и ставить их на металлические столбы. Они называли эти конструкции «фонарями» и очень гордились этим. В Акинваре же людям было нечем гордиться, потому что с наступлением ночи город мог выдать себя разве что внезапно выросшей перед собственным лбом каменной стеной. Тем не менее, отсутствие каких-либо общественных источников света никак не влияло на количество людей на улицах. Что днем, что ночью всюду сновали толпы людей, только теперь большинство вооружались факелами и лучинами, чтобы освещать себе дорогу.

Внезапно я обнаружил, что на другом конце улицы, по которой я шел, алеет свет, излучавшийся от больших зданий, похожих на широкие пирамиды. Из многочисленных решеток в воздух валил почти черный дым, такой, что перекры-

вал даже черноту самой ночи. Я догадался, что это и были те самые домны, и ускорил шаг.

Дорога передо мной озарилась, и люди вокруг меня вдруг закричали и поспешили укрыться куда-либо подальше в сторону от широкой улицы. Сначала я не сообразил, что происходит, но меня скоро привел в чувство громкий пронзительный крик, доносившийся прямо надо мной. Я поднял голову и увидел летящую над городом огромную птицу. Отличие от других известных мне птиц заключалось в том, что перьями этой птицы были протуберанцы жаркого пламени, расходившиеся от ее тела. Пламя было настолько сильным, что освещало целый район Акинвара так, словно сейчас был полдень.

Птица летела медленно и размеренно, напрочь игнорируя законы природы, потому что нормальные птицы не могут летать с такой малой скоростью, не падая. Люди на улице смотрели на этого пылающего монстра, с придыханием выкрикивая какие-то слова на своем языке. Я мог слышать только постоянно повторяющееся слово, кажется, «рукх» – возможно, так акинварцы называли птицу.

Птица, не обращая внимания на улицу, повернула в сторону домен. Долетев до ближайшей решетки, «рукх» опустилась на покатуку каменную стену, которая тут же раскалилась и пошла трещинами. Сковырнув решетку клювом так, будто это была не многотонная конструкция, а мелкая железка, птица засунула голову в печь, вытащила оттуда здоровенный каленый уголь и сразу его проглотила. Сожрав таким обра-

зом еще несколько углей, птица вспорхнула и так же размеренно полетела обратно из города, куда-то в сторону вулкана.

Я стоял в оцепенении. Я уже видел элементарей в огненной форме – казалось, что они были сотканы из огня. Вот только эта птица была намного больше элементарей, к тому же она имела физическое тело, которое каким-то странным образом испускало пламя. Акинварцы, правда, не разделили мое удивление: как только птица улетела, все вышли из своих укрытий и пошли дальше по своим делам, как будто ничего не произошло.

Я побежал к домнам. Вокруг разрушенной птицей решетки уже собирались люди с кучей разнообразных инструментов в руках. Видимо, птица уже не первый раз ломала домны, потому что ремонтники привычными движениями связали решетку и собирались ее поднимать и устанавливать обратно на печь. Рядом с домной бегал странно выглядящий мужичок в белой запачканной робе, с всклокоченными волосами, черными, как воронья сталь, и такого же цвета козлиной бородкой, острый конец которой тоскливо болтался вслед движениям чудака. Он все размахивал руками и без умолку о чем-то болтал, показывая на решетку и куда-то на стену, очевидно раздражая ремонтников, но они терпеливо молчали. Наконец, один не выдержал и выругался на мужичка. В его фразе я опять же ничего не разобрал, кроме одного слова – «фенхель». Я сообразил, что это и есть тот самый друг акинварца-капитана, с которым я прибыл сюда. Я подошел к му-

жичку и спросил его:

– Ты Фенхель?

Мужичок оторопело взглянул на меня и ответил на ломаном всеобщем языке:

– Да, дэто я. А ты кто такой?

Я сказал ему, что меня послал Хиршед. При упоминании этого имени Фенхель мигом преобразился и очень сильно обрадовался. Он уже забыл про ремонтников, некоторые даже почти что с благодарностью посмотрели на меня.

– Дэто очень хорошо! – кричал радостно Фенхель. – Дэто надо отмэтить! Ты любить чай?

Через десять минут мы уже сидели у Фенхеля дома. Рядом с нами, на кухонном столе, что-то стряпала хозяйка, жена Фенхеля. Больше никого дома не было, как потом рассказал мне сам Фенхель, детей они не имели, а другие родственники жили далеко, потому что никто не хотел жить рядом с домнами.

Пока мы пили чай с Фенхелем, акинварец без умолку трещал, рассказывая про город, как его построили давным-давно, кто был первым императором и вообще всю историю Акинвара, которую я благополучно пропустил мимо ушей.

– Ты любить чай? – в который уже раз спросил меня Фенхель.

– Ну... Я его пью, иногда, – признался, немного смущаясь, я. – Не сказать, чтобы много пью, но бывает...

– Я просто обожать чай! – Фенхель счастливо откинулся

на плетеном стуле, заложив руки за голову. – Поэтому я много путешествовать в мир. Когда я бываю в Тэлэхии, я попробовал штук пятьсот чаев! – Фенхель многозначительно поднял указательный палец вверх. – Приблизительно, но все-таки! И каждый сорт я забрать с собой сюда. Фейхоя, – он указал на свою жену, – не разделять мой любовь, ну и ладно, мне больше достаться.

– Забавно, – ответил я. – Людей на путешествия толкают разные причины, но то, что это может быть даже любовь к чаю, я слышу впервые.

– А ты пачиму путешествовать? – спросил меня Фенхель.

– Я охотник на чудищ, – ответил я и тут же спросил акинварца в ответ: – Кстати, я как раз хотел спросить. Что это была за странная огненная птица, которую я видел перед встречей с тобой?

– Нэээ, ты говорить про рухх, – махнул рукой Фенхель. – Дэто большой огненный птыц... Вродэ, на вашем языке быть такое слово... Фэникс, вот! – он снова поднял указательный палец вверх.

– Феникс? – переспросил я. – Странно, я никогда не слышал о фениксе и не читал про такого ни в одном бестиарии. Фенхель мотнул головой.

– Нэт, нэт, дэто быть нэ там, дэто быть в дэтский скаска! Фэникс – дэто большой огненный птыц, который горит.

– Понятно, – ответил я. – А что, его никто не пытался убить? Судя по тому, что я видел, феникс не в первый раз

докучает вам.

– Никто нэ знать, как убить фэникс, – грустно ответил акинварец-путешественник, разведя руками. – Раньше много кто пробовать, но фэникс никак не умэрэть. Поэтому все уже привыкнуть к фэникс, как нэизбежно.

Фенхель наклонился ко мне, параллельно подливая и мне, и себе еще чаю.

– Ты охотник на чудища, – прошептал он мне прямо в лицо, обдав сладким чайным паром. – Ты должен знать, как убить фэникс.

– Я не знаю как его убить, потому что я никогда его не встречал, – ответил я.

Фенхель рассмеялся:

– Ха-ха-ха! Охотник как убить фэникс нэ знать!

– Сам-то знаешь? – обиженно спросил я в свою очередь.

– Нэт, – понурил голову Фенхель. – Я думать, ты шутить, что нэ знать. Эх, дэто было бы хорошо, фэникс убить. Дэта дура постоянно садиться на мой дом и прожигать его! Я и Фейхоя жить как в баня!

Я вздохнул. Почему-то все более-менее опасные чудища, с которыми мне приходилось сталкиваться, так или иначе связаны с огнем. Мои глефы, правда, хорошо справляются с отводом пламени, поэтому можно попытаться сразиться с фениксом.

– Ладно, – ответил я. – Я попробую убить феникса. Посмотрим, что из этого получится. В конце концов, мне уже не

впервой быть первооткрывателем в области охоты на чудищ.

– Дэто хорошо! – рассмеялся Фенхель. – А пока можно поспать! Ты чуфствовать себя как дом! Фейхоя расстелить тебе постэль.

Женщина кротко улыбнулась и указала мне на грудку матрацев, аккуратно уложенных в углу комнаты.

Несмотря на близость к домне, спалось мне крепко и хорошо. Наутро, как следует позавтракав и выпив пару-тройку кружек чая, я попросил Фенхеля рассказать мне поподробнее про феникса – как часто он прилетает в город, откуда, где он примерно обитает и как его раньше пытались убить.

– Он по-разному убиваться, – говорил Фенхель, прихлебывая из своей большой кружки. – На фэникс ходить с меч, топор, лук, вэдро с вода обливай – фсе бэз толку. Наши говорить, что фэникс вот уже мертвый тухлый птыц валяться, потом приходиться в город – бац! – фэникс уже тут как тут, опять в домна лэтеть угли жрать хочет пора! Потом опять лететь в свой гадский вулкан!

– Может, его и не убивали? – предположил я. – Просто хотели похвастаться.

– Нэ знать, – ответил Фенхель. – Я туда нэ ходить, сам фэникс нэ убивать.

Я встал из-за стола и поклонился Фейхое и хозяину в знак благодарности за пищу.

– Ладно, – сказал я, – попробую-ка я сам феникса на зуб.

– Я тэбя проводить из город в лэс, – сказал Фенхель, на

ходу перебрасывая на плечо какую-то старую и выцветшую, всю в засохших пятнах от чая, походную котомку. Отказаться было невежливо, да и сам Фенхель лучше меня знал здешние места, поэтому я согласился.

Северная стена Акинвара казалась сплошной, однородной и гладкой, но, когда мы приблизились к ней, оказалось, что не такая уж она и ровная. Тут и там на строительном камне виднелись выщерблины и вмятины, а в нескольких местах зияли туннели, ведущие из города, правда, настолько маленькие и узенькие, что пройти в них мог только один человек. Но больше меня поразила реальная высота стены – она уходила далеко в небо. Навскидку я мог бы сравнить ее по высоте со средними небоскребами Ланира. Еще больше я удивился, когда, подойдя в стене почти вплотную, я увидел прикрепленный к ней лифт, наподобие тех, которые стоят в зданиях Ланира.

– У вас тоже есть лифты, как в Ланире? – очарованно спросил я. Фенхель фыркнул.

– Ты думать, откуда взяться лифт в Ланир? Фсе мудрэц идти из Акинвар в ваш город строить умный штука, – ответил он.

– Мы будем подниматься? – спросил я.

– Нэт, – сказал Фенхель. – Подниматься только стража, охранять город. Мы идти чэрэз дырка.

Стражники, стоящие у одного из туннелей, увидели меня с Фенхелем, презрительно посмотрели нас и заворчали. Я

подозрительно покосился на своего спутника.

– А, брось, – отмахнулся Фенхель. – Я просто должэн кому-то дэнэг. Был. Лэт дэсять назад.

– И-и-и карофф! – прикрикнул один из стражей, стукнув пикой по мостовой.

– Э-эй, слушай, я вернуть тэбэ твой корова! – закричал Фенхель в ответ. – Кто знать, что она имэт чума?! Дай пруйти вообшэ!

Стражник поворчал и, хоть и нехотя, но все же повернул рычаг и решетчатые створки у входа в туннель отворились.

– Кто это такой был? – спросил я Фенхеля, пока мы пробирались через длинный туннель. Одновременно с этим я поражаюсь, насколько широка стена и зачем акинварцам она вообще была нужна.

– Нэ надо внимание, – ответил мой спутник. – Дэто мой родственник, брат Фейхоя. Я у нэго брать давно корова, потом вэрнуть, а она взять и сдохнуть! Оказаться, что она больна, и он до эта пора хотэт от мэня эще корова! Он нэ бить мэня только потому, что любить Фейхоя и знать, что она любить мэня. Но я-то ни при чем! Корова нэ я заболевал!

– Ясно, – только и мог ответить я, уже растеряв интерес к семейным разборкам акинварцев. Решив переменить тему, я спросил про стену, почему она такая большая и широкая.

– Нээ, – отвечал Фенхель. – Давно-давно на Акинвар всэгда нападать из лэс большой дикий звэр, поэтому поставить стэна. Тогда звэр расти эще больше, тогда поставить

на стена еще стена. Тогда зверь расти еще больше...

– Я понял! – перебил я разошедшегося товарища.

– Нэт, ты нэ понять, – сказал Фенхель, но тем не менее замолчал.

– А почему тогда стена такая широкая? – поинтересовался я. Мы уже как раз вышли из противоположного конца туннеля в густой и сочно-зеленый тропический лес, залитый яркими оранжевыми солнечными лучами. – Только не говори мне, что «зверь тоже становится шире».

– Нэт, – засмеялся Фенхель. – Ты смэшной. – Он наклонился ко мне и прошептал. – Вообще, стена нэ такой широкий, как ты думать. Он полый внутри.

– И зачем это надо? – недоуменно спросил я.

– Пугать зверь, чтобы он бояться толстый стена, – невозможно ответил Фенхель.

Я глубоко вздохнул. Похоже, акинварцы любили строить настолько же грандиозные, насколько и бесполезные вещи – пока что только так я мог оправдать их любовь к гигантизму.

– Ладно, – сказал я. – Пожалуй, отсюда я пойду один. Вулкан отсюда я и так вижу, дорогу назад, если что, я помню. Правда, – я немного призадумался, – как меня впустят обратно? Туннель же наверняка будет закрыт.

– Нэ бэспокоиться, – сказал Фенхель. – Тут ест вэревочка, – он завел руку назад и указал мне на тоненький канатик. – Дернуть ее, двэрь и открыться.

– И смысл тогда в стене, если любой может открыть дверь?

– Звэрзь дурак, не знать про вэревочка.

– Кстати, какой зверь тут водится? – я оглянулся в сторону леса. – Не хотелось бы быть застигнутым врасплох.

– Звэрзь тут давно не водиться, нэ знать почему, можэт, фэникс всэх распугать, – ответил Фенхель.

– Отлично, – улыбнулся я. – Тогда до встречи.

Фенхель улыбнулся мне в ответ, развернулся и дернул за веревку на стене. Спустя пару мгновений туннельная решетка действительно открылась, и любитель чаев исчез в глубине широкой, но почему-то полой каменной стены, высокой ровно настолько, чтобы быть выше самого высокого зверя.

Я же устремился вглубь леса, ориентируясь по вершине вулкана, возвышающемуся даже над самыми древними деревьями. Каких только растений я тут не видел, которые не росли на материке! Здесь были толстые деревья, которые и группа людей не смогла бы обхватить. Ветки этих деревьев, похоже, были настолько тяжелыми, что склонялись прямо к земле и вращались в нее обратно, создавая бесконечный цикл растительной жизни. Были здесь и высокие стройные деревья, похожие на наши сосны, но с гладкими стволами и без иголок, зато с широкими многочисленными листьями, от которых пахло маслом даже на большом расстоянии. Между такими деревьями росли странные листья салатного цвета, похожие на змей – такие же длинные и толстые. На земле я видел несколько огромных кроваво-красных цветков, толстых и мясистых, похожих на плоть какого-нибудь животного.

го. Признаться, запах от них был такой, что казалось, будто это в действительности и есть животное, сдохшее как минимум неделю назад. Вокруг этих цветков чуть ли не роем кружили жирные зеленые мухи, собирая странный нектар.

Фенхель был прав – зверей я и правда не видел, зато насекомых было полно. Вот пробежала деловито, пересекая мне дорогу, быстрая многоножка. Я немного испугался, потому что привык к нашим многоножкам, тоненьким и не длиннее пальца. Эта же была толстой, розовой и, наверное, размером с мою руку, от кисти и до самого плеча. Не успела многоножка скрыться в траве, как на нее, яростно стрекоча, запрыгнул, до этого мирно дремавший на трухлявом бревне, скорпион. Завязалась нешуточная борьба не на жизнь, а на смерть. Жало скорпиона стремилось проколоть многоножку, но ее крепкий хитин надежно защищал от всех мощных атак обидчика. Многоножка удивительным образом изогнулась, развернувшись к противнику под непонятным мне углом, и откусила своими здоровыми жвалами лапки скорпиона с одной стороны. Скорпион беспомощно завалился набок, и радостная многоножка стала рвать беззащитное брюшко неудачливого хищника.

«Да уж, не хотел бы я встретиться лицом к лицу с чем-то похожим на такую многоножку», подумал я и зашагал дальше. Пейзаж нисколько не менялся, все растения были похожи на те, что я встречал раньше, менялось лишь их расположение друг к другу. Я засомневался, найду ли дорогу обрат-

но, и оглянулся назад. Там, за верхушками деревьев, высилась акинварская северная стена, так же как вулкан высился с другой стороны моего пути. Я понял, что не потеряюсь, даже если сам вдруг этого захочу.

Внезапно, как это бывает после того, как привыкаешь к чему-то постоянному, я стал замечать, что деревья выглядят немного не так, как до этого. Приглядевшись, я увидел, что все они покрыты с одной стороны тонким слоем то ли пыли, то ли праха. Так как эта сторона как раз указывала направление к вулкану, я решил, что осталось совсем ничего. По моим примерным подсчетам, я шел где-то час, или чуть больше.

Мои догадки оказались верны. Скоро я вышел из чащи к выжженному лесу. Здесь уже не росли ни листья, ни трава, только голые серые стволы деревьев мрачно стояли в грязной одежде из золы. Пройдя немного вдаль, я обнаружил огромное кострище, в центре которого, тихо дымя, лежал феникс.

Пока он спал, огонь не так сильно исходил от его тела – примерно так же, как костер, который уже вот-вот скоро догорит. Я даже мог видеть силуэт самого туловища феникса. Не сказать, чтобы выглядел он красиво – скорее, как голый гусь – но так оно и должно было, наверное, выглядеть, ведь его красивыми перьями было само пламя, которое сейчас лишь слегка горело.

Размерами феникс был чуть больше пары коров – после болтовни Фенхеля я, наверное, теперь все буду измерять в

коровах – зато коров тучных. В сказках, которые мне с братьями рассказывала мама, часто упоминались мифические драконы – огромные огнедышащие крылатые рептилии, способные без проблем целиком проглотить если уж не человека, то по меньшей мере овцу – так вот, феникс напоминал мне детеныша такого дракона.

Еще ночью, пока Фенхель с женой спали, я состряпал простую жидкость, в основном состоящую из воды и найденного зеленого чая (судя по запаху, включавшего в себя ромашку и зверобой, словно с пирогоградских полей), специально против ожогов. Сейчас я просто достал нужную флягу и обильно облил себя этой жидкостью, с ног до головы. Если феникс хоть как-то достанет меня, я хотя бы не загорюсь. Заодно я нацепил свои очки, чтобы защитить глаза.

Я надеялся быстро расправиться с фениксом, пока он спал и, похоже, тщательно переваривал съеденное прошлой ночью. Я надел глефы, крепко закрепив их на запястьях и стал медленно и осторожно подбираться к чудищу.

Мне казалось, я шел довольно тихо. Когда я подобрался к тлеющей голове феникса, заваленной на правый бок, его левый глаз внезапно раскрылся и оранжево-золотой зрачок уставился прямо на меня. Феникс пронзительно закричал и моментально встал на лапы, а его огонь разом вспыхнул, так, что я от неожиданности чуть не упал назад, но успел вовремя подставить ногу.

Феникс сначала удивленно разглядывал меня, очевидно,

поражаясь тому, как кто-то осмелился на него напасть. Потом он для проверки боднул в мою сторону клювом. Я отпрыгнул вбок, заодно ударив краем клинка по зубу. Клинок немного нагрелся, но в этом не было ничего страшного, зато обиженный феникс отпрянул и вспыхнул еще сильнее. На моем лбу стал проступать пот, но чайная жидкость все еще спасала меня от жара. Потоотделение не было критичным, главное, чтобы не запотевали стекла на очках, так как в таком случае я не смогу ничего разглядеть.

Феникс, тем временем, похоже, решил взлететь, потому что стал взмахивать крыльями. Этими движениями он мало того, что поднял облако праха, так еще и жар от взмахов направился в мою сторону, заставляя мое тело потеть еще больше. Я устремился к фениксу и, отвлекая его левой рукой, правой ударил в крыло. Продолжив движения, я перекатился и оказался за спиной феникса. Похоже, я задел именно твердую часть крыла феникса, потому что тот закричал и сложил крылья за спиной, прекратив попытки к взлету, и тут же махнул хвостом, одновременно с этим разворачиваясь ко мне. Я присел, пропустив обжигающе горячий хвост над собой, и попробовал ударить под гузно птицы. Удар снова пришелся куда-то на твердую часть. Клинок уже порядочно нагрелся и стал накаляться. Несмотря на то, что глефы были хорошо закалены, я решил не рисковать и быстро сбежал к краю кострища, чтобы дать оружию остыть.

Но чудище было иного мнения обо мне. Раздраженно за-

кричав так, что у меня заложило уши, феникс пригнулся и побежал в мою сторону, при этом немного растопырив крылья. Я попробовал отпрыгнуть в правую сторону, чтобы теперь ударить левой глефой, которая пока еще не была раскалена, но феникс каким-то образом угадал мои действия и сдвинул левое крыло так, что мне пришлось защититься правой глефой, чтобы не получить удар под ребро. От удара раздался треск и куда-то в меня полетели искры. Одна из таких искр осела на правом стекле очков и немного закоптила его. Теперь я стал немного слеп на правый глаз, но сначала надо было выбраться из-под феникса. Я прогнулся под чудищем и ударил его в лапу, после чего откатился вбок. Чудище заорало и огонь его немного ослаб. Этого времени мне хватило, чтобы протереть пальцем стекло. Получилось конечно, не очень – копоть частично размазалась по стеклу – но это было все равно лучше, чем большое черное пятно прямо в центре.

Феникс повернулся в мою сторону и угрожающе заклекотал. Я помахал правой рукой, стремясь поскорее остудить глефу. Случайно задним концом клинка я ударился обо что-то твердое, что грозно затрещало. Я обернулся и увидел, что стою рядом с обугленным деревом. Мое замешательство было на руку чудищу, и оно понеслось на меня. Лишь в последнее мгновение я успел среагировать и подставить клинки перед собой, так что клюв феникса ударился о мой дублет, звякнув стальными заклепками. Порвать от такой силы уда-

ра он ничего не смог, зато я сразу почувствовал жар в районе живота. Феникс прижал меня к жалостно затрещавшему дереву и стал яростно рваться головой вперед, стремясь клюнуть меня, но его череп держали зажатые мной клинки. Мне стало очень жарко от такой близости с горящим чудищем, пот градом начал стекать по мне. Я стал чувствовать, что действие моей противоогненной жидкости подходит к концу и вскоре феникс все-таки обожжет меня. Почти конвульсивными действиями я соединил клинки, порезав длинную тонкую шею феникса. От боли и неожиданности феникс даже отпрыгнул назад, пронзительно заорав. Капли неизвестной черной горючей жидкости, наверное, крови феникса, падали на землю в сгустках пламени, при падении издавая странные булькающие звуки.

Я воспользовался моментом и снова оглянулся на дерево. Оно уже почти не стояло, лишь чудом удерживая вертикальное положение. Я решил использовать это в свою пользу и, успокоившись и набрав побольше воздуха в грудь, направился в сторону феникса и дерзливо ткнул в его сторону глефой. Феникс гневно крикнул и снова мотнул головой в мою сторону, но тут же убрал ее назад, тряхнув шеей от боли, которую вызвали оставленные мной раны. Он весь сжался, нагнулся, словно бегун и, видимо решив последним разбегом избавиться от меня, стремительно понесся ко мне. Я был уже готов для прыжка, и как только феникс оказался в зоне моих кистей рук, ухватился ладонями за загривок птицы и

перепрыгнул через него. Тело феникса по ощущениям было настолько горячим, что уже в прыжке я издал тихий стон, понимая, что ладони я точно обжег, пусть. Голова феникса с гулким стуком ударилась об ствол дерева и оно в последний раз закричало и завалилось на тело чудища.

Феникс на какое-то время ошалел и потерял сознание, упав на землю. Дерево и без того было почти сгоревшее, а упав на чудище, оно сразу же обратилось в золу. Пока феникс приходил в себя, пламя вокруг него немного ослабло, и я, не теряя времени, запрыгнул на монстра и стал наносить множество ударов по туловищу, лапам, голове феникса. Сначала феникс кричал, потом его крики стали все больше походить на неразборчивый гогот, а потом и вовсе утихли. Когда тело феникса расслабилось, я слез с него и взглянул на свои руки. Ну да, на каждой ладони были по два ожога, каждый на выпуклой ее части. На первый взгляд, ожоги были не страшные, но дня три заживать будут точно.

Шорох со стороны феникса заставил меня переключить внимание с рук. Я решил было, что не добил феникса, но все оказалось куда интереснее. Труп феникса, остыв, стал распадаться и больше походить на пепел. Так оно и случилось – буквально через минуту вместо тела феникса передо мной лежала целая гора праха, верхушку которой слабый здешний ветерок стал понемногу разносить по округе.

Я вернулся в Акинвар уже под вечер, хотя сложно было назвать вечером столь ярко светящее солнце, пусть даже оно

садилось за горизонт. Я подметил, что на Телехских островах дни длятся немного дольше, чем на материке, а солнце, кажется чуть ближе и светит жарче. Луны же, что Мачеха, что Падчерица, почти не заметны на акинварском небе, несмотря на то, что облака здесь были крайне редки.

– Ну как? – спросил меня с порога Фенхель, когда я постучался к нему в дом.

– Все прошло отлично, – ответил я, немного запыхавшись. Неблизкая дорога вкупе с напряженной схваткой порядочно измотала меня. – Я выследил феникса и убил его. Теперь от чудища остался лишь прах.

– Дааа? – ухмыльнулся Фенхель и развернул меня. – А это тогда кто?

Я посмотрел наверх, куда мне указал Фенхель и обомлел. По темнеющему небу тихо и размеренно летел феникс, точно так же, как и вчера. Он сделал небольшой круг вокруг близлежащих районов Акинвара и направился в нашу сторону, к домнам. Как и в прошлый раз, он вскрыл металлическую решетку, теперь уже прилично ее раскурочив, и приступил к своему странному ужину.

– Не может быть, – прошептал я. В горле моем пересохло. – Я же убил его, своими руками... Более того, я своими же глазами видел, как он рассыпался.

– Дэто фсе говорить, кто ходить убивать фэникс, – ответил, почесывая голову, Фенхель. – Тэпэрь птыц снова голодный. Раньше он прилэтать нэ чаще, чем чэрэз мэсяц, но ты

его проголодать.

Тем временем феникс, довольно клопоча, доедал последние угольки из огромной печи. За углами домов уже собрались ремонтники, готовясь сразу же после того, как монстр улетит, заново починить выдавшую виды решетку.

– Заходи внутрь, – позвал меня Фенхель. Я его послушал, вошел в небольшую прихожую и стал разбирать доспехи.

Я так и не смог понять, почему феникс остался жив, если я его убил. Я пытался выстроить предположение, что это другой феникс, но Фенхель упорно отрицал это, заявляя, что люди давным-давно устраивали экспедиции в надежде найти что-то вроде гнезд фениксов, но ничего, кроме одной-единственной огненной птицы, в лесу так и не нашли. Со временем все смирились с тем, что феникса нельзя убить, и просто воспринимали появление чудища в городе как неотвратимый рок.

Но я не смог согласиться с этим. Если даже элементарно возможно уничтожить, разбив средоточие стихий, хотя, казалось бы, на первый взгляд он бессмертен, то почему нельзя убить какую-то горящую курицу? Наверняка должно быть какое-то решение. Я стал продумывать план следующей схватки с фениксом, попутно леча свои ладони.

Как я и ожидал, ожоги на руках были несерьезными, и уже через пару дней (правда, не без помощи заботы Фейхой и какого-то дурно пахнущего средства, которое мне дал Фенхель и которое с его слов называлось просто «маз») мои руки

были гладкие и нежные, как будто младенческие.

Однажды Фейхоя пошла за водой и вернулась с полными бидонами, один из которых она сразу же залила в огромный чан, предназначенный для того, чтобы умываться и промывать пищу. Чан внизу заканчивался плотным жестким шлангом, на который была насажена грушевидная резиновая прыскалка. Чтобы получить воду, надо было нажать на эту самую прыскалку, тогда вода равномерно распылялась. Фенхель говорил, что эта штука называется помпой, и она нужна для экономии воды, с которой в Акинваре есть некоторые проблемы (по крайней мере, для простых жителей). В городах на материке таким приспособлением не пользовались, у всех обычно стоял обычный кран, перекрывающий воду. В деревнях же и такого не было – все просто умывались в лотках. Поэтому эта нехитрая деталь привлекла мое внимание, и я тут же спросил хозяина, нет ли у него какой-нибудь запасной такой штуки. Фенхель порылся в кладовой, заодно повалив кучу вещей на себя и придавив чем-то тяжелым ногу, но все-таки нашел еще одну, точно такую же, помпу. Ко всему прочему, среди свалившихся вещей я выбрал шланг и старый обшарпанный бидон.

После небольших конструкторских махинаций у меня был готов самодельный переносной распылитель. Недоумевающему горе-путешественнику я объяснил, что заливаю сюда свою противопожарную жидкость. Можно защищаться от огня феникса как угодно и сколь угодно, но гораздо проще по-

тушить самого феникса, что я и намеревался сделать.

В ночь перед тем днем, когда я снова намеревался выступить против феникса, я лежал на матрацах и смотрел в потолок. Рядом лежала семья хозяев, Фейхоя уже давно зычно храпела, а Фенхель не спал и тихонько напевал себе какую-то песенку под нос.

– Слушай, Фенхель, – позвал я товарища.

– Дааа? – переспросил он довольно громко, не боясь разбудить супругу.

– А зачем тебе понадобилась корова, если вы живете в городе, где нет ни лужаек, ни сена, ни даже каких-нибудь загонов?

– Какой корова? – услышал я удивленный голос. Я уточнил:

– Ну та, которую тебе одалживал брат жены.

– Нээ... Я и нэ пасти корова здесь. Для дэто есть коровий район в город. Я лишь брать млэко.

– Понятно, – ответил я и повернулся на бок. На любой мой вопрос про разные странные, нестыкующиеся моменты из жизни акинварцев, Фенхель находил непринужденный и простой ответ. Наверное, я никогда не разберусь в островной жизни империи.

– Гавилан, – позвал меня голос.

– А? – спросил я. Голос продолжил:

– Зачем ты снова ходить бить фэникс? Дэто бэсполэзно.

Я ответил:

– Я верю в то, что феникса можно убить, просто никто не нашел правильного способа. Любая задача имеет решение, надо лишь знать все ее составляющие и немного терпения. Лично мне кажется, что я как раз не знаю всех составляющих. Завтра я все изучу.

Фенхель вздохнул.

– Я рэдко гдэ встрэчать такой упертый чэловэк. Я надеяться, ты победить рухх.

– Я тоже надеюсь, – ответил я. – Я тоже...

Утром я уже шел по туннелю внутри акинварской стены. По удивительному стечению обстоятельств, у этого туннеля снова дежурили те же стражники, что и в прошлый раз. Они меня узнали, хоть и старались не подавать виду, но все же без проблем пропустили.

Лес встретил меня своим напыщенным безразличием. С того момента, как я шел этой дорогой, прошло меньше недели, но никаких следов того, что здесь кто-то ходил, не осталось, хотя в прошлый раз мне нередко приходилось разрубать некоторые ветки, загораживающие и без того тесные проходы между деревьев. Именно по деревьям и их взаиморасположению я мог узнать ту дорогу, которой я шел до кострища, потому что все цветы, травы и кустарники, казалось, перепутались в беспорядочной мешанине густой зелени.

Я вновь вышел на кострище, но в этот раз здесь было пусто. Это меня немного напрягло – я ожидал, что феникс, как и тогда, будет находиться где-то поблизости насиженного ме-

ста, чтобы переварить пищу. Немного подождав и подумав, я решил, что феникс, наверное, уже все переварил, ведь уже прошло порядочно времени с приема пищи.

Делать было нечего, пришлось искать улики, которые могли привести меня к чудищу. Поиск следов от лап ни к чему хорошему не привел – все отпечатки были спутаны, они закручивались в большие петли или вообще заканчивались на ровном месте, видимо, когда феникс взлетал. Ждать, когда монстр прилетит, не было смысла, потому что неизвестно, когда он захочет вернуться на кострище, а это может случиться даже не через день.

Осматриваясь, я обнаружил, что на некоторых деревьях в северо-западной стороне кончики листьев немного подпалены. Я пошел в ту сторону и заметил, что подпаленные деревья образуют что-то вроде тропинки, по которой летел феникс. Видимо, птица летела не слишком высоко над деревьями, и языки огня задели кроны деревьев. Это было мне только на руку, и вскоре мои поиски увенчались успехом – лес поредел, и я вышел к подножию вулкана. Здесь и сидело мое чудище, занятое тем, что пыталось чистить свои крылья. Как феникс это делал, учитывая, из чего состояли его перья, я не знаю, но именно это и происходило.

Прятаться мне было негде, поэтому феникс сразу же заметил меня и сердито зашипел, быстро встав в угрожающую позу. Похоже, что он узнал меня, иначе я не мог объяснить ярость, с которой он набросился на меня. Я еле-еле успел

отскочить. Сообразив, что я еще не экипирован как должно, я поспешил укрыться в лесу. Быстро укрывшись за толстым стволом дерева, я опять вылил на себя из фляги чайную жидкость, подвесил бидон с такой же жидкостью за спину, закрепив подмышкой шланг, и надел глефы. Все это заняло у меня явно не больше минуты, но с учетом того, что позади меня был разъяренный феникс, казалось, что я все делал медленно.

– Ну, сейчас мы проверим, как ты будешь без огня, птичка, – проговорил я и, услышав топот, выбежал из-за дерева. Я вовремя среагировал – феникс почти что протаранил ствол, пытаясь обрушить его на меня, но лишь слегка задел его, заметив, что я покинул свое укрытие. Я быстро накачал помпу. Когда чудище развернулось в мою сторону, сердито каркнув, я с силой надавил на резиновую грушу. Жидкость с пшиком рванула из бидона, моментально обдав облаком воды феникса. При соприкосновении с огнем раздалось громкое шипение, и вскоре феникс оказался весь закрыт густым белым паром, который стал натужно подниматься вверх. Чудище заорало так, словно я ему натер кислотой открытые раны. Наконец, пар стал понемногу рассеиваться, и я увидел феникса.

Я чуть было не рассмеялся прямо в ходе боя. Смущенно выйдя из облака, потушенный феникс выглядел не лучше, чем общипанная курица – тонкие кости, почти полное отсутствие мышц, серая, вся в пупырышках и нарывах ко-

жа. Феникс пытался тужиться, видимо, чтобы разжечь огонь, но вместо этого по нему то тут, то там, проходили мелкие вспышки, сопровождающиеся небольшими выбросами пара.

Вид несчастного существа настолько отвлек меня, что я даже забыл достать глефы. И зря, потому что за короткое время феникс успел высохнуть, и, попытавшись загореться еще раз, озарился огнем сначала вокруг туловища и головы, потом пламя перекинулось на крылья и хвост, сверкая красно-оранжевым горящим оперением.

Феникс гневно заклекотал и бросился на меня. К счастью, он еще не успел до конца оклематься от тушения, поэтому я без особых трудностей увернулся от его нападков. Тем не менее, надо было что-то скорее предпринимать, потому что я уже начинал высыхать, а это грозило мне новыми ожогами.

В бидоне еще оставалось достаточно жидкости, поэтому я левой рукой схватил помпу и вновь направил струю на чудище. В правую руку я взял оружие, дожидаясь подходящего момента. Первого выпада птица избежала, отскочив в сторону. Жидкость лишь слегка задела крыло, но этого было достаточно, чтобы потушить кончики языков огня, исходивших от него. Феникс обернулся на это крыло, обиженно гаркнув. Я же направил руку прямо на феникса. Монстру придется проявить чудеса акробатики, чтобы увернуться от новой струи.

Но феникс не проявил. Струя вновь залила его, покрыв белесым паром с ног до головы. Он пытался отряхнуться от

неприятного облака, когда я подошел к нему и твердым ударом отсек его, уже слабую и беззащитную, голову.

Феникс замертво упал в тумане, созданном им самим. Когда пар рассеялся, передо мной вновь лежала гора праха – все, что осталось от чудища.

В этот раз я решил твердо убедиться, что феникс умер, и остался ждать. С одной стороны, было очевидно, что я убил монстра, но с другой – этот феникс узнал меня, а стало быть, вполне вероятно, что чудищу, которое я убил неделей ранее, как-то удалось либо возродиться, либо передать память обо мне другому фениксу.

Я ждал час, но за все время так ничего и не произошло. Прах так и оставался лежать на земле, только теперь горку немного разнесло по округе из-за ветерка, мелькавшего между толстых листьев лесных деревьев. Я был непреклонен – мое чрезмерное любопытство с легкостью одержало верх над порочным трио из усталости, скуки и нетерпеливости.

Наконец, мое ожидание было вознаграждено. Прах внезапно стал стягиваться в кучу, как одеяло, под которым кто-то невидимый, до этого мирно лежавший всю ночь, вдруг решил проснуться и встать. Слегка натянувшись, он образовал высокую горку, формой напоминающий пещерный сталагмит, который, по идее, никак не мог собраться сам собой. Неожиданно пыль стала покрываться тонкой, но непрозрачной, серой пленкой. Под пленкой стало образовываться нечто большое, горка стала продолжать расти. Когда же

пленка натянулась до предела, она разорвалась, и из-под нее вылез молодой феникс, почти такой же, которого я убил, голый, еще не горящий. Феникс обратил свой взор на меня, что-то пропищал, и тут же остатки золы взметнулись вихрем вокруг него, завертелись все быстрее и быстрее и мгновенно осели на чудище. Как только это случилось, феникс сразу вспыхнул таким ярким пламенем, что я на секунду даже ослеп. Когда я пришел в себя, феникс уже выглядел точно таким же, каким был в начале нашей встречи. Он сердито глядел на меня, тихо и молчаливо, как вдруг прорезал тишину громким гортанным криком и набросился на меня, роняя искры с пылающего оперения на опаленную траву.

В моем бидоне уже почти не осталось жидкости, поэтому я решил, что дальше смысла драться нет, и поспешил вглубь леса. От наскоков феникса я уворачивался за деревьями, время от времени отбивая чересчур наглые выпады глефой по клюву. Наконец, я забежал достаточно глубоко в чащу, где деревья росли слишком узко для такого большого чудища, как феникс.

Ориентируясь по высокой акинварской стене, я пошел в город. Вдалеке я слышал обиженные крики феникса, которые постепенно затихали. Я чувствовал, что мне еще предстояло столкнуться с ним, и, возможно, даже не раз – я не хотел бросать неоконченное дело. Загадка смерти и рождения феникса была для меня слишком интересной, чтобы оставить ее нерешенной.

Я пришел к дому Фенхеля уже тогда, когда феникс привычно питался углями из домны. В этот раз ему, похоже, было мало одной печи, потому что соседнюю уже чинила ремонтная бригада. Феникс не обращал внимания ни на грохот, ни на крики людей; ни прохожие, ни ремонтники, ни те, кто пытался согнать чудище, не могли отвлечь феникса от насыщения.

– Дэто уже третий раз месяц, – покачал головой Фенхель, встречая меня у двери своего дома, а заодно прихлебывая из своей большой чашки. – Фэникс слишком много жрать.

– Я видел, как он воскресал, – ответил я, чем удивил акин-варца.

– Нээ? Как дэто? – спросил он, опешив. Я поспешил ответить:

– Похоже, что все прежние охотники на феникса действительно убивали его, но он всегда воскресал...

После этого я пересказал Фенхелю все, что видел в лесу. Он внимательно слушал меня, удивленно цокая языком. Правда, на середине моего и так коротенького рассказа он умудрился перебить меня и перенести беседу в гостиную, где нас уже ждал свежесваренный чай, приготовленный из трав с пироградских полей.

Не успел я договорить, как в дверь Фенхеля постучали. Фейхоя хотела было открыть, но хозяин одернул ее и пошел сам. Стук не прекращался и с каждой секундой был все настойчивее и злее. Наконец, Фенхель дошел до нее и вышел

на улицу. Я не знал, что мне надо было делать, но решил, что мне пока не следует влезать не в свое дело. С улицы пошли отчетливые крики ругани (наверняка это была ругань, но, учитывая особенности акинварского языка с его кряканьем и трескотней, сложно было верно определить), причем громче всех раздавался голос Фенхеля. Спустя несколько минут он зашел обратно в дом, весь красный и с массивными капельками пота на лице, но с крайне довольной улыбкой от того, что он в итоге всех переорал.

– Дэто быть твой брат, Фейхоя, – сказал он жене, после чего обратился ко мне. – Стражники замэчать, что ты ходить в лэс, а потом фэникс прилэтать и жрать. Они сказать, что нэ пускать тэбя больше через стэна. Я говорить им, что много кто бить рукх, и ничего нэ происходить послэ, но нэт, они нэ хотэтть слушать... Глупый баран! Корова, который я у него брать, умнее сто крат!

– Ничего, – ответил я. – Я найду другой способ пробраться.

– Как ты ходить через стэна бэз стражник? – поинтересовался Фенхель. Я усмехнулся и ответил:

– Ну я же все-таки охотник на чудищ. Должно же у меня быть хоть какое-то умение передвигаться скрытно.

Фенхель помолчал, а потом ответил:

– Они еще хотеть, чтобы ты сам чинить домна. Я отвэтить, что рэмонт-беи и так работать раз месяц, так что пара раз в нэдэль им нэ сильно сложно быть должен.

Я улыбнулся и поблагодарил радушного хозяина за помощь. После этого я занялся подготовкой к следующей встрече с чудищем.

До конца дня я готовил чайную жидкость для бидона и готовил бомбы. Я не хотел как-то сильно изменять их состав, лишь увеличил количество пороха, сделав это не для того, чтобы увеличить урон от взрыва, а чтобы усилить самую взрывную волну. Я решил, что это должно сильно помочь мне в позиционировании – причем конкретно самого феникса. Из-за того, что эта тварь постоянно горит, настолько сильно, что даже противоогненная жидкость работает недолго, мне будет сложно отталкивать чудище и как-то его направлять. Остается лишь уворачиваться от его ударов, что мне было не совсем по душе, так как на этот раз я хотел доминировать на поле боя.

Когда наступила ночь, и на улице наступила кромешная тьма, я вышел в город. Аккуратно идя по мостовым Акинвара, я старался не привлекать внимания. В принципе, и привлекать было некого – почти все уже разошлись по своим домам, и я был практически одинок. Конечно, некоторые люди все-таки шлялись по переулкам, и не факт, что это не были какие-нибудь мелкие банды, сколоченные из местных хулиганов. Но, к счастью, мой силуэт выглядел достаточно грозно (еще бы, я был полностью обвешан своими инструментами с оружием и вдобавок нес тяжелый бидон за спиной), чтобы ко мне никто не приставал.

Подойдя привычным маршрутом к стене, я осмотрелся. Стражники стояли около проходов через стену, еще несколько патрульных ходили взад-вперед вдоль самой стены. Стоя за углом широкого здания, я раздумывал, как мне стоит поступить, чтобы выйти в лес. Стражам я уже примелькался, к тому же после сегодняшнего скандала брат Фейхои наверняка растрепал всем своим соратникам мои приметы, поэтому выход к стене напрямую – не вариант.

Мое внимание привлек лифт. Лифтовая шахта вздымалась высоко вверх, к самому хребту северной стены, щерясь тонкими кривыми прутьями, обрамляющими каркас. Сейчас лифтом никто не пользовался, и он одиноко стоял на земле, ожидая, когда новая смена поедет наверх, заменять тех, кто сейчас сторожит вершину стены.

Я решил пробраться через стену поверху. Первым делом нужно было добраться до лифта. Правда, так я могу оказаться в поле зрения патрульного, который ходит от ворот с одной стороны лифта до ворот с другой стороны. Вдоль этого пути не было ни перегородок, ни каморок, прятаться в случае чего было негде... Отвлечь внимание патрульного? Но чем?..

Я огляделся и заметил недалеко от себя груды каких-то коробок. Редко где на улицах Акинвара можно было найти мусор, даже несмотря на широкие улицы, но ночью, похоже, чувство экологической ответственности слегка притуплялось. Я осторожно подошел к коробкам и осмотрел их. Су-

дя по знакам на каждой коробке, обозначающим рюмки, кто-то сегодня бурно отмечал праздник. На некоторых коробках были вдобавок напечатаны и бутылки. Пара коробок рядом с наваленной грудой стояли как надо, я чуть-чуть потряс их и они легонько зазвенели, будто приглашая меня в одиночную игру «как быстрее напиться». В пирогоградской следственной службе многие занимались таким на общих попойках, но мне никто не давал ни глотка, аргументируя тем, что я был тогда еще слишком молодой для распития алкоголя, но, скорее всего, все просто боялись гнева Двиллия, который строго-настрого запрещал мне давать даже кружку пива. К слову сказать, сам Двиллий тоже, бывало, не гнушался таких «игр».

Я нашел более-менее опрятно выглядящую коробку, потряс оттуда весь заваливавшийся там мусор, аккуратно расправил ее и накрылся этой самой коробкой с головой. Мне показалось, что это было замечательно. Вдобавок, дырка на коробке, изначально предназначенная для того, чтобы держаться за нее рукой, обеспечивала мне неплохой обзор. Это вызвало у меня прилив храбрости, и я, сидя на четвереньках в коробке, тихо зашуршал к лифту.

Я почти добрался до лифта, когда патрульный подошел ко мне на довольно опасное расстояние. Я остановился и стал ждать. Патрульный, обнаружив рядом со своим обычным путем коробку, которую он не видел, когда шел здесь в прошлый раз, немного удивился. Через дырку в коробке я видел,

как он остановился и стал озадаченно смотреть на коробку. Не придумав ничего путного, он почесал затылок. Даже после этого не придумав ничего, он пожал плечами и пошел дальше, по своему стандартному маршруту. Когда он отошел на безопасное для меня и моей коробки расстояние, я пополз дальше. Края коробки нежно шкрябали по сточенным булыжникам мостовой.

Я успел дойти до лифта, но мне не хватило времени залезть в него, когда патрульный вернулся. Он снова встал напротив коробки, раздумывая, как это обычная коробка, за тот короткий промежуток времени, пока он патрулировал свой отрезок, проделала такой довольно длинный для коробки путь. Он подошел ко мне ближе и постучал по верхней стороне (которая на самом деле была дном коробки). Ответом ему был обычный картонный стук, с небольшим эхом. Патрульный снова почесал затылок, пожал плечами, пробубнил себе под нос что-то вроде «каропк» и пошел патрулировать дальше. Я же, спокойно вздохнув, залез в лифтовую кабину и вылез из-под коробки. Я взялся за вентиль, поднимающий лифт, и стал медленно крутить его.

Какой ужас! Поднимаясь, лифт издавал такой скрип и скрежет, что я моментально пожалел о своем решении обратиться именно таким способом. Мне показалось, что на этот звук сбежались все стражи и патрули, охраняющие стену, но делать было нечего, я продолжал крутить дальше.

Я не знаю, как именно работал механизм лифта, но чем

выше я поднимался, тем проще мне было крутить вентиль. На большой высоте вентиль уже практически сам прокручивался, мне лишь приходилось поддерживать его скорость. Приблизительно рассчитав, когда я приеду наверх, я со всей силы крутанул этот злосчастный вентиль, который отозвался ужасным лязгом, и снова залез под коробку.

Это было верным решением, потому что наверху меня уже ждали двое патрульных. Вернее, они ожидали того, кому пришло в голову поздно ночью подниматься на стену, а не коробку, невозмутимо стоящую посреди кабины. Они так же озадаченно, как и их товарищ внизу, уставились на мою коробку, после чего, словно по команде, стали одновременно чесать затылки. Я еле сдержался, чтобы не засмеяться. Один из патрульных подошел к моей коробке и постучал. Ничего не произошло. Он вопросительно посмотрел на своего напарника и они стали спорить. Несколько раз в их речи проскакивало слово «каропк». В этот момент я пожалел, что не знаю акинварского языка, потому что я наверняка пропустил много интересного в их обсуждении.

Наконец, спорщики утихли, пожали плечами и пошли дальше, патрулировать верх стены. Я еще немного времени посмотрел в их сторону, оценивая, насколько длинный у них маршрут. Похоже, что на самой стене патрульных было поменьше, а сами маршруты были намного длиннее, потому что те двое, за которыми я следил, ушли достаточно далеко, так что я выбрался из коробки и осмотрелся.

Около лифта было набросано много вещей, которыми пользовались патрули, и, разобрав их, я нашел какой-то железный крюк с веревкой. Оценить длину веревки было довольно трудно, но я понадеялся, что мне хватит. Крепко зацепив крюк за уступ стены, я кинул веревку в сторону леса, после чего взялся за нее, проверил на прочность и стал осторожно, но быстро спускаться. Мои надежды оправдались, веревки хватило с запасом, поэтому вскоре я был уже у подножия стены, на самом краю леса. Я решил на всякий случай отойти чуть подальше от места спуска вдоль стены и переждать ночь, чтобы не нарваться на кого-то в мрачном темном лесу. Веревку я так и оставил висеть – пусть кто-нибудь из стражников соберет ее обратно. Вряд ли он наберется смелости спуститься вниз и проверить, кто это сделал. Я решил прикорнуть до утра у камней, сложив вещи рядом.

Едва забрезжил свет, накрывая верхнюю часть стены и отсвечивая от нее так, что солнечное тепло лишь немного касалось меня, я вновь собрался и направился в сторону вулкана.

Массивная гора-гигант влекла меня к себе, завораживая своей мощью и силой, спящей внутри. В прошлый раз я обнаружил феникса у подножия вулкана, поэтому я надеялся встретить чудище где-нибудь в том же месте. Похоже, что существо, созданное с помощью огня, так же влекла первородная сила вулкана.

Лес еще не закончился, когда я стал ощущать подъем.

Даже сама почва изменилась, она стала перемешиваться с остывшей лавой. Деревья здесь казались еще мощнее, сильнее и здоровее, их корни с жадностью поглощали полезные минералы и воду, в избытке хранящиеся в богатой здешней земле. Однако в этих же деревьях чувствовалась и некая робость, будто растения боялись, что вулкан снова пробудится и погребет их под безразличной массой кипящей магмы, поэтому количество их постепенно уменьшалось с тем, как я все выше и выше подбирался к самой горе. Наконец, я оказался один на один с вулканом и его серо-бурой пустошью.

Я притормозил и стал выискивать феникса. Тут, у самого вулкана, ничто не могло помешать мне обнаружить его, если только чудище не сидело по другую сторону от горы. Но все вокруг молчало, только лучи неумолимо жарили мои плечи да ветер по-дружески трепал мои влажные от пота светлые волосы. Чтобы они не мешались, я пальцем поддел непослушные пряди и замотал их за уши. Поняв, что здесь мои поиски тщетны, я направился дальше, прямо к вершине.

Когда я достиг вершины вулкана, мне открылось завораживающее зрелище. Края вулкана выглядели, словно подмости в амфитеатре, окружающие арену – спящую поверхность оранжево-багровой лавы. За одним из чаепитий Фенхель рассказывал, что вулкан последний раз извергался так давно, что никто из ныне живущих поколений, и порядка десяти поколений до них, не был свидетелем столь ужасного зрелища. Он говорил, что последний раз лава чуть было

не дошла до Акинвара, но бывали такие извержения, что целиком затапливали тогда еще молодой город-империю, который приходилось отстраивать заново практически с нуля. Я надеялся, что вулкан уснул, хоть вид спокойной, но бурлящей лавы в его жерле пытался доказать мне обратное. По крайней мере, я хотел, чтобы извержение вулкана произошло без моего присутствия на островах.

Внезапный пронзительный крик с небес застал меня врасплох и сбил с толку. Сверху на меня спикировал феникс и, выставив вперед свои лапы с корявыми когтями, выбил меня с кромки вершины прямо на «амфитеатр», окружающий лаву. Поверхность была относительно ровной, но немного наклонялась к центру. От неожиданного удара я сильно ушибся о каменистую твердую землю и порвал рубашку на левом локте. Вдобавок к этому жар феникса немного подпалил кончики моих волос.

Я вскочил и обернулся на чудище. Феникс пролетел чуть дальше и уже разворачивался обратно, чтобы нанести еще один удар с воздуха. Времени, пока он совершал маневр, хватило мне, чтобы уже привычным движением облиться противоогненной жидкостью и подготовиться к нападению. Следующее пикирование феникса прошло для него безуспешно – я уклонился, откатившись в сторону, противоположную жерлу вулкана. Когти феникса оставили лишь еле заметные бороздки в застывшей магме.

Я откинул защитную плашку, закрывавшую бомбы, вися-

щие на поясе. У меня была одна пыльная бомба, оставшаяся еще после охоты на херува, и я решил применить ее. Возможно, фениксу тоже не понравится слезоточащая жидкость и ему придется спуститься вниз. Когда монстр развернулся для нового пике, я бросил бомбу прямо ему в голову. Бомба разорвалась, окутав неприятным дымом чудище. Феникс что-то прогоготал и упал вниз, прямо ко мне, в исступлении крутя головой.

Тогда я отбежал назад и подготовил новую бомбу. Едва феникс очнулся, я бросил в его сторону предназначенный специально для него «подарок». Правда, в этот раз я промахнулся и попал совсем не туда, куда хотел. Бомба упала позади феникса и взорвалась там. Справедливости ради, стоило бы сказать, что эффект от нее получился именно такой, какой я и хотел – взрыв высвободил кучу осколков от камней, разлетевшихся в стороны от эпицентра, а волна с ужасающей силой отпихнула феникса – точнехонько в мою сторону.

Я на мгновение опешил – равно как и сам феникс – но быстро перехватил инициативу и встретил чудище залпом из бидона. К моим ногам упала та самая ошипанная курица, которую я сразил в прошлый раз. Феникс немного растерялся, но тут же вскочил. Похоже, к третьей встрече он понял, что со мной нужно быть максимально бдительным и быстрым, поэтому он сразу, не успев даже высохнуть, продолжил свои нападки. Я выхватил глефы и отбивал ими удары клювом, наносимые чудищем с разных углов, так что чуть погодя

клюв стал шербатым от многочисленных попаданий клинка. С каждым ударом я чувствовал, что тело феникса становится все жарче, и вдруг он вспыхнул самым ярким пламенем, которое я когда-либо видел. Я почувствовал, что опять высыхаю, а также осознал, что мои бомбы стали нагреваться от чересчур близкого источника огня. Механически, не думая, я кувыркнулся назад, подальше от чудища. Феникс тоже отпрыгнул и приготовился к разбегу, надеясь проткнуть меня своим жестким и острым клювом, заодно зажарив мои внутренности. Я не дал ему это сделать. Я быстро вытащил оставшиеся бомбы – все три штуки, все специально для феникса – и выкинул их в сторону монстра, даже не нажав запал.

Можно было сказать, что я сделал это вовремя. Первая бомба, похоже, нагрелась больше всех, потому что взорвалась еще в воздухе. От мощной волны нас с фениксом разбросало друг от друга. Я, как более легкий, отлетел в небольшую стенку у края вулкана и больно ударился спиной. Феникс был потяжелее, поэтому его просто отбросило на несколько метров назад.

Две другие бомбы, за счет взрыва, тоже разбросало в разные стороны. Одна улетела в жерло, воспроизведя в магме такой хлопок, что несколько раскаленных капель вылетело вверх, а некоторые из них упали вдоль кромки вулкана, шипя. Хорошо, что лавовых капель было не слишком много, а то какая-нибудь наверняка попала бы на меня, и тогда меня

не смогла бы спасти даже чайная жидкость.

Вторая бомба отлетела к кромке вулкана, срикошетила от стенки и покатила к фениксу. Секундой позже прогремел взрыв. Сильный воздушный поток буквально сдул пламя с феникса, а его самого с чудовищной непреодолимой силой отшвырнуло напрямиком к центру вулкана, в жерло. Феникс пытался сделать несколько беспомощных взмахов крыльями, но тех огненных перьев, что остались на его крыльях, не хватило ему, чтобы полететь, и монстр упал в разозлившуюся магму.

Я встал, кряхтя от боли в позвоночнике, и подошел к жерлу. Зрелище было ужасное. Феникс, несмотря на родство с огнем, моментально сгорал в лаве, стирался в пепел и тут же воскресал, чтобы снова сгореть. Крики боли сменялись жалобным стоном, вопли новорожденной птицы перерастали в ор умирающей. На моих глазах, за короткий промежуток времени, феникс переродился пару десятков раз, с каждым возрождением утопая все глубже и глубже в беспощадной магме, разбрасывая вокруг себя и на себя капли раскаленной материи, пока совсем не исчез внутри вулкана. В воздухе повисла гробовая тишина.

– Да, – задумчиво сказал я погибшему фениксу. – В огне ты родился, в огне ты и умер...

Я слегка испугался, что вулкан может проснуться, но, похоже, этому сегодня не суждено было сбыться. Все сразу успокоилось и утихло.

Даже когда я спускался с вулкана и пошел по лесу, по всей округе не было слышно ни звука. Наконец, стало вечереть и смеркаться, и прежняя тишина все-таки сменилась многоголосым стрекотанием и чириканьем – ночные птицы и насекомые, а также мелкие звери стали выходить на охоту. Я усмехнулся – надеюсь, большие звери, особенно те, про кого рассказывал Фенхель и против кого акинварцы построили стену, не вернутся в этот лес после смерти феникса.

Я дошел до стены и нашел проход, отличный от того, у которого дежурил брат жены Фенхеля, после чего дернул за висящую рядом веревку. Решетка открылась, и я зашел внутрь толстой стены.

Выйдя из туннеля, я очутился в окружении двух незнакомых стражников. Они смотрели на меня, изучая, пока один из них не сказал на ломаном всеобщем языке с жутчайшим акцентом:

– Э-э-эй, ти тот сами, хто не должен выходить из горад!
Ми тибе ни впускать!

Другой утвердительно поддакнул. Я не растерялся и ответил:

– Подождите, вам было сказано меня не выпускать. Про то, можно ли меня впускать, ничего не говорилось.

Стражники озадаченно переглянулись и смущенно пожалы плечами. Наконец, первый ответил:

– Ди-и-истфитльно! Пра-ахоть!

Второй лишь утвердительно кивнул, и я, довольный, во-

шел в Акинвар.

Только когда уже наступила глухая ночь, я добрался до района домен и постучал в жилище Фенхеля. Хозяин быстро открыл дверь и удивился, увидев меня.

– Дэто ты таки вэрнутья! – обрадовался он.

– Да, – ответил я. – И еще – я все-таки убил феникса.

– Нээ? – спросил Фенхель, немного с подозрением прищурился и повернув его в мою сторону. – Доказать надо.

Я распротер руки.

– Не получится, – сказал я. – Он сгорел в жерле вулкана. Сомневаюсь, что он сможет оттуда выбраться, если он, конечно, сейчас жив и пытается воскреснуть.

– Эсли дэто так, – улыбнувшись, ответил Фенхель. – То я имэть тэбе подарок – чашка чай, освэжающий и прохладный, основ травы и ягэль с окрэстность Орлоог!

Я радостно согласился, сбросил в углу вещи и пошел в комнату пить чай с Фенхелем.

Глава 6. Разрыв-трава

После убийства феникса прошел месяц. Я жил у Фенхеля и учил акинварский язык. Ради того, чтобы не быть обдуренным хитрыми акинварцами, я очень старался идеально зазубрить их собственную речь и письменность, и вскоре даже Фенхель признал, что у меня неплохо получается. Правда, я все еще криво писал и еле-еле выговаривал клокочущие и гортанные звуки, которыми насыщено акинварское наречие, но главное – я понимал то, о чем говорят люди на улицах и рынках города.

За целый месяц феникс не прилетел к домнам ни разу, и Фенхель окончательно уверился в том, что я его убил. Правда, никакой награды за это я не получил, да я и не требовал – а то еще возьмут плату за жилье и за разрушенные печные решетки (хотя я подозревал, что награда за феникса – это и есть плата).

Просто так на месте я тоже не сидел, а помогал Фенхелю и Фейхое по хозяйству. Хозяин даже хотел снова арендовать корову, намекая на то, что я должен был бы за ней присматривать, но я категорически отказался, как только узнал, что скотный район находится в двух часах езды от дома (акинварцы перемещались по городу с помощью рикш – именно так назывались те самые люди, впряженные в повозки, которых я видел на улице в день прибытия в Акинвар).

В общем, жизнь в Акинваре была вполне сносной. Единственное, что меня удручало – отсутствие подходящей мне работы. Кроме феникса, в Акинваре не было ни одного чудища, и потому я откровенно скучал. Я успел разобрать и до-тошно скомпоновать все свои предыдущие и текущие записи в новый небольшой бестиарий, подготовил множество новых бомб, болтов и прочих боеприпасов. Глефы, начищенные до блеска и наточенные до такой степени, что могли бы разрезать падающее перышко, лежали без дела на стопке из моих походных вещей.

Именно поэтому моя радость была поистине большой и искренней, когда однажды Фенхель попросил меня об одной интересной вещи. Акинварец-путешественник, несмотря на то, что я понимал акинварское наречие, по-прежнему общался со мной на всеобщем языке – для закрепления собственных знаний, как он говорил.

– Гавилан, – сказал Фенхель, почесывая свою ногу. – Ты говорить, что ты охотник и любить путешествовать... Тогда я имать к тебе одын малэнький просьба.

Я придвинулся поближе.

– Я весь внимание, – заинтересованно ответил я. – Рассказывай. Здесь живет еще какое-то чудище, о котором я не знаю? И ты умолчал? Я мигом понесусь туда!

– Нэт, – покачал головой любитель чаев, чем несколько расстроил меня, – дэто просьба, – он стеснительно покачал расчесанной до красных полос ногой, – дэто просьба по по-

вод чай...

Я совсем растерялся.

– А что такого я могу сделать с чаем? – удивленно спросил я.

Тогда Фенхель стал рассказывать:

– Дэто... Ты понимать... Нэдалэко эсть эще остров, гдэ город уже нэ быть. Там все зарости, большой лэс-бурьян. Люди там нэ ходить, но там расти хороший такой растэний. Наши называть ее – разрыв-трава. Из нее дэлать нэ совсэм чай, из нее дэлать вкусный тэкил, Фейхоя такой очень любить, – Фенхель мечтательно поднял глаза наверх и облизнулся.

– И все-таки, – сказал я, прерывая мысли Фенхеля, – я-то тут причем?

– Там жить звэрь, – прямо ответил Фенхель. – Тот самый звэрь, от который мы строить стэна давным-давно. Потому люди туда уже нэ ходить, хотя разрыв-трава очень-очень хочется...

– И больше эта трава нигде не растет, я так понимаю? – спросил я, на что мой товарищ утвердительно кивнул.

– Так что, ты мне помочь? – спросил он.

Я улыбнулся.

– Естественно! – радостно ответил я. – Я уже столько времени не видел чудищ, что, наверное, скоро совсем разучусь с ними сражаться! Я уже, считай, готов к встрече со зверем.

После моих слов Фенхель сразу обрадовался, а его улыбка разъехалась чуть ли не до ушей.

– Дэто очень хорошо! – воскликнул он. – Тогда надо собирать вещь! Много-много вещь!

«Собирал вещь», в принципе, один только Фенхель – мои были готовы в любой момент, нужно было лишь экипироваться как надо. Так как мне было нечего делать, я мог наблюдать сборы одного из самых эксцентричных акинварских путешественников. Фенхель достал откуда-то из дальнего угла засаленную тряпочку, которая после встряхивания – отчего из тряпочки вылетела, обиженно жужжа, всякая мошкара – оказалась большим походным мешком. Впрочем, «большим» – это еще мягко сказано. После того, как Фенхель напихал в него кучу нужных и ненужных (по крайней мере, с моей точки зрения) вещей, мешок стал размером с него самого. Когда Фенхель надел его на плечи наподобие рюкзака, мешок возвышался над ним на полголовы, а снизу доходил почти до колен. Я уже думал было долить воды во флягу и выходить, как вдруг мой товарищ ойкнул и стал копошиться в вещах, раскиданных по всему его дому. Наконец, Фенхель нашел что хотел.

– Дэдушкин ситара, – горделиво произнес он, показывая мне длинную палку со струнами, оканчивающуюся узеньким корпусом. – Я всегда играть на ситара, когда путэшэствовать. Хороший музыка всегда помогать!

Наверное, где-то в этот момент я понял, что это приключение будет не из скучных. Хотя я мог бы догадаться об этом и раньше, учитывая, кто мой напарник.

– Пойдем уже, наконец? – спросил я с надеждой.

– Да, пора идти, – улыбнулся акинварец.

Фенхель распрощался с женой, страстно расцеловав ее в обе щеки, отчего они загорелись яркой пунцовой краской. Я смущенно стоял в стороне, заодно проверяя все свои инструменты, висящие на нагрудном ремне.

Идти в какой-либо поход или путешествие всегда веселее и интереснее вместе с кем-то. В случае с Фенхелем, я бы, наверное, не согласился с этим высказыванием, ибо он успел достать меня еще в городе. Не успев выйти за порог дома, он слегка задел верхним краем мешка дверной косяк и, покачнувшись от потери равновесия, чуть не завалился на спину, благо я и вовремя подоспевшая Фейхоя поддержали его. На улице Фенхель сразу же вытащил ситару и стал бренчать разные мелодии. Судя по морщащимся лицам встречавшихся нам прохожих, мелодии были не очень прозаичными.

По словам Фенхеля, пользоваться транспортом в путешествии без лишней на то надобности – большой грех, поэтому мы ни разу не наняли рикшу. Таким образом, лишь в городе наш путь занял целых два с половиной дня. Районы города менялись друг за другом, но я замечал, что они время от времени повторялись, что неудивительно – один специализированный район вряд ли мог своевременно обеспечивать весь Акинвар своими ресурсами и продуктами.

Наконец, мы подошли к границе города-империи. Восточная часть стены была не такой высокой и прочной, как се-

верная, она выглядела очень старой и потрепанной. Фенхель объяснил это тем, что раньше именно восток Акинвара подвергался основным нападениям пресловутого зверя, из-за чего стена разрушалась даже быстрее, чем ее успевали восстанавливать. Позднее нападения становились все реже и реже, и вскоре уже пропала необходимость поддерживать должную защиту. Акинварцы чересчур ревниво относятся к деньгам, поэтому, пояснил Фенхель, стену не будут ремонтировать, пока зверь опять не нападет.

Стражники у ворот пропустили нас без проблем, хотя еще долго смотрели нам вслед недоуменным взглядом. С их стороны, пойти прямо в логово зверя, пусть даже и затихшего много лет назад, было откровенным самоубийством.

Оказавшись в тропической роще, Фенхель воодушевился от вида дикой природы и заиграл на своей ситаре новую, совсем другую мелодию. Эта музыка неожиданно воодушевила и меня, она была необычайно красива, переливаясь нотами словно радужный водопад.

– Что это за песня? – спросил я спутника.

– Это очень старый пэснь, – ответил Фенхель, не переставая играть. – Наши предки играть ее спокон веков. Она называется «Пэсчаный бурь»!

– «Песчаная буря»? – изумился я. – Но здесь, на островах, почти нет песка! Тут только одни заросли диких растений!

– Это сэйчас так, – согласился Фенхель. – Но раньше было все другой. Давным-давно большой остров быть большой

пустынь, и люди выживать как могли, спастись от бури и засуха. Сэйчас уже Акинвар имэть много-много вода, и трава расти совсэм вэзде.

– Ясно, – ответил я, приняв к сведению слова товарища. Интересно, насколько давно это было и как быстро Телехские острова из пустыни превратились в плодородные земли.

Тем временем мы подошли к берегу. Морские волны, окутывающие узкий песчаный пляж, мерно раскачивались туда-сюда, омывая растущую поблизости траву и вылезших погреться на солнце моллюсков.

– Куда дальше? – спросил я.

– Туда! – ответил мой проводник, показывая прямо на море. Вдоль линии горизонта виднелась земля, очевидно, другой, соседний остров, но я все же опешил:

– Как, мы пойдем по морю?

– Здэсь нэглубоко, – улыбнулся акинварец. – Утонуть никак нэльзя, эсли ты нэ коротышка.

Мы зашли в море. Здесь оно действительно было неглубокое, но тем не менее вода доходила до середины голени. Мне повезло, что мои ботильоны высокими, а также были крепко и прочно сшиты, изнутри они оставались сухими, и вода не просачивалась сквозь них. Фенхель же промок сразу, его сандалии никак не могли защитить его, но путешественника это нисколько не смущало, он все так же продолжал играть старую песню своего народа.

На дне мелководья я видел странного цвета и формы во-

доросли, какие-то мелкие кораллы и анемоны. Изредка мимо нас мелькали стайки рыб, неподалеку млели на солнце медузы, а один раз совсем рядом, величественно скользя по дну, проплыл большой широкий скат. Это было очень красиво, но также и тревожно, ведь неизвестно, которое из этих животных и растений безвредно, а какое – смертельно ядовито.

Солнце тихо садилось, и я поторопил своего напарника, потому что не хотел ночевать посреди пролива, пусть даже и мелко. Уже к сумеркам мы вышли на берег острова. Я пошел чуть поодаль, а Фенхель захлюпал своими насквозь промокшими сандалиями с таким громким звуком, что распугал птиц, засевших стайкой в кустарнике, который рос неподалеку от береговой линии. Кое-как распалив костер и повесив сушиться промокшую одежду, мы наспех перекусили припасами и легли спать, решив с самого раннего утра продолжить путь.

Утром мы продолжили наше путешествие. Почти сразу после кустарника, где мы делали привал, рос дикий тропический лес, наподобие того, который находился к северу от Акинвара и обрамлял вулкан. Но если лес, растущий на плодородных вулканических землях, выглядел ярко и свежо, то на этом острове он был темнее и издавал какой-то затхлый запах, создавая ощущение дикой, непроходимой чащобы, куда нога человека не осмеливалась ступить. Было страшно нарушать первозданное спокойствие нетронутой природы, и

хотя места для прохода было достаточно, я все же достал глефу, нутром ощущая немое желание леса не пускать нас дальше. Даже далекие звуки диких животных, птиц и насекомых практически исчезли и не были слышны. К моему счастью, даже Фенхель, порядком надоевший своей игрой на ситаре, убрал инструмент за спину.

– Дэто нэ просто тихо, – шепотом сказал он мне. – Мы входить в зэмля звэря.

– А мы точно идем туда, куда надо? – спросил я.

– Да, – кивнул Фенхель. – Я же говорить, что разрыв-трава расти там, гдэ звэрь.

Чем дальше мы шли, тем темнее становился лес. Нет, солнце так же просвечивало сквозь кроны деревьев, но сама листва стала вместо ярко-зеленого цвета темно-серой, словно мы находились в болоте. Запах гнили становился сильнее, к нему примешался ярко выраженный аромат плесени.

– Какой ужас, – ответил я. – У меня ощущение, будто здесь все умерли.

– Тс-с-с, – прошептал мой товарищ и ткнул пальцем вперед. – Смотрэть туда...

Впереди показались болотные кочки. Вернее, так мне привиделось вначале. Присмотревшись, я обнаружил, что это были никакие не кочки, а серо-бурые коконы, густо покрытые зелеными прожилками.

– Что это? Кладка зверя? – спросил я. Фенхель кивнул:

– Да, – ответил он, – дэто звэрь. Только он пока нэ вырос

большой-большой.

– А где тогда большой зверь? – уточнил я. Фенхель пожал плечами.

– Нэ знать, – сказал он. – Может, нэдалеко, а может, и нэт пока большой зверь вообще.

Меня слегка передернуло. Жаль, что я нигде не видел бес-тиария, где мог бы описываться этот зверь, и не знаю ни его повадок, ни его слабых мест. Вообще, зверь может оказаться каким угодно, и я даже могу его не услышать, если он вдруг сейчас крадется к нам. Я насторожился и прислушался. Вокруг было тихо, если не считать почесывающего ноги Фенхеля.

Коконь лежали на своих местах без движения, лишь иногда жилы, окутывающие их, мерцали ярко-зелеными всполохами да подергивались, словно от биения чьего-то сердца. Запах от странной кладки был похож на испортившийся хлеб, который лежал на полке, забытый всеми, не меньше месяца.

– Подожди, – сказал я в сторону Фенхеля. – Я хочу посмотреть.

Я вытащил небольшой кинжал и вскрыл кокон. Тугая и толстая мясистая кожица нехотя, еле-еле, поддавалась, но все же лопнула, обнажив внутренности. Из кокона вылилась какая-то кашлица, больше похожая на неперевааренную листову. Я поковырялся кончиком клинка внутри и вытащил какой-то розоватый шарик. Шарик смахивал на зародыша. Он

был почти что идеальной сферической формы, с недоразвитым глазом прямо в центре и четырьмя тоненькими конечностями там, где, по идее, должен быть низ. Но это меня не смутило. Гораздо больше удивления у меня вызвала пасть, находящаяся почти что аккуратно под глазом. Хотя весь зародыш явно должен был еще долго развиваться, пасть, казалось, уже была полностью сформирована. Она была огромная по сравнению с размером всего зародыша, с ровным рядом тоненьких, красновато-желтых заостренных зубов.

Я заинтересовался и надрезал тельце. Странно... Никакой пищеварительной или дыхательной системы я не нашел. Черепа или другого хранилища для мозга я тоже не заметил, тело выглядело так, будто мозг целиком сросся с мышечной тканью существа. Подумав о черепе, я решил отрезать также и одну из конечностей. Поразительно, но конечность тоже не имела никаких костей и суставов. Иными словами, существо из кокона не имело скелета и систем поддержания жизни и было, по сути своей, просто куском мяса с огромной зубастой пастью.

– А-а-а, – протянул Фенхель, наклонившись ко мне. – Это гогуля.

– Гогуля? – переспросил я. – Это и есть твой зверь?..

– Нэ совсем – ответил акинварец. – Гогуля – первый, кто расти из зверь.

Фенхель взглянул на мое лицо и, наверное, заметил мой недоуменный вид, поэтому пояснил:

– Сначала быть много-много трава. Потом расти гриб. Потом гриб гнить и начать появляться споры. Споры расти в кокон, из кокон вылупляться гогули. Гогули не умѣть кушать и скоро умирать, кидать споры. Споры расти в кокон, кокон расти. Из такой кокон вылупляться другой гогули или пѣщерник...

– Пещерник? – уточнил я. Фенхель кивнул.

– Да, пещерник, – ответил он. – Дѣто такой мѣлкий зѣленый малышок. Пещерник растить гогули, ухаживать, кормить, а гогули кушать, драться и умирать. Откушанный гогуля давать большой кокон, из который точно расти пещерник или другой звѣрь – рвотник. Рвотник умный, но еще мѣлкий. Зато рвотник быстро давать расти гогули и пещерник, на весь остров. Когда рвотник умирать, он кидать споры. Из дѣти споры расти новый рвотник и...

Тут Фенхель протяжно рыгнул и замолчал.

– И... кто? – переспросил я.

Фенхель снова рыгнул.

– Я тебя не понимаю, – ответил я. – Тебе плохо, что ли?

– Нѣт, – сказал Фенхель с искренне непонимающим выражением лица. – Из споры рвотник расти новый рвотник или... О'к.

– Кто? – не понял я. – Орк?

– Ну да, – кивнул мой напарник. – Орк. Орк расти и кушать гогули, которые эму давать пещерник и рвотник. Иногда орк расти и кушать много гогули, а еще и пещерник с

рвотник. Еще прэдки знали, что расти такой орк, который кушать другой орк.

– И против орка вы и поставили стену? – догадался я.

– Да, против вэсь дэтот звэрь, – ответил Фенхель. – Орк очень любить драться и тащить весь звэрь к Акинвар. Вэсь орк, вэсь пэщерник и рвотник, даже вэсь гогули собираться у стэна. Дэто быть тяжелый врэмя...

Фенхель вздохнул так несчастно, будто сам когда-то участвовал в обороне Акинвара. Похоже, бремя, лежащее на плечах имперцев, настолько тяжело, что даже всегда веселый путешественник-любитель чаев не может вспоминать об этом без скорби.

– Ладно... – я попытался перевести тему. – Куда идти дальше?

– Прямо – ответил Фенхель. – Все также прямо. Тут нэдалэко должен остаться.

Мы шли мимо коконов с растущими гогулями. Поразительно, сколько их всего было здесь. Запах гнилых листьев и грибов забивал нос, практически не давая дышать. У меня родилась фантастическая мысль, что это был запах самих гогуль, которые, возможно, были животноподобным видом растений или грибов.

На самом деле, рассказ Фенхеля меня сильно заинтересовал, пробудив во мне любопытство, так что я особо не обращал внимание на гнетущее окружение и пугающую обстановку. Если верить словам акинварца, то получается, что

один вид изменяется несколько раз, с каждой такой реинкарнацией становясь больше и агрессивнее. В этом имелось какое-то сходство с насекомыми – они должны сначала прожить жизнь как личинки и куколки, прежде чем стать имаго, взрослым насекомым. Другое дело, что, похоже, пещерники, рвотники и орки были не выросшими гогулями, а новорожденными существами на основе своего погибшего предка. Еще меня смутил факт того, что «звери» питались себе подобными, в итоге создавая абсолютно замкнутую систему.

Можно ли назвать этих существ чудищами и можно ли их уничтожить? Да, конечно, это чудища – взрослыми особями движет только ярость, иначе акинварцам не пришлось бы ни с чего строить такую большую и крепкую стену. Уничтожить одного – без проблем; весь вид – лишь теоретически, скорее всего, потому что придется избавиться от каждой, абсолютно каждой споры, из которой может вырасти даже самая хилая гогуля. Хорошо, что пока Телехские острова являются своеобразной тюрьмой для этих чудищ, иначе бы они уже давно заселили весь мир.

Мои мысли прервал внезапный голос Фенхеля:

– Мы прийти.

Я очнулся и увидел, что мы стоим на продолговатом утесе. Я подошел к краю утеса и глянул вниз. Далеко внизу с шумом били волны, с треском ударяясь о каменный обрыв.

– Эм-м-м, – промямлил я, – а где разрыв-трава?

– Там, – удовлетворенно улыбаясь, Фенхель ткнул паль-

цем вертикально вниз. Заметив мое недоумение, он пояснил: – Там находится большой пещера, в пещера должен расти много-много разрыв-трава.

Я вновь посмотрел вниз. Волны невозмутимо омывали покрытый тиной утес. Если упасть с такой высоты в воду, то вряд ли получится выжить – слишком уж яростным был прилив. Я вздохнул и достал длинную веревку. С собой у меня был прочный железный крюк, который я при случае «позаимствовал» у стражей акинварской стены. Привязав крюк к веревке крепким тройным узлом, я стал искать, за что бы его зацепить. Решив, что дерево, растущее ближе всего, пусть и слегка подгнило, но тем не менее стоит достаточно крепко, я стал обматывать конец веревки с крюком вокруг этого дерева. Фенхель тем временем копошился в своей сумке, попутно вываливая все барахло – спальный мешок, кастрюли, мешочек с запасом разных сортов чая. Наконец, он достал из сумки прочные перчатки.

– Дэто ты взять, – сказал он мне. – Хороший пэрчатк, есть на сторона ладонь маленький крючки! Ты хорошо цепляться за выступ, эсли надеть дэTOT перчатк!

Я взял перчатки, кивнув Фенхелю и сразу же надел их. Обвязавшись свободным концом веревки и еще раз проверив, достаточно ли прочно крюк держит узел на дереве, я объяснил Фенхелю, что надо делать:

– В общем, все просто – ты держишь веревку и постепенно ее разматываешь, пока я не залезу в пещеру. Если я дерну,

ты останавливаешься. Дерну еще раз – продолжаешь ее разматывать. В пещере я освобожусь, скорее всего, и дам знак, дернув два раза. Потом, собрав травы, обвяжусь веревкой заново и снова дерну два раза – тогда ты начнешь поднимать веревку.

– Ясно, – ответил Фенхель. – Я желать тебе удача!

– Кстати, я совсем забыл, – спохватился я. Фенхель вопросительно взглянул на меня. – Как вообще выглядит-то эта твоя разрыв-трава?

– Ты ее легко найти, – ответил путешественник. – Разрыв-трава сам маленький, но с большой круглый желтый цветок, совсем как бусина, который расти прямо в центр травка. Главное – срывать весь травка, а не только цветок, потому что иначе будет быть бум-бум!

– Как ты тогда из нее текилу гонишь? – поинтересовался я.

– Я не вырывать цветок, я только отрезать листья, – ответил Фенхель. – Но листья надо сразу варить, потому что они быстро тухнуть отдельно от весь трава. Когда они тухнуть, они вонять и терять свой текил свойств.

– Я понял, – ответил я. – Что ж, – я проверил, хватит ли мне места в сумке для достаточного количества разрыв-травы, – пора лезть в пещеру.

Фенхель держал моток веревки, а я подошел к обрыву. Да уж, страшновато спускаться. Я повернулся к обрыву спиной и опустил ноги. Найдя опору, я согнул их в коленях и стал

искать выступы для рук.

Я быстро оценил перчатки Фенхеля. Если для ног нужно было искать более-менее широкие выступы в утесе, то руки легко цеплялись почти за любые неровности. Крючки врезались в камень почти так же, как если бы это была слегка влажная земля. Я довольно быстро слезал, практически не задерживаясь. Фенхель в это время терпеливо стоял и равномерно разматывал веревку.

Я нашел следующий уступ и, посмотрел вниз, проверить, сколько еще осталось. К моей радости, до дыры в утесе, ведущую, в пещеру, оставалось всего ничего, не более полуметра. С новыми силами, возникшими от второго дыхания, я продолжил слезать. Внезапно меня что-то немного дернуло за спину, и веревка натянулась.

Я попробовал сам дернуть веревку, думая, с чего бы Фенхель перестал ее разматывать. Ничего не произошло. Я поднял голову наверх и увидел маленькую фигурку своего напарника.

– Что случилось? – я постарался перекричать свистящий рядом со мной ветер. – Опускай ниже! Тут немного осталось!

– Ниже уже нэкуда! – донесся до меня крик Фенхеля. – Я уже даже нэ дэржать вэревка – она вэсь натянуться!

Его фигура еле заметно помахала руками, наглядно показывая, что длины веревки не хватает.

– Ладно! – ответил я. – Тогда попробую решить по-другому!

Я ослабил узел, крепивший веревку к моему поясу, и стал разматываться. С каждым оборотом я опускался чуть-чуть ниже. Взявшись одной рукой за висящую часть веревки, второй я совсем освободил узел. Конец веревки упал вниз, а я, ухватившись за нее обеими руками и помогая себе ногами, стал спускаться дальше.

Получившейся пары метров веревки как раз хватило, чтобы поравняться со входом в пещеру. Слегка раскачавшись, я спрыгнул в сумерки свода.

Насколько пещера была глубокая, я не мог оценить – она уходила далеко вглубь, где было черным-черно. Ближе к дыре стоял полумрак, но этого света вполне хватало, чтобы различать предметы. К счастью, я обнаружил вокруг себя множество небольших, примерно с ладонь размером, кустиков разрыв-травы. Вокруг большого желтого шарообразного цветка росли пучки зеленых листиков какого-то странного прямоугольного вида. Каждый куст разрыв-травы содержал почти несчетное количество листьев.

Я стал собирать траву, осторожно срывая кинжалом кусты почти у самого корня и складывая их в наплечную сумку, которую мне перед этим отдал Фенхель. Сумка была особая, травническая, с кучей наружных кармашков и ремешков с веревочками, чтобы подвязывать отдельные снопики. Несмотря на то, что сумка изначально была бежевого, холщового цвета, она уже давно перекрасилась в салатový, а ткань изнутри пропахла терпким травянистым запахом.

Принюхиваясь, можно было распознать ароматы одуванчика, душицы и мяты, остальные же запахи терялись в общей обонятельной вакханалии.

Неожиданно для меня тишину пещеры прервало недозвольное ворчание. В темноте свода что-то зашевелилось и заверещало. Я насторожился и вытащил глефы, приготовившись к возможному нападению.

– Кто там? – на всякий случай спросил я, хотя и понимал, что более глупого вопроса здесь, в одинокой пещере, не найти. Ворчание раздалось снова. Мне показалось, что на этот раз оно усилилось многократным эхом. На свет, шаркая четырьмя неуклюжими ножками, вышло странное шарообразное существо, ростом едва доходившее мне до колена. Я пригляделся, и то же самое сделало это животное, изучая меня своим большим единственным глазом, занимавшим почти всю переднюю часть его тела.

По своей форме существо очень походило на вылупившуюся гоголю, как ту, которую я вскрыл в лесу. Но ведь у той гоголи был большой рот, а у этой нет! Зато в остальном все было похоже – еле-еле обтянутый кожей мозг, корявое, морщинистое туловище. Рта не было видно, но ведь чем-то эта гоголя верещала.

Сомнения мои в принадлежности к виду сразу рассеялись, когда существо вдруг растянулось вверх, распахнув от куда-то снизу гигантский рот с торчащими в три ряда десятками тонких и длинных, как у хищных глубоководных

рыб, зубов. По сути, рот был сопоставим размером со всем остальным туловищем – тело гогули страшно согнулось в обратную сторону, чтобы полностью распахнуть пасть и показать свой малоразвитый пищевод, который у нерожденной гогули отсутствовал. Гоголя издала пронзительный рык, и тут же из темноты выбежали еще несколько похожих гоголь. Похожих – потому что они не были одинаковыми. У одной были подлиннее ножки, другая вместо темно-зеленого была бирюзового-синего цвета, а у третьей на затылке, укрывая часть мозга, росли черненькие жиденькие волосы. Зато в чем они все были похожи, так это в здоровой пасти, начиненной зубами.

И эти зубы скопом набросились на меня.

Гоголи не отличались ни силой, ни тактическим мышлением, поэтому они просто шли напролом, пытаясь задавить меня количеством. Я, не сильно напрягаясь, отбивал их нападения кончиками глеф. Зубы гоголь тщетно старались вгрызаться в металл клинков и там же застревали. Некоторые чудища пытались запрыгнуть мне на голову, но я быстро двинулся и вовремя пригнулся, так что монстрики с характерным шлепком врезались в стену пещеры, находившуюся за мной.

Подвернувшись под руку замешкавшуюся гоголю я без зазрения совести просто пнул ногой. Истошно вереща, гоголя вылетела из дыры в пещеру и скрылась за пределами видимости. Очевидно, смерть настигла ее под яростным гро-

хотом прибрежных волн.

Умирующие гогули, получившие смертельные ранения, чуть ли не штабелями ложились на каменный пол. Еще с начала боя мне повезло заметить, что их рот при этом неестественно (насколько это могло быть неестественно для них) раскрывался, и оттуда вылезала светло-бурая чашечка, которая лопалась, разнося в ближайшие пару метров от трупа гогули ярко-зеленые споры. После этого я старался сразу отскакивать подальше, едва нанося удар той или иной гогуле. Заодно я следил за растущими цветами разрыв-травы, помня наставления Фенхеля о том, что наступать на них опасно.

Последняя оставшаяся в живых гогуля, случайно поскользнувшись на булыжнике, все же упала прямо на желтый цветок. Раздался хлопок, и ошметки, оставшиеся от чудидца, вместе с мелкими камушками брызгами разлетелись по всей пещере, задев и меня. На месте взрыва осталась лишь небольшая воронка. От куста, как, впрочем, и от гогули, ничего не осталось.

Нападение завершилось. Кое-где еще росли кусты разрыв-травы, и я как ни в чем не бывало продолжил их собирать, благо мне оставалось совсем немного, чтобы целиком набить сумку. Теперь я знал, ну или по крайней мере догадывался, что таит в себе темнота пещерных глубин, и желание разведать ее у меня не появилось. Хотя, если из пещеры не ведет еще какой-либо путь наружу, гогулям или их потомкам не удастся выбраться на поверхность без посторон-

ней помощи.

Я пошел к свету, на выход. Веревка, оставленная мной, бесцельно качалась на сильном ветру, который бывает только у отвесных берегов моря. Я постарался схватиться за край веревки, но мне долго не везло – ветер не давал веревке качнуться ближе, а подходить к самому краю было страшно и опасно. Наконец, я все-таки умудрился взяться за веревку. Я дернул за нее два раза и обхватил обеими руками как можно крепче. Фенхель, очевидно, почувствовал дерганье, потому что меня внезапно потащило вверх. Так я и поднимался, то и дело отталкиваясь от утеса ногами, чтобы меня не волокло вдоль камня. Было довольно тяжело – к моему полному снаряжению добавилась еще полная травническая сумка, а обвязаться веревкой не было никакой возможности. Когда Фенхель вытащил меня на поверхность, я моментально сбросил ношу и от усталости лег на спину, пытаясь расслабить руки.

Фенхель, казалось, даже не заметил моего состояния. В том, что он не слышал звуки моего боя с гогулями, я был более чем уверен. Чаелюб сразу же кинулся к оставленной мной сумке и открыл ее. На глазах Фенхеля мгновенно вспыхнуло озаряющее счастье, словно он только что получил в наследство замок и гору трихем в придачу.

– Дэто же разрыв-трава! – воскликнул он. – Тэперь мы готовить тэкил!

Он покопошился еще глубже, чуть ли не с головой погру-

жаясь в сумку.

– О-о-о, сколько трава! – закричал он еще громче. – Мы готовить нэ просто тэкил, а много-много тэкил! Гавилан, ты... Ты... Ты целый гэрой! Столько трава добыть!

Я слегка улыбнулся и перекатился на живот. Получилось не очень плавно, мешались глефы, зато они теперь не вдавливались в лопатки. Правда, теперь в живот вдавливались инструменты, закрепленные на ремнях. Я вздохнул и, упершись локтями о землю, встал на ноги.

– И много текилы делается из этой травы? – спросил я. Фенхель еще раз заглянул в сумку, оценивая размеры добычи.

– Из трава такой размер, – подытожил он, – с каждый куст делаться литров дэсять-двэнадцать тэкил.

Я обомлел. Признаться, я рассчитывал услышать такую цифру, но со всего добытого, а не с каждого кустика по отдельности.

– Ничего себе, как много! – только и мог ответить я.

Фенхель улыбнулся.

– Дэто старый рэцепт, который достаться мнэ от дэда! – ответил он, не скрывая гордости. – Другие варить тэкил раз в два мэнше, чтобы быть такой же наваристый!

Мы решили более не задерживаться на утесе, даже несмотря на то, что приближался вечер. Уже за полночь мы выбрались за пределы земель зверя, и только после этого разбили лагерь и поужинали при свете лун. Мой товарищ не

удержался и спел несколько песенок на своей ситаре, добрая половина которых была посвящена разным выпивкам, которые готовил акинварский народ на протяжении многих веков.

Едва забрезжил свет, Фенхель растолкал меня, и мы отправились дальше. Было видно, что ему не терпится поскорее начать гнать текилу, которую никто уже давно не пил из-за невозможности добыть разрыв-траву. К тому же за время, проведенное в Акинваре, я довольно много узнал о характерных особенностях жителей империи, поэтому догадывался, что дело здесь не только в возможности выпить, но и в предполагаемой огромной прибыли, которую получит Фенхель от продажи столь редкого алкогольного напитка.

Случайно я услышал шорох в кустарнике неподалеку от нашего пути. Сначала я не придавал этому особого значения, но на всякий случай обострил свои чувства. Спустя некоторое время шорох послышался снова. Стало ясно, что кто-то следит за нами, причем это не слишком умелый охотник, раз он позволил дважды услышать себя. Я вытащил глефы и аккуратно закрепил их на руках.

– Что такое? – удивленно спросил меня Фенхель.

– Будь осторожен, по-моему, за нами следят, – ответил я.

Фенхель кивнул и огляделся. Тут же из чащи на него выпрыгнул какой-то огромный зверь. Я откинул Фенхеля в сторону и подставил под зверя свои клинки. Зверь отпрянул и остановился.

– Дэдушкин ситара всмятка! – раздался сбоку удрученный крик Фенхеля. Похоже, отпихнув, я уронил горе-путешественника на его же собственный музыкальный инструмент. Я на мгновение отвел взгляд на Фенхеля, но тут же возвратил его обратно на зверя.

Словом, это был явно не зверь, а неведомое чудище. Внешностью оно походило на какую-то полосатую рысь или пуму, мохнатую и шерстистую, с рыжей и белой окраской. Кое-где, в складках, шерсть переходила в черный цвет. Само чудище стояло лишь на двух задних лапах, было одето в легкую тканевую броню с металлическими элементами защиты, а в руках (или в передних лапах), ощеренных длинными кривыми желтыми когтями, оно держало по большому широкому серпу.

– Ракшасса! – воскликнул от ужаса Фенхель, отвлекшись от созерцания разбитой ситары. Чудище посмотрело на Фенхеля и метнулось к нему.

– Ну уж нет! – закричал я и кинулся наперерез ракшассе. Занесшее было лапу чудище отпрянуло назад, и я по инерции проскочил чуть дальше, чем хотел, а мой заготовленный удар лишь прорезал воздух. Свой же удар ракшасса опустила на меня, но я вовремя успел согнуть ноги в коленях и сделать подсечку. Удар моей ноги по задней лапе ракшассы не возымел должного эффекта, но все-таки ее рука ушла в сторону от моего туловища. Своей правой рукой я завел клинок, чтобы разрезать сухожилия на запястье ведущей лапы чудища,

но ракшасса вовремя среагировала и отпрыгнула назад. За это время я успел занять оборонительную стойку.

Главное, теперь внимание ракшассы было полностью сосредоточено на мне. Чудище посмотрело на меня и зарычало внутриутробно, так, как это делают кошки, разве что здесь «кошка» была два метра ростом.

– Так это ты тот самый охотник? – неожиданно для меня спросила ракшасса. – Ты – Гавилан, которого меня послали убить?

– Ты еще и разговариваешь? – переспросил я. – Да, я Гавилан... Но... Кому вдруг понадобилась моя смерть?

– Неважно, – огрызнулась ракшасса и бросилась на меня. – Важна лишь твоя смерть и моя наград!

Рывок ракшассы ничего ей не дал. Я откочил в сторону и, воспользовавшись тем, что моя левая рука поравнялась с ремешком на бедре, вытащил кинжал и метнул в глаз чудища. Ракшасса с легкостью взвела серп и перевела вектор движения кинжала так, что он воткнулся в землю рядом со мной.

– Нет, – яростно зарычало чудище. – Только глаз к глазу! Коготь к когтю!

– Глаз к глазу, пожалуйста, – я пожал плечами, и мы с чудищем бросились друг к другу.

Серпы ракшассы действовали примерно так же, как и скимитары Алесии. Они с легкостью уводили мои удары в сторону и почти безукоризненно стремились порезать меня. Конечно, серпы не могли захватывать чужое оружие и вести

его, зато там, где Алесия брала ловкостью, ракшасса брала грубой силой и молниеносной скоростью.

Я долго не мог распознать ход действий ракшассы и поэтому больше защищался, чем нападал. Серпы ходили дугой, и так же дугой они водили мои глефы. В других измерениях серпы плохо работали, поэтому я решил слегка изменить стиль боя. В следующий раз, когда серп захватил край моей глефы и стал по кривой подниматься вверх, я стал двигаться вслед руке, параллельно заводя под грудью другую глефу. Это был хороший ход – я прошмыгнул прямо подмышкой ракшассы и ранил ее в трицепс (по крайней мере, в то место, где у людей обычно трицепс).

Ракшасса разозлилась и попыталась боднуть меня боком, но я закрылся крестовым блоком от ее удара. Мы вновь продолжили обмен ударами, хоть ни один из этих ударов не достигал цели. Теперь, озлобившись, ракшасса не гнушалась заодно стараться пнуть меня или пыталась толкнуть, но все тщетно. От пинков я уходил перекатами, пытаюсь подрезать портняжные мышцы чудища, а толчки ракшассы и вовсе уходили в никуда, потому что самому монстру было сложно провести такой удар, не открывшись для моих атак.

Спустя некоторое время я понял, что долго не протяну. Я уже начал уставать, а ракшасса, судя по всему, была еще в тонусе. Удары ее оставались такими же быстрыми и молниеносными, как и в начале схватки.

Чувствуя скорое изнеможание, я откатился назад. Ракшас-

са подготовилась к прыжку, чтобы сократить расстояние, а я достал бомбу и метнул в монстра. Раздался взрыв, загорелся и тут же погас огонек, запахло паленой шерстью.

Ракшасса взвыла.

– Так нечестно! – Зарычала она. – Подлый ударrrr!

– Что ж, – ответил я. – Добро пожаловать на охоту, чудище. Здесь нет честных ударов.

Отдышавшись, я с новыми силами кинулся на ракшассу, но мои глефы встретились с готовыми к отражению атак закрученными лезвиями серпов.

Новые удары ракшассы становились все более яростными. Бомба лишь опалила шерсть на груди чудища, не нанеся никаких заметных повреждений, зато настроение монстра теперь стало невообразимо злобным. Рыча, ракшасса отбивала мои клинки с такой силой, что я еле успевал возвращать их обратно, чтобы остановить новые удары серпами. Наконец, чудище настолько освирепело, что развернулось боком и, наплевав на пропущенный удар и рану, из которой захлестала кровь, толкнуло меня со всей своей яростью и мощью. К такому я никак не мог быть готов, поэтому я отлетел на несколько метров назад и упал на землю, слегка оглушенный. Ракшасса вмиг сократила разрыв между нами. Серпы выпали у нее из лап, и теперь она набросилась на меня со своими когтями. Я лишь успел защитить лицо, но когти ударили в мой бок, от чего я откатился в сторону. Следующий удар тоже попал куда-то в сторону живота, я почувствовал

боль в желудке. Мой дублет был довольно прочен, но я не был уверен, что он не прорвался в каком-нибудь месте.

Потом я почувствовал, как меня рвануло вверх. Это ракшасса схватила меня за грудь и подняла.

– Теперрь понятно, какво это – драться нечестно? – ощерившись, произнесло чудище.

Внезапный глухой стук заставил монстра расслабить хватку, и я встал на ноги, а ракшасса завалилась набок на землю. За спиной чудища стоял Фенхель с занесенным грифом от сломанной ситары и нервно улыбался.

– Да, теперь я понял, как драться нечестно, – ответил я и добил чудище центральным клинком глефы прямо в темя.

Внезапно с ракшассой стало происходить что-то странное. Она стала вроде как уменьшаться в размерах, ее шерсть стала выпадать ошметками, а звериная морда – сменяться чем-то более похожим на человеческое лицо. В конце концов передо мной и Фенхелем остался лежать почти что обычный человек, в варварской броне, весь окровавленный и с обгоревшей грудью.

– Что это? – удивленно спросил я Фенхеля. – Это человек?..

– Дэто ракшасса, – ответил Фенхель, немного печально глядя на труп. Похоже, что он не был так удивлен, как я, и, заметив это, стал объяснять:

– Ракшасса эсть сначала обычный человек, только потом он находить гдэ-то проклятье... Дэто может быть другой рак-

шасса или древний заклятье. Я точно не знаю. Ракшасса мочь любой момент превращаться в большой чудищ и обратно в человек, когда захотит. Когда ракшасса – чудищ, он очень сильный и быстрый, очень злой и любит кровь. Никто не знает, откуда ракшасса сначала братья, и никто не знает, что нужно ракшасса на самом деле. Вот только, – он еще раз посмотрел на мертвого человека-оборотня, – только никто давно не видит ракшасса. Ракшасса не появляться в Акинвар давно, исчез раньше, чем зверь, от которого строить стена...

– Страшные времена грядут, раз уж такое происходит, – вздохнул я, но тут вспомнил кое-что. – Особенно страшно то, что этот знал мое имя и более того – искал именно меня.

– Это означать у нас только один – ответил Фенхель. – Кто-то захотит тебя убить.

Я наклонился к трупу и осмотрел его. У ракшассы с собой ничего не было, никаких записок во внутренней стороне кусков брони, никаких приказов. Я почти отчаялся что-либо найти, но вдруг обнаружил на трицепсе, там, где я оставил рану, какой-то выжженный знак. Это была профессионально клейменная буква «D». Метку выжгли, закалили и обработали так, что ее никоим образом нельзя было бы ни вывести, ни дождаться, когда она заживет. Насколько я понимал в клеймах, единственным способом избавиться от такой метки было бы разве что отрубание руки.

– Знаешь такое клеймо? – показал я метку Фенхелю. Тот

отрицательно покачал головой.

– Если бы я разбираться в мэтка, – ответил он. – Я бы давно нэ быть такой путэществэнник. . .

К вечеру мы дошли до брода между островом зверя и островом, где начинался Акинвар. Только там мы разбили лагерь. Мы бы уже были бы в пределах империи, но я настоял на том, чтобы похоронить ракшассу. Как бы то ни было, не факт, что чудище действовало только лишь по своему желанию, вполне возможно, что им кто-то манипулировал. К тому же у ракшассы было какое-то понятие о чести, вот только я остался жив лишь благодаря «нечестным» методам. Раньше из-за этого меня бы некоторое время терзала совесть, но я хорошо помнил часто повторяющиеся записи из разных бесптиариев, где указывалось, что если бы охотники всегда действовали честно, то ни один не прожил бы и недели. Сила охотников – не только в физической силе, но и в хитростях и иногда подлостях. Всегда надо помнить, что чудища еще сильнее нас, и намного подлее.

По пришествии домой Фенхель чуть ли не сразу стал готовить необходимые приборы для приготовления текилы. Фей-хоя еле-еле поспевала между тем, чтобы разобрать походную сумку своего мужа, и тем, чтобы принести разнообразные стеклянные трубки и стаканы, которые от долгого лежания в чулане покрылись толстым слоем пыли, твердо решившей не сдаваться и отстаивать свои позиции на стенках сосудов. Про ситару Фенхель забыл еще во время похода. Когда я осто-

рожно напомнил ему про дедушкин музыкальный инструмент, он отмахнулся, показав мне в глубине вещей еще какой-то инструмент.

– Бабушкин скрипка! – горделиво произнес он. Судя по всему, у него была еще добрая куча бренчалок от разных родственников, поэтому больше о ситаре я не заговаривал.

Пока в доме готовились к перегонке, я занимался починкой доспехов. Когти ракшассы действительно слегка протбили кожу в некоторых местах, поэтому мне нужен был хороший ремесленник.

Не то, чтобы в Акинваре было трудно найти хорошего ремесленника. Нет, здесь трудно было найти ремесленника, который взял бы плату, соответствующую работе. За те деньги, за которые в том же Энтерберге можно было бы с нуля сшить и закалить нагрудник, в Акинваре предложили бы разве что шнурки подвязать. Но не зря же я столько времени прожил в империи, тем более дома у самого знаменитого (по его собственным словам, правда) путешественника! Подходя к кожевнику, я заранее называл ту цену, которую считал приемлемой. Акинварец, естественно, не соглашался. Тогда я по очереди называл случайные имена, налегая на знакомство с данными людьми, хотя, конечно, никого я не мог знать. На одном из имен рано или поздно ремесленник раскрывал глаза от ужаса, и тут я понимал, что нужно дергать за крючок. Заручившись покровительством мнимого влиятельного человека, я заставлял торговца опускать цену.

Не всегда, правда, влияние неизвестного мне акинварца было настолько сильным, чтобы я мог получить хорошую стоимость за ремонт, но за день поисков я присмотрел нескольких кожевников, которые вроде бы неплохо владели производством доспехов. В конце концов, я починил дублет всего за пятнадцать трихем. К слову, изначально этот же ремесленник просил двести семьдесят трихем за ту же работу.

Спустя пару дней я уже был собран для того, чтобы продолжить свое путешествие. Я и так порядком задержался в Акинваре, делать здесь больше было нечего – меня ждали новые земли в Телехии. Единственное, что меня удержало – это обещание Фенхеля за пару дней приготовить самую лучшую на свете текилу, которую мне нигде больше не удастся попробовать.

Возможно, лучше бы я сразу уехал. Вечером Фенхель, весь вспотевший, но от этого не менее довольный, вытащил на наше с Фейхой обозрение первую готовую бутылку текилы. Текила была яркого изумрудного цвета и пахла кислой травой. Запаха спирта или чего-то похожего, как ни странно, не было совсем. Фейхой сразу налила себе кружку и почти мгновенно отпила половину, отчего ее лицо сразу зарумянилось и посветлело. Я решил, что надо и мне тоже попробовать, так же налил кружку и отпил половину...

Это была неделя почти в беспамятстве. Я смутно видел то лица Фенхеля и Фейхой, которые весело танцевали под неизвестно откуда доносящуюся музыку, то каких-то знако-

мых и незнакомых людей, приходящих и распивающих бутылки с разноцветной текилой... Кто-то, по-дружески обняв меня, на чистом всеобщем объяснял принципы физики, при этом упоминая каких-то полумертвых котов и морфогенетические поля. Я видел стражника-брата Фейхои, который, хлопая себя по красным, словно помидоры, щекам, со смехом прощал Фенхелю корову, а Фенхель упорно отрицал это, говоря, что без семи тысяч трихем просто так корову не простит.

Когда я, наконец, очнулся, было выпито уже литров сорок текилы. Использованные не один раз бутылки кучей лежали в углу, а рядом на стуле сидел Фенхель и пробовал на зуб монетки, которые наугад вытаскивал из большого мешка перед собой.

– Семь тысяч трихем, – закусывая монету, мечтательно говорил Фенхель на акинварском. – Кто бы мог подумать...

Поговорив со своим товарищем, я узнал, что на приготовление текилы пока что было потрачено лишь половина кустов разрыв-травы, зато Фенхель уже заработал порядка десяти тысяч трихем и заодно помирился со всеми родственниками, не говоря уже о счастливой Фейхое, которая на данный момент довольно ночевала в спальне.

Порадовавшись за друга, я сообщил ему о своих намерениях. Сначала Фенхель, конечно, немного погоревал, но согласился с тем, что путешественнику незачем сидеть на одном и том же месте. В награду за помощь он дал мне па-

ру тысяч трихем, которые я вскорости разменял на двадцать золотых монет (конечно же, не без помощи надуманных покровителей).

Фенхель с женой провожали меня в порту. На глазах у Фейхои даже искрились слезы. С разрешения мужа она поцеловала меня в щеку и поблагодарила за то, что я следил за мужем (надо сказать, это был первый раз, когда я услышал от нее хотя бы слово). В свою очередь я ответил им, что время, проведенное с ними в Акинваре, было самым запоминающимся в моей жизни, и не соврал. Пара долго еще смотрела вслед кораблю, который увозил меня прочь от империи в сторону полисов Содружества, в Ланир.

В самом Ланире я постарался не задерживаться, слишком уж корбила меня мысль о том, что я могу наткнуться на ле-ди Ингресс и ее полицейских. Не выходя из порта, я пополнил свои запасы реагентов и пищи, и почти сразу же нашел команду торгово-китобойного судна, которое отправлялась в сторону одного из самых холодных владений – владений полиса с суровым и мрачным названием Орлоог.

На следующий день мы вышли из порта Ланира.

Глава 7. Поймать монстра на крючок

Я слегка перекинулся за борт и открыл лицо свежему встречному ветру. Он ласково трепал мои длинные белокурые волосы. Зажмурившись, я чувствовал, как мелкие соленые капельки, поднятые ветром с поверхности моря, рассыпью разбиваются о мое лицо.

– Смотри, не рухни с борта, коротышка! – услышал я голос Брамбойта.

Брамбойт Д'Беретт был на корабле одним из бывалых матросов. Маленького роста, с растрепанной бородкой неясного темного цвета, он не упускал случая отпустить какую-нибудь сальную шуточку, будь она к месту или нет. Называть меня коротышкой, несмотря на мой рост чуть выше среднего, он начал с первого дня. Сам Брамбойт был опытным китобоем, ни один кит или кашалот не ушел от него. Он всегда был первый в очереди на место за гарпунной установкой.

Но сейчас судно выполняло торговые цели, поэтому матрос немного скучал, иногда веселя команду корабля различными анекдотами или историями из жизни. Одной из его самых любимых историй, по словам остальных, была охота на большого кита-альбиноса в то время, когда Д'Беретт был молодым и ходил в море еще со старой командой. Мне уже по-

везло услышать этот рассказ от самого Брамбойта, и я не пожалел об этом. Брамбойт говорил свежо и вдохновенно, и слушать его было одним удовольствием. Сам рассказ был довольно страшен и трагичен, и, несмотря на то, что кит в итоге был пойман, Брамбойт лишился левой ноги почти по колено и половины товарищей по команде.

Судно «Ветроносец» являлось одним из торгово-китобойных кораблей, которые в большом количестве оседали в окрестностях Ланира. Торговля – явление стихийное, сегодня может совсем не быть товаров, а завтра все склады ломятся от достатка. Поэтому многие торговые суда во время затишья были бесполезны, зато во время наплыва товаров их не хватало. Со временем некоторые китобойные суда стали предлагать свою помощь в транспортировке, а какие-то торговцы переделали свои торговые посудины в рыболовецкие, чтобы всегда было чем заниматься. С тех пор все ланирские корабли стали многофункциональными.

Я улыбнулся и слез с борта.

– Приятно чувствовать свежий воздух! – ответил я Брамбойту.

Матрос рассмеялся.

– Если б тут не было свежего воздуха, мы бы давно стухли, – он взял меня за плечо и развернул в сторону, кивая головой на боцмана. – Хотя вот Шедард, по-моему, уже протух.

Стоящие рядом матросы тихонько загоготали, глядя на старого боцмана Шедарда Каппана, который стоял на руле-

вом мостике и ждал, когда сменится ветер, чтобы отдать приказ снова поднять паруса. Не считая Брамбойта, Шедард был единственным из старой команды «Ветроносца», потому что наотрез отказывался уходить в отставку. Сам он был горбатым одноглазым стариком с вечно сальными спутанными волосами цвета ряски, постоянно шаркающим по палубе в ночное время. Но, в чем надо было отдать ему должное – рука у Шедарда была крепка как в молодости, и штурвал легко слушался его, как не слушался некоторых молодых и сильных матросов.

Я был на судне матросом на полставки, и, честно говоря, для меня какой-либо особой работы не было. Помыть палубу, поднять или опустить паруса – вот, в принципе, и был весь мой ареал задач, даже подежурить на вахте мне не давали. Зато все свободное время я посвящал просмотру морских видов животных и общению с остальными матросами. Торгово-китобойное судно было не ровней обычному торговому кораблю, курсирующему между Ланиром и Акинваром – оно было немного меньше, да и половина трюма была загружена охотничьими снастями, нежели товаром – зато оно шло намного быстрее, залихватски прыгая по встречным волнам. Матросы здесь тоже были сплошь сорвиголовы, с которыми можно было чуть ли не в бой лезть.

Как ни странно, но смотреть на море с китобойного судна оказалось интересно. Между Телехией и Телехскими островами не было такого разнообразия рыб и других подвод-

ных животных – видимо, сказывалось непомерно большое количество рыбаков в морях Ланира. Здесь же мне постоянно приходилось спрашивать остальных, что за рыбы появлялись из глубины местных вод. Так я узнал о летучих рыбах, китовых акулах, кашалотах и многих других.

Однако я постоянно замечал, что как бы далеко мы ни отплывали от берега, он постоянно был виден с правого борта. Хоть легонько, на самом краю горизонта, хоть изредка исчезая на пяток-другой часов, он все равно оставался в поле зрения. Меня это немного смущало, и на четвертый день плавания я спросил Брамбойта:

– Почему мы всегда плывем вдоль береговой линии? Неужели не проще отойти чуть дальше от моря, чтобы меньше менять курс?

– Может, и проще было бы, – согласился Брамбойт. – Когда мы выходим на охоту за китами, мы иногда отходим дальше, чем сейчас. Но есть кое-какая проблема, которую знают все моряки. Эта проблема, собственно, знатно тормозит развитие мореплавания и кораблестроения. Нет, Гавилан, это не ты, – он усмехнулся и развернулся к товарищу, который от нечего делать подошел к нам и как бы незаметно прислушивался к нашему разговору, – и не ты, Закк, хотя я уже начинаю сомневаться!

Закк смутился и отошел. Он хоть и был в команде, но устроился не так давно, поэтому заданий ему давали не сильно больше, чем мне, что и являлось причиной его безделья.

Отсутствие должного опыта не позволяло ему ответить шуточкой на слова Д'Беретта, поэтому он сдался в словесной перепалке без боя.

Брамбойт снова обратился ко мне и продолжил:

– Так вот, парень, никому на суше не интересно, но всю Телехию и близлежащие острова на каком-то там отдалении окружает так называемый Тихий пояс. Тихий пояс – настоящий ужас для моряков, зашедших в его воды! По удивительному стечению обстоятельств, таких как подводные течения, климатические зоны и прочее, там никогда не дует ни малейшего ветра. Вечный штиль в безжизненных водах Тихого пояса ожидает попавшие туда корабли. Тупая тишина – вот что ждет моряков до самой их смерти!

– Но подожди! – воскликнул я. – Что такого опасного в обычном штиле? Даже сейчас мы пару раз попадали в штиль, и что? Мы переходили на весла и плыли дальше... Либо просто ждали погоды, но сейчас не об этом...

– Э-э-эх, молодежь! – крикнул Брамбойт. Он встал и пошел к ближайшей бочке с водорослевой настойкой, которая уже была наполовину распита. Настойка по вкусу была противной для неподготовленных и восхитительной для бывалых матросов. Зачерпнув кружку и отхлебнув немного, он продолжил рассказывать: – Если бы было так просто – взять весла и погнать! Нет, все намного страшнее... Тихий пояс таит в себе не только внешнюю опасность, это скорее верхушка айсберга... Кстати, айсберги ты увидишь, когда мы

подплывем к территориям Орлоога. Во-о-от, – он отхлебнул еще глоток, – главная опасность – это то, кто живет в водах Тихого пояса. Опаснейшие и огромнейшие твари! Каждая длиной с три больших корабля, не меньше! Лишь единицы видели их, и хорошо, что теперь мы можем знать об этом только из старинных легенд и не заходить в Тихий пояс!

– Что это за твари такие? – удивленно спросил я.

– Наши предки назвали их властелинами морей, – ответил Брамбойт. – По легенде, эти ужасные существа жрали все, что попадало в Тихий пояс, а если пищи не было, то устраивали смертельные схватки друг с другом. Ходила былина, что паре каких-то смельчаков удавалось убить властелина морей, но мне что-то не верится в это...

– А сам-то ты видел властелина морей? – скептически спросил остановившийся у бочки с настойкой Эмиэль, матрос со стажем. Эмиэль каждое плавание не расставался со своим котом Сисселем, которого держал рядом с собой. Остальные мартосы шептались, что в опасные моменты Эмиэль держит Сисселя у своей груди, веруя в то, что кот защитит его от смертельных ударов, а сам выживет благодаря тому, что у всех котов девять жизней, а насколько было известно моряку, Сиссель не потратил еще ни одной.

– Я не видел, и слава Создателю! – ответил Брамбойт. – Зато вот Шедард видел! Тогда корабль подошел слишком близко к Тихому поясу и Шедард заметил вздымающийся плавник чудовища. Говорят, после такого-то он и ослеп на

один глаз – на тот, которым увидел монстра!

– Это тебе сам Шедард рассказал? – подозрительно улыбнулся Эмиэль. – Его же хрен разговоришь!

– Я и твоего кота, если хочешь, разговорю, – весело огрызнулся Брамбойт. – Только вот тебе вряд ли понравится то, что он расскажет!

Я смотрел в противоположную от берега сторону и думал о властелинах морей. Неужели никак нельзя прорваться сквозь Тихий пояс? И что властелины морей из себя представляют? Может быть, это какие-то древние чудовища, сохранившиеся с незапамятных времен и развившиеся в нечто ужасное? Поразительно, но чем больше я путешествую, тем больше вопросов задает мне окружающий мир, и не факт, что я даже за всю свою жизнь успею ответить на них.

Все эти мысли не давали мне покоя и позднее, когда мы стали на дрейф и выбрались небольшой группой на лодке чуть поодаль от судна, чтобы наловить побольше разной рыбы. Нам и повезло, и нет одновременно – мы нарвались на большой рыбный косяк. Беда была в том, что это был косяк килек – чтобы накормить досыта всю команду, нужно было бы поймать не меньше пары сотен рыбешек. Правда, стоило отметить, что рыба чуть ли не сама кидалась на крючки, даже не требуя наживки.

Спустя час незамысловатой рыбалки под нами промелькнула какая-то огромная тень. Я судорожно схватился за свою удочку, а сидящий рядом со мной в лодке Эмиэль рассмеял-

ся:

– Думал, властелина морей нашел? Эх, салага! Это же обычный кит!

– Здоровый довольно кит, надо сказать, – заметил Тирион, еще один матрос из команды. – Давненько мы на таких не охотились... Разворачивай, ребята, этот засранец весь косяк пожрал.

– Погоди, может, тут еще где-нибудь рыба есть, – запротестовал Эмиэль. – Того, что мы выловили, дай бог только моему коту хватит.

– Твой кот тогда станет нашим обедом, – буркнул Шедард, сидящий на корме отдельно от остальных. Он был за главного в нашей вылазке, но все это время лишь угрюмо молчал и постоянно оглядывался. – Поворачивай на запад-север-север, – он указал рукой, – там кит не проходил, а косяк имеется.

Шедард оказался прав. Здесь нам повезло гораздо больше – кроме кильки в косяке затесалась сельдь и вскоре мы, до отвала загруженные рыбой, взялись за весла и погребли обратно к нашему кораблю.

– Интересно, а властелинов морей можно поймать так же, как вы ловите китов? – задал я вопрос скорее риторический, но Эмиэль поспешил ответить на него:

– Гарпуном и сетями? Не смеди меня! Это только разозлит такого монстра, как властелина морей! Честно говоря, сам я не знаю, как их ловить, но была какая-то песня, старая,

как наш мир, вот только я ее не помню... Там пелось, как ловить властелинов морей. Ну да ладно, сейчас приплывем, спроси Д'Беретта, он должен знать.

*Насади огромный череп,
С силой кинь в бурлящий омут;
Лишь один, стоящий в лодке,
Вступит в бой, поймает монстра,*

– неожиданно полусшепотом полупропел-полупроизнес Шедард, глядя куда-то вдаль. Немного погодя, он добавил:

– Старая песня, которую пели ребята из Орлоога... Никто так и не поймал властелина...

– Конечно, никто не поймал, – прошептал мне на ухо Тирион. – Попробуй найди еще этот череп, да постой один-одинешенек в Тихом поясе... Бред какой-то, а не песня.

Я ничего не ответил. Песня действительно звучала не очень правдоподобно... Но разве гениальные идеи когда-либо звучали по-другому? Брамбойт рассказывал мне про жителей Орлоога. Это были закаленные в холоде и невзгодах люди, которые почти никогда не смеялись и не улыбались. Они пели песни, которые переходили, словно драгоценное наследство, от поколения к поколению, и эти песни всегда описывали их жизнь, суровую и неблагодарную, но вместе с тем почему-то чарующую и завораживающую, и сулящую заслуженный отдых в конце пути. Брамбойт говорил, что ни-

когда не мог понять их песен, но признавал, что только обитатели ледяных пустынь могут оценить по достоинству поэзию Орлоога.

На корабле нас ждала вся изголодавшаяся команда во главе с капитаном, высоким плечистым мужчиной средних лет с широкой ухоженной бородой каштанового цвета. Блод Сабатиан, капитан «Ветроносца», внимательно следил за мной, как, впрочем, он следил и за всеми юнгами-новичками, работающими на судне. Я его видел довольно редко, но матросы уже успели рассказать мне, что заметить его трудно, зато сам он всегда следит за всеми, и никому не удавалось отлынивать от работы, пока капитан находился на корабле.

– Молодец, Гавилан, справляешься, – похлопал меня Блод по плечу, когда я забрался на борт и стал помогать загружать рыбу. – Если бы ты хотел остаться на «Ветроносце» навсегда, я бы не раздумывал.

– Спасибо, может, я как-нибудь подумаю, – ответил я. На самом деле, я не сильно рвался в матросы – за кажущейся свободой и постоянными путешествиями скрывается рутинная ежедневная работа, которая рано или поздно напомнит о себе через непреодолимую скуку.

Закк, стоящий неподалеку, заметно расстроился. Он хотел показать капитану, что достоин своей команды, но Сабатиан словно не обращал на него внимания. На самом деле, я отметил про себя, что Блод просто дает парню привыкнуть и постепенно освоиться. Капитан заметил расстройство Закка

и, подойдя к Каппану, сказал ему на ухо:

– Закк уже довольно долго служит на судне. Пусть этим вечером он заступит за штурвал. Покажешь ему.

Шедард кивнул, но я успел застать на его лице мимолетное легкое раздражение. Боцман не очень-то жаловал, когда кто-то другой кроме него вставал за штурвал «Ветроносца». Однако старик понимал, что рано или поздно его не станет, а молодежь кто-то должен обучать, поэтому пусть лучше он воспитает юнг так, как сам считает нужным.

Шедард подошел к Закку и, ткнув его в локоть, коротко произнес:

– Сегодня вечером ты за штурвалом. Не проворонь.

Лицо Закка мгновенно засияло. Наверное, он давно ждал этого момента, чего не скажешь о боцмане. Я усмехнулся и продолжил грузить рыбу, которую носили в камбуз к нашему корабельному коку.

Вечером я снова стоял у борта и смотрел на закат, который красиво, несколькими разноцветными уровнями, отражался в плещущейся воде. Рядом со мной стоял Брамбойт, деловито набивая свою трубку манговым табаком. Дул спокойный пассат, идеальный для парусного хода корабля. На корме, прямо за штурвалом, стоял воодушевленный Закк, которого наставлял Шедард, немногословно, короткими и точными жестами указывая все особенности управления кораблем.

– И все-таки, правда или нет то, что говорится в песне? –

уточнял я у Брамбойта.

– Конечно, правда! – ни секунды не сомневаясь, отвечал моряк. – Если уж сам Шедард Каппан поет такие песни, а он, знаешь, не любит глупых вымыслов.

– Он сказал, что эту песню пели в Орлооге, – поправил я.

– Не в Орлооге, – отрезал Брамбойт. – Орлоог далеко на суше, туда мы никогда не забредали. Не, по всему берегу разбросано множество рыбацких поселков и деревушек, вот там такие песни и поют.

Он с силой затянулся ароматным дымом табака.

– А в таких деревушках тем более не любят шутить про море, – продолжил Д'Беретт. Я посмотрел на лицо матроса, оно было целиком и полностью серьезным, без тени улыбки, которая обычно не слезала с лица Брамбойта. – До того, как я познакомился с Шедардом, он действительно плавал вместе с какими-то орлоогцами. Может, после этого он стал таким хмурым.

– Почему ты называешь их орлоогцами? – спросил я. – Разве можно отличить людей деревни одного полиса от другого?

– Ты же сам недавно с Акинвара, – приподнял бровь Брамбойт. – Ты же не будешь отрицать, что там другая культура? Вот и у деревень близ Орлоога своя, особенная, культура. Таких ни с кем не спутаешь.

Я подумал, вспоминая акинварцев, и замолчал. Заодно я вспомнил и энтеррские деревни. Даже они отличались от де-

ревень, стоящих в районе владений Верселлии с Пироградом, или того же Ланира. Интересно, каково жить на юге Телехии? Насколько я слышал, южнее Орлоогских территорий ничего нет, но правда ли это? Тот же Энтеррский лес с юга закрывали высокие, неприступные горы, которые вместе с Дадал’Треваром, городом эльфов, окруженным магическим куполом, создавали надежную защиту от чересчур любознательных путешественников. Со стороны же Орлоога ничего не было – по крайней мере, я так читал. Я решил узнать, что находится на самом юге Телехии – морской берег или все-таки еще какая-то страна.

– Ау, парень, – Брамбойт потряс меня за плечо. – Ты чего-то совсем заснул. Иди-ка уже в каюту, завтра будет новый день, еще успеем наболтаться.

Я послушался его совета и ушел в каюту. Для матросов она была общей, все спали кто где – в гамаках, на тюфяках, особенно наглые (или заслужившие уважение матросы, что, в принципе, на «Ветроносце» было одним и тем же) урвали себе грубо сколоченные кровати, прибитые к полу, с какими-никакими матрасами.

Я нашел незанятый гамак и завалился в него. Все свои вещи я держал у капитана в его личной каюте, поэтому переживать за то, все ли на месте, не было смысла. Да и некому было воровать, с учетом того, что некуда было бы убежать от правосудия. Едва спина ощутила упругую, натянутую сетку гамака, как я сразу же уснул крепким сном.

Где-то вддали раздался звон. Я нехотя повернулся на другой бок, пытаясь устроиться поуютнее. Звон становился все громче и громче. Наконец, осознав, что это мне не снится, я вскочил на ноги. Рядом со мной вставали другие моряки.

Кто-то бил рынду, обозначая тревогу. Когда все выскочили на палубу, оказалось, что тревогу поднял Закк, стоявший у штурвала. Несмотря на то, что была поздняя ночь, и лишь луны освещали наш корабль, мы видели, что лицо Закка было страшно перекошено от ужаса. Даже когда капитан вышел из своей каюты, он все не переставал бить.

– Что случилось?! – недовольно крикнул Сабатиан Закку. Тот заметил капитана и замер в оцепенении.

– Что произошло, юнга?! – повторил свой вопрос Блод, на этот раз громче и сердитее. – Впередсмотрящий, какие-то проблемы?! – закричал он в сторону верхушки грот-мачты.

– Никаких, капитан! – раздался оттуда голос. – С самого вечера только море кругом. Было замечено лишь два судна, типа нашего, в остальном все тихо! Не понимаю, почему тревога!

Блод Сабатиан сплюнул от нарастающего раздражения и пошел к Закку. Следом за ним пошел, шаркая каблуками сапог, Шедард. Остальные стояли и ждали.

Блод подошел к юнге у штурвала и тронул его за плечо.
– Повторяю, еще раз, – произнес он уже спокойным голосом. – Что случилось, юнга? Почему ты поднял тревогу посреди ночи?

Закк взглянул на Блода ошалелыми глазами. Блод не мог этого не заметить.

– Чего ты дрожишь? Увидел что-то страшное в темноте? Не бойся, здесь, в море, мы сами – страшная сила.

– К-к-корабль н-н-не п-п-плыв-в-вет, – наконец дрожащим голосом ответил Закку. – Я направлял корабль по к-к-урсу, см-м-мотрел на компас, а п-п-потом в-в-вдруг... – он замолчал.

– Что потом? – переспросил капитан. – Что потом случилось, Закк?

– П-п-потом в-в-ветер утих... В-в-внезапно...

Брамбойт, услышав последние слова Закка, бросился к краю борта. Блод тем временем отвечал своему юнге:

– Ничего страшного, ветер иногда может перестать. Это просто штиль, обычный ночной штиль, обычное явление.

– Капитан! – я услышал голос Брамбойта. – Поверхность моря абсолютно ровная, волн вообще нет!

На корабле повисла гробовая тишина.

– А что такого в том, что волн нет? – спросил я у стоящего рядом Эмиэля, который держал на руках кота и медленно поглаживал его. – Сейчас же штиль.

– Понимаешь, Гавилан, – ответил Эмиэль и судорожно сглотнул, – даже в штиль есть хоть какие-нибудь волны. Покачивающийся корабль, течения верхних вод, движение рыб, да хоть даже легкий секундный порыв – что-нибудь да создаст волну. Если же в море совершенно нет ни одной вол-

ны, это может означать только одно...

Шедард подошел к Закку и выхватил у него компас размером с ладонь. Покрутившись с ним в руках, он раздраженно бросил компас на палубу и разбил его.

– Компас сломался! – прокричал он в гневе. – Мы всю ночь шли по неверному курсу!

– Так, команда! – Блод поднялся во весь свой рост. С трудом удерживая волнение, он произнес: – Всем держать себя в руках! «Ветроносец» и не из таких передраг выбирался. Надеюсь, вы все понимаете, где мы сейчас находимся. Призываю всех ближайшее время использовать свои способности в полной мере. – Заметив в толпе мое все еще недоумевающее лицо, он добавил: – Для тех, кто все еще не понял, куда мы заплыли – мы в Тихом поясе.

Блод замолчал. Тишину нарушило легкое всхлипывание Закка.

– Может, мы все еще можем взяться за весла и выбраться? – предположил я. – Наверняка мы заплыли не слишком далеко.

– Глупый мальчишка! – прохрипел Шедард. Сабастиян покачал головой.

– Нельзя, – ответил он. – Во-первых, мы могли достаточно далеко заплыть по инерции. Во-вторых, даже если мы у края Тихого пояса, спускать весла опасно – лишний шум привлечет властелинов морей. Да и вообще, не факт, что мы их уже не привлекли...

Команда корабля слегка зашумела, обсуждая, что можно сделать. Брамбойт выступил вперед.

– Шедард, ты же плавал с орлоогцами! – сказал он боцману. – Ты наверняка можешь знать, что делать в такой ситуации.

– Мы никогда не заплывали в Тихий пояс! – процедил сквозь зубы Каппан и топнул ногой. – В Орлооге любят сражения с опасными чудищами, но ребята там отнюдь не глупцы!

– Но ведь ту песню они как-то сочинили! – возразил Брамбойт. – Значит, были случаи сражений с властелинами морей.

– Капитан! – послышался сверху крик впередсмотрящего. – Надеюсь, мне просто показалось, потому что сейчас ночь... Но, кажется, под нами какая-то большая тень.

– Спускайся! – ответил ему Блод и повернулся к команде. – Всем взяться за оружие! – скомандовал он. – Эмиэль, Брамбойт, Баргз, Тридус – с Закком ожидают на корме! Зайдан, Тирион, Локке – на носу! В центре Шедард, Скуолл, Клойд, Субан, Гавилан! Остальные распределяются равномерно вдоль бортов и следят за любым движением воды! Что такое, Гавилан? – спросил он меня, когда я подошел к нему.

– Мои вещи, – ответил я.

Блод почему-то удивился.

– Зачем тебе? – спросил он. – Сейчас тебе нужно лишь оружие.

– Там и есть мое оружие, – сказал я. Блод удивился еще сильнее.

– Да? Странно, я думал, у тебя только разные инструменты и всякие алхимические штучки. Ладно, пойдем.

Народ засуетился, собирая оружие. У матросов боеприпасы всегда были общие, поэтому каждый выхватывал первое, что попало – саблю, меч, примитивный пистоль. Когда я проходил мимо Эмиэля, тот бережно укутывал кота внутри своей куртки, располагая его у груди. Сиссель безразлично созерцал окружающих его людей, и лишь слегка заволновался, когда Эмиэль наконец застегнул куртку.

В каюте капитана горел тусклый свет масляной лампы. Убранство не отличалось от командной каюты по удобству, но было значительно лучше по функциональности – по всему периметру стен висели карты, оружия, сертификаты на охоту. В углу расположился пухлый письменный стол, а напротив него стоял большой сундук, к которому и направился Блод. Открыв его своим ключом, капитан вытащил оттуда массивный сверток и протянул его мне. Я поспешно стал экипироваться. Глядя на мое переодевание, Сабатиан восхищенно ахнул.

– Почему ты приходил устраиваться на корабль в повседневной одежде? – спросил он. – Таких вещей даже у меня нет. Если ты настолько хорош в бою, насколько хорошо выглядит твоя амуниция, то я бы без вопросов нанял бы тебя в качестве охранника.

– Но быть юнгой намного интереснее, – ответил я, шнуруя дублет. – А что-то защитить я в любой ситуации смог бы.

– Не будь столь оптимистичен, – возразил Блод. – Конечно, ты можешь быть хорошим воином, но всегда может найтись воин искуснее тебя. Сейчас нас будет ждать нечто, с чем никто из нас не сталкивался. Постарайся трезво расценивать свои силы, – он прокашлялся. – Я уже терял людей, которые слишком легко относились к жизни.

Я кивнул и закрепил глефы на руках. Пока что они еще были сложены, но я в любой момент мог их развернуть. Признаться честно, в какой-то степени мне хотелось встретиться с властелином морей и сразиться с ним. Не каждому выпадает такой случай.

– Если ты думаешь, что не каждому выпадает случай встретить властелина морей, – словно бы прочитал мои мысли Сабатиан, – то не забывай, что никто и не стремится оказаться в Тихом поясе, потому что вероятность остаться в живых крайне мала. А теперь пошли, – он направился к выходу. – Занимай свою позицию. Помни – на корабле ты в моей команде, и я – твой капитан.

Сабатиан был убежденным реалистом, и никогда не говорил о чем-то сверхъестественном. Даже вдохновляя людей, он обещал им то, что должно было бы произойти, и не сулил им ничего несбыточного. Иными словами, Блод никогда не выходил за рамки окружающего мира.

Вот и теперь, когда команда распределилась по судну, а

Сабатиан стоял на капитанском мостике, можно было заметить, как он немного нервничает. Наверняка он догадывается, что вся команда точно не выживет после встречи с властелином моря, если они вообще выберутся из Тихого пояса. Надеяться на лучшее не входило в его привычку.

Я огляделся. Рядом со мной стояли Субан, Клойд и Скуолл, трое самых что ни на есть обычных матросов, которые ежедневно занимаются парусами, уборкой палубы, а также перетаскиванием товаров и китовых туш, не привлекая к себе лишнего внимания, а по вечерам опрокидывают пару-тройку кружек рома или водорослевой настойки. Клойд стоял, держа цвайхандер одной рукой, Скуолл имел при себе сразу и меч, и пистоль, а Субану достался невзрачный кинжал, хотя по нему было явно видно, что он был не прочь применить в бою голые кулаки.

Чуть подальше стоял Шеддарт, одной рукой опираясь о грот-мачту, а второй держа саблю, у которой сторона, противоположная лезвию, по всей длине была усилена висящими тяжелыми медными кольцами. Для чего они были нужны, я не знал, но боцману, судя по сосредоточенному взгляду, направленному на линию горизонта, было виднее.

Я взглянул на небо. Сейчас нас освещали обе луны. Было начало разопряды, первого осеннего месяца, и Мачеха росла, превалируя над Падчерицей. Неудивительно, что мы попали в передрягу именно в это время. Хорошо еще, что это не случилось прямо в ночь Мачехи.

Все молчали, прислушиваясь к каждому случайному шороху. Ни единого всплеска не было слышно – ведь не было ни намека на волну – и это придавало нашему ожиданию паники. В любую секунду из воды мог появиться властелин моря. А мог бы, наверное, и не появиться, поглотив корабль целиком прямо снизу.

Так мы стояли часа два, и ничего не произошло. Многие уже расслабились. Только Шедард по-прежнему упрямо глядел вдаль, сжимая свою саблю, да капитан стоял, расправив плечи и оглядывая нас и наше судно, время от времени вздыхая полной грудью.

Начало светать. Солнце медленно, степенно появлялось из-за горизонта. При этом оно будто слегка рябило. Возможно, что-то еще было такого в Тихом поясе кроме отсутствия ветра. Возможно, какая-то аномалия в воздухе и была причиной всего этого...

Но задуматься об этом мне не пришлось, так как корабль внезапно что-то тряхнуло снизу. Раздался грохот завалившихся ящиков и бочек в трюме.

– Всем быть наготове! – приказал Блод. – Все, кто у бортов – видно что-нибудь?

– Нет, – раздалось вокруг голоса. – Ничего не поменялось.

Я увидел волны, разошедшиеся от нашего корабля после встряски. Они быстро растворялись вокруг судна, и почти сразу исчезли. Снова повисла тишина.

– Сколько уже можно ждать, – пробурчал Субан. – Я не

могу столько терпеть. Прямо хоть сейчас ныряй и дерись с этим чудищем.

Шедард гневно посмотрел на Субана. Тот сразу замолчал, едва поймав на себе взгляд боцмана.

Прошла минута полного сосредоточения. Снова корабль приподнялся над уровнем моря. Затрещала обшивка, никогда прежде не испытывавшая подобные нагрузки. Мгновение спустя судно рухнуло на воду, подняв большую волну с брызгами. Некоторые моряки не удержались и распластались на палубе.

– Понятие не имею, что там делается, но кажется, будто властелин морей пытается позвать сюда сородичей, – пробормотал я.

Шедард сердито взглянул на меня, но ответил:

– Сомнительно. Властелины морей, как говорят в легендах, не дружат друг с другом.

Спереди, прямо перед носом корабля, раздалось шипение, и вода фонтаном взмыла вверх, окутав и нас солеными брызгами. Фонтанирующая вода спала, обнажив темно-лиловый столп...

– Батюшки, – только Тирион смог произнести что-то из всей команды корабля.

Все заморожено глядели на столп. Сначала он просто выглядел огромным цельным цилиндром, но потом этот самый цилиндр распростер плавники, усики и какие-то ложноножки.

– Всем имеющим пистолы, прицелиться! – пришел в себя Блод. – Стрелять только по команде!

– Вот он какой, властелин, – тихо произнес Клойд. Он с содроганием смотрел на гигантского монстра.

Из воды торчала темная фиолетовая голова властелина морей. По всей поверхности были словно бы случайно расположены различные конечности, множество глаз беспорядочно вертели зрачками в разные стороны так, что невозможно было определить, куда было направлено внимание чудища, если оно вообще имело хоть какое-то направление. Единственное, что точно было на своем месте – большая пасть, которую монстр держал чуть приоткрытой. Из широкой зияющей глотки скалились несколько рядов длинных и тонких зубов. Властелин морей, по-видимому, изучал наше судно, при этом не издавая ни малейшего звука.

– Пли! – прокричал капитан. Матросы, имеющие пистолы, разом выстрелили. Кому-то не хватило дальности, кому-то меткости, но все же несколько пуль достигло цели. Снаряды ударились в голову властелина морей, проделав небольшие отверстия. Тотчас же от ран чудища пошел ужасный смрад, сравнимый разве что с давным-давно протухшей пищей. Властелин морей зарокотал и откинулся назад, нырнув в море практически беззвучно. Вслед за головой в глубокие воды Тихого пояса отправилось остальное тело. Оно выходило из воды и кольцом заворачивало вглубь. Судя по времени, которое ушло чудищу на это действие, длины оно было

необыкновенной – действительно, длиной в тройку-четверку кораблей, как говорил Брамбойт, не меньше.

– Что-то не похоже было, что мы его ранили, – сказал кто-то из моряков. – Больше смахивает на то, что его просто-напросто разозлили.

– Я не думаю, что мы его хоть как-то раним, – ответил Сабатиан. – Но я надеюсь хотя бы отвадить его от корабля.

– Смотрите! – прокричал один из матросов, стоящих на левом борту. – Он выплыл на поверхность!

Все повернули головы туда, куда указывал матрос. С той стороны, достаточно далеко от нас, торчала голова властелина морей.

– Неужели спугнули? – удивленно произнес Субан.

Голова наклонилась в сторону корабля и мы с ужасом поняли, что чудище разгоняется, чтобы перевернуть наше судно.

– Крюк! – быстро сообразив, крикнул я.

На левом борту располагался большой тяговой механизм, представляющий из себя катушку со стальной цепью и огромный крюк. За этот крюк цепляли оглушенных и убитых китов, чтобы погрузить их на судно. Сейчас этот крюк бесцельно висел, но он мог бы сослужить нам большую службу.

Блод сразу же понял, что я имел в виду.

– Скорей к крюку! Надо сбросить его ровно на голову властелина морей! Тогда мы его оглушим, и он остановится.

– Эх! – крякнул Брамбойт, перемахнул через перила и

спрыгнул с кормы. Он мгновенно оказался у крюка. – Всегда мечтал о таком – проломить башку властелину морей!

Времени было не так уж и много, всего какой-то десяток секунд, но команда «Ветроносца» была опытной и сплоченной, поэтому крюк за считанные мгновения был готов. Ответственность за спуск крюка взял на себя Брамбойт. Он внимательно следил, как длинная лиловая стрела, в которую сейчас превратился властелин морей, неслась прямо на него. Еще до того, как монстр добрался до судна, Брамбойт ослабил крепления и отпустил крюк. Аккурат в тот момент, когда голова чудища почти врезалась в борт корабля, крюк мощно ударил прямо в лоб страшилища.

Властелин морей издал не то рык, не то визг, и затормозил, но не успел вовремя остановиться, и хоть и не с первоначальной силой, но все же врезался в борт «Ветроносца». Корабль пошатнулся и чуть было не завалился. Все, кто был на палубе, повалились ничком, удержались лишь те, кто сильно держался за перила или мачты. Потом корабль стал возвращаться обратно, и многие моряки попадали прямо в воды Тихого пояса. Я не успел ухватиться за что-либо, и тоже вывалился. Падая, я заметил, что Брамбойт пытался дотянуться до меня, чтобы удержать на палубе, но у него ничего не получилось, разве что он совершенно случайно ухватил Эмиэля, который в этот момент как раз летел мимо него. Кот Сиссель истошно орал и царапался, пытаясь вырваться из цепкой хватки застежек эмиэлевской куртки, но все бы-

ло тщетно. Я же, понимая, что шансов спастись осталось все меньше и меньше, сгруппировался, вдохнул побольше воздуха и нырнул в море.

Я открыл глаза уже под водой. Я увидел, что властелин морей оклемался от оглушительно удара крюком и наблюдал одновременно за несколькими невезучими матросами, барахтающимися на поверхности. С резвостью мурены он быстро доплыл до них и стал сжирать их поодиночке, ментально заглатывая бедных жертв практически целиком. Его острые зубы прокалывали людей насквозь, так что долго мучиться им не пришлось.

Я вытащил свой арбалет из-за пазухи и прицелился в чудище. К тому времени никого больше не оставалось в воде, кроме меня и монстра, поэтому властелин морей направился ко мне. Направив арбалетный болт в пасть чудища, я выстрелил. Болт попал в разинутый зев монстра, но не нанес ему никаких заметных повреждений, и нисколько не замедлил его. Тогда я расправил клинки глеф и подготовился защищаться. Едва властелин морей достиг моего битх'бал, я поджал ноги, подставив левую руку под пасть, а правой оттолкнулся ото лба чудища вверх, к поверхности воды.

Этот маневр едва не стоил мне левой руки. Я ожидал почувствовать давление челюстей на клинках, но вместо этого моя глефа встретилась словно бы с каким-то очень плотным желе. Зубы чудища скользнули по моей руке, и как раз в этот момент я рванул наверх, процарапав руку от плеча до запя-

стья.

Выбравшись на поверхность моря, я жадно вдохнул воздух. Расслабляться было рано, я ожидал, что властелин морей развернется и снова попытается сожрать меня. Вместо этого, нырнув, я обнаружил, что монстр уплывает в неизвестном направлении, а за ним расходилась буровато-лиловая жижа, возможно, что-то вроде крови от той раны, что я нанес чудищу в ответ на его атаку. Впрочем, эта жижа почти сразу развеялась в морской воде.

– Гавилан?! – удивленно завопил Брамбойт, свесившись с борта, как только я вновь оказался на поверхности. – Ты все-таки жив? Диву даюсь... Эй, ребята, человек за бортом! Живой! – обратился он к товарищам на борту, потом снова развернулся ко мне. – Хватайся за крюк, он как раз висит рядом с тобой.

Действительно, тот самый крюк, которым Д'Беретт огрел по голове властелина морей, свисал с того борта корабля недалеко от меня. Во время качки крюк безжалостно пообтер обшивку, но в целом корабль выглядел довольно цельным. Я взялся за крюк, после чего матросы подняли меня вместе с ним на борт.

На палубе сцена была довольно заунывная. Почти половина команды была съедена чудищем, но и оставшимся в живых некогда было оплакивать погибших товарищей, так как они сами все еще могли оказаться их числе.

– Клойд, вверх! – раздавал приказы Блод. – Следи за вла-

стелином морей и дай знать, когда он вернется!

– Может, «если» он вернется? – переспросил Клойд, поднимаясь по веревкам на грот-мачте в гнездо. Блод даже не посмотрел на его сторону – он оглядывал матросов, высматривая, не ранен ли кто или того хуже – не сошел с ума от пережитого ужаса. Я тоже огляделся, но, кажется, все были в норме. Наверное, морякам не привыкать к встречам со смертельными опасностями.

– Я даже не сомневаюсь, что он вернется, – ответил капитан, не отрывая взгляда от палубы. – Нас еще слишком много, чтобы просто так оставлять.

Закк вздрогнул, едва услышав «слишком много». Да уж, Сабатиан понимал, что выживших останется очень мало...

– Ребята, некогда отчаиваться, готовимся! – продолжал Блод. – У нас есть три гарпунные установки. Готовим их – одну на носу, две – по разным бортам! У кого намокли пистолы – убирайте, нам не нужны сейчас случайные взрывы пороховых трубок! Восемь добровольцев – ко мне!

Я хотел выйти, но восемь человек успело выбраться до того, как я что-то сообразил. Среди них были и Брамбойт с Эмиелем. Блод оглядел всех и сказал:

– Беритесь за весла, по четыре с каждой стороны. Попробуем уйти отсюда.

– Восемь весел – мало, капитан, – заметил Брамбойт.

– Я знаю, что мало, – с сожалением ответил Сабатиан. – Но что поделать – надо еще готовиться к предстоящей бит-

ве. Может мы, пусть и медленно, все же доплывем хоть до какого-нибудь течения или ветра...

Я побежал к людям, передвигающим гарпунные установки. Признаться, раньше из корабельных орудий я видел только пушки – они были тяжелыми, но с ними вполне могла справиться пара человек. Гарпунные установки, или гарпунеры, как называли их китобои, предназначались для убийств больших морских животных с удерживанием их так, чтобы добыча не утонула или ее не унесло течением. Поэтому они были размером с человека и кучей металлических деталей, в том числе зарядными гарпунами и тяжелой крепкой цепью. Несмотря на колеса, которые способствовали передвижению гарпунеров (они также могли блокироваться специальными зажимами), сдвинуть такую штуку могли не менее пяти человек. Поэтому на каждую установку не хватало людей, так что капитан тоже взялся помогать. Глядя на его недюжинную силу, которую он проявлял при этом, я удивлялся, откуда в его мыслях вообще могут, даже иногда, закрадываться сомнения в успехах.

Едва мы поставили гарпунеры по бокам и уже начали поднимать третью установку наверх по лестнице, ведущую с середины палубы на нос, как мы почувствовали, что корабль стал двигаться. Медленно, неохотно, но он все-таки поплыл, тревожно скрепя поврежденными боками. Шедард, доставший из своей каюты новый, работающий компас, кричал за борт вниз, где располагались весельные ключья, куда направ-

лять судно. Сейчас мы разворачивались направо. Наверное, в той стороне и находилась Телехия.

– Сколько весит эта установка? – спросил я, кряхтя, когда гарпунер надавил на меня всей своей тяжестью после того, как я ослабил хватку, задумавшись о веслах.

– Я не взвешивал, – ответил Блод, подтягивая ее сверху. – Килограмм двести, не меньше.

– Вообще-то тонну, – заметил находящийся сбоку от меня Субан. – И еще тонн двадцать-тридцать китовой туши гарпунер должен выдерживать. Все, что больше – дело для ручных гарпунов и нашего любимого крюка.

– Эх, сейчас бы китовьего мяса, – мечтательно произнес Тридус.

– Кит – это рыба, – ответил тихо Закк.

Тридус прыснул.

– Во-первых, кит – это животное, и тебе, как китобою, надо бы это знать! – ответил он. – Верселльские ученые давно уже это доказали. А во-вторых, у рыбы что, мяса нет?

Закк замялся и не знал, что ответить, поэтому тихо продолжил толкать гарпунер.

– Капитан! – послышался из гнезда голос Клойда. – Идет!

Блод собрал все свои силы в один рывок и практически в одиночку затащил гарпунную установку наверх.

– По три человека на бортовые установки, остальные дотаскивают эту до самого края, – приказал он и убежал вниз на палубу. – Клойд, спускайся, сейчас там будет опасно! – он

кивнул Шедарду. – Говори ребятам, чтобы поднимали весла. Запрещаю продолжать движение.

Боцман кивнул и уже хотел было передать приказ капитана матросам, сидящим за веслами, как вдруг раздался жуткий треск ломающейся древесины и с левой стороны в воздух поднялись мелкие щепки.

– Достал все-таки! – рассерженно бросил Сабатиан вслед чудищу, проплывшему мимо кормы дальше и разворачивающегося для новой атаки. – Уберите уже хотя бы оставшиеся весла!

Тем временем Клойд как раз спустился с мачты.

– Это тот же властелин моря? – спросил его капитан.

– Вроде бы да, – пожал плечами тот. – Такой же фиолетовый и с торчащими везде плавниками.

Я слышал этот диалог, потому что стоял рядом с левым гарпунером.

– А разве не все властелины морей одинаковые? – спросил я Тридуса, который настраивал установку.

– Говорят, что нет, – ответил он. – Каждый властелин моря имеет свой цвет и внешний вид. Объединяет их одно – продолговатая форма и желание побыстрее и побольше что-нибудь сожрать.

На другой стороне Шедард отпихнул Закка от гарпунера и прицелился в надвигающегося монстра. Раздался тугой металлический вой и гарпун полетел прямо во властелина морей. Я услышал бурлящий стук – это гарпун попал в цель.

Цепь, ведущая до гарпуна, резко натянулась и стала тащить за собой всю установку. Матросы скорее сгрудились вокруг гарпунера, не давая ему упасть, но сила морского чудища была несоизмеримо больше, и механическая установка, противно скрежеща, поехала по палубе и ударилась о борт. Закк предпринял еще одну попытку удержать ее.

– Отпусти гарпунер, болван! – закричал Шедард, протягивая руку к юнге...

Гарпунер перевалился за борт и рухнул вниз, унося за собой Закка.

– Где властелин морей? – окликнул матросов на носу капитан.

– Здесь, проплывает мимо нас с гарпуном! – ответили ему. – Стрелять?!

– Твою мать, давно пора! – прокричал Блод. – Только отпустите цепь от гарпуна, я не хочу терять еще один гарпунер! И еще одного человека, – прибавил он уже тише. Стычка с чудищем отнимала у него много нервов.

Некоторые матросы успели прихватить ручные гарпуны и метали их вслед властелину морей. На развороте я увидел монстра во всю его длину. Он, словно еж, ошетинился множеством гарпунов, один из которых, брошенный установкой, был намного длиннее, и он качался под напряжением тех мускулов чудища, в которые вцепился. Тот гарпун, который унес установку вместе с Закком, переломился напополам.

– Удивительно, сколько повреждений может выдержать

это чудище, – сказал я себе под нос.

– Все морские твари такие живучие, – ответил мне Тридус, предположив, что моя фраза предназначалась ему. – Даже самую простую косатку можно гонять сутки. Так, – он посмотрел в сторону монстра и увидел, что тот окончательно развернулся, – властелин морей идет на нас! Готовь гарпун!

Я отсоединил цепь от гарпуна. Тридус, как более опытный в обращении с гарпунером, заправил снаряд в пусковое дуло и нацелил на чудище. Властелин морей, яростно бороздящий поверхность воды, теперь поднимал густую белую пену вслед своему движению. Похоже, он давно не встречал такого сопротивления от какого-то маленького кораблика.

Тридус выстрелил, и гарпун попал прямиком в передний глаз властелина морей. Тот взвыл жутким голосом, поднялся на дыбы и с оглушительным всплеском опустился под воду, конвульсивно дергая своим лиловым хвостом. Нас снова закачало, но не так сильно, как в предыдущий раз, поэтому никто не вывалился.

Однако порадоваться не получилось, так как последним движением, прямо перед тем, как целиком скрыться под водой, хвост ударил в борт корабля, оставив там внушительных размеров дыру. Корабль накренился в сторону пробоины и стал зачерпывать воду.

– Все в трюм! Быстро! – прокричал капитан. – Забить, законопатить дыру! Мы не должны утонуть!

Вся команда бегом помчалась по лестнице, ведущей в

трюм корабля. Я притормозил, глядя в темную пучину вод Тихого пояса. Еле-еле заметно, там, на глубине, метался все еще живой и явно рассерженный властелин морей. Было ясно, что скоро он оправится от болевого шока, вызванного гарпунами, и снова вернется за нами, но только играть с нами так, как он делал до этого, он уже не будет.

– Надо что-то делать, – прошептал я.

– Что ты там говоришь, малец? – спросил меня пробегающий мимо Брамбойт, держа в руках связку толстой бечевы. – Пошли скорей, надо заделать дыру, все уже там.

– Нет, – ответил я, чем поразил старину Д'Беретта. – Скажи, – обратился я к нему, – на корабле где-нибудь есть скелет или хотя бы череп какого-нибудь большого животного?

– Мы китобои, а не извращенцы, – хихикнул было Брамбойт. – Хотя погоди... Кажется, у Шедарда в каюте висел череп косатки – первого кита, которого он поймал. Уж не знаю, зачем он его хранит, но этот череп будет размером с половину тебя, если не больше. Только зачем он тебе нужен?..

– Властелин морей еще вернется, – сказал я ему и побежал к каюте боцмана. Оглянувшись, я увидел, что Брамбойт удивленно смотрел на меня, чеша затылок, потом спохватился и направился поскорее в трюмной отсек. Наверное, подумал, что я сошел с ума от всей этой истории. Ну да ладно, сейчас меня волновало совсем не это.

На мое счастье, каюта Шедарда была открыта. Череп косатки почти сразу бросился в глаза. Действительно, Брам-

бойт не врал – едва я схватил череп, как чуть не вывихнул себе позвоночник, не ожидая такого большого веса. В черепе было много дыр – щелей для глаз, носа, ушей. Была и здоровая дырка от гарпуна, окутанная паутиной мелких трещин. Кое-как нацепив череп на левую руку, так, что он свисал у меня до середины бедра, я заметил набор мастерски сделанных удочек. Наверное, Шедард долго собирал их в свою личную рыболовную коллекцию. Выхватив правой рукой наугад одну из удочек, показавшуюся мне наиболее прочной, я выбрался из каюты с надеждой, что Каппан не будет на меня сердиться после того, как все закончится.

Выйдя на палубу, я обнаружил, что на ней все еще никого нет. Команда пока что занималась починкой борта. Ну и отлично, значит, будет меньше вопросов о том, что делаю я. Я пошел к правому борту.

Там лежала лодка, которую мы использовали для ловли рыбы. Она была достаточно большой и громоздкой, чтобы вместить не меньше пятерых человек и несколько мешков с рыбой, поэтому своими силами я ни за что не мог бы ее спустить. Однако китобои все продумали до меня – рядом находился спусковой механизм, предназначенный как раз для случаев, когда надо в одиночку управиться с лодкой. На самом деле, его использовали всегда, когда надо было спустить лодку, потому что это было намного проще, нежели тратить много усилий, делая все голыми руками.

Я обвязал лодку специальными веревками, приподнял ее

чуть-чуть над палубой, и развернул через борт. Потом я ослабил натяжение веревок, и лодка стала медленно спускаться. Я наскоро проверил свое основное снаряжение, подхватил подмышками череп с удочкой и запрыгнул в лодку.

Спускаясь вдоль борта, я заметил свисающую цепь. Похоже, она оторвалась от гарпунера, когда тот свалился вслед за уплывающим властелином моря, оборвавшись как от установки, так и от самого гарпуна. Не мешкая, я захватил цепь и закинул к себе в лодку.

Когда лодка слегка шлепнула по воде, я вспомнил, что забыл про весла, но, оглядевшись, заметил, что одна пара лежала на дне лодки. Радуюсь своему необычайному везению, я схватил одно из них и погреб в обход корабля, там, где, по моему мнению, под водой бесновалось чудище.

Приплыв на место, я посмотрел туда, где на судне была пробита дыра. Сейчас ее уже почти законопатили, оставалось лишь несколько щелей. Это означало, что скоро команда Сабатиана окажется на палубе и заметит меня, находящегося всего-то в сотне метров от корабля.

Я сорвал леску с удочки и закрепил на ее место цепь. Как бы странно это ни звучало, но катушка у этой удочки была настолько большой и внушительной, что я слегка удивился, как цепь без проблем подошла к этой катушке. Пожав плечами, я немного намотал цепь до необходимой длины, и присмотрелся к черепу, лежащему у меня в ногах.

«насади огромный череп»

Я взял свободный конец цепи и положил череп косатки себе на коленки. Бедро неприятно сдавило, но я терпел и попутно обдумывал, как бы закрепить этот самый череп. Не придумав чего-то особенного, я просто обмотал череп цепью, проведя ее под парой отверстий, потом взял весло, и своим кинжалом отстругал от него небольшой колышек, который вставил в звенья цепи так, чтобы она крепко держалась и ненароком не ослабилась и не слетела.

«с силой кинь в бурлящий омут»

Привстав со скамьи в лодке, я огляделся. Властелин морей уже почти пришел в себя и теперь кружился под водой, создавая волнение в море. Крутящийся вихрь из спокойной воды, которая до этого никуда не стремилась и всегда покоилась на своем месте, возмущенно вскипал ближе к поверхности, образуя наверху небольшое бурление. Туда я и подплыл на лодке, медленно и осторожно, словно бы боялся спугнуть чудище.

– Эх, была не была! – вздохнул я, взял в руки череп, раскрутился вместе с ним и запустил со всей своей силой прямо в центр небольшого водоворота. Череп протяжно забулькал и стал спокойно опускаться на дно, как будто я кинул его не в море, а в какое-нибудь болото. Я взялся за удочку и стал ти-

хо разматывать катушку до тех пор, пока цепь не натянется.

Со стороны это выглядело, наверное, очень глупо – в лодке один-одинешенек стоит парень с удочкой, к которой примотана цепь, и смотрит на эту цепь, как будто хочет что-то выловить... Кстати, про поплавок я так и забыл. Правда, с поплавком я выглядел бы еще глупее.

«лишь один»

Прошла минута, и ничего не происходило. На Тихом поясе было не очень жарко, теплого воздуха или течения не наблюдалось, поэтому я начинал зябнуть.

«стоящий в лодке»

Прошло еще пять минут, но мою приманку никто и не думал хватать. Пальцы на руках стали коченеть от отсутствия движения, а я начал понемногу пританцовывать, чтобы согреться.

Интересно, сколько времени сейчас было? Мы так долго воевали с чудищем, что уже вполне мог наступить вечер, а осенний вечер по температуре даже на материке мог сравниться с зимним, что уж там говорить о бескрайнем море...

– Эй, кто это там в лодке стоит? – услышал я голос с нашего корабля. Я посмотрел сторону «Ветроносца» и увидел, что вся команда уже доделала пробоину и теперь собирается

на палубе. В одной из фигур я распознал Брамбойта.

– Погодите, это же Гавилан! – сказал он. – Совсем из ума выжил мальчишка!

– Эй, Гавилан! – прокричала другая, высокая и широкая фигура, в которой я узнал Блода. – Поворачивай к судну! Там опасно!

Я промолчал. Я не хотел выглядеть как сумасшедший, но именно так оно и выходило. Но больше всего сейчас я не хотел бросать свою затею и оказаться еще сумасброднее. Странно, я вроде бы все сделал правильно – череп, лодка, бурлящий водоворот...

«вступит в бой»

Внезапно цепь дернулась так, что я чуть не вывалился из лодки. Удочку повело сначала в правую сторону, ближе к кораблю, потом в левую. Я крепко ухватился за удилице. Озноб как будто бы исчез, теперь все мое внимание было поглощено лишь тем чудищем, которое заглохило наживку где-то там, метрах в тридцати подо мной.

Учитывая размеры чудища, было странно, что оно так мало двигается и словно бы нехотя стремится освободиться. Омут, в который я кидал череп, забурлил еще сильнее, и тут же из него вылезла во всю свою ужасную длину голова властелина морей.

Вблизи он выглядел еще более жутким. Мерцающие ро-

зоватые прожилки со странной лимфой, которая качалась внутри маленькими порциями. Глаза, прежде смотрящие в разные стороны, теперь все уставились на меня и лишь завораживающе жутко кружили внутри своих орбит. Плавники разной длины, волосы и ложноножки степенно и угрюмо двигались в ожидании чего-то. Пасть чудища была почти закрыта, из нее торчала моя цепь. Цепь плавно входила в тело чудища, как будто властелин морей был сделан не из твердой мышечной ткани, а из какого-то холодца. С пасти беспрестанно стекала то ли слюна, то ли желчь. Тонкая лиловая кожа позволяла рассмотреть через себя странного вида мышцы,двигающиеся туда-сюда, исчезающие внутри и появляющиеся снова в неожиданных местах. Весь организм властелина морей выглядел неустойчивым, постоянно изменяющимся, удерживаемым только лишь эпидермой.

– Уходи отсюда! Уходи! – слышал я голоса с корабля, но я не обращал на них внимания, глядя лишь на притихшее чудище перед собой. Властелин морей, казалось, знал этот древний ритуал, который я только что собственноручно осуществил. Он терпеливо ожидал, когда я продолжу. Цепь медленно шла вдоль туловища монстра. Рана, оставляемая цепью, почти моментально затягивалась, не оставляя и следа.

– Что ж, – сказал я чудищу, – похоже, настало время для боя. – С этими словами я опустил удочку на дно лодки и снял со спины глефы. Властелин морей ждал, пока я закреплял их на руках. Это было не так просто, как всегда, потому что от

волнения мои руки не то, чтобы тряслись, но заметно дрожали.

Защищать свое биологическое поле довольно легко, когда твой противник примерно того же размера, что и ты – можно предугадать вражеские действия и принять контрмеры. Ваши силы тоже примерно равны (по крайней мере, разница не столь явно заметна). Другое дело, когда твой соперник – многометровое чудище, которое ты видишь первый день и не знаешь о нем, в принципе, почти ничего, кроме названия. Здесь разница в силе превышает несколько десятков раз; одна ошибка для чудища вполне простительна, одна ошибка для тебя – фатальна. В таком случае придется использовать все свои способности по полной, обострить все свои чувства до максимума... И надеяться... Без надежды, наверное, никак не обойтись.

Я снова посмотрел на морду властелина морей. Его глаза уже устали держаться на одном месте и теперь крутились в разные стороны. Цепь от удочки слегка натянулась, потому что она уже ушла глубоко под тело чудища, скрываясь под водой. Боясь допустить потерю самой удочки, я ударил глефой по цепи. Та сразу же оборвалась, что доказывало высокое качество моих клинков, и свалилась в море. Мой удар создал трезвонящий, вибрирующий звук, который мигом разошелся по окрестности. Властелин морей принял это как знак и сразу же после этого атаковал.

Нос чудища ударил по лодке, но не разбил ее. Лодка пере-

вернулась и встала сверху дном. Все вещи оказались в воде, большинство из них безвозвратно утонули. Удочке повезло больше – она немного держалась на воде, словно тростинка, и только катушка пыталась затащить ее под воду. Я успел раньше, и быстро подплыл к ней, закинув трофей, добытый у Шедарда, на лодку. В это время монстр проплывал подо мной, пытаясь подгадать момент, когда схватить меня будет лучше всего. Боковым зрением я следил за ним: стоячая вода в Тихом поясе была достаточно прозрачной, в чем я давно уже убедился и пользовался этим.

Забравшись обратно на лодку, я ждал чудища. Если уж и дальше проводить этот странный бой, то в полном соответствии с текстом. Если бой проходит в лодке – пусть монстр плывет к лодке.

Внезапно я понял, чего добивается властелин морей. Ритуал обязывает находиться в лодке – только тогда можно победить чудище. Если же оставить человека без лодки, то его шансы на победу значительно уменьшатся. Но как сохранить лодку, если ее пытаются разрушить? Она не была настолько крепкой, чтобы выдержать несколько ударов, как это было с кораблем.

Стук снизу прервал мои мысли и заставил вернуться к реальности. Властелин морей упорно пытался разломать мой последний оплот, но пока что у него это не получалось. Следующий стук был уже сильнее. Доска на днище лодки слегка треснула, но даже этой маленькой трещины было достаточно

для течи. Я понял, что долго не выдержу.

Третий стук... Нет, это был оглушительный грохот. Властелин морей пробил лодку, поднявшись на несколько метров в воздух по инерции. Он пробил большую дыру прямо в середине лодки, так что она как бы висела на нем, словно браслет. Я еле-еле держался за край этого импровизированного деревянного «украшения». Подъем замедлялся, и я понял, что скоро мы начнем падать.

«поймает монстра»

Лодка оставалась висеть вокруг шеи чудища, потихоньку сползая. Я решил, что терять мне нечего, вдохнул побольше воздуха и прыгнул прямо во властелина морей, прорезав широкую рану в его непрочной коже.

Внутри чудища я старался как можно больше двигаться и больше резать. Я чувствовал себя компонентом одного гигантского желе. Кроме того, я ощущал, что падаю – но уже не вместе с монстром в воду, а внутри тела чудища. С такими мыслями я еще больше стал крутиться и резать, рвать, кромсать. Никакие звуки не доходили до меня, кроме бурления организма властелина морей, отчаянно и бессмысленно сопротивляющемуся закаленной стали клинков.

В бок мне ткнулось какое-то твердое щупальце. От неожиданности я открыл глаза, которые сразу же защипало. Спустя полминуты неприятное ощущение ослабло до терпимого

состояния, и я мог оглядеться. Вокруг меня кишели, именно что кишели, внутренности властелина морей! Все причудливые органы двигались вокруг меня в странном, понятном лишь им, танце. Те части тела чудища, которые я повредил, страдальчески извивались и дергались. Тут же я заметил и то щупальце, которое напало на меня. Похоже, из-за дикой боли властелин моря сам прорвал свою кожу ложноножками, лишь бы вытащить меня из своей утробы.

На его беду, моя экипировка была слишком прочной, чтобы поддаться мягким ударам щупальца. Однако монстр сам это понял, и тут же на помощь одной ложноножке кинулись еще несколько. Из-за того, что внутри чудища было жутко тесно, я упустил щупальца из виду, и они успели схватить меня по рукам и ногам, пытаясь растянуть мое тело и разорвать его на части.

В какой-то момент я осознал, что нахожусь в горизонтальном положении. Похоже, что чудище уже прекратило падать и теперь плывет где-то в море, возможно даже очень глубоко. Снаружи ничего не было видно, все поле зрения закрывала текучая лимфа и внутренние органы властелина морей. Вдобавок ко всему у меня кончался воздух в легких. Не знаю, сколько я уже держался без воздуха – минуты две-три, вряд ли больше. Даже в детстве, играя с деревенскими ребятами на реке, кто дольше продержится под водой, я не мог задержать дыхание дольше, чем на три минуты.

С усилием, резким рывком я пытался прокрутиться, но у

меня ничего не получилось, кроме того, что я освободил запястья рук – щупальца соскочили ближе к локтю. Этого оказалось достаточно – движениями кистей я прорезал двойными клинками те ложноножки, что держали верхнюю часть моего тела, а дальше уже было дело техники.

Надо было как-то ускорить действие. Я открыл защитную планку и вытащил все бомбы, которые у меня имелись – всего-то четыре штуки, но этого должно было хватить. Я нажал все кнопки, и бросил их в сторону головы – там уже был достаточно широкий туннель, оставленный мною, когда я прорывался сквозь тело чудища. Сам же я моментально стал резать внутренности дальше, двигаясь как можно быстрее к хвосту, про себя надеясь, что успею выбраться дальше зоны взрыва.

Взрыв я услышал даже через лимфу, перемешанную с водой. Закрыв глаза, я вслепую пробирался дальше, считая разорвавшиеся бомбы. Когда прогремел четвертый взрыв, я открыл глаза. Вокруг меня плавали ошметки тела чудища, а от хвоста почти ничего не осталось. Несмотря на воду вокруг, туловище монстра со стороны взрыва был немного обуглено. Выбраться из тела властелина морей теперь не представило никаких трудностей.

Я взглянул наверх. До поверхности воды было порядка двадцати метров. Задерживать дыхание уже не было никакой возможности, у меня начались рвотные позывы. В дополнение ко всему, достаточно тяжелое обмундирование, бросать

которое я не решился бы даже под страхом смерти, вкупе с давлением воды помешало бы мне всплыть на поверхность. Но делать было нечего, и я стал плыть наверх, из последних сил, преодолевая боль в груди и общую слабость.

Внезапно вода надо мной сжалась, образовав какое-то уплотнение, через которое я не смог проплыть. Сжатая вода превратилась в подобие странно сформированной головы – череп с пятью длинными отростками, торчащими и непропорционально длинными скулами и маленькой нижней челюстью, которая оканчивалась необычной бородой. Голова страшно ухмыльнулась, и я почувствовал, что меня что-то схватило по бокам и повлекло обратно вниз. От скорости у меня закружилась голова, и я выплюнул последние пузырьки воздуха из легких, потеряв сознание...

...Грудь сдавило что-то тяжелое, что заставило меня отхаркнуться. Жгучая соленая вода прошла весь путь по носоглотке, оставив лишь неприятный привкус и запах. Сразу же меня подняли, растормошили и растрясли, кто-то вдобавок ударил по спине. Я еле-еле приоткрыл слипшиеся глаза.

– Ты как? – спросила меня широкая фигура в белом, в которой, приглядевшись, я признал Блода Сабатиана.

– Но... Ма... Но, – кое-как выговорил я. Блод улыбнулся.

– Сегодня ты первый и единственный человек, которого нам удалось спасти, – ответил он. – После того, как ты спас всех нас.

– Никогда не думал, что это реально работает! – восклик-

нул сидящий рядом Брамбойт. Скорее всего, именно он и хлопнул меня по спине, больше никто не умеет с такой силой шлепать ладонью. – Нет, конечно, орлоогцы не будут распевать всякую чушь, но проверить их слова вот так, на деле... Не, – он расхохотался, – такой отваги даже у меня нет!

Я уже более-менее оправился и первым делом огляделся.

– Где мои вещи? – спросил я.

– Вон там, на веревках, сушатся, – показал капитан. – Когда ты разорвал властелина морей, Брамбойт чуть ли не сразу кинулся тебе на подмогу.

– Ага, я заметил, что ты почти сразу ко дну стал идти, – поддакнул Брамбойт. Блод продолжил:

– Тебя сложно было заметить, но властелин морей растворился в воде чуть ли не мгновенно, как умер. Мы увидели, что ты вроде бы как стал всплывать, но потом потерял сознание и начал тонуть. Брамбойт вытащил тебя и все твои вещи.

– Когда я тебя схватил, я вообще-то подумал сбросить мечики-то, – снова вмешался в разговор Д'Беретт. – Но ты так крепко их сжал, даже не приходя в себя, что было понятно, что ты не собираешься их отпускать. Плавать с деревянной ногой, правда, – он потряс своим протезом, – не очень-то удобно, тем более с такой ношей.

Я удивился. Конечно, расставаться с глефами, которые стоили мне кучу денег и две недели тяжелой работы, я не пожелал бы, к тому же я слишком сильно к ним привязался. Но то, что даже без сознания я не хотел их оставлять, было

поразительно.

Шедард, стоящий рядом, зашаркал ногами в сторону, сжимая свою удочку, ту самую, которую я у него забрал без спроса.

– Эх, – вздохнул он. – Я как раз сохранял тот самый череп для такого момента. Жалко, конечно, что не я это сделал, но все равно пригодились...

Брамбойт наклонился к моему уху и прошептал:

– Расчувствовавшийся Шедард – это редкость. Смотри, он даже не наорал на тебя за то, что ты спер его вещи.

Я кивнул. Все закончилось относительно хорошо, и пусть многих ребят уже не вернуть, все остальные остались живы, а это главное...

– Стоп, – сказал я. – А где мы сейчас? Мы выплыли из Тихого пояса?

Блод угрюмо покачал головой.

– Нет, – ответил он. – Прошло не больше получаса с тех пор, как тебя вытащили. Нам некогда было братья за весла.

– Но ведь в любой момент может напасть еще один властелин морей! – воскликнул я, мгновенно вскочив на ноги.

– Я знаю, – ответил Блод. – Клойд следит в гнезде за происходящим вокруг нас. Кстати, – он посмотрел вверх и прокричал в сторону гнезда: – Заметно что-нибудь?!

– Никаких изменений, капитан!

– Тогда спускайся и поплыли! – Блод осмотрел всех матросов на палубе. – Все вниз, к веслам! Мы сваливаем с Ти-

хого пояса как можно быстрее!

Матросы радостно кинулись гурьбой к веслам. Несмотря на то, что четыре весла с одной стороны были разломаны в щепки властелином моря, оставалось еще в общем счете двенадцать штук. Расположив их поровну по бортам, под команду боцмана люди стали грести. Теперь дело пошло веселее и скорее. Корабль несло навстречу Телехии, к родному материку.

Мне весла не досталось, я, слегка пошатываясь, стоял неподалеку. Блод подошел ко мне и тихо спросил:

– Ты в порядке? Как себя чувствуешь?

– Со мной уже все хорошо, – ответил я. – Сейчас я просто немного ослаблен, но скоро наберусь сил.

– Ну и хорошо, – сказал капитан. – Тогда отправляйся к грот-мачте и посиди там. Как раз досушится твоя одежда, потом сможешь поднять паруса, когда мы уже выберемся из Тихого пояса.

– Есть, капитан, – ответил я Сабатиану и пошел наверх.

Добравшись до грот-мачты, я устроился у ее основания. Рядом со мной висела, сушась, вся моя экипировка. Дотронувшись рукой до дублета, я не без радости убедился, что кожа, из которой он был сделан, была хорошо дубленой – от воды она несколько не покоробилась, и сейчас просто сохла. Когда дублет полностью высохнет, на нем даже не будет заметно, что я провел в нем несколько минут под водой – останется только почистить его от соли. Ботильоны тоже выгля-

дели неплохо, благо они наполовину состояли из укрепленного железа. Перчаткам повезло меньше, они немного поистерлись, но это не проблема.

Я оставил вещи и посмотрел на лежащие рядом инструменты и оружие. Сумку я, к счастью, не надевал, иначе бы от всех моих реагентов точно ничего бы не осталось. Шило, отвертки, вроде бы, тоже были в порядке. А вот кусачкам пришел конец. Я попробовал их сжимать-разжимать, но они только жалобно скрежетали и почти не двигались. Либо надо их обильно смазать маслом, либо придется искать новые.

Оружие мое было в порядке. В принципе, этого я и ждал от таких высококачественных вещей. На мой взгляд, любое оружие должно хорошо переносить любую среду и любое изменение температур (по крайней мере, до критических значений). Отложив клинки в стороны, я уселся поудобнее и смотрел вдаль, на горизонт, со стороны Тихого пояса.

Корабль несся по морю, вода за ним молча сходилась тихим всплеском. Случайный громкий всплеск мигом пробудил мое внимание – такого точно не могло бы случиться на Тихом поясе. Привстав и поглядев назад, я увидел нечто.

Чтобы понять, что я увидел, достаточно представить огромную собачью голову. Точнее, пластилиновую копию собачьей головы, которую отдали поиграться маленькому ребенку. Именно такие странные, нелогичные формы имела ярко-бежевая голова показавшегося из воды властелина мо-

рей. Торчащие из головы в разнообразных местах ложноножки только добавляли ужаса. Властелин морей взглянул на корабль, открыл пасть и издал противный скрежещущий лай.

– Властелин морей! – закричал я. – Со стороны кормы!

Из трюмного отсека выбежал Блод с вытаращенными глазами.

– Как?! – удивленно закричал он. – Еще один?! О боже...

Он спустился в трюм. Я стал поспешно одеваться и слышал, как Сабатиан спросил Каппана:

– Сколько еще примерно до конца Тихого пояса?

– Не знаю, капитан, – проворчал Шедард. – Надеюсь, не больше получаса на такой скорости.

– Гребите, ребята! – приказал Блод. – Гребите, как никогда в жизни! Даю не больше десяти минут. Второго властелина морей мы не переживем!

– Все слышали капитана? – проорал боцман шамкающим голосом. – А ну-ка, поехали! Раз-два! Раз-два! Ускоряемся! Раздва! Раздва!..

Властелин морей тоже заметил, что судно стало ускоряться, и устремился за ним. Я достал свой арбалет и пожалел. Он хоть и высох, но отчаянно нуждался в смазке, а так был почти бесполезен. Убрав обратно оружие за спину, я мог лишь наблюдать, как чудище медленно, но верно настигает нас. Второй раз провести тот же ритуал, что и с первым властелином морей, у меня уже не получится – не хватало хотя

бы черепа, не говоря даже о своих собственных силах.

Я огляделся в поисках чего-нибудь, с чем можно достойно встретить чудище, кроме глеф, потому что глефы сейчас заметно оттягивали мне руки. Гарпунные установки в расчет я тоже не брал – если они один раз не помогли, вряд ли они помогут в этом случае. Вдобавок еще ветер растормошил мои мокрые волосы и налепил их на лоб, мешая обзору...

Ветер...

Задул ветер...

– Ветер задул! – радостно закричал я, взмахнув от счастья руками. Со стороны трюма тоже раздался радостный смех.

– А что же с властелином морей? – спросил Блод, оказавшись на палубе вместе с командой.

Собаководный монстр все еще плыл за нами, не намереваясь оставлять такую легкую добычу, как наш корабль, просто так. Он уже нагнал нас и стал разевать пасть, чтобы, уж не знаю, отгрызть часть кормы. Зубы его были не такими тонкими и частыми, как у предыдущего чудища – это были почти что бивни, толстые, крепкие, и такие заостренные, что могли бы разорвать косатку на куски, перед этим поддев ее на клык.

– Оружие к бою! Гарпунеры! Что угодно! – орал Блод. Он стоял и смотрел на ужасного монстра, как на свою судьбу. – Хотя, что мы можем сделать...

Внезапно монстр остановился и рухнул, словно его что-то подкосило. Едва его голова коснулась поверхности воды,

она стала разрубаться так, будто кто-то методично резал ее гигантским серпом. Кусками властелина морей разметало по всему морю, и останки его почти сразу же растворились.

– Ничего себе! – присвистнул Субан. – Это вот поэтому-то властелины морей не выходят за пределы Тихого пояса?

– Похоже на то, – ответил ему Брамбойт. – Видать, течения и ветра губительны для таких неженков, как эти властелины морей.

– Фигня тогда это, а не властелины, – усмехнулся Субан.

Я замороженно глядел на то, как быстро и без мучений умер властелин морей. Такое огромное чудище, убийство которого в Тихом поясе заняло много усилий и унесло с собой жизни нескольких людей, так скоро погибло, просто перейдя границу своего ареала обитания.

Гибель властелина морей заметно воодушевила моряков. Подождав немного, когда ветер сменится на попутный, мы поставили паруса. Во время крепежа белоснежной парусины на рангоуты, я обратил внимание, что Эмиэль стоит рядом и наматывает веревки один, без своего любимого животного.

– А где твой кот, Эмиэль? – спросил я матроса.

– Сдох, – грустно ответил он, отведя взгляд в сторону. – То ли у него ни шиша не девять жизней, то ли эта скотина уже где-то успела их все растратить. – Он вздохнул и повернулся ко мне. – Глупая у него смерть, понимаешь, – сказал он. – Когда наш корабль еще качало, упал я на него. Правда, он еще спас меня, когда следующим качком на меня упал

меч. Сисселя пронзило насквозь так, что даже я почувствовал клинок. Если бы не котяра, меч проткнул бы меня... Эх, а как он орал...

Большую часть времени я сидел в каюте капитана, напросившись к письменному столу Сабатиана, где с великим удовольствием расписывал новую главу своего бестиария. Рядом Блод вместе с Каппаном подсчитывали убытки и понесенные потери. Судя по всему, несмотря на победу над столь грозным чудищем, без каких-либо доказательств никаких компенсаций «Ветроносцу» не следовало было ждать. Это немного печалило капитана, на что Шедард заметил, что денег за перевоз груза все равно должно хватить на ремонт корабля, потому что, как бы цинично это ни звучало, в команде осталось меньше людей, следовательно, больше денег останется в свободном пользовании. При этих словах боцман покосился на меня и добавил, что все, что я услышу здесь, должен здесь и оставить. Я не противился этому, тем более что большую часть времени я все равно занимался бестиарием, не отвлекаясь на происходящее кругом.

В отрыве от работы и написания книги я сидел в общей каюте, где чистил оружие и инструменты. Арбалет я хорошо смазал и на месте проверил, пробив навылет яблоко Субана, отчего тот еще пять минут ругался. С кусачками, однако, так и не получилось разобраться, они были испорчены.

Когда я одним таким вечером сидел и осматривал раздвижной механизм глеф на предмет засечек и потертостей, в

каюту заглянул Брамбойт, рыская по всему помещению глазами. Заметив меня, он шикнул:

– Эй, Гавилан! Иди сюда!

– Что случилось? – тихо спросил я его, отложив глефу в сторону.

Брамбойт опустил плечи и, накренив голову набок, ответил:

– Никаких лишних вопросов. Давай, иди уже!

Послушав его, я вышел из каюты. Матрос повел меня из трюма на палубу. Едва мы вышли, как меня сразу же окутал ледяной ветер. Едва я выдохнул от неожиданности, как воздух из моих легких тут же за клубился паром.

– И что тут такого? – спросил я. – Зима наступила? Ну так это не первая зима в моей жизни.

– Да что ты такой невнимательный! – возмутился Д'Берретт. – Ты взгляни вокруг!

Я огляделся и обомлел. Мы шли по морю, а вокруг нас проплывали белоснежные льдины всевозможных форм и размеров. Некоторые из них торчали из воды, словно сталагмиты. Тирион, стоящий за штурвалом, умело лавировал между ними.

– Это что такое? – спросил я Брамбойта.

– Айсберги, – ответил китобой. – Ты не смотри, что тут они маленькие, под водой они гораздо больше, может даже размером с властелина морей. Видишь, как интересно. А теперь посмотри наверх.

Я поднял голову. Наверху, на самих небесах, игрались сами с собой искрящиеся зеленовато-синие огни. Они гармошкой грудились друг с другом, то исчезая, то появляясь, мерцали и полыхали.

– А это что? – выдохнул я от восхищения.

– Небесное сияние, – ответил Брамбойт. – Нигде больше в Телехии ты такого не увидишь. А это значит, что мы находимся на территории владений Орлоога.

Глава 8. Сага о войне

Вторую неделю мы брели по снежным барханам. Леденящие вихри засыпали нас колкими снежинками, которые западали за теплые шерстяные воротники и в любые, даже самые маленькие и тонкие, щели и складки на одежде.

Мое лицо заросло плотной щетиной, которая плотно забивалась снегом, но тем не менее надежно защищала нос и рот от холодной температуры. Мое тело укрывал толстый полушубок, а на ногах и руках были надеты толстые орлогские доспехи, специально подобранные на несколько размеров больше, чтобы внутрь можно было затолкать теплый животный мех. Мои собственные доспехи, которые никак не могли бы спасти меня от губительно низкой температуры долины Алвсдоол, пришлось нести в огромном заплечном мешке вместе с оружием, инструментами, палаткой, кремниевыми палками для розжига костра, кастрюлями и провиантом – солониной и галетами.

Мой напарник был одет почти так же, как и я, за тем исключением, что его доспехи были родовыми. Он был огромен, почти два метра ростом, а вкуче с одеждой он выросстал еще больше над землей. Жаль только, красоваться в бескрайней ледяной долине с бесконечно воющей метелью было не перед кем. Заплечный мешок его был еще больше чем у меня, а в руках он держал посох, которым прокладывал нам

путь сквозь непроходимые сугробы.

Моего напарника звали Балдр, и он был скйалдом. Так в окрестностях Орлоога называют тех людей, которые помнят историю предков и запоминают истории современников, переноса их из рода в род, из поселения в поселение с помощью песен. Однако эти песни были не теми, что я привык слышать в тавернах других городов и деревень. Нет, это были серьезные, вдумчивые, почти что монотонные истории под чарующие звуки инструмента скйалда. Такие песни орлоогцы называли сагами. У Балдра тоже был инструмент – белоснежное кантеле, внешне чем-то похожее на большие гусли, которое он иногда доставал во время привала, чтобы рассказать мне какую-нибудь сагу. Он рассказывал, что сделал это кантеле сам, из хребта большой щуки, которая водилась в полузамерзшей реке Йааштром, что протекает вдоль владений Орлоога. Кантеле выдавало поистине волшебное звучание, дополняющее вой ветра и хруст снега.

Познакомился я с Балдром в первой же рыбацкой деревне, куда пристал с командой Блода. Когда я в первый раз увидел его, я поразился. Орлоогцы-рыбаки не слишком отличались от людей из других полисов, но Балдр являл собой истинного сына зимы – крепко сбитый, высокий, с широкой и плотной бородой и курчавой рыжей шевелюрой. Он выглядел так, словно был не певцом, а бывалым воином, который всю жизнь провел в битвах, хоть ему и было немного за тридцать. Когда он услышал, что я являюсь охотником на чудищ

и хочу исследовать Орлоог и его область, глаза Балдра загорелись и сразу же он вызвался сопровождать меня на этом нелегком пути.

Позже он рассказал мне, что хотел услышать от меня множество разных историй о монстрах, которые обитали на севере, чтобы потом рассказывать о них в своих сагах. Я с радостью согласился. Сам Балдр в долгу тоже не оставался, постоянно рассказывая о том, как живут и чем дышат те, кто родился под знаком вечной зимы. Например, когда я набрался смелости спросить, почему такой человек, казалось бы, небоевой профессии, как скийлд, выглядит словно бывалый воин, Балдр поведал мне удивительный рассказ.

«У орлоогцев есть давний обычай», говорил Балдр. «Когда сын вырастает и понимает, что должен стать мужчиной, вместо того, чтобы оставаться навечно ребенком, он должен пройти испытание воина. Такое испытание показывает не только то, что умеет сын, но и то, чему и как научил его отец. Владеть оружием так же важно для тех, кто живет рядом с Орлоогом, как и владеть своим собственным телом, ведь нас повсюду окружает смертельная опасность, а кто может защитить человека от опасности, как не сам человек? Умение выживать тоже важно, ведь кто знает, когда человек останется один, без соратников и товарищей, в бескрайней пустыне или мрачном лесу? Итак, когда сын понимает, что он вырос, он приходит к старейшинам и заявляет о том, что желает пройти испытание воина. Старейшины обычно не отказы-

вают сыну и дают добро. Тогда сын идет вместе с отцом на охоту, но отец не помогает сыну, он только следит за ним».

«А на кого идет охота в испытании воина?», спрашивал я Балдра.

Балдр со вздохом продолжал. «Есть такие животные, которые во множестве бродят по поверхности льда давно замерзшего великого озера Котст, из которого берет начало Йааштром. Это вечно голодные, похожие на огромных мохнатых червей с десятками тонких, но мощных ножек чудища, ищущие пропитание на древних снежных равнинах. Имя этим червям – йормунги. Существует легенда, которая стара как этот мир, что йормунги ждут прихода нар-Роога, конца света, в котором они сойдутся в битве с величайшими воинами Орлоога».

Я никогда не слышал про нар-Роог, поэтому сразу же спросил об этом Балдра.

«Нар-Роог – время последней битвы в мире, когда люди вместе с богами сразятся против чудищ и демонов за право жить и править на земле. Наши величайшие воины после смерти отправляются в Орлоог, где они готовятся к нар-Роогу».

«А когда он будет, этот нар-Роог?»

«Мы все считаем года до нар-Роога, отринув летоисчисление от сотворения мира или от основания Содружества, ибо прошлое важно, но будущее еще важнее», ответил Балдр. «Сейчас осталось одна тысяча семьсот четыре года до нар-

Роога, и с каждым годом йормунги все крупнее и свирепее, чем раньше. Новым мужам все сложнее охотиться, большинство гибнет, так и оставшись молодыми детьми».

После этого он вспомнил, что не успел до конца рассказать про то, как стал скйалдом, и продолжил свою сагу.

«Я потерял отца, когда был еще несмышленным младенцем, и все мое отрочество меня воспитывала мать. Несмотря на то, что она была искусной воительницей, и я почти в совершенстве овладел навыками охоты, старейшины долго не хотели давать мне право на испытание. Лишь в память о моем отце, хорошем воине и надежном товарище, они дали свое добро пройти его. В нем мне помогала моя мать. Хоть я пытался отговорить ее от этого, она пошла вместе со мной. Я бережно относился к матери, ведь кроме нее у меня никого больше не было.

Я сам вышел на след йормунга. Это было нетрудно, ведь недавно прошел снег, и свежие следы чудовища ясно отпечатались на белоснежной корке новообразованного наста. Я видел по следам, что йормунг был молодой, а значит, сильный и немного безумный от неумеренной энергии, которая должна была кипеть в нем. Это не испугало меня, наоборот, я обрадовался такому случаю, ведь теперь я мог доказать старейшинам, что достоин называться мужчиной.

Свою жертву я обнаружил на окраине леса, который вплотную подходил к берегам Котста. Йормунг объедал кору у молодой сосны, обхватив ее своим толстым, округлым, и

в то же время длинным сизым туловищем, покрытым сверху плотным мохнатым хитином. Он не сразу заметил меня, и я воспользовался этим, атаковав его издалека своим самодельным луком. Благодаря матери я знал, что слабое место у йормунгов – это их мягкое брюшко, там, где из сизого цвета оно переходит в светлый розовый, и именно это место было открыто у моей добычи в тот момент.

Я без труда поразил йормунга в цель. К моему удивлению, йормунг не скорчился от жгучей боли, как это должно было произойти, а свирепо заверещал, хлопнув своими массивными мандибулами, и бросился на меня. Торчащая из брюшка стрела никак не мешала его нарастающему бегу. Я засомневался, что стрела нанесла чудищу смертельный урон, но не растерялся и подготовил свой боевой двуручный топор для атаки.

Я хорошо владел топором, но его не хватало для победы над йормунгом, столь яростными были его атаки. Отбиваясь от хелицер чудища, я старался пробиться к подбрюшью. Казалось, йормунг не знал усталости, чего не хватало мне – с каждым ударом чудища я становился все слабее и слабее. Вскоре я совсем перестал атаковать, а только защищался и парировал удары.

К счастью, рана, оставленная моей стрелой, стала давать о себе знать, так как йормунг вдруг стал время от времени конвульсивно дергаться в сторону поврежденных органов. Поняв, что это мой шанс, я собрал все свои силы и нанес реша-

ющий удар по черепу йормунга, когда тот в очередной раз отвлекся на рану. Череп смачно хрустнул и обнажил мозги чудища, перемешанные со склизкой желчью.

К моему глубочайшему сожалению, в порыве битвы с одним йормунгом я не заметил, как на шум, который мы производили, ко мне подобрался еще один червь. Опьяненный победой, я обернулся лишь тогда, когда услышал крик матери, преисполненный диким ужасом.

Мать была отличным воином, с хорошей реакцией. Когда мне стала угрожать опасность, она бросилась наперерез йормунгу и оказалась между мной и чудищем как раз в тот момент, когда червь в атаке прыгнул на меня. Мощные челющеры пронзили грудь матери и потащили ее вслед за йормунгом. Я только и успел, что пригнуться и прорвать брюхо чудища вдоль туловища своим топором. Йормунг упал уже мертвым. В нелепой надежде я бросился к матери, но обнаружил, что она была мертва, но по-прежнему крепко сжимала свои топоры...

В глубокой скорби я вернулся к старейшинам. Те были неумолимы. Несмотря на то, что я победил йормунга, я допустил своей матери помочь себе, и к тому же не спас ее от гибели. Своим советом они решили, что я стану мужчиной, но при одном условии – больше я никогда не вернусь к войне. Этим они определили мое будущее, прервав не только мои мечты, но и мечты моих покойных родителей. В отчаянии я спросил старейшин, чем же мне тогда стоит заниматься. Они

лишь указали мне на одиноко стоящего скийалда, который в тот день навел на нашу деревню и ответили, что теперь и мне предстоит быть скийалдом».

«Нет, быть скийалдом не столь уж позорное занятие», говорил Балдр, отвечая на мой безмолвный вопрос. Он ковырял палкой костер, чтобы разбередить огонь, который начал угасать. «Все дело в том, что скийалдами обычно становятся хилые, слабые люди, которые не имеют возможности быть воинами. Но в моем случае все было не так! Однако я не мог перечить старейшинам. Вскоре я научился играть на множестве наших народных инструментов, выучил бесчисленное множество саг у других скийалдов, наконец, сделал кантеле и отправился в путь. Где только я не был в вечно морозных владениях Орлоога! Однако в свою родную деревню я так больше и не зашел, ибо сердце мое не смогло бы выдержать ту печаль и скорбь, что я оставил там».

Той ночью я не спал, и думал, насколько трагичной была судьба у Балдра. Он остался без родителей и без той жизни, что была ему предначертана. Тем не менее он находит в себе силы жить по тем правилам, по которым жили все его предки, и по которым живут и будут жить все орлоогцы, до самого наступления нар-Роога.

Заинтересовали меня и йормунги. Мне захотелось повторить тот ритуал, который проводят местные люди, и стать настоящим мужчиной по заветам орлоогцев, тем более что и возраста я был самого что ни на есть подходящего. Тянуть

с этим я не желал, поэтому наутро сообщил Балдру о своем намерении. Балдр, как ни странно, согласился помочь мне, однако заметил, что как помощник в этом испытании он не годится, ибо не является ни отцом мне, ни даже обычным воином.

«Однако ты можешь помочь мне как мой наставник», сказал я. «Ведь именно ты меня ведешь по окрестностям Орлоога».

«Возможно», ответил Балдр, «но все равно, чтобы пройти испытание, надо получить разрешение у старейшин, а сделать это непросто – ты не являешься орлоогцем».

Я опечалился, но все равно попросил скйалда отвести меня к великому озеру Котст, как бы то ни было.

Тот день был ясным, солнце игриво отражалось от снежных сугробов, ослепляя своим блеском меня и моего спутника. Вокруг нас не было ни души, словно никто никогда здесь не жил. Лишь однажды, когда солнце садилось за горизонт, мы увидели вдалеке еле заметную струйку дыма. Балдр сказал, что деревни на всем континенте довольно редки и разнесены друг от друга не менее чем на сутки пути. Большинство деревень в окрестностях Орлоога – рыбацкие, которые выросли по берегу Телехии и в устье полузамерзшей реки Йааштром.

Мы шли очень медленно, утопая в глубоком снегу, который до нас не видел не то, что человек, но даже зверь или птица. Да и наши следы скоро тоже потеряются вскоре после

следующей метели. Посох Балдра уверенно разгребал особенно плотные толщи снега, создавая неудобную, но проходимую тропу. Я брел позади, стараясь не отставать. Силы моих ног, не готовых к ежедневным испытаниям, не хватало настолько, чтобы поспевать за своим проводником, поэтому я часто просил Балдра приостановиться или сделать привал. Скйалд великодушно слушался меня. Мне было немного стыдно – я понимал, что без меня он бы прошел вперед намного дальше.

Вечером мы сделали привал прямо посреди бескрайнего поля. Я утоптал снег вокруг и разложил теплые вещи. Балдр тем временем соорудил кострище и развел огонь. Достав котелок, он зачерпнул горсть снега и растопил его на огне, добавив заодно немного из съестных припасов. Получилась довольно вкусная похлебка, которую мы с аппетитом разделили на двоих. После скромного ужина я откинулся на одеяла и посмотрел на небо.

Там, переливаясь всеми цветами радуги, но больше уходя в синевато-зеленые оттенки, искрилось небесное сияние. Полоски разных цветов переливались друг в друга, то исчезая, то появляясь снова, искажаясь под разными углами, соединялись и разделялись в бесконечной игре.

«Красивое зрелище», сказал я, не в силах сдержать внутри себя почти что детскую радость.

«Вряд ли ты знаешь про небесное сияние все, что знаем мы», ответил Балдр, доставая кантеле. «Ведь весь этот свет

– не что иное, как души погибших в бою воинов, чей дух настолько ярок и силен, что он остается в этом мире навсегда, помогая своим потомкам. Существует древняя сага, повествующая об этом», сказал он и с этими словами запел:

*«В тишине темной ночи
Видно яркий огонь в облаках –
Это души воинов в небе,
Что отринули тяжесть земли.
Там всегда они будут стоять,
Неизменно стоять сотни лет,
Нести в дланях фонари своих душ
И поддерживать их яркий свет».*

И действительно, пока скийалд пел свою сагу, я заметил, что бесформенные прежде огни небесного сияния преобразились в человеческие очертания. Огромные мрачные тени воинов в серых доспехах, темных настолько, что внутри этих доспехов невозможно было увидеть что-то, кроме мглы, стояли шеренгой, сжимая в руках перед собой большие подвесные фонари, украшенные причудливой резьбой. Из недр этих фонарей изливался тот самый яркий зеленовато-синий свет, который и являлся небесным сиянием. Воины былых времен ровно и твердо держали строй, груди их вздымались и опускались синхронно, и лишь фонари светили немного по-разному – у кого-то ярче, у кого-то слегка тусклее, но все

равно достаточно, чтобы освещать дорогу в темной зимней ночи.

Я заворуженно следил за древними фигурами, ожидая, что они обратят на нас внимание, но духи невозмутимо смотрели прямо, в пронзительную даль, следуя отданному когда-то давным-давно молчаливому приказу невозмутимо стоять смиренно и освещать ночной путь. Так и прошла целая ночь – я сидел и смотрел на воинов, Балдр пел сагу, а души светили ярким искрящимся светом на бескрайнюю пустыню. Ночь прошла, сияние пропало, а с ним и духи. Я не выспался, но не чувствовал себя утомленным. Наоборот, мое тело словно обновилось за этот долгий период, когда солнце пряталось за горизонтом.

Мы собрали вещи и отправились дальше в поход. Наше молчаливое движение прерывал только скрип снега да звук ломающегося наста, образовавшегося в результате небольшого утреннего потепления. Снег пытался забиться в ботинки, но я старался поднимать ноги как можно выше, и наступать точно на следы, оставленные Балдром.

«Духи небесного сияния – это же самые величайшие воины?», спросил я скийлда. «Но если они находятся на небе, то как они застанут нар-Роог?»

«Духи небесного сияния – больше, чем просто величайшие воины», спокойно отвечал Балдр. «Они – светоч нашего народа, легенды, оставшиеся нам в наследство, мужи, на которых стоит равняться каждому. Во время нар-Роога имен-

но их свет поведет всех из Орлоога на бой со злом. Именно они будут сражаться в первых рядах, освещая поле боя своим лучезарным светом души».

«Скажи, Балдр», продолжил я, «могут ли великие духи небесного сияния дать благословение нам на испытание мужа?»

Скйалд остановился и повернулся ко мне.

«Возможно», ответил он. «В некоторых сагах упоминаются просьбы к духам небесного сияния. Однако для этого нельзя просто так взять и обратиться к ним напрямую. Следует провести определенный ритуал».

«Я готов», сказал я. «Что надо делать?»

«Почтить их память», ответил Балдр. «Для этого надо принести жертву. Олень или молодой лось вполне подойдет».

Мы прервали наш путь ради охоты на лося. Признаться честно, я не знал, где здесь можно было найти хоть какое-либо животное, потому что мы никого не встретили за целую неделю. Но Балдр уверил меня, что животных в округе много, просто мы никого специально не искали. И действительно, охотничьи навыки Балдра позволили уже через час отыскать следы косули. Животное явно не переживало за собственную безопасность, останавливаясь покормиться в некоторых местах, где кусты росли выше общего уровня снега. Спустя некоторое время мы нашли саму косулю, она мирно спала среди можжевельника, склонив голову вниз.

Балдр осторожно достал ясенеvый лук, прицелился и выстрелил косуле прямо в лоб. Животное мгновенно свалилось, не издав ни единого звука. Балдр, убрав лук обратно за плечо, подошел к косуле и, произнеся слова благодарности умершему животному за то, что оно позволило принести себя в жертву, взвалил тушу на плечо и направился к скальному пригорку, который виднелся вдальеке. Меня же он попросил набрать веток и хвороста для будущего костра.

На пригорке, на припорошенных легким снежком камнях скийалд освежевал косулю, и стал готовиться к ритуалу. Я сидел рядом и внимательно следил за каждым его движением. Балдр достал откуда-то из сумки кантеле и шлем с широкими лосиными рогами. Догадываясь, что я непременно спросил бы его, зачем все это нужно, скийалд попутно рассказывал о предназначении каждого элемента ритуала. Рогатый шлем позволял человеку теснее соединиться с природой, чувствовать каждый ее вздох, ощущать ее боль и радость. Только так можно было бы по-настоящему прочувствовать всю скорбь по животному, отданному в жертву, но также оплакать его и достойно отблагодарить. Кантеле нужно было, чтобы спеть песнь жертвоприношения, которая требовала определенных звуков при исполнении и точной игры.

Когда все было готово к ритуалу, уже потемнело. На землю опустились густые сумерки, и небо заволокли тяжелые облака. Я нервничал, опасаясь, что при такой погоде небесное сияние не проявится, но Балдр убедил меня, что все пе-

ременится. И действительно, как только Балдр надел шлем и заиграл первые ноты сакральной песни, облака расступились и вновь засверкали зеленоватые огни небесного сияния. Песнь, казалось, эхом отражалась по всему небу, от ее мощной вибрации внутри моей груди ощущалась приятная дрожь. Кроме звуков кантеле, в песне звучали странные гортанные и мычащие голоса, издаваемые скийалдом. Небесное сияние снова мистическим образом преобразилось, и я опять увидел шеренгу воинов в древних могучих доспехах, которые невозмутимо держали свои массивные фонари с пылающими благородством душами.

Балдр знаками указал мне на то, чтобы я развел на камнях костер, что я и сделал. Огонь ласково обнимал мое лицо, пока я склонялся над ним, чтобы разжечь его как можно сильнее. После этого Балдр взял заранее подготовленный хворост и соорудил над костром нечто похожее на ложе, куда аккуратно сложил освежеванную косулю. Удивительно, но как только скийалд отошел от костра, огонь мгновенно накинулся на животное и сразу же поглотил его плотной яркой стеной. Балдр продолжил играть песнь, и костер взмыл высоко вверх, к небесам, достигнув самого сияния. В этот самый момент духи развернулись в нашу сторону, словно бы ожидая чего-то от нас. Балдр подтолкнул меня, намекая на то, чтобы я высказал свою просьбу, при этом сам он продолжал играть на кантеле.

Я взглянул на огромные тени, свисающие надо мной в то-

мящем ожидания, и неловко изложил свое прошение: «Великие духи воинов Орлоога! Не из этих земель я родом, и не знаю я, к кому еще обратиться, как не к вам! Непоколетимое мужество и стойкость вас и сынов ваших не проходят незамеченными, как не пройдут они и во веки веков – и я не могу быть в стороне, осознавая, что нужен этому миру. Ведь не может охотник на чудищ, как я, не быть мужчиной, как по праву рождения, так и по праву деяний своих! Посему лишь об одном прошу я вас – дайте свое благословение мне на испытание, чтобы я прошел его с честью и достоинством! Отец мой далеко, и не сможет сопутствовать мне на том испытании, но пусть Балдр, мой товарищ, будет мне спутником! Он благородный воин, пусть и в образе скйалда, но он тот человек из ныне живущих в окрестностях Орлоога, на кого стоит равняться! Прошу вас, великие воины прошлого, не оставьте меня без ответа!»

Духи мрачно стояли, созерцая нас со своей высоты. Неясно было, услышали ли они мою просьбу или нет, а если и услышали, то не проигнорировали ли. Но я все равно стойко смотрел на них, ожидая решения.

Один из духов, стоящий ближе к краю бессмертной шеренги, слегка повернув голову в шлеме, обратил свой взор на Балдра. Скйалд прекратил играть песнь, ощутив взгляд на себе. Дух склонился к Балдру, повесив свой фонарь за поясной ремень нагрудного доспеха, затем обеими руками взялся за шлем и медленно приподнял его. Тьма, прежде высту-

павшая из прорезей шлема так, что казалось, будто внутри была лишь бездонная пустота, расступилась. Когда дух опустил шлем, стало видно его голову – голову мужчины средних лет, с коротко стриженными волосами и длинными усами и бородой, завязанными вместе в толстую косу. Лицо его словно было обесцвечено, потому что я видел его в основном в серых тонах, и лишь на мгновение в некоторых местах проступали оттенки других цветов. Так, я заметил, что волосы этого духа были, судя по всему, рыжего цвета, а глаза имели яркий синий цвет, похожий на свежий лед, почти как у Балдра.

«Отец», прошептал Балдр, глядя на фигуру. «Я узнал бы тебя в любом случае, даже несмотря на то, что ты покинул нас с матерью, когда я был в юном возрасте».

Фигура отца Балдра посмотрела на своего сына, внимательно разглядывая его и еле заметно улыбаясь, очевидно, оценивая его. Затем дух повернулся ко мне и медленно, выразительно кивнул, после чего вновь поднял свой шлем и надел на голову. Тьма тут же окутала его лицо, закрыв его непроглядной мглой. Дух взял в руку свой яркий голубовато-изумрудный фонарь и встал наравне с товарищами так, что слился вместе с ними в одной большой армии. Воины еще долго стояли, освещая наш приют, вдыхая дым от костра, который уже догорал, не оставив ничего от пожертвованной косули. Когда огонь потух, исчезли и духи, и лишь единичные отблески небесного сияния напоминали об их при-

сутствии.

«Отец узнал меня», произнес Балдр в наступившей тишине. «В память о нем я ношу его керамзитовую броню, со всеми регалиями и зарубками, оставленными после множества славных сражений. Лишь только шлем его я не ношу, ибо шлем ушел вместе с ним, так как он несет на себе напоминание не только о бесчисленных победах, но и одном поражении...»

Керамзитовая броня, наследство Балдра, на самом деле была внушительной. Она была толстой и прочной, и довольно громоздкой, увеличивая в размерах тело и без того большого носителя. Такая броня защищала не только от ударов различной силы, но и от трескучего мороза, что было очень важно в такой местности, как область Орлоога. За все время нашего путешествия я не раз замерзал и просил передышки, а Балдр словно не чувствовал холода. На доспехах ни разу не появилось ни одной новой отметины от когтей хищников, которые пару раз нападали на нас тогда, когда мы еще не ушли далеко от берега.

В очередной раз взошло тусклое унылое солнце, и мы снова отправились в путешествие, но теперь мы определенно знали, куда идем – на ледяные пустоши холодного озера Котст, что покоится в самом сердце окрестностей Орлоога. Сами духи небесного сияния дали нам свое благословение, чтобы я прошел испытание мужчины, и я надеялся не подвести их. Вечером я достал свои глефы, чтобы немного раз-

мять мышцы и потренироваться. На мою просьбу поучаствовать со мной в тренировке Балдр вежливо отказался, ответив, что скийалду не пристало сражаться с воинами. Хотя по его глазам было видно, что он не прочь и сам помахать топором, но, видимо, он боялся не рассчитать свои силы и сломать мои глефы, а то и меня самого, своим тяжелым двуручным оружием.

К сожалению, на второй же день нашего пути погода перестала сопутствовать нам. Снова зашумели метели, налетел ураган, снежная буря принесла новые сугробы и замела протоптанные тропы. Вокруг не возможно было разглядеть ничего дальше десятка метров, мы шли почти как слепые котята, но Балдр уверенно топал вперед, утверждая, что не раз ходил при такой пурге. «Главное – уверенно идти вперед, туда, где ты твердо знаешь, что находится», говорил он. Мне ничего не оставалось, кроме как довериться ему, но я все равно втайне молился тому, чтобы не сбиться с верного направления.

Шаг наш разительно замедлился, нам приходилось делать больше привалов, в основном ради того, чтобы я мог отдохнуть. Мой организм не привык к таким нагрузкам, а вот Балдр чувствовал себя спокойно и уравновешенно. Его жизнь путешественника всегда пересекалась с одинокими странствиями по широкой снежной пустыне во время короткого и еле теплого лета и во время лютой холодной зимы. Глядя на своего напарника, я собирался с силами и за-

ставлял себя идти дальше. Я ни в коем случае не должен был отставать от него, ни по духу, ни по воле.

Так мы брели несколько дней. Я уже сбился со счета, что было неувидительно – в неутомимой метели невозможно было отследить восходы и заходы солнца, не говоря уже о том, чтобы разглядеть хотя бы одну из двух лун по ночам. Все слилось в единое состояние – когда я шел вслед за темной фигурой Балдра, методично протаптывающей дорогу в барханах.

В один день метель немного поутихла, и я смог видеть намного дальше, чем на несколько шагов впереди. Однако пейзаж вокруг нас не поменялся, мы так и брели в голубоватой белизне девственного снега. Балдр молча шел, вероятно, размышляя о чем-то своем, а я за все время успел продумать все мысли, какие только были у меня, и мне все уже успело надоесть...

«Взгляни вперед», вдруг услышал я голос скийалда. Я поднял голову и увидел нечто поразительное. Почти перед нами, по диагонали справа, взору моему открылась удивительная картина. Над ровным слоем снега возвышалась гигантская каменная полусфера. Она была столь широкой, что края ее уходили далеко в горизонт, и такой высокой, что верхушка ее замыкалась ровно под облаками.

Когда мы подошли чуть ближе, я мог поподробнее разглядеть полусферу. Она состояла из плотно сбитых массивных серокаменных плит, на которых были выбиты древние

барельефы и старые руны, описывающие сцены из мифов и легенд орлоогцев. Иссохшие камни были покрыты многовековым льдом, который, казалось, забыл, что значит таять, и лишь набирал силу, присваивая себе все новые и новые льдинки и падающие хлопья снега. От огромного здания пахло затхлым холодом и чем-то чуждым. Мы не подходили прямо к полусфере, но, когда мы проходили мимо, медленно и размеренно, как и обычно, я чувствовал некое отторжение в теле, словно я не должен был присутствовать в этом месте. Слегка погодя, я понял, что это было за ощущение. Это было то самое чувство, которое приводит в благоговейный ужас, заставляя волосы вставать дыбом, то, что отпугивает даже самых смелых и заставляет молиться атеистов, то, что поворачивает целые армии вспять, то, что заставляет рыдать весельчаков и что повергает в сомнение самых убежденных. Это было ощущение смерти.

Смерть пронизывала полукруглое здание насквозь, сочась из всех крошечных щелей между громоздких плит. Иной миг казалось, будто из полусферы льется слабый, еле различимый ледяной синий свет. Казалось, будто души умерших следили за мной через толстые непрозрачные стены и зазывали к себе, завидуя моей жизненной энергии.

Странно, но у меня не было ощущения, будто здание заброшено, хотя ему явно была не одна тысяча лет. Напротив, чувствовалось, что оно до сих пор используется точно для той же цели, для которой оно и было заложено. Кое-где к

полусфере, несмотря на бушующую уже который день пургу, вели узкие, но четкие тропинки, по-видимому, настолько часто используемые, что снег не успевал их стирать. Конечно, следов там было не найти, но тропы можно было легко обнаружить, учитывая уровень высоты сугробов вокруг.

Так мы и прошли вдоль полусферы, потратив на это никак не меньше половины суток. Только уже к вечеру мы стали отходить от огромного сооружения, пока не оставили его виднеться лишь на самой кромке горизонта. Только тогда Балдр решил остановиться и сделать привал на ночлег.

«Знаешь, что мы только что прошли?» внезапно спросил меня скийалд, согревая руки у костра.

«Не знаю», ответил ему я, посасывая солонину. «Разве что могу сказать, что это довольно жуткое место».

«Возможно», кивнул Балдр. «Однако я считаю, что негоже тебе оставаться в неведении. Друг мой, сегодня мы прошли мимо великого Орлоога».

Я чуть было не поперхнулся.

«Орлоога?», переспросил я. «То есть это и был тот полис, в честь которого называется вся область? Но скажи мне, Балдр, почему тогда от него веет таким холодом? И почему мы не посетили его? В таком большом городе можно было бы пополнить наши припасы и хорошо отдохнуть перед нашим дальнейшим путешествием».

Скийалд лишь покачал головой и ответил:

«Нет, друг мой. Орлоог – самый важный для нас город,

и я желаю тебе, как желаю и всем, в конце своего жизненного пути оказаться в нем, но не для жизни построен он. В Орлооге собирают всех великих воинов, умерших в бою или от старости, хотя от старости у нас мало кто умирает. Там, среди толстых холодных стен, они ждут своего часа, когда настанет нар-Роог. Тогда, вслед за богами и воинами небесного сияния, главные врата Орлоога, никогда прежде не открывавшиеся, распахнутся, и армия спасителей мира выйдет навстречу врагу, чтобы сразиться один раз, раз и навсегда решив, кто будет править в этом мире – добро или зло».

«Остаться на ночлег рядом с Орлоогом было бы невежливо по отношению к достопочтенным воителям прошлого, поэтому я решил сделать привал только сейчас», добавил он. Я посмотрел на еле заметную сероватую дымку, миниатюрную точку, в которую сейчас превратился полис. Странно было даже называть его полисом, ведь он так не похож ни на Верселлию с Пирогоградом и Ланиром, ни даже на Энтерберг. Станным мне показалось и то, как люди, которые почти полторы тысячи лет назад основали Содружество полисов, смогли объединиться с орлоогцами, которые, на мой взгляд, были довольно самодостаточны и независимы от событий, происходящих вне их области.

На следующий день мы продолжили свой путь. Перед тем, как отправиться, Балдр повернулся в сторону Орлоога и сделал низкий поклон, согнувшись почти до земли. Я последовал его примеру, но поклонился не так низко – не потому,

что не имел достаточного уважения к мертвым Орлоога, а потому, что просто никогда так не делал, мое тело не было таким гибким, как у скийалда, с учетом всех надетых доспехов.

Метель все еще продолжалась, но мой товарищ по-прежнему уверенно топал вперед, не сворачивая ни на метр. Я все еще не мог привыкнуть к тому, как хорошо Балдр ориентируется в пространстве, пусть даже в родной стране, но в однообразной местности. Мне казалось, что будь моим напарником кто-либо другой, мы бы каждый раз ждали окончания метели, да и передвигались бы наверняка быстрыми перебежками от деревни к деревне. Балдр же давно был одиночкой и не любил лишний раз встречаться с людьми, кроме тех случаев, как того требовало его призвание. Сейчас же он был скорее проводником, чем скийалдом, поэтому за все время нашего похода мы посещали деревни всего-то пару раз.

«Про орлоогцев в других областях всегда ходили разные слухи», ни с того ни с сего начал говорить Балдр. Похоже, наше постоянное молчание утомило и его. «Например, что у нас есть несколько названий для снега. Бред, конечно, нам незачем описывать разными словами одно и то же, пусть оно иной раз и выглядит немного по-другому. Есть, конечно, такие слова, как наст или пороша, но точно такие же слова употребляют и в других местах. Еще говорят, что мы убиваем своих детей, если те рождаются хилыми и слабыми. Тоже какая-то несусветная чушь. Родители всегда стараются выхо-

дить своего ребенка, дать ему достойное воспитание, чтобы тот вырос в сильного и мудрого юношу или стойкую и прекрасную девушку. Другое дело, что суровая природа в наших краях мало способствует тому, так что если младенец действительно родился немощным и больным, шансов, что он переживет свою первую зиму, почти что нет. Сама зима – это проверка новорожденного орлоогца на прочность. Холодная и бесплодная, она не дает поправки никому, ни старому, ни младому, и не прощает ни одной ошибки и ни одного проявления слабости.

Однако есть мифы, которые на самом деле являются правдой. Те, кто родился в морозных пустошах окрестностей Орлоога и вырос в них, имеют стойкость к низкой температуре. Более того, орлоогцы чувствуют своим телом любые изменения в температуре, даже если холод сменился большим холодом. Так люди, живущие в более теплых землях, ощущают, когда жара сменяется на прохладу, а прохлады на мороз. К чему я это говорю», добавил он, «ты заметил, что воздух стал более ледяным?»

«Нет», сознался я. «Для меня все одинаково холодно».

Балдр пожал плечами. «Если воздух холоднее, хотя внешне погода не поменялась, это может значить, что мы подходим к водоему. Насколько я помню, где-то рядом должна проходить излучина реки Йааштром, от которой до озера всего ничего».

Действительно, мы прошли еще где-то час под россыпью

падающих снежинок, после чего вышли к довольно широкой реке. Толстый лед покрывал всю поверхность воды, и лишь у самого берега вода тихо плескалась и била в измученную землю. Казалось, что в такой холодной воде никто не может жить, но я заметил подо льдом стайки мелких рыб, а рядом со мной из-под края льда вылез рак и стал деловито закапываться в подмерзший ил.

Река Йааштром была намного шире, чем любая другая из виденных мною. Наверное, во времена, когда здесь было тепло, и лед отсутствовал, на реке процветало судоходство и рыбный промысел. Сейчас же без соответствующего снаряжения типа бура и особых удочек, поймать что-либо стоящее было бы затруднительно.

Эту реку я уже видел на нашем пути. Все-таки большинство деревень стояло вдоль реки, так же как на берегу моря разместились все рыбацкие поселения. Орлоогцы в огромных количествах поставляли рыбу в другие области, и даже рыболовный промысел Ланира, изо всех сил старающийся не отставать в этом ремесле, не мог даже близко добраться до такого числа поставок.

Излучина реки Йааштром выглядела пугающе. В этом месте река круто заворачивала, яростно урча своими ледяными водами, и даже лед, несмотря на холод, здесь не мог образоваться, и волны набрасывались на стоящие следом льдины, пытаясь их расколоть, растопить, уничтожить.

«Теперь мы пойдем вдоль реки», сообщил Балдр. «До ис-

тока реки осталось не больше дня пути».

Температура вдоль реки была заметно ниже, чем в долине, это ощущалось даже несмотря на то, что я не обладал такой чувствительностью, как орлоогцы. Мне пришлось обнять плечи руками и идти так, при этом немного пригнувшись, чтобы не выставлять тело навстречу ветру, который осознавал здесь свою силу и нагло этим пользовался. Каждая минута, каждая секунда была для меня мучительной, каждый шаг давался с большим трудом. Я старался не отставать от Балдра, хоть теперь это было и не совсем просто – скйалд не сбавил шаг, скорее даже наоборот. Я надеялся, что к вечеру мы дойдем до озера, но этого не случилось, и на ночь мы остановились у обрывистого берега реки. Я уговорил напарника отойти чуть подальше в долину, чтобы не замерзнуть от морозящего ветра. Балдр не понимал, зачем это было необходимо, но все же согласился, правда, добавив при этом, что это проявление слабости ничего хорошего в будущем не даст. «Великое бескрайнее озеро Котст не даст тебе никакой поправки. Если ты оступишься, отступишь хоть на полшага – на этом для тебя все закончится», сказал он. «В следующий раз будем спать у берега, на ветру».

Когда мы подготовили место для ночлега, я задал вопрос, который интересовал меня почти с самого начала:

«Неужели орлоогцы никогда не могут заблудиться? Конечно, чувство температуры помогает немного определить направление и близость к воде, но в такой бескрайней пусты-

не наверняка не один человек терялся. Неужели все скийалды точно знают, куда идти?»

«Орлоогцу трудно заблудиться», отвечал Балдр, взявшись за кантеле. «Ты сам, Гавилан, пропускаешь множество ориентиров, которые замечал я, и по которым мы шли. Но не каждый человек способен распознавать эти ориентиры, особенно молодые люди, вроде юных скийалдов. Не каждый знает, с какой стороны растёт мох, где стоят путевые камни, когда и откуда дуют ветры. Но каждый знает, что его боги помогут ему. Многим богам поклоняются орлоогцы, и многие готовы помочь, если человек того достоин».

«Как же боги помогают не заблудиться?», спросил я.

«Есть одно поверье... Во время света и тьмы, во время жизни и смерти, во время силы и слабости, во время жатвы и возвращения, во время величия и упадка, когда видны четыре луны, Сохатый идет на водопой, чтобы испить священной воды и отдохнуть. Тот, кто потерялся, должен пойти за Сохатым – тогда и он найдет себе и место для отдыха, и продолжение своего пути».

«Четыре луны?», переспросил я. «Но у нас всего две луны! Откуда взяться еще двум? Выбирался ли тогда кто-нибудь таким образом?!»

«Никто никогда не говорит, когда ему помогли боги», скийалд взглянул на меня. «Это невежливо по отношению к богам. Когда ты будешь нуждаться, то вспомнишь слова, и найдешь четыре луны».

Я не знал, что ответить на это, но на всякий случай постарался запомнить. Природа Орлоога удивительна, и резко отличается от других регионов. Никогда не знаешь, что с тобой может здесь случиться, как хорошее, так и плохое. С некоторым раздражением внутри себя я и заснул.

Утром я с нескрываемой радостью обнаружил, что пурга закончилась, и снова солнце светило на ясном чистом небе. Балдр проснулся раньше меня и успел выловить пару раков из реки, которых теперь спокойно, не торопясь, отваривал в котелке. Йааштромский рак был пахуч и вкусен, я с аппетитом наелся им, облизав пальцы после завтрака. Теперь идти было не так холодно, и я нагнал своего проводника и пошел с ним наравне.

«Смотри», сказал Балдр, неожиданно подняв руку, указывая вперед. «Вот исток реки Йааштром и само великое озеро Котст».

Я пригляделся. Впереди сверкала ясным светом ровная гладь заледенелого озера, покрытая толстейшим слоем настолько чистого льда, что солнце полностью отражалось от него и слепило глаза. Озеро Котст поистине было бескрайним, широким словно море, и наверняка таким же глубоким. Правда, проверить глубину озера у меня вряд ли получилось бы.

В том месте, где из озера выделялась река, вода еле виднелась из-под ледяной стены, несмотря на его чистоту, настолько он был толстым. Узнать, что где-то там у дна есть

течение, причем очень сильное, на первый взгляд было бы невозможно.

Приглядевшись во второй раз, я обратил внимание, что у берегов реки Йааштром, у самого истока, стоят какие-то развалины серо-коричневого цвета, портившие весь красивый пейзаж. Подойдя ближе, я заметил, что развалины имели фундамент где-то глубоко под водой, и на протяжении всей своей высоты их крепко держал озерный лед. Рядом, у берега, валялись обломки камней, по архитектуре схожих с развалинами. Я оглянулся на Балдра. «Посмотри под озером», ответил он мне. Я осторожно ступил на озеро. Лед, как и ожидалось, надежно держал меня, при этом, как ни странно, он не был скользким. Я взглянул под него. Там, где-то внизу, а возможно и на самом дне, торчали точно такие же руины, стоящие часто-часто, в большом количестве, словно кто-то давным-давно построил здесь большой город.

«Посмотри на эти прекрасные статуи», сказал подошедший Балдр. Он оперся о развалины, обрамляющие исток реки, которые хоть и были почти разрушены, возвышались вверх не менее чем на восемь-десять метров. Обломки являлись древними столбами, представляющих собой статуи каких-то больших людей. К сожалению, они не выдержали испытание временем, поэтому все, что от них осталось – это нижняя половина туловища. «Когда-то здесь был большой город, которым правил конунг, или вождь по-вашему, которого звали так же, как и меня. Вот это», он хлопнул по остан-

кам статуи, «были врата, ведущие в его город, стоящий прямо на озере Котст, которое тогда даже не было замерзшим. Так этот город и назывался, Вратами. Люди конунга странствовали по реке Йааштром на своих кораблях, драккарах, по всей долине.

Это были странные времена, когда в окрестностях Орлоога знали теплое лето и яркие дни. Тогда орлоогцы жили раздельно, у каждого был свой клан, и эти кланы воевали друг с другом. Считалось, что Великий Бог Оген, отец всех богов, следит за людьми, определяя, кто из них достойнее оказаться в Орлооге, поэтому каждый клан стремился выделиться, в основном за счет других кланов. Много воинов погибло неизвестно за что. В те же века были спеты многие боевые песни, которые пелись в каждом походе:

*Оген! Веди корабли,
Наши копья, мечи, топоры!
Веди нас сквозь злые штормы
К славе кровавой войны!*

Балдр Великий был конунгом одного из самых яростных кланов. Его могучий город, Врата, названный чуть позже его именем, стоял на самом озере Котст. Отсюда конунг совершал набеги по всем землям вдоль реки Йааштром. Так бы продолжалось и дальше, если бы вдруг однажды он не увидел сон, в котором к нему пришел сам Оген, ответивший конун-

гу, что не желает больше видеть, как воины пытаются убить друг друга. В последней битве, сказал Оген, армия воинов должна быть единой и дружной, а сейчас все кланы с яростью смотрят друг на друга. Не так должно быть, произнес Оген и исчез.

Этот сон поменял мировоззрение Балдра Великого, и с тех пор вместо войны конунг стал совершать походы с целью объединения кланов. В историю он вошел как первый конунг всей орлоогской области, которую называли Алвсдоолхейм. Уже спустя десятилетие кланы стали дружны, но своей воинственной природы не поменяли. Алвсдоолхеймские жители начали нападать на соседние области, грабя и опустошая мирные деревни. Богатства рекой стекались во Врата, которые переживали эпоху своего расцвета.

Балдр умер от старости намного раньше, чем гнев Огена вновь пал на Алвсдоолхейм. За то, что орлоогцы снова убивают себе подобных, пусть даже не из их страны, Оген наслал на долину кару. Мощный ледник опустился на страну. Наступила суровая долгая зима. Озеро Котст промерзло почти до основания, а лед прошелся по реке Йааштром до самого моря. Зеленые луга и дремучие леса засыпало снегом. Многие люди погибли от холода, а те, кто выжил, разбежались из городов, основав мелкие деревеньки. Народ Алвсдоолхейма, видя ярость Великого Бога, бежал из Врат, сетуя на то, что величественный город стал для них главным проклятием. Город опустел, его обжили йормунги, во множестве запо-

лонившие заледеневшую поверхность озера Котст, и со временем разрушили его.

Гнев Огена не прошел для орлоогцев даром. Великий Бог запретил когда-либо упоминать название Алвсдоолхейма и Врат, но скийалды все равно тайно передают эти имена друг другу, чтобы помнить о проклятии. Теперь мы живем для одной цели, ради которой появляемся на свет – ожидания нар-Роога.

Любой другой житель окрестностей Орлоога, придя сюда, вряд ли узнал бы, что здесь был какой-то город», сказал Балдр, грустно ковыряя статую. «Скорее всего, подумал бы, что в древние времена тут проводили какие-нибудь ритуалы...»

«Скажи, а почему жители других областей не помнят, что на них нападали?», спросил я скийалда. «Ведь в Содружество, насколько я знаю, вас даже приглашали. Неужели хотели обезопасить себя от возможных будущих нападений?»

Балдр отрицательно покачал головой. «Совсем нет. Просто все это происходило очень, очень давно, за много тысяч лет до основания Содружества. Все уже забылось. Лишь скийалды хранят эти тайны, чтобы предотвратить что-либо похожее в будущем».

Он убрал свое кантеле и пошел по льду Котста. Я еще довольно долго вглядывался в руины Врат, обращая внимания на множество рун, выбитых на их поверхности. Наверное, при желании можно было бы прочитать их все, узнав запретную историю, но то ли никто из посещавших исток реки Йа-

аштром не умел читать, то ли руны были слишком старыми и в настоящее время не использовались.

Я поторопился за скийалдом, потому что тот уже успел уйти довольно далеко. Поверхность озера, в принципе, внешне почти ничем не отличалась от долины, которую мы прошли, разве что лед блестел ярче снега и потому создавал какое-то праздничное настроение. Я вспомнил о том, что мне уже вот-вот должно будет исполниться девятнадцать лет. Прохождение испытания мужчины по орлоогским обычаям будет отличным подарком самому себе на день рождения...

«Где водятся йормунги?», спросил я напарника. «Ведь мы уже на озере Котст, а пока ни одного йормунга не встретили».

«Тогда ты, должно быть, слеп», невозмутимо ответил Балдр. «Оглянись вокруг и ты увидишь столько йормунгов, что удивишься тому, как на тебя до сих пор ни один не напал».

Я с изумлением взглянул на лицо скийалда, но не увидел на нем ни тени сарказма. Тогда я оглянулся и заметил, что по всему озеру, по всем его краям ползут то туда, то сюда какие-то маленькие черные точки. До этого я замечал точки, но не придавал им особого значения. Теперь, приглядевшись, я обратил внимание, что точки на самом деле были длинными многоножками какого-то темно-синего цвета, словно все они были обморожены. Многоножки деловито топали из стороны в сторону, очевидно, в поисках какого-нибудь пропитания, но в основном двигались в какой-то определенной сво-

ей области. Казалось, что каждому йормунгу была выделена своя территория, на которой он и питался, даже не стремясь зайти на территорию соседа. Я заметил эту особенность. Возможно, территориальный инстинкт йормунгов поможет мне, когда я выберу для атаки кого-то из этих чудищ.

Теперь, пока мы шли по озеру, я наблюдал за чудищами, стараясь выявить типичные движения. Я ничего не знал о йормунгах, ни в каких bestiaries не было ни одной заметки о них. Это было неудивительно – орлоогцы сами решали свои проблемы в большинстве случаев, не полагаясь на помощь посторонних. Охотник на чудищ в окрестностях Орлоога – неблагоприятное и крайне неприбыльное занятие. Сам я был здесь не ради денег, а из-за жажды приключений, которая постоянно бурлила во мне, заставляя двигаться вперед, навстречу неизвестному.

В конце концов, я окликнул Балдра, приняв решение остаться на озере и понаблюдать. Скийалд послушался, хоть и было явно заметно, что он искренне не понимал, зачем нам оставаться. Для его народа познание противника происходило в сражениях, а не в выслеживании.

Мы разбили лагерь прямо на льду Котста, на достаточном расстоянии от йормунгов. Я уселся на толстое одеяло, достал арбалет и стал настраивать его, подкручивая разболтавшуюся от безделья тетиву. Попутно я расспрашивал Балдра обо всем, что тот знал о йормунгах. Скийалд охотно отвечал мне, чувствуя свою ответственность, как помощник в испы-

тании. От него я узнал о том, что йормунги – членистоногие чудища большого размера, привыкшие к низким температурам. Сверху они покрыты прочным, сизого цвета, хитином, который невозможно ни пробить, ни разрезать. Хитин надежно защищает йормунгов от любых нападений со стороны несмышленных хищников и неподготовленных охотников. Единственное слабое место йормунга – это мягкое розовое брюшко, спрятанное под массивным туловищем монстра; однако до брюшка еще надо добраться, минуя длинные и острые хелицеры, а также множество лапок, оканчивающихся заостренными, словно колья, лезвиями.

Йормунги ведут оседлый и одиночный образ жизни, каждый имеет свой ареал обитания, где он ест и спит. Каждое из этих чудищ ревностно охраняет свои границы. Питаются они в основном травой, мхом и лишайником, но не брезгают и мелкими животными, забредшими на их территорию.

Описание чудищ удивило меня – оно никак не сочеталось с образом опасных монстров, которых следовало бояться и истреблять, но тут Балдр дошел до рассказов о миграции. Каждое лето, короткое, словно яркий сон, у йормунгов просыпается инстинкт размножения, они забывают про свои территориальные ценности и сплошным нескончаемым потоком следуют через всю орлоогскую область к устью реки Йааштром. На своем пути они не оставляют ничего и никого, полностью истребляя всех, кто окажется перед ними. Не одна деревня вымерла просто потому, что оказалась на пути

миграции йормунгов.

Бывали у йормунгов и ложные миграции, когда небольшой отряд йормунгов сбивается в кучу и начинает путешествовать по ледяным пустошам, не имея цели. К сожалению, добавил Балдр, с каждым годом йормунгов становится все больше, несмотря на то, что на них постоянно охотятся; ложных миграций тоже становится больше, и они все более опасны, потому что непредсказуемы и не зависят от времени года.

Наступал вечер, и я, натачивая свои глефы, размышлял о том, как напасть на йормунга. Конечно, мне хотелось как можно сильнее проредить ряды чудищ, но я понимал, что одного меня не хватит против целой орды огромных многоножек, даже с поддержкой Балдра. Скйалд уже ложился спать, но я все еще сидел, изготавливая ядовитую смесь из микстур, прихваченных с собой. Я приготовил неплохой по силе действия яд, смешав концентрированный сок лютика с уксусом и клеевым веществом. Так, яд должен действовать, даже попав на поверхность тела чудища, а не только внутрь организма, проедавая плоть, причем содрать его было бы невозможно. Сумерки напоминали о себе леденящим ветром, но я не обращал внимания, увлеченный делом. Помимо яда, я припас еще горючей смеси, подготовив к ней ватных шариков, а также модифицировал свои бомбы, перекрутив пружины пускового устройства. Такие бомбы должны были взрываться немного позже обычного, и я надеялся максимально эф-

фактивно использовать эту особенность в бою с йормунгом.

Утром я, как ни странно, встал раньше Балдра. Пока мой напарник просыпался, я, переодетый в собственную одежду, пусть и незащищенную от холода, зато привычную, следил за копошащимися вдалеке чудищами. За всю ночь к нам никто не пытался подобраться, и этому я был несказанно рад. Привязанность йормунгов к собственной земле во время отсутствия миграций была все-таки очень сильна. Таким образом, для нападения на йормунга нужно было выбрать монстра, максимально удаленного от остальных.

Наконец, я выбрал йормунга. Одинокий монстр деловито обхаживал небольшую рощицу, состоявшую из двух пар молодых сосен, переплетающихся друг с другом чудным образом. Питания там было не слишком много, но, похоже, йормунгу хватало растительной пищи как с сосен, так и с большого камня, расположенного неподалеку, на котором в изобилии рос мох. Поблизости не было ни одного дерева или травянистой поляны, поэтому другие йормунги даже не думали претендовать на это место.

«Готов?», спросил меня Балдр. Я утвердительно кивнул. «Тогда не буду мешать тебе. Помни, йормунги коварны и довольно непредсказуемы. Будь всегда на шаг впереди йормунга и оглядывайся по сторонам».

Я снарядил на себя все свои подготовленные вещи и направился в сторону чудища. Балдр шел позади меня на достаточном расстоянии, чтобы не мешать и не привлекать к

себе лишнее внимание. Я вскинул арбалет с заряженными заранее болтами, которые предварительно очень осторожно, стараясь не обляпаться, смазал ядом. Йормунг все еще не обращал на меня внимания, занимаясь поеданием нижних листочков сосны.

Решив сначала немного понервировать монстра, я вставил в пусковой механизм арбалета болт с накрученной ватой, смоченной в уксусной горючей жидкости. С помощью эбонитовых палочек я воспламенил вату и, особо не целясь, произвел выстрел. Болт влетел четко в ствол одной из сосен, огонь, несмотря на мороз, быстро распространился, переметнувшись на кроны соседних деревьев. От неожиданности йормунг отпрянул от сосны, испуганно заверещав. Я улыбнулся, но лишь на мгновение, потому что чудище, оглянувшись, заметило меня и расправило свои хелицеры. Я вновь вскинул арбалет и выстрелил в йормунга два раза. Один из болтов ударился об утоптаный снег где-то между ножек многоножки, но второй попал в основание ножки: если бы йормунг был обычным животным, я бы сказал, что ранил его в бедро. Йормунг снова заверещал и попытался побежать ко мне, но ножка почти сразу же стала отказывать ему, и он слегка поскользнулся. Не будь у него еще кучи ножек, можно было бы считать чудище демобилизованным, а так мне оставалось лишь надеяться, что яд умеет распространиться по туловищу и другим ножкам.

Йормунг, похоже, не был глуп, иначе я не мог объяснить,

почему он не попытался счистить яд с ножки, хотя мог бы дотянуться до того места. Слегка прихрамывая, монстр направился ко мне, причем довольно быстро. Мои глефы уже были надеты на руки, поэтому я убрал арбалет за спину и освободил клинки.

Йормунг привстал на задние лапки, и мне открылось мягкое розовое брюхо, до которого тем не менее было бы тяжело добраться, потому что его защищали передние ножки и хелицеры,двигающиеся, словно тяжелые жернова, готовые перемолоть что угодно на своем пути, да к тому же усеянные острыми колючками и шипами. Я попытался занырнуть под опасные конечности многоножки, но лапки остановили меня, а когда я пытался ударить по ним, мои клинки отскочили, как будто столкнулись с прочным металлом. Мгновение спустя я осознал, что нахожусь практически под йормунгом, и тот не преминул возможностью этим воспользоваться и попытался придавить меня. Я еле выскочил из-под чудища, попытавшись еще раз ударить по ножке, но тщетно. Клинки были бессильны против мощных конечностей йормунга.

Монстр стремительно развернулся и теперь сам напал на меня. Опасные хелицеры жутко щелкают почти у самого моего уха, но я старался не давать йормунгу нарушать свое поле, с попеременным успехом отбивая выпады чудища. Каждый отбитый удар эхом передавался всей моей руке, поэтому большую часть атак я старался просто избежать, уворачиваясь и кружась.

В таком диком и стремительном танце я заметил стоящего поодаль Балдра. Он держал в руках свой двуручный топор, но не пытался влезть в бой. Про себя я успел подумать, как он определит, когда мне действительно нужна будет помощь, но постоянно атакующий йормунг не позволял мне надолго включать мозг, заставляя постоянно переключаться почти что на чистые инстинкты.

Я пытался обойти йормунга сзади, но тот все время поворачивался ко мне передом. Вообще, его движения были явно быстрее моих, и если бы не мои занятия с Алесией, чьи эльфийские молниеносные рефлексy натренировали мое тело стремительно реагировать на атаки, я был бы уже проткнут каким-нибудь из наточенных лезвий чудища еще несколько минут назад. Но мне все равно не хватало скорости, чтобы самому атаковать монстра, приходилось только защищаться.

Это напомнило мне схватку с ракшассой, столь же стремительную и изматывающую. Отличие заключалось в том, что в той битве мне помог Фенхель, причем не совсем честным путем. Балдр же не будет помогать мне, иначе это будет означать полное мое поражение в испытании, а я все-таки хотел стать мужчиной. Я разозлился. Неужели у меня не получится то, что получается у десятков орлоогцев каждый год?! Неужели я не достоин стать воином?!

Когда йормунг в очередной раз занес хелицеру, я освободил кисть руки от рукояти глефы и схватился за шипастый клык чудища. В то же время я оперся другой рукой о хитино-

вый бок монстра и, увернувшись от ударов двух ближайших ножек, подскочил вверх. Снова взявшись за глефу, я направил клинок прямо в место, откуда росла хелицера. Мандибулы, клешни, находившиеся рядом, яростно задрожали, щелкающая прямо около моей руки, но им не хватало длины, чтобы достать меня. Какая-то ножка ударила мне в бок, прямо под грудную клетку. Клепаный дублет выдержал удар, но все равно я почувствовал жуткую боль, стремительно разошедшуюся по всему телу. Стараясь не обращать внимания на боль, я все-таки дотянулся до корня хелицеры и рваными ударами стал резать ее. Йормунг завизжал и стал мотать головой из стороны в сторону, но я крепко вцепился в него и по возможности продолжал резать. Тогда чудище встало на задние ножки и попыталось отцепить меня. В ответ на это я отпрыгнул назад, достал из-за спины арбалет и сделал несколько выстрелов. В спешке болты разлетелись кто куда, часть из них попала в хитин йормунга. Яд пытался разжесть плотную броню чудища, и ему этот даже немного удалось, но йормунг ничего не почувствовал. Он злобно смотрел прямо на меня. Хелицера, которую я повредил, беспомощно болталась, свисая на толстых, покрытых кроваво-сизой слизью, хрящах.

Я осторожно отступал назад, на озеро Котст. Балдра я не видел, но полагал, что тот отошел подальше. Йормунг ступал за мной. У меня было время достать бомбу, и я вытащил пару штук. В какой-то момент чудище заверещало и бросилось на меня, тогда же я и бросил йормунгу под низ бомбы, а сам

побежал назад.

Бежать по озеру, покрытому скользким льдом, было сложно, и я понял, что здесь я точно уступлю проворному монстру, поэтому в движении развернулся обратно к чудищу. Йормунг несся ко мне, однако, с каплей осторожности, теперь уже воспринимая меня как довольно опасного противника. Он уже прошел мимо первой бомбы, которая отлетела чуть дальше, и подходил к другой. Расстояние между нами сокращалось, и я встал в защитную стойку, готовясь к новому этапу сражения. Бок постоянно болел, и я подозревал, что сломал себе нижнее ребро.

Аккурат в тот момент, когда йормунг пробежал над второй бомбой, она разорвалась, а следом за ней взорвалась и другая. От неожиданности йормунг сначала немного подлетел в воздух вверх, маленькие ошметки его брюшка разлетелись в разные стороны на небольшом радиусе, а затем ударной волной другой бомбы его кинуло вперед, подняв безобразный, с жуткими торчащими усиками, хвост. Чудище отбросило вперед, ко мне, однако, несмотря на значительные повреждения, оно уперлось передними ножками в лед, притормозив движение. Похоже, йормунг не хотел просто так сдаваться, несмотря на слабость и смертельные раны. С трудом держась на ногах, он почти подошел ко мне. Я понял, что мне нельзя терять шанс и предпринял рискованный маневр. Разогнавшись на ледяной поверхности, я свалился на бок, ногами вперед, и проехал по льду прямо под брюхом йормунга,

между его опасных ножек, по пути движения распарывая его нежную кожу своими глефами и высвобождая отвратительные внутренности монстра. Из-за того, что йормунг и так еле стоял, он не попытался поднять хотя бы одну из своих ножек, чтобы сразить меня. Я остановился через метр после того, как проехал хвост чудища, и именно тогда йормунг рухнул на поверхность великого озера Котст.

Я встал, держась за ноющий бок и оглядывая побежденное чудище. Хотя я уже не первый раз сталкивался со столь опасными чудищами, радость и гордость переполняли меня. Теперь, по меркам орлоогцев, я стал настоящим мужчиной!..

«Осторожно!», услышал я возглас Балдра позади. Оглянувшись, я увидел скйалда, бегущего в мою сторону, наперерез ошалело несущемуся прямо на меня еще одному йормунгу. Балдр взмахнул своим двуручным топором, сделал стремительный прыжок и всадил лезвие прямо в лоб чудищу. Йормунг затормозил, скользя по льду, и привстал на задние ножки, пытаясь содрать с головы топор, а заодно и висящего на нем воина. Ножки цеплялись за керамзитовую броню Балдра, но ничего не могли с ней поделывать. Сам скйалд умело уклонялся от взмахов монстровых хелицер, попутно пытаясь вогнать топор еще глубже в голову йормунга. Я поторопился на помощь, надевая глефы и раздумывая, как лучше стоит подступить к чудищу.

Наконец Балдр вытащил топор и со всей силы снова вбил его в лоб. Оттуда фонтаном забрызгала синеватая лимфа.

Йормунг издал хриплый визг, его конечности стали конвульсивно дергаться, клешни быстро задвигались, колотя по бокам нагрудника орлоогца. Одна из хелицер добилась своего, пробив твердую броню, и пронзила тело Балдра. Скйалд судорожно вздохнул, выпустив свое оружие из рук, и взялся за воткнутую в себя шипастую клешню, тщетно пытаясь слезть с нее. В этот момент йормунг потерял сознание и завалился на бок, потащив за собой моего товарища.

«Балдр!», бросился я к своему другу. Скйалд висел на толстой хелицере, повернутый чуть наискосок, и с привычной серьезностью смотрел на меня. «Балдр! Ответь что-нибудь! С тобой все будет в порядке!»

Балдр кивнул. «Я знаю», ответил он. «Все будет в порядке, ибо я отправлюсь туда, где буду ждать своего часа вновь прийти в этот мир...» Он закашлялся, и из его рта полилась кровавая пена. «Похоже, йормунг проткнул мне легкое...»

«Но как же так?», запричитал я, «ведь рядом с нами не было никакого другого йормунга! Откуда мог взяться этот?!»

«Наверное, когда ты выстрелил из арбалета, шальным болтом попал в далекого йормунга, и тот примчался отмстить», прохрипел Балдр. Я оглядел мертвое чудище и заметил свой болт, торчащий из груди йормунга посреди расплывшегося болезненного зеленовато-желтого пятна. Я совсем пал духом. Получается, из-за моего промаха мой друг и напарник теперь умирает здесь, рядом со мной, а я ничем не могу ему помочь.

Скйалд увидел мою скорбь и попытался смягчить ее. «Не стоит так горевать», ответил он. «Погибнуть в бою – честь для любого орлоогца, и тем более для простого скйалда. Ты победил йормунга и прошел испытание, и я торжественно готов назвать тебя мужчиной, достойным этого мира...»

С каждым словом голос Балдра становился все тусклее, ему трудно было говорить, но он все равно продолжал. Глядя на него, я не сумел сдержать слез.

«Тебе сейчас важно позаботиться о себе», глубокий кашель приостановил речь скйалда. «Раны свои обработай лесным папоротником, что рос у истока реки Йааштром. Да помогут тебе боги не заблудиться тебе на пути! Если же ты заплутаешь, то вспомни про четыре луны...» Балдр снова закашлялся, один раз, второй, а третий кашель так и не дошел до конца...

Для скйалда я приготовил бревенчатое ложе из тех самых четырех сосен. Огонь без каких-либо проблем охватил еще зеленую древесину, радостно пожирая ее вместе с телом Балдра. Я еле стащил его с шипов хелицеры, к тому же размеры орлоогца и тяжесть его брони вкупе с моим больным боком только замедляли работу. Теперь же я сидел напротив костра и думал о том, что ждет Балдра теперь. Кто пустит скйалда к воинам, кто даст ему право воевать во время нар-Роога? Может, его стоило отвезти в Орлоог, но я никак не смог бы справиться с этим в одиночку...

Печаль по ушедшему товарищу не до конца затмевала мой

разум, и я время от времени оглядывался по сторонам. Высокий костер легко мог привлечь внимание остальных йормунгов, тем более что хозяина данной территории уже тоже нет в живых. Но никто из чудищ пока не проявлял интерес, и я по-прежнему сидел.

Темнело в окрестностях Орлоога быстро, поэтому, как только на небе начали сгущаться сумерки, я сложил свои пожитки, снова надел теплые доспехи и отправился в обратный путь, к истоку реки Йааштром. Костер уже почти догорел, а с ним Балдр и все его вещи. С наступлением темноты и йормунги зашевелились и стали подтягиваться к кострищу. Скоро здесь будет нешуточная схватка за территорию между несколькими чудищами, и мне лучше быть подальше от этого места.

Несмотря на жгучий холод ночи вместе с общей усталостью, я шел по озеру до самого утра. Ни мороза, ни боли я почти не чувствовал, потому что думал совсем не об этом. Зато, когда впереди показались руины древнего алвсдоолхеймского города и послышался шум бьющихся о крутые берега вод ледяной реки, я вспомнил про свой бок. Постоянная боль уже стала привычной, что, на самом деле, не было хорошим признаком. Будь я в каком-нибудь более-менее людном месте, я бы поскорее нашел лекаря, а так мне пришлось искать в ближайшем лесу папоротник, раскапывая глубокие сугробы в надежде увидеть широкие мясистые листья лечебного растения. За полдня я нашел всего несколько листов

папоротника, растолок их в мазь, и теперь сидел под кронами вековых деревьев и старательно растирал больное место. Нытье ослабло, но до конца не исчезло. Я надеялся, что хотя бы этого мне должно хватить.

Я надеялся дойти до морского берега, и уплыть там на ближайшем корабле куда-нибудь в пирогоградскую область. Если мне повезет, по пути я наткнусь на деревню, где мне, возможно, помогут.

У меня был выбор – пойти вдоль реки или пойти напрямик по тому же пути, что мы с Балдром шли сюда. Идти вдоль реки означало то, что у меня даже при всем желании не получилось бы заблудиться, рано или поздно она вывела бы меня к морю. Беда в том, что Йааштром – не ровная река, она постоянно петляет и заворачивает обратно, поэтому путь будет гораздо длиннее, чем идти прямо. С другой стороны, у реки больше шансов встретить деревню, к тому же на местности я ориентируюсь не так, как скийалд...

И все-таки я решил пойти прямо. У меня нет времени идти вдоль реки, тем более с моей раной, да и рядом с рекой температура немного ниже, чем даже в середине снежной пустыни. Пытаясь вспомнить дорогу, я устремился вперед.

Как будто назло мне, через день началась метель. Снег тяжелыми хлопьями опускался на землю, мешая следить за направлением движения, поэтому уже скоро я просто шел вперед, стараясь никуда не сворачивать. По вечерам я делал небольшое углубление в сугробе и растапливал рядом костер

из хвороста, натирал бок мазью из лесного папоротника и быстро ложился спать, а ранним утром вскакивал на ноги и шел дальше, в надежде на то, что иду правильно.

Так я шел уже целую неделю, а метель даже не утихала. Пустыня стала ровной, как блюдце, и я не мог сказать, где находится гора, где холм, а может, здесь вообще подо мной протекает река. Ноги увязали в сугробах почти по самые бедра, и даже до какой-нибудь рощи я не мог дойти, чтобы достать немного хвороста для костра не потому, что было тяжело дойти до нее, а потому, что я не мог найти ни одну рощу – бесконечный снег уравнил всех. Теперь я просто выкапывал нору в снегу, укутывался потеплее и молился за то, чтобы проснуться утром. За ночь мои конечности коченели, и мне приходилось тратить лишнее время на то, чтобы сделать зарядку и разогреть бесчувственные руки и ноги.

К концу второй недели, если я правильно считал дни, хотя день от ночи почти ничем не отличались в этом ледяном аду, я понял, что абсолютно не уверен в том, куда я иду. Иными словами, я заблудился посреди долины. Теперь я шел только в надежде, что встречу хоть какую-нибудь деревню, где мне смогут помочь. Солонина в моей сумке заканчивалась, и скоро я начну голодать...

К счастью, а может, чтобы поиздеваться надо мной, двухнедельная метель закончилась. Когда я проснулся первым за последние дни спокойным и тихим утром, я огляделся и обнаружил, что по всем направлениям мне открывается один и

тот же пейзаж – сплошная белая равнина. Единственное, что меня немного обрадовало – слегка поднявшаяся температура, благодаря которой верхний слой снега подтаял и образовал довольно прочную корку наста. Я кое-как вскарабкался на наст, еще раз огляделся в тщетном желании найти хоть один ориентир, и пошел куда глаза глядят.

Я уже отчаялся найти хотя бы даже малейший намек на людское поселение, потому что вид передо мной никак не менялся – все та же белая степь с поднимавшейся время от времени от ветра снежной пылью. Пару раз я замечал какое-то движение впереди, но в итоге оказывалось, что это просто был заплутавший, как и я, олень или заяц. В какой-то момент мне даже показалось, что я перехожу реку – подо мной рокотал неопределенный, тихий, но в то же время явственный звук; однако я не мог уже определить, было ли это на самом деле так, или мне уже начали чудиться галлюцинации. Тусклое одиночество, когда рядом с тобой нет не то чтобы попутчика, но даже хоть сколько-либо живого существа, – да хотя бы самого захудалого растения, в конце концов! – сводило меня с ума.

Вечером я порылся в мешке и достал оттуда сборную палатку. Когда я собирался в дорогу, эта вещь казалась мне необходимой в походе, и я взял ее, хотя Балдр скептически качал головой. Действительно, она так и не понадобилась мне – тонкая парусина хоть и защищала от ветра, но не могла уберечь от продиравшего до мозга костей мороза, и те же

снежные укрытия, как бы странно это не звучало, спасали от холода гораздо лучше. К тому же палатку было тяжело крепить, так как поверхность долины Алвсдоол составлял либо чересчур мягкий снег, либо чрезвычайно твердая, промерзшая насквозь, земля, либо беспокойный, грозящийся исчезнуть с малейшим потеплением, лед. Вылив на палатку остатки своей горючей жидкости, я сделал из нее некое подобие костра, чтобы хоть как-то согреться. Такой огонь долго не протянет, но все равно это было лучше, чем ничего.

Спрятавшись под настом и завернувшись в одеяло, я краем глаза смотрел на ясное небо, на котором с наступлением сумерек заиграли яркие краски небесного сияния. Тонкие полосы разноцветных огней гирляндой струились среди прозрачных облаков, а где-то среди них скромно виднелись обе луны. Я пригляделся к ним. Мачеха заметно росла, а это означало, что во всей Телехии уже наступила весна.

Облака отступили, обнажив небесное сияние, и спустя мгновение моему взору открылась стройная шеренга духов, беззвучно державших на вытянутой руке перед собой фонари, в которых были заключены их яркие и светлые души. Шеренга распространилась на все небо, от одного горизонта до другого, уходя в неизведанную даль. По всей долине стало ярко, свет фонарей малахитовым мерцанием отражался от гладкого наста и задерживался где-то в воздухе, позволяя видеть все вокруг почти так же хорошо, как и днем.

Я смотрел на духов воинов и обратил внимание, что свет

фонаря одного из них светит ярче, чем другие. С некоторой неожиданностью для меня, этот дух повернулся ко мне и, спустя несколько тревожных мгновений, медленно и осторожно снял шлем.

«Балдр», прошептал я, «ты все-таки... Все-таки...» Не обращая внимания на ночной холод, я вылез из своего укрытия и встал прямо посреди бескрайней пустой долины.

Это лицо невозможно было ни с кем перепутать. Это был Балдр. Его кудрявая борода и непослушная шевелюра остались в моей памяти навсегда. Рыжий цвет его волос уступил место голубовато-серым тонам, присущим всем духам в стане небесного сияния, но он все равно просматривался в свете изумрудных фонарей.

«Балдр... Ты все-таки встретился с отцом...», не мог поверить я своим глазам, но в то же время я знал, что верил в это всегда. «Ты на своем месте, где должен был быть. Ты – настоящий воин, пусть свою жизнь ты провел в одеждах скйалда».

Балдр улыбнулся мне, после чего указал рукой, в которой держал фонарь, куда-то вниз. Сразу же, ни с того ни с сего, задул ветер, который словно бы сдул духов с их поста, однако небесное сияние продолжало светить, пусть и немного тише, уступая место белому свету двух лун.

Я посмотрел туда, куда показывал Балдр, и обомлел. На гладком, подтаявшем за день и снова замерзшем ночью насте нежным белым цветом отражались Падчерица с Маче-

хой. Таким образом, моему взору открывались сразу четыре луны! Не до конца понимая, что случилось, я закрутил головой и внезапно заметил, что несколько звезд на темном ночном небе сдвинулись с места, и часть самого небосвода будто бы слегка отделилась, обозначив края огромнейшего живого существа. Приглядевшись, я понял, что этим животным был гигантский лось.

Колоссальных размеров, со звездным небом на своих широких боках, лось не обращал ни на что внимания. Он стоял почти что спиной ко мне, устало мотая своей головой из стороны в сторону, будто что-то искал. Потом он, видимо, нашел что хотел и направился, медленно и степенно передвигая длинными сильными ногами, вперед.

Я осознал, что происходит, и быстро вернулся к своим оставленным вещам, молниеносно собрав их обратно в заплечный мешок, и спустя пару мгновений вернулся обратно, надеясь на то, что огромный лось не ушел далеко. Но нет, я по-прежнему видел мощную спину этого загадочного божественного животного, а также видел, куда он направляется, и пошел вслед за ним, начисто забыв про сон, болевой бок и усталость.

Завороженно следя за величественным лосем, я не заметил, как ночь подошла к концу. Едва забрезжил свет, как лось вдруг наклонил голову вниз, словно собрался прерваться на прием пищи или водопой, и постепенно стал растворяться в воздухе, пока совсем не исчез. Поначалу я немно-

го растерялся, но потом собрал волю в кулак и отправился дальше в том же направлении. Теперь я, сам не зная почему, не боялся потеряться.

Прошел один день, затем второй. Съестные припасы подо заканчивались, бок не проходил, а надежда, яркой вспышкой возникшая после встречи с Балдром, начала угасать. Внутри я раздирался между двумя крайностями – оставшихся сил у меня могло хватить либо на продолжение пути, либо на охоту на дичь – и обе возможности не сулили стопроцентного успеха.

К концу третьего дня мне несказанно повезло. Из снега, который мне уже порядком надоел, торчал хилый, но стойкий ствол дерева, на одной из веток кроны которого находилось птичье гнездо с тремя небольшими яйцами. Как бы мне не было жаль бедных птенцов, желание есть оказалось намного сильнее, поэтому яйца пошли на ужин, а дерево – на костер. После этого мне показалось, что было бы уместно поблагодарить орлоогских богов за такое неожиданное спасение. Я никогда не был набожным, но влияние божеств на местный регион казалось каким-то невообразимо сильным. Признаться честно, прежде я не встречал таких чудес, которые видел здесь. Я сел на корточки и произнес в небо что-то наподобие молитвы. С чувством выполненного долга я лег спать.

Через день у меня появился еще один повод для радости. Мало того, что вокруг из-под снега стали появляться деревья

и кусты, еще я почувствовал, что воздух начал теплеть. Мне уже было не так холодно. Еще через день пути стал пропадать даже сам снег. Я видел обычную, коричневую землю, но еле сдерживал себя от радостного смеха. А когда я увидел траву, я не удержался.

Поля с растущими на них травой и цветами могли означать только одно – я покинул холодные окрестности Орлога, правда, не с той стороны, откуда ожидал. Осталось только найти какое-нибудь поселение, чтобы уточнить, где именно я нахожусь.

Погода явно стала теплой, и в орлоогской броне мне стало слишком жарко. Было очень жаль оставлять такие хорошие доспехи, но они слишком сильно нагружали меня. Я снял толстую броню и переделся в свои собственные одежды, оставив лишние вещи под небольшой осиной.

Бок ныл постоянно, но он меня уже не волновал, я был переполнен радостью хотя бы от того, что просто не мерзну. На лугах у меня было больше опыта в охоте, поэтому я практически без труда нашел одну кроличью нору и уже скоро пообедал вкусным и нежным мясом. Теперь я был достаточно полон сил, чтобы идти дальше, хотя моя травма пожирала значительную долю энергии.

Хоть я и шел еще пару дней, я не нашел ни следа человека. Весенняя погода принесла другие опасности вместо мороза – теперь на меня ночью вполне могли напасть дикие хищные животные, например, волки, которых я время от времени за-

мечал на почтительном расстоянии от себя, в тених маленьких рощиц. Я, конечно, мог постоять за себя, но спросонья, да еще будучи больным, я вряд ли мог представлять явную грозную силу для стаи хищников. Именно поэтому я каждый вечер, задолго до наступления темноты, окружал свой ночлег несколькими кострами, дабы отпугнуть незваных гостей.

К утру пятого дня я заметил на горизонте тонкую струйку дыма. Счастливый, я поторопился вперед, но сразу осекся. Дым мог идти не только от трубы деревенской избы, но и от пламени разбушевавшегося элементаля, или от костра, который развела разбойничья шайка в своем лагере. Осторожно, пытаясь обойти источник дыма со стороны, я пошел в ту сторону.

К счастью, мои опасения не оправдались – следом за одним столбом дыма показались еще несколько, потом показались коньки, и вскоре передо мной выросла целая деревня с избами, скотными дворами, парой колодцев и бескрайними полями, на которых было видно, как кто-то убирал сорняки, готовя землю для летней пахоты.

Подходя к деревне, я встретил какую-то женщину в свободном крестьянском платье.

– Добрая женщина, помоги мне, – сказал я сиплым голосом и сам чуть не испугался себя. Похоже, несколько дней постоянного молчания все-таки сказались на моих горловых связках.

– Чавой тебе надо? – подозрительно покосилась на меня

женщина, сжав руками коромысло, на котором она несла пару полных воды ведер.

Я прокашлялся как следует и спросил, теперь уже нормальным голосом:

– Не подсказешь, что это за деревня и где вообще я нахожусь?

– Странный у тебя голос. Уж не перевертыш ли ты, м? – спросила крестьянка. – Ладно уж, – она внезапно улыбнулась, – это деревня Бокопиково, что недалеко от Стригунцов, большого такого села. А день сегодня уже аж тридцать четвертый Таиня!

– А далеко ли до какого-либо полиса?

Женщина задумалась.

– До Пирограда, знамо, ближе всего, – наконец, ответила она. – Все-таки ж там наши власти. Но мы туда не катаемся, далековато. А ты шо, заплутал шо ли?

– Да, немного, – признался я, почесав затылок. – Спасибо за ответ.

– Та не за шо, – улыбнулась женщина и пошла своей дорогой.

Значит, я уже в области Пирограда! Похоже, что мой путь круто развернулся и я вместо востока шел на север... Однако, так было даже лучше, потому что я могу скорее найти удобное жильё и...

Заболевший с новой силой бок напомнил, что лучше бы я поскорее нашел лекаря, а не жильё.

Глава 9. Жара

Еще пару недель я таскался по ближайшим деревням к разным знахарям и лечил свой бок. К счастью, оказалось, что никакое ребро не было сломано, просто то ли был вывихнут один из позвонков, то ли что-то у меня заехало не туда. В итоге, после нескольких попыток вправить кость куда надо, а заодно поставить несколько горчичников на минимальную площадь тела, ноющая боль в боку прошла бесследно.

Пироградская область была для меня родной, и первое, что пришло мне в голову, когда я выздоровел – желание навестить родню. Я давно, с того самого момента, как ушел из следственной службы Пирограда, никак не пересекался с родителями, ни письмом, ни вживую, и потому очень хотел с ними встретиться, благо находился где-то недалеко. Правда, я пока не мог сориентироваться, потому что не знал ни одного населенного пункта, в которых побывал последние две недели.

Так я и блуждал на перекладных еще неделю, пока не попал в еще одну деревню. Осведомившись у местных жителей, я узнал, что это была Верхняя Валушка – село, расположенное на вершине широчайшего холма, у одного из подножий которого, почти на краю Злого леса раскинулась Нижняя Валушка, моя родная деревня. Мы с ребятами иногда ходили гулять в Верхнюю Валушку, у меня даже была

пара друзей оттуда. Правда, я сам тогда был совсем маленьким, и поэтому не надеялся, что здесь меня кто-нибудь узнает. Теперь для жителей области Пирогграда я был странным и незнакомым охотником на чудищ.

Я не стал терять времени и потому направился напрямик домой. Пусть прошло уже десять лет, память не подвела меня, и к середине весеннего дня я был уже в вишневой роще, которая цвела белоснежными и бледно-розовыми цветами и пряно благоухала.

Я зашел в деревню. Поразительно, как время меняет маленькие деревеньки! Кажется, что ты знаешь все ее улочки, все ее повороты и тупики назубок, но стоит уехать отсюда на сколько-либо продолжительное время, как все тут же меняется, все улицы загибаются под другими углами, задворки превращаются в площади, а проселки обрастают новыми избами. Так случилось и со мной. Любой проходящий мимо меня крестьянин не мог бы никоим образом определить, что я родился и провел детство именно здесь. Да и я с трудом узнавал людей, лишь в половине различая тех, с кем дружил или кого видел много лет назад.

Наконец, я набрел на старый двор, и здесь память снова вернулась ко мне. Родительский дом остался таким же, каким и был тогда, когда я оставил его, уезжая в город на телеге вместе с Двиллием; разве что в некоторых местах были сделаны значительные укрепления, чтобы изба и приставленные к ней сараи случайно не развалились. Наверное, брат с сест-

рой все-таки, как-никак, справлялись о родителях и помогали им, хотя бы немного.

Я открыл незапертую калитку и оказался перед крыльцом. Залаяла незнакомая мне собака, вытянувшись из конуры ровно настолько, чтобы грозно предупредить проходимца, но при этом самой оставаться в безопасности.

– Шо это там происходит такое, Бравка?! – послышался женский голос из избы, звонкий, но с нотками хрипотцы, знаменующий наступающую старость. – Шо это ты там лаешь? Лучше бы действительно следила за тем, кто к нам без спросу шастает, чем так, почем зря, брехать!

Дверь избы отворилась, и на крыльцо вышла дородная женщина, с выющимися темными волосами и в свободном платье. Глядя на нее, можно было сразу без заминки сказать, кто главный в доме, даже не видя мужа этой маленькой, но статной крестьянки. Она грозно посмотрела на меня и без задней мысли крикнула мне:

– Чего это ты тут пришел?! Опять с картошкой что ли?! Говорила я уже, не надо нам картошки, у нас своя есть... – тут она осеклась и продолжила тихим голосом: – Гавилан?

– Привет, мама, – улыбнулся я.

Женщина сразу переменялась в лице, став моментально самой доброй из всех на свете. Бравка, видя такое дело, тут же примолкла и забилась обратно в конуру, подальше от всяких проблем.

– Грашик! – воскликнула моя мама. – Грашик, иди сюда!

Ты не поверишь!

– Что там такое, Агнушка? – услышал я недовольный ворчливый голос из избы. – Что случилось?

– Гавилан! – продолжила радостно восклицать мама. – Гавилан вернулся!

Тут уже на крыльце показался и мой отец. Вот кого время не пощадило, так это его. Не знаю, с чего он так изменился, но он заметно иссох и слегка одряхлел, хотя лет ему было немногим больше, чем матери. Даже коротко стриженные белокурые волосы, цвет которых я единственный из всех детей унаследовал, во многих местах истончились и опали, обнажив просаленный череп.

Надо ли говорить, что всего спустя пару мгновений я оказался в крепких объятиях своих родителей? Признаться, я сам не ожидал такого порыва нежности... Немного погодя, мать взяла инициативу в свои руки:

– Так, Грашик, я пойду накрывать на стол, а ты сходи к Янушу и Силлии, да заодно по соседям пройди! Сегодня нарежем поросеночка! Пусть все в деревне знают, что к Огуречным сын приехал!

Я слегка поморщился. Я никогда не любил свою фамилию и относился к ней чисто формально, просто потому, что у каждого человека должна была быть фамилия, хотя, если честно, не признавал ее. Нет, ну скажите, ну какая может быть фамилия у человека с именем Гавилан? Последнее, что придет в голову – Огуречный. Но у судьбы свои причуды, а

у пирогоградских деревень свои фамилии, и фантазией они не блещут. В нашей деревне были и Свекольники, и Вишняки, и Редьковы... Все нормально относились к своим фамилиям, и похоже, только одного меня это коробило.

Я попытался помочь матери приготовить ужин, но меня вежливо, но решительно отталкивали, отмечая то, что я «сейчас гость, а гостю положено только кушать ужин, а не готовить его».

Тем временем к родительскому дому подтягивался народ – как родные и знакомые, так и случайные зеваки, решившие посмотреть, как выглядит охотник на чудищ, который, по странному совпадению, родился в одной с ними деревне.

Я уже и не помню, когда мы наконец сели за еду – все произошло как-то неожиданно, между расспросами о последних десяти лет моей жизни, вопросами о том, что за оружие у меня за спиной, наблюдением за моими доспехами и снаряжением. Каждый хотел узнать, как стрелять из арбалета, как вытаскиваются лезвия у глеф, чем вообще живут охотники. Я, в принципе, охотно отвечал, но со временем стал уставать, тем более что говорить приходилось каждому одно и то же.

Видел я и брата с сестрой. Януш подошел ко мне, побратски обняв, и похлопал по плечу, порадовавшись за меня. Стоящая рядом мама заметила, что радоваться за меня еще рано.

– Ох исхудал, ох исхудал! – приговаривала она. – Совсем вас там не кормят. Как жену-то себе с такими-то торчащими

ребрами искать?!

Брат улыбнулся, но резонно отметил, что я давно не писал и никак не проявлял себя последнее время. На это я мог ответить ему только то, что провел два года в путешествиях почти по всей Телехии. Это не совсем было правдой – хотя я посетил все области Содружества и заглянул в Акинвар, южная часть Телехии, ограниченная со стороны Энтеррско-го леса высокими горами, а со стороны долины Алвсдоол – крайне низкой температурой, которую не могли вынести даже закаленные орлоогцы, была абсолютно неизведанной.

Сестра Силлия сидела с двумя маленькими детьми и старательно делала вид, что все происходящее здесь к ней не относится. Когда я поприветствовал ее, она лишь кивнула и повернулась к своему мужу, который, насколько я знал, был сыном старосты. Сам староста Нижней Валушки даже не поздоровался со мной. Естественно, от охотника на чудищ в деревне толку никакого, пользы он не приносит. Пожав плечами, я вернулся обратно к столу.

Пожалуй, впервые за пару лет я мог сказать, что наелся до отвала. Странствия по ледяным пустошам измотали меня, поэтому набить живот съестным было крайне приятно. Пусть даже у меня от переедания заболел живот, я остался доволен.

– А пошли растопим баньку? – предложил мне отец. Мать тут же накинулась на него:

– Вот ты старый дурак! Чего ты спрашиваешь, лучше дав-

но бы уже растопил! Знамо же, Гавилан давно не мылся, вишь, как нагулялся, весь грязный, а ты его еще спрашиваешь!

Я улыбнулся. С тех пор, как я стал разумно относиться к жизни, я удивлялся тому, как отец вообще умудрился жениться на маме, потому что пилить она его начала, наверное, еще с первой брачной ночи. Я бы, наверное, оказался прав, если бы сказал, что мать заставила отца жениться на ней. Батя был мастеровитым, трудолюбивым, но вот в остроумии был не силен.

В итоге мы пошли с отцом и Янушем вместе топить баню. Проходя мимо конуры, я посмотрел на Бравку. Дворняжка тихо гавкнула, скорее для приличия, дав мне понять, что она следит за мной, но с безопасного расстояния.

Сидя в парной, я с увлечением рассказывал обо всех тех приключениях, что случились со мной за пару лет, особенно последнюю зиму, ибо помнил ее лучше всего. Конечно, о многих неприятностях я умолчал, как умолчал и об эльфах. Тем не менее, моих историй хватало на то, чтобы отец то и дело вздыхал, приговаривая «Ну ни чего себе!» и «Вот дела-то!». Януш же слушал, слегка прищуриив глаза, словно мало верил моим рассказам.

Наконец, я закончил говорить, и обратился к батю:

– Ладно, что я все о себе говорю... Как вы то тут живете?

– Да что тут рассказывать, – отец почесал рукой вспотевшую проплешину на затылке, – все идет как обычно, как все-

гда и шло. Летом сажаем посевы, осенью готовим соленья, ну а зимой прядем одежду. Да что говорить, ты и сам, наверное, помнишь все, когда мелким был...

– Последние годы и правда прошли незаметно, – вступил в разговор Януш. – Многие дети нашего возраста завели свои семьи и отделились от родителей. Только вот деревне расти некуда – кругом ж поля, потому все селятся чуть ли не впритык друг к другу. Теперь на некоторых дорогах не то, что телега не проедет – не всякий человек пройдет. А боле и нечего сказать...

После мы выбежали из бани, окатывая друг друга ушами воды, припасенной специально для остужения. Ее мы заранее набрали из местной речки Болтайки. В этой речке всегда была ледяная вода, но зато она была кристально чистой и пахла свежестью. Когда меня окатил водой отец, я даже весь вздрогнул от неожиданного мороза, внезапно окутавшего мое тело. Как будто и не было у меня странствия по окрестностям Орлоога...

– Ух!.. Что-то странно, – пробормотал отец, когда мы с братом на пару, с двух сторон сразу, обдали его водой. – Вроде бы вода должна была остаться холодной, а эта какая-то теплая...

– Так весна уже в самом разгаре, батя! – рассмеялся Януш. – Тепло уже, вот вода и нагрелась.

После бани, довольные и распаренные, мы сели закусить перед сном. Гости давно уже разошлись, и Януш тоже отпра-

вился к себе, пообещав прийти на следующий день. Я зевнул. После такого теплого приема мне захотелось поскорее лечь в не менее теплую постель. К моей большой радости, мама все заранее подготовила, и вскоре я уже лежал в уютной кровати, на воздушной перине, под теплым мягким одеялом. Правда, одеяло было действительно теплое, спать было жарко, но лишь я вытащил из-под края одеяла ноги, как тут же заснул. Я не спал так сладко, наверное, с тех самых пор, как я уехал от родителей.

На следующий день мы с отцом, Янушем и еще парой незнакомых мне человек отправились на охоту в Злой лес. Отец все спрашивал Януша, что он не взял с собой своего сына.

– Погоди еще, бать, – говорил брат. – Пусть сперва подрастет, лет до восьми-десяти, а там уже и можно будет.

В лесу я показал всем, как работает арбалет. Пара несложных движений, одно мгновение – и юркий заяц лежал мертвый, с болтом, торчащим прямо в темени. Один из крестьян, которого, кажется, звали Брусыч, удивленно присвистнул.

– Эдак можно и всех зайцев в лесу за день перестрелять! – воскликнул он. – Потом и зайцев-то совсем не останется!

Однако он не отказался самостоятельно попробовать арбалет в действии. Даже отец, взяв осторожно оружие в руки, со второго выстрела убил пролетавшую над нами ворону.

– Вот так вот, неча людей обсирать! – улыбнулся он, довольный своей шуткой независимо от того, понравилась она

другим или нет.

Выйдя из леса с добычей, мы пошли по тому самому полю, на котором я когда-то убил свое первое чудище, псевдособаку. Будучи следователем в Пирограде, я получал пару раз задания в близлежащих деревнях, связанных с псевдособаками, а вот в областях других полисов этих чудищ я не встречал. Интересно, подумал я про себя, мог бы я сейчас победить псевдособаку без осколочных бомбочек, в ближнем бою? Псевдособаки были куда резвее и быстрее обычных волков, с которыми я уже имел дело, с молниеносной реакцией. Правда, я не терял времени даром, много тренировался и охотился, поэтому, думаю, проблем с псевдособаками бы не было...

– Фух, как жарко-то! – пожаловался Януш, сбрасывая с себя охотничью куртку.

– Значит, лето будет тоже жарким, – заметил Брусыч.

– Лишь бы речка не пересохла, а так хрен бы с ним, – вздохнул отец.

Брат перебил его:

– Жарко-то ладно, но на поле было прохладнее, как обычно весной и бывает.

– Ну и шо, – ответил отец. – Уже Цветень идет, скоро ночь Падчерицы наступит. Почему бы и не быть жаре?

Януш отмахнулся, не желая спорить.

Дома нас с отцом встретила мать.

– Батюшки, сколько добыли-то, охотнички! – всплеснула

она руками. – Это ж потрошить-готовить целый день!

В этот момент про себя я отметил, что вообще-то рассчитывал, что троих зайцев, двух куропаток и вороны (для Бравки, как сказал батя) хватит на неделю-другую жарки и варки, но никак не думал, что мама сделает все за день. А то, что приготовила мама, съедается намного быстрее, чем готовится.

– Тебе точно не нужен арбалет? – спросил я вполголоса у папы. – А то я могу заказать такой же в Энтерберге, когда буду там.

– Та нее, – сказал отец, привычно взмахнув рукой. – Мне сподручней с луком да рогатиной идти, с энтим самым рабалетом только мороки больше.

Я пожал плечами. В принципе, несложно понять человека, всю жизнь охотившегося с помощью лука, что он не хочет пользоваться арбалетом.

В общем, мама не успела приготовить зайцев к ужину, поэтому вечером мы доедали остатки вчерашнего обеда. Я уже уходил спать, а мать все еще сидела с казаном, битком набитым овощами, картофелем и ароматно пахнущей зайчатинной, старательно все помешивая на медленном огне. Я пожелал ей спокойной ночи и отправился в постель. Проходя мимо окна, выходящего в передний двор, я видел, как собака деловито грызла разваренные вороны кости.

Этой ночью я опять скинул одеяло, но теперь уже полностью. Мне даже пришлось встать, немного приоткрыть став-

ни и впустить свежий воздух, хотя в середине весны такое легко могло закончиться простудой. За стеной я слышал кряхтенье отца и скрип кровати, очевидно, ему тоже не спалось.

Поутру я сам пришел к Янушу, с планами навеститься к Силлии. Януш пожал плечами.

– Вряд ли она тебя тепло примет, – сказал он. – С тех пор, как она вышла замуж за Полевия, да нарожала ему детишек, она словно сама не своя. Прямо хоть скажи спасибо, что о родителях нет-нет да и спрашивается, денег им выдает на жизнь старую.

– Мда, жалко, – расстроился я. Я помнил сестру еще совсем маленькую, тогда она была очень любознательной и постоянно лезла ко мне, когда я пытался читать бестиарии, рассматривала картинки чудищ и расспрашивала меня, кто там изображен. Я думал, что она так же, как и я, научится читать и станет охотницей, но, похоже, с возрастом деревенская жизнь и женские инстинкты побороли тягу к знаниям и науке.

– Ты бы хоть тоже справлялся о родителях, – снова завел Януш. – От тебя столько времени не было ни слуху, ни духу.

– Ну, ты пойми, – возразил я, – хорошо еще, что из Пирограда мои посылки доходили, не теряясь по дороге, да и то их можно было ждать неделю-другую. Представляешь, сколько бы шло письмо из Энтерберга, если бы его не посеяли где-нибудь в чаше? Про Акинвар я вообще молчу, оттуда, навер-

ное, почта вообще не идет.

– «Аки» что? – переспросил брат. В порыве мыслей я совсем забыл, что в деревне мало кто разбирался даже в полисах Содружества, не то, что в других странах.

– Забей, не забивай себе голову, – махнул я рукой. – Могу тебе ответить только то, что впредь я постараюсь отсылать родителям письма, но я совсем не уверен, что они будут доставлены.

– Ты, главное, до Пирогграда их отправляй хотя б, – ответил Януш. – А там уж дядя Сврежек их заберет.

Я мысленно ударился головой об стену непонимания Янушем почтовой системы, но не подал виду, а решил переменить тему:

– А ты сам чем сегодня занят?

– Скоро ночь Падчерицы, – невозмутимо ответил брат. – Надо готовить столы и яства к празднику, я отвечаю за него. Если хочешь, можешь мне помочь. Огурцы давно резал?

Я постарался как можно вежливее отказаться, после чего попрощался с братом и вернулся домой. Солнце пекло так, словно была не весна, а середина лета, и я решил позаниматься оружием где-нибудь в одиночестве в тени.

Я взял с собой глефы с инструментами, а также выпросил у матушки рыбьего масла. В нашей речке водилось вдоволь черноротиков, из которых деревенские женщины давили превосходное масло, необходимое как в быту (смазывать разошедшиеся колеса и прочее), так и в кулинарии. Такое мас-

ло, подумал я, будет не менее полезным, если натереть им клинки.

Задумавшись о пользе рыбьего масла, я сам не заметил, как вышел в поле. Высокая трава приветливо колыхалась под гнетом слабого ветерка, а цветущий вереск зазывал к себе насекомых, спешащих полакомиться вкусным нектаром до того, как на поле придут крестьяне и скосят под корень все растения, а корешки вспашут вместе с землей, чтобы к осени здесь выросли большие и полезные овощи и корнеплоды.

Поразительным мне показалось и то, что здесь, на поле, воздух был намного свежее, чем в самой деревне, не было той духоты, что преследовала меня не только днем, но и ночью. Такое явление я часто наблюдал в полисах, насквозь пропитанных промышленностью и большими скоплениями людей на маленьких площадях, но в деревне это было в диковинку.

Я разложил инструменты на краю поля, где травы было поменьше, и вытащил клинки глеф. М-да... Последние недели, проведенные на холодном юге без соответствующего ухода за оружием, не в лучшую сторону сказались на качестве стали. Я отметил, что не нашел ни единого пятна ржавчины, хотя на любом другом оружии ржа уже давно бы облюбовала столь лакомый кусочек. Мысленно поблагодарив кузнеца Гаскойна за столь мастерскую работу, я взял кремень и стал натачивать края клинков.

В конце долгой, но непринужденной работы я наконец-та-

ки достал рыбе масло. Оно ровным слоем ложилось на поверхность клинков, заливаясь во все ложбинки в тех местах, где стальные пластины были скреплены друг с другом. После этого я стал втирать тряпочкой масло в металл. Признаться честно, я не очень понимал, как абсолютно ровный и твердый металл может, как губка, впитывать в себя масло, но результат был налицо – поверхность клинков стала изящно ровной и блестящей, при этом, если я проводил по ней тканью, никаких жирных отпечатков не оставалось.

Я собрал клинки обратно внутрь глеф. Ни единого звука, хотя раньше был соответствующий легкий металлический скрежет. Я встал, надел глефы на руки и вытащил клинки. Обе пары лезвий беззвучно выехали, сверкая на солнце. Я не мог не улыбнуться – даже спустя год глефы выглядят так, будто я их только недавно приобрел.

Мимо меня стрелой пробежал заяц. Пробежав еще с десятков метров, он нервно оглянулся и скрылся в зарослях вереска. Я повернул голову в ту сторону, откуда он прибежал.

В сотне метров от меня стояло до боли знакомое чудище, беззвучно и напряженно глядя на меня своими мелкими глазенками.

Я встал в боевую стойку. Псевдособака заметила это, но бесконечный голод призывал ее к атаке, и она стремглав бросилась ко мне. В последнее мгновение я откатился в сторону, попытавшись задеть чудище лезвиями. Но псевдособака сама была не промах и легко увернулась от опасности, будто

чуя, в какое место я целился.

Едва чудище приземлилось на все четыре лапы, оно развернулось ко мне, яростно набирая воздух своими огромными черными ноздрями. За этот миг я полностью разглядел псевдособаку. Будучи всего лишь восьмилетним ребенком тогда, когда я первый раз видел чудище этого вида, я плохо представлял себе размеры монстра, но все же эта псевдособака показалась мне гораздо больше, чем та, которую я видел одиннадцать лет назад. Возможно, сейчас я имел дело с уже заматеревшим чудищем, которое много лет безнаказанно охотилось в этих местах.

Размышлять над этим у меня не было времени, потому что псевдособака вновь накинулась на меня, целясь в живот своими торчащими клыками. Каждое неверное движение с моей стороны было смертельно опасным, но я снова вовремя отскочил от монстра, задев краем клинка его рог на лбу. Если бы не удивительная гибкость монстра, то клинок перерезал бы ему горло.

Все это раззадорило меня. Раньше я сталкивался с чудищами, которые по скорости реакции или по силе ударов отличались от меня. Те же йормунги были сильны и быстры, но стоило мне хотя бы несколько раз провести удачный выпад, как он оканчивался хоть сколько-нибудь значительным ранением. В случае с этой псевдособакой получалось так, что я уворачивался от любой ее атаки, но и мои контратаки так же уходили в никуда. Последний раз такой интересный бой

был, наверное, тогда, когда я тренировался с Алесией.

У меня вместе с инструментами лежала пара бомб, которые значительно помогли бы мне в бою с монстром, но я хотел сражаться только глефами, как решил раньше. Хотя, пожалуй, даже сама псевдособака вряд ли бы позволила мне взять бомбы, потому что после каждого неудачного для нее выпада она злилась все больше и больше, яростно рокоча от нетерпения, отчего ее прочные мышцы вздымались под крепкой кожей все выше и выше.

Так долго продолжаться не могло – мои собственные мышцы все-таки были не ровня мускулам чудища, и я должен был устать раньше. За все время нашего боя я мог заметить только одну особенность. Псевдособака постоянно атаковала одним и тем же способом – молниеносно пикировала на меня, целясь клыками в живот. Клыки были довольно длинными, любое животное, которое сталкивалось с псевдособакой в грызне, однозначно бы проигрывало ей в схватке именно из-за длины зубов, так как насаживалось бы на эти клыки раньше, чем могло бы что-либо предпринять в ответ. Но я не был животным. У меня, конечно, не было клыков, зато были глефы. Я прикинул примерную длину своих глеф. Щитки были немного короче клыков псевдособаки, но вкупе с вытянутыми руками...

Когда псевдособака атаковала в следующий раз, я специально не отошел в сторону, выставив оружие перед собой. Когда чудище прыгнуло на меня, я нажал рычаги, и клинки

задвинулись внутрь, оставив от глеф лишь стальные щитки. В следующее мгновение псевдособака вбежала в мое биологическое поле, и время для меня замедлилось настолько, что я стал осознавать каждую долю секунды, пока монстр приближался ко мне.

Вот чудище приблизилось концами клыков к концам глеф. Я свел руки так, чтобы щитки были направлены прямо в морду псевдособаки, а сам при этом стал понемногу нагибаться. Клыки все приближались и приближались, готовые пронзить меня, но тут я вытянул руки вперед и почувствовал, как врезался кулаками прямо в острые челюсти монстра.

Недюжинная сила прыжка псевдособаки повалила меня на спину. Я еле успел сгруппироваться и почти инстинктивным движением поднял псевдособаку над собой, перебрасывая ее через себя. В то мгновение, когда монстр был ровно надо мной, не совсем осознавая, что происходит, я снова нажал рычаги, выпуская клинки. На мое лицо тут же брызнула зловонная кровь чудища, едва я успел закрыть глаза, чтобы не потерять даже на минуту способность видеть.

Как только с тела спала тяжесть, что означало, что чудище спрыгнуло с меня, я откатился вбок и встал на ноги. Быстро стерев кровь с лица рукавом, я посмотрел на псевдособаку. Ее морда выглядела страшным месивом, откуда фонтанировала кровь. Чудище словно сдувалось на глазах, но не хотело сдаваться, пытаясь встать на лапы и продолжить бой. Я, однако, продолжать не хотел, поэтому подошел к ней и сде-

лал еще несколько надрезов на спине монстра. Лезвия прошли сквозь толстые мускулы как сквозь масло, и сразу же оказались обгажены вонючей кровью. Псевдособака не могла больше удержаться на лапах и грузно рухнула в свою же собственную багровую лужу.

Я наклонился над мертвым телом чудища, осматривая сделанные мной раны. Я не чувствовал радости за победу, нет – мой разум целиком заполонило восхищение тем, какой результат могло принести простое натирание клинков маслом. Почему-то раньше я никогда не задумывался об этом, используя различные яды и другие ингредиенты в бомбах или ловушках. С другой стороны, пусть даже каждая полученная противником царапина от отравленной глефы будет опаснее, не каждый враг даст порезать себя, не позволит нарушить свой битх'бал, поэтому выгода будет не столь заметна.

Псевдособаку я закопал у рощи, подальше от поля, чтобы не поганить будущие посевы. Для этого мне пришлось возвратиться в деревню за лопатой. Когда я приближался к старым, покосившимся избам Нижних Валушек, горячий воздух снова обнял мои лицо и тело и не отпускал до тех пор, пока я опять не оказался на поле.

Я смутился. Обучаясь в пирогоградской школе, я немного изучал климат Телехии и знал про циклоны и тепловые потоки, но неужели граница их проходила аккурат по окраине деревни? Если это не было странно, то, по крайней мере, это

было довольно любознательно.

Вернувшись в родительский дом, я решил, что провел здесь уже довольно много времени, и пора снова отправляться в путь. Занятия сельским хозяйством – дело крестьян, а я слишком много времени провел в городских стенах и в шкуре охотника на чудищ, поэтому оседлый образ жизни был не для меня.

Когда я рассказал родителям о своих планах, мама заплакалась. Она не хотела снова оставлять сына, которого так давно не видела и не слышала. Отец лишь грустно кивал головой. Наверное, в этот раз он чуть ли не впервые понял быстрее матери, что мне в деревне делать нечего. Агнушка хотела собрать пир на всю деревню, как в тот день, когда я пришел, но мне быстро удалось убедить ее, что нет никакого смысла так тратиться на еду, ведь посевная еще даже не началась, а запасов пропитания в деревне всегда еле хватало. Несмотря ни на что, матушка все равно умудрилась состряпать прощальный ужин, на который пришел лишь один Януш. Он снова смотрел на меня с немым укором, сидя на скамье, укрытой расписным льняным покрывалом, на что я отвечал ему взглядом «сам понимаешь, охотник на чудищ не пахарь; но я обещаю навещать так часто, как могу»...

Последнюю ночь перед уходом я не мог уснуть, было слишком жарко. Не помогли ни распахнутое настежь окно, ни обмахивания платком, ни обтирания смоченным водой полотенцем. У меня было ощущение, как будто я пытаюсь

уснуть в бане. Ни разу за всю свою жизнь я не мог припомнить столь жаркой весны, а ведь еще даже ночь Падчерицы не прошла.

Наутро я скоро собрал свои вещи в сумку, раскидал инструменты по ремням и потуже затянул ремень. Рубашка промокла чуть ли не сразу, как я надел ее, пот толстыми сальными каплями стекал с моего лба практически постоянно. Рядом стояли родители. По матери трудно было сказать, плачет ли она, или же просто сама то и дело вытирает испарину со своего лица. Отец тоже чуть ли не задыхался. Я даже представить себе не мог, как они выдерживают такую жару.

– Ух, Гавилан, такой духоты даже не каждую Сажню бывает, не то что весной! – пропыхтел пожилой Грашик.

Я согласно кивнул. Сажня и Грабень, два летних месяца, были очень теплыми, а в некоторые года температура воздуха повышалась до такой степени, что деревенский народ не вылезал из речки, забросив высушенные пшеничные поля, погибающие от чрезмерной жары. Но то лето, а весна никогда не была жаркой, даже последние недели Цветня в сравнение не шли с началом Сажни. Времена года всегда, абсолютно всегда, были четко очерчены, но теперь, в этом году, законы природы Телехии, похоже, перестали работать.

Попрощавшись с родителями, я направился в сторону Верселлии. По пути я надеялся встретить торговцев, едущих в провинции Ланира. Ланирские окрестности охватывали просторные, плодородные поля (правда, не настолько

плодородные, как пирогоградские), поэтому летом для охотника на чудищ наверняка найдется работенка по защите посевов, а заодно и селян, от назойливых монстров.

Я оглянулся назад. Родители смотрели мне вслед и махали рукой. Я помахал им в ответ и повернулся обратно, уткнувшись взглядом в прилежно утоптанную проселочную дорогу. Не стоит лишний раз оглядываться – расставаться всегда печально, а это лишь усугубит грусть.

Дорога, обычно пыльная, вся потрескалась от сухости, обнажив щербатую, словно старые кости, твердую землю. Я всматривался в трещины. На миг мне показалось, что в них мерцало что-то алое. Я помотал головой. Наверное, это у меня такое от жары.

Спустя пару секунд мне перестало так казаться. Трещины покраснели и стали увеличиваться, расползаясь по всей поверхности земли, с каждым мгновением все быстрее и быстрее. Я оглянулся, ничего не понимая. Вдалеке, на окраине деревни, стояли двумя еле заметными фигурами мои родители, по-прежнему махая мне руками. Воздух передо мной поплыл, как от костра, трещины перестали быть трещинами и превратились в горящие расщелины. Земля забурилась...

Я не мог сообразить, что происходит.

– Что...

Раздался оглушительный взрыв, от которого у меня на некоторое время отнялся слух. Гигантский столп огня поднялся на том месте, где располагались Нижние Валушки.

Черный дым стрелой взвился ввысь и растаял на фоне чистого синего неба. Куски земли, размером с большие пироги, пролетали мимо меня, но я не обращал на них внимания. Я смотрел на темный, покрытый бурлящей лавой, кратер, где буквально пару минут назад была моя родная деревня и отец с матерью.

– Что... Как...

Я сглотнул. Дым пробрался ко мне в нос и подпалил его изнутри, высушив глотку.

– Ма... Ма...

Огненный столп слегка уменьшился в размерах, закрутился, и вдруг стал принимать странную форму. С двух сторон пылающего смерча отросли конечности, оканчивающиеся каменными руками с толстыми черными пальцами. На импровизированных плечах выросли огромные толстые полукруглые стальные прутья, словно чудные наплечники, на которых через равные промежутки кольями торчали длинные острые шипы. На верхушке смерча, в самом центре, выросла маленькая голова.

– Элементаль! – очнулся я, инстинктивно выхватывая из-за спины глефы.

Чудище заметило меня, любопытно оглядывая, и вдруг яростно взревело, стремительно приближаясь ко мне пылающим тайфуном.

– Гавилан! – зарычал он таким голосом, как будто ветер срывал верхушки деревьев. – Как ты!.. Как ты оказался

жив?!

Он остановился в опасной близости от меня, так что я мог ощущать тепло от огненного тела элементаля. Теперь я мог получше рассмотреть его голову. Она была смоделирована подробнее всего остального тела. Небольшой череп венчали пять каменных клинков, веером торчащих над лбом, а за ними росли мутные изумрудные кристаллы. Скулы слишком сильно выдавались в стороны, и непропорционально узко сходились снизу, создавая небольшой, даже по сравнению с черепом элементаля, рот. Маленькую нижнюю челюсть украшали, словно борода, три выпирающих в разные стороны кристалла, таких же, как и на верхушке головы. Но больше всего меня устроили глазницы, черные, как самая темная ночь, в которых, будто яркие звезды, светились ярко-красным цветом зрачки, беспрестанно испускающие чадящий дым.

При этом элементаль показался мне знакомым, как бы странно это ни звучало. Этот элементаль разительно отличался от своих сородичей, пытаясь создать уникальную внешность. Более того, элементаль умел говорить.

Я выставил вперед свои глефы, раскрыв клинки. Элементаль взглянул на них.

– Ты собираешься со мной драться? – пророкотал он, словно сходящая с гор лавина. – После того, как видел, что я умею?

Он оглянулся назад и вдруг взбесился и вырос на пару

десятков метров выше.

– Я целых три дня готовил этот план! – прорычал он. – Сидел внизу и подогревал земную кору, думая, что наконец-то избавлюсь от тебя, Гавилан, а ты снова сорвал мои планы! Ну уж нет! – он наклонился ко мне настолько близко, что чад от его глаз задымил мне лицо. – Теперь-то я тебя не отпущу, пока ты не умрешь!

Боковым зрением я увидел, как правая рука элементаля, которая была каменной, стала удлиняться, и на пальцах стали расти длинные металлические клинки.

– Стоп... Металлические?.. – не удержался я. Элементаль расхохотался.

– А ты думал, элементали могут превращаться только в четыре стихии? Слишком наивно! Да, я долго рос. Доходило до того, что мне приходилось пожирать других элементалей, пытаюсь стать больше и сильнее, но в итоге я добился того, о чем вы, мелкие живые существа, даже не подумать не могли! Познакомься со своей смертью – я, Дандраллеон, владыка элементалей, лично оборву твою жизнь!

Я был охотником на чудищ два года, но ни разу не делал одной вещи. Именно в этот момент такая мысль пришла мне в голову, потому что стоять в опасной близости с элементом, который умеет управлять металлом и к тому же хочет тебя убить, было небезопасно. Я быстро развернулся и побежал к роще, надеясь спрятаться за деревьями.

– Стой, насекомое! – услышал я рев за спиной. Я на се-

кунду оглянулся, чтобы понять, что будет делать чудище. Дандраллеон выпрямил свои руки и с силой воткнул их в землю. Почти сразу же рядом со мной из-под земли вырос каменный шип, от которого я еле-еле увернулся. Я не на шутку испугался и ускорился. За мной, словно волны, вырастали земляные столбы, с невероятной силой подбрасывая вверх лежащие камни. Я старался двигаться непредсказуемо, пытаюсь бежать зигзагом, чтобы эти самые столбы не могли меня задеть.

– Тебе не уйти от меня, Гавилан! – ревел позади элементаль. – Ты слишком много раз уходил от меня! Сломал мне все планы! Энтеррский лес должен был стать моим, а гноллы были бы моей прислугой, но нет! Ты и твои друзья эльфы разбили всю мою армию, а ты еще имел наглость заглянуть в пещеру, где сидел я. Ох, не думал я, что ты выживешь после того полета из моего чрева! Не думал я также, что ты выживешь после той встречи с элементами, которых я послал за тобой! Уже тогда ты меня разозлил настолько, что мне пришлось нанять ракшассу, чтобы он убил тебя. Когда и это не помогло, я лично выследил тебя в море, пытаюсь тебя утопить, но что-то пошло не так, и в этот раз...

Пока он говорил, я вспомнил, почему голова «владыки элементалей» показалась мне знакомой – именно такая же голова была у чудища, которое пыталось меня утопить, когда сражался с властелином морей в Тихом поясе. Получается, это и был Дандраллеон...

Внезапно выросшая передо мной каменная стена заставила перестать размышлять и начать думать о моем нынешнем положении. Я шмыгнул в сторону, ища хоть какую-нибудь лазейку в земляной преграде. Не найдя ничего особенно подходящего, я просто разогнулся и запрыгнул на слегка выпирающий выступ и, оттолкнувшись от него, боком перемахнул на другую сторону стены, подальше от разъяренного элементаля.

Стены с шумом струящегося песка рассыпались, но я уже успел добежать до роши. Рядом затрещало дерево, которое с корнями вырывалось из земли из-за расселины, образующейся точно под ним.

– Ты даже не представляешь, какие грандиозные планы ты мне испортил! – рычал где-то позади Дандраллеон. «Да уж, не представляю, посвяти меня в них», подумал я, а элементаль продолжил, будто бы услышав мои мысли. – Давным-давно элементали жили в Энтеррском лесу, осуществляя только свои первичные потребности. Мы не брали много от природы, и природа не притесняла нас. Все поменялось с той поры, как в лесу поселились эльфы со своим треклятым деревом. Они согнали нас с обжитых мест, мотивируя это защитой Сердца леса, хотя на самом деле те места просто-напросто были плодороднее, тише и красивее.

Я слушал и постепенно перескакивал от дерева к дереву, углубляясь все дальше в рощу. Дальше меня ждала бы холодная тьма густого леса, который местные жители называ-

ли Злым. Злой лес был в разы меньше Энтеррского, однако, деревья там росли намного ближе друг к другу, создавая почти непроходимую чащу. В Злом лесу выживали только маленькие и юркие животные, а их популяцию ограничивали не менее юркие и быстрые хищники.

– И все равно, все было бы ничего, пока в лес не пришли вы, люди! – продолжал свой монолог Дандраллеон. – Вырубая огромные массивы для постройки своих деревень и своего, будь он проклят, Энтерберга, вы согнали элементалей даже оттуда, где они хоть как-то сводили концы с концами. Я сам видел падение элементалей, но что я мог тогда сделать? Тогда я был не сильнее других, но я отличался. Отличался тем, что умел наблюдать и делать выводы. Я тихо подбирался к людским поселениям, к эльфийским заставам, изучал ваши повадки, языки, как вы живете, чем дорожите, чему радуетесь и печалитесь. Это было нелегко, но у меня было достаточно времени и еще больше упорства.

Я углублялся все дальше в рощу, с каждым разом подбираясь все ближе и ближе к Злому лесу. Я полагал, что добравшись до глухой чащи, элементаль не сможет меня найти.

– Где ты там?! – рассердился Дандраллеон. Я услышал пронзительный визг и, не удержавшись, выглянул из-за ствола. Несколько молодых берез насквозь пробило вспышками ярко-голубого огня, разорвав их изнутри так же, как пуля из пистоля пробивает щепку. Похоже, чудище решило добраться до меня гораздо более простым и действенным спо-

собом, чем разыскивать меня среди деревьев. Я почти сразу же спрятался обратно и теперь старался делать все тише, даже дышать. А элементарь все еще рассказывал свою историю:

– Настал момент, когда я знал о людях и эльфах все, что надо было знать. Оставалось только стать истинным элементом. А чтобы быть таковым, необходимо было владеть не только первородными элементами, но также и всем, что состоит из них, например, как ты мог уже увидеть, металлом. И я пошел против природы, против той, что предала мой род своими пустыми обещаниями. Мне надо было делать только одно – жрать. И я жрал. Я пожирал мелких животных, траву, кустарники. Я поглощал брошенное ржавое оружие и гнилые доспехи. Я ел и рос. Спустя время я увеличился настолько, что мне постоянно приходилось поддерживать неумную силу, скрывающуюся внутри меня. Мне пришлось поглощать своих сородичей, элементарей, но их жертва не была напрасной. Я вырос и стал сильным.

Я уходил все дальше, но голос Дандраллеона никак не затихал.

– Я видел, как люди охотятся на элементарей. Какой сарказм, какая издевка – нападать на чужой дом, а потом истреблять его жителей за то, что те осмелились защитить свое место обитания! Я видел, как вы выдираете средоточия стихий. И я знал, что мое средоточие уже не так-то просто выбить из моего чрева, усиленного за долгое время тренировок

и питания. Теперь я понял, что пора начинать действовать.

Раздался грохот, и по роще прошелся оползень, с жутким треском повалив несколько деревьев. Дандраллеон, не видя меня, все же сокращал расстояние между нами.

– По праву силы я объединил под своим началом элементарей Энтеррского леса. Мы устроили несколько набегов на деревни, так сказать, на пробу. И начало оказалось успешным. Мы, спустя несколько десятилетий страданий, наконец-то почувствовали, что умеем давать отпор нашим захватчикам. Но пустые победы не остались незамеченными у эльфов. Эти никчемные «защитники» природы решили, что мы плохо влияем на лес. Несколько ударных эльфийских отрядов распределились по всему лесу. Моя армия, так же распродоточенная по разным местам, стала редеть, только лично я мог успешно отбиваться от длинноухих. Обо мне узнали, и с тех пор на меня начали охоту.

Дандраллеон рассмеялся, его хохот был похож на заточку ножей.

– На меня однажды даже вышел один из легендарных эльфийских селххет, но даже его силы не хватило, чтобы противостоять мне! Ты понимаешь?! Я убил главного эльфийского охотника! Самого Лиама, если тебе известно его имя! Но после этого я понял, что распылать силы элементарей слишком затратно. Я не хотел, чтобы моих сородичей истребляли по-чем зря. Тогда я перешел к другому плану. Я подчинил себе маленькую, слабую расу гноллов, стал их тренировать, учить

какой-никакой тактике. Я не торопился, я ждал, я знал, что спешить не надо, все случится рано или поздно. Так оно и случилось. Гноллы из никому не страшных чудищ превратились в опасную силу, разоряющую Энтеррский лес. Я лично управлял каждой их атакой, не напрямую, но прячась в самых потайных местах. Ни люди, ни эльфы не знали, кто стоит за всем этим, обвиняя во всех бедах самих гноллов. Это было мне на руку. Гноллы быстро плодились и быстро обучались, и вскоре можно было бы организовать атаку не только на Энтерберг, но и на Дадал’Треввар. Но тут, словно из ниоткуда, появился ты, Гавилан, рушащий все мои планы! Почти каждая атака гноллов проваливалась из-за тебя. А когда ты каким-то образом обнаружил пещеру, где я скрывался, я понял, что от тебя пора избавиться. Твоя сила, надо признать, почти сравнима с Лиамом, и мне бы не хотелось встретить то время, когда ты сравняешься с ним в искусности! А потому умри!

Волна огня настигла меня, когда я спрятался за сосной. Впереди себя я видел тьму, скрывающуюся за мшистыми стволами дряхлых хвойных зарослей. До леса оставалось всего ничего, но даже эту часть надо было как-то преодолеть. Я почувствовал тепло в спине и глянул наверх. Моя сосна тлела, ее ветки горели ярким пламенем. Я понял, что это мой последний шанс. Я выдохнул и побежал вперед.

– Стой! – взревел элементаль. – Тебе никуда не скрыться от меня, все это напрасно!

Я не слушал его. Напрасно или нет, попробовать всегда стоило. И верно, едва я добежал до чащобы и юркнул в щель между древними стволами, раздался грохот землетрясения. Некоторые деревья за мной упали, еще сильнее скрыв меня от надвигающегося чудища. Дандраллеон заорал от ярости и поджег всю линию елей и сосен. Дым заполнил все свободное пространство, но место так и не очистилось. Я стал быстро пробираться через толстые корни и густой колючий кустарник, подальше от бешеного монстра. Дандраллеона ничто не могло остановить.

– погоди у меня! – слышал я его скрежещущий голос. – Я тебя все равно найду.

Я спрятался под причудливо переплетенными корнями дерева, образовавшего почти рядом с землей что-то наподобие небольшой арки. Рядом находился муравейник, но присутствие рядом каких-то там насекомых пугало меня сейчас меньше всего. Я услышал свист. Похоже, элементаль в этот момент ветром пролетал мимо веток, разыскивая меня. Я затаил дыхание.

Спустя пару минут я услышал странный скрип. Деревья, веками не знавшие движения в этом забытом лесу, вдруг зашелестели ветками. Ветви задвигались, словно изуродованные щупальца, пытаясь прощупать любое пустое место в Злом лесу. Корни деревьев тоже заволновались. Мне стало жутковато, настолько, что я прильнул к муравейнику вплотную, чтобы спрятаться за ним от грозных деревьев, которые

из моих защитников вдруг превратились в опасных наблюдателей, ищущих жертву для страшного элементаля.

Я сжался настолько сильно, насколько мог, с учетом всех своих доспехов и оружия. Я надеялся, что ни одно отвратительного вида щупальце не найдет меня. Какой же ужас охватил меня, когда один из кончиков корней вдруг нащупал мою спину с висящими на ней глефами. Корни заинтересовались глефами, сползли к ним, охватывая их по всей поверхности, видно, сравнивая с чем-то. Я молился про себя, чтобы Дандраллеон перепутал глефы с камнями, ведь иначе мне не сбежать от него – лес был слишком густой, чтобы рассчитывать на вторую попытку бегства.

Откуда-то сбоку встрепенулась и пробежала мимо меня маленькая пушистая белочка, задев своим роскошным меховым хвостом несколько елозящих корней, и, забравшись на одну из вековых сосен, скрылась в дупле. Корни потянулись было за ней, но вдруг передумали и вернулись на свое изначальное место, перестав двигаться. Я мысленно вздохнул с облегчением.

Пошуршав еще немного, элементаль с шумом вылетел в небо через крону леса.

– Не-е-ет! Опять скрылся! – ревел он. – Опять исчез!

Я услышал несколько всполохов и наконец осмелился выглянуть из-под дерева. Оказалось, что Дандраллеон в ярости бросил вниз несколько огненных шаров, из-за чего лес во многих местах вспыхнул и загорелся. К счастью, пока горе-

ли только верхушки деревьев, но Злой лес знаменит своим сухостоем, поэтому рано или поздно огонь дойдет и до нижней части.

Я стал выбираться из пожара. Старые хвойные заросли чадили так, что, будучи сверху, сквозь дым невозможно было бы разглядеть, что происходит внизу. Я рассчитывал на это, а также на то, что раздосадованное чудище попросту улетело отсюда. Я продирался сквозь поваленные стволы, выпутывался из высокой липкой травы, застревал в колючем кустарнике, но все же находил в себе силы выбираться и двигаться дальше.

Пожар скоро оказался позади меня, и я мог замедлить шаг и более внимательно и осторожно выбирать тропу. Я взглянул на небо, озаренное садящимся солнцем. По нему я определил стороны света и наметил путь на запад, в сторону Изначальных гор. Этот широкий хребет был расположен примерно посередине Телехии, раскинувшись во все стороны света – горы шли к Пирограду, обрамляли Энтеррский лес, холмами подходили к равнинам, окружающим Ланир, и окружали величественное ледяное озеро Котст, уходя дальше в безлюдный морозный юг.

Я не помнил, как выбрался из Злого леса. В полузабытьи я волочился по полям, лишь изредка останавливаясь, чтобы напиться водой из речушек и поесть ранних весенних ягод с диких кустов. Мне было страшно приближаться к пироградским деревьям... Передо мной в памяти сразу же всплывали

Нижние Валушки... На месте которых теперь был широкий черный кратер.

Меня не волновало то, как добраться до Изначальных гор. Я даже не задумывался о том, куда именно я иду. Раньше я путешествовал по всей Телехии, но в моем сердце всегда было место для родного дома. Теперь у меня не было ориентира.

Когда горы показались на горизонте, мой мозг немного заработал, намекнув мне на то, что неплохо было бы поест и запастись едой. Я набрал в свой заплечный мешок разных съедобных кореньев, наполнил свою флягу водой, а также выследил луговую собачку и, освежив ее, закоптил несколько кусков мяса.

У меня не было подходящего снаряжения для хождения по горам, но они мне не понадобились – высота увеличивалась постепенно, начинаясь от пологих холмов. Здесь я немного успокоился – я не помнил ни одного случая, ни опасного, ни забавного, связанного с Изначальными горами. Почти никто никогда не ходил в горы, никто не жил в горах – это было абсолютно пустынное место. Правда, с появлением чудищ нельзя было полностью быть уверенным в том, что я никого не встречу на своем пути...

Никакой тропы... Два дня я брел по горам и уже начинал жалеть о том, что никого здесь нет. Мне приходилось обгибать большие камни, и в то же время я спотыкался о маленькие булыжники. Песок издевательски шуршал под подошвой

моих ботильонов, и я искренне радовался, что он никак не мог попасть внутрь обуви. Ровная поверхность становилась все уже и уже, воздух становился холоднее с каждым часом, но я неумолимо шел вперед.

Неожиданно для себя я заметил сбоку от какой-то горы, чья вершина была спрятана за облаками, черную точку. Подходя к ней, я обнаружил, что это был вход в какую-то пещеру. Заинтересовавшись, я зашел внутрь. В пещере было намного теплее, чем снаружи, хотя довольно темно, но это не было помехой – среди моих запасов были факел с огнивом. Вскоре я уже шел по внутренностям горы. Я заметил, что из противоположного угла зала вел длинный коридор. С той стороны раздавался тихий, еле слышный гул. Если бы я не был один, я бы ни за что его не услышал. Да что греха таить, если бы я за долгое время охоты на чудищ не натренировал свой слух, то я все тоже не услышал бы этот гул, скрываемый шорохом мелких камней и песка, да мерным всплеском подземных вод и падающих неизвестно откуда и куда капель. Мое любопытство в очередной раз взяло верх над всеми остальными чувствами, и я вошел в тоннель.

Здесь я совсем потерял счет времени. Коридор был длинным, но зато просторным. Похоже, много лет назад здесь текла какая-то древняя река, силой пробившая в камне свое русло. Иначе никак нельзя было объяснить эти практически идеальные, ровные своды тоннеля, гладкие, с еле заметной шербатостью.

Звук в этом коридоре был объемным и хорошо прослушивался. Гул со временем усиливался, я стал различать отдельные тональности в нем. Чем ближе я подходил к источнику звука, тем отчетливее он был. Спустя какое-то время я понял, что гул не был каким-то равномерным, скорее, он был похож на низкий, басовитый скрежет какого-то старого механизма.

Наконец, коридор закончился, и я вышел в огромный серый зал. Пол шел прямо и ровно, а сбоку, справа от меня, он внезапно и стремительно обрывался бездонной пропастью. Я подошел к краю и поднес факел к черной бездне, всматриваясь в нее, ведь именно оттуда шел этот самый монотонный скрежещуще-гудящий звук. Конечно, свет факела не позволил мне увидеть, что там находилось, поэтому мне пришлось подождать, пока мои глаза привыкают к слепящей тьме.

То, что я увидел там, поразило меня до глубины души. В недрах земли, мерно поднимаясь и опускаясь, двигаясь в такт другу, медленно крутились гигантские шестерни, чье соприкосновение друг с другом и порождало тот самый странный гул. Шестерни были настолько огромны, что один их зубец был размером с ланирский небоскреб, а их ширина могла сравниться с шириной пирогоградской главной площади. Я мог видеть только вершины шестерней, а их нижняя часть исчезала в пропасти, скрываясь в такой дали, что я мог бы поклясться – если бы я упал туда, я бы летел не менее

часа.

Завороженный безмятежным видом странного механизма, я простоял на краю пропасти как минимум полчаса. Потом, опомнившись, я обнаружил, что мой факел давно погас. Снова чиркнув огнем, я разжег огонь и направился к противоположному выходу из зала.

Не знаю, сколько я шел. Знаю только, что несколько раз останавливался перекусить и еще пару раз прикорнул у стенки тоннеля. Я был уверен только в одном – в том, что мне необходимо было найти выход. Назад дороги у меня не было – слишком далеко, еда закончится намного раньше. Впереди была неизвестность, но была и надежда, и ради этой надежды я продолжал идти вперед.

И моя надежда не подвела меня. Когда по моей щеке скользнул легкий ветерок, я не на шутку обрадовался. За несколько дней путешествия по горным пещерам я уже почти забыл, что такое свежий воздух. Это мимолетное дуновение вдохновило меня, и я, забыв о накопившейся усталости, понесся вперед, держа дрожащее пламя факела перед собой.

Вскоре я увидел перед собой яркий белый свет, со стороны которого дуло воздухом, обладающим запахом пахучей зелени вкупе с морозной свежестью. Я обрадованно побежал к нему, наплевав на тяжесть мешка, на тянущие плечи глефы, на забитый пояс, на громоздкие ботильоны... И выбежал на поверхность Изначальных гор. Только теперь это были не

окрестности Пирограда. Нет, теперь снизу на меня смотрела сплошная темная зелень густых, пышущих здоровьем, чащ Энтеррского леса. Тут и там в небо поднимались стаи птиц, перелетая от одной группы высоких деревьев к другой, кое-где сквозь плотные кроны пробивались тонкие струйки дыма – это были лесные деревни. Я восторженно смотрел на лес, а потом стал спускаться вниз, прямо в объятия природы.

Теперь у меня появилась новая цель, и она мне не казалась особенно сложной в Энтерре – найти эльфов.

Глава 10. Совет Дарконис

– Ты поднял большой переполох в Дадал’Треваре, – сказала мне Алесия, пока я отпивался вкусным и питательным цветочным нектаром. – Теперь весь город только и говорит о тебе и о том, с чем тебе пришлось столкнуться.

Прошел всего день, как я оказался в Сумрачном Городе. Действительно, найти эльфов в Энтеррском лесу мне не составило сложности – я просто рухнул, обессиленный, посреди поляны, едва перейдя границу леса. Меня нашли дриады, среди которых по счастливой случайности была Йеллити – та самая, что отвезла меня в Энтерберг, и которая очень любила сыр. Дриады мигом вывели один из эльфийских разведывательных отрядов ко мне. Уже в самом городе меня встретили Аурум с Алесией, у них в доме я и остался.

Едва я восполнил силы и стал соображать, я тут же рассказал о случившемся со мной Ауруму.

Внезапный испуг Аурума удивил даже меня. Эльф, даже не дослушав меня до конца, тут же бросился куда-то из комнаты, оставив сестру присматривать за мной. Не прошло и дня, как город закопошился, словно муравейник. Я видел в окошке носящиеся туда-сюда испуганные фигуры, что-то бубнящие себе под нос.

– Почему весь город так завелся от этого элементаля? – спросил я Алесию. Она присела на причудливо увитый ло-

зами стул и скромно положила руки на колени.

– Если этого элементалю действительно зовут Дандраллеон, как ты говоришь, – ответила она дрожащим голосом, – то он не первый раз раскрывает себя. Помнишь, мой брат рассказывал тебе про чудовище, из-за которого погиб наш отец? Это и был Дандраллеон...

Я слегка опешил. Получается, этот разожравшийся элементаль был самым что ни на есть чудовищем? Хотя, учитывая все его способности и амбиции...

– Что теперь делать? – тихо спросил я.

– Аурум, скорее всего, отправился к Сердцу леса, к Дарконис, касте жрецов, предупредить их о надвигающейся беде. Такая проблема должна быть решена только на высшем уровне, поэтому Дарконис соберут совет.

– Но эта беда всегда была! Дандраллеон все это время был жив и находился где-то здесь! – воскликнул я. Алесия покачала головой.

– Но сейчас он наполнен яростью и гневом, и жаждет отмщения, а потому силен как никогда, – ответила она.

Внезапно шаль из листьев, закрывающая вход в комнату, зашелестела и отодвинулась, и на пороге встал Аурум.

– Дарконис будет собирать совет, – сказал он. – Хотя вряд ли они придумают что-то серьезное, – он хмыкнул. – Они уже заранее считают, что ты, доних, приносишь нам одни несчастья, как теперь, когда одно твое присутствие в Дадал’Треваре может привлечь элементалю и его приспешни-

ков. Хотя природа и защищает наш город от врага, чудовище достаточно сильно, чтобы найти его.

Я встал с кровати. Алесия тоже вскочила, стремясь удержать меня, но, взглянув на своего брата, остановилась.

– Я готов уйти из города, если нужно! – ответил я. – Это моя личная проблема. Дандраллеону нужен я... А мне нужен он, чтобы отомстить... За то, что он убил моих родителей и всю мою семью. И всю деревню...

– Он же убил и моего отца, – холодно ответил Аурум, прильнув к стене. – Но в одиночку донику не добиться успеха. Даже опытный селххет не сможет справиться с ним один. Видел бы ты моего отца – он был стремителен и безжалостен, искусен и осторожен, но тем не менее сгинул в пламени элементаля. Ты же умрешь намного раньше, чем успеешь дойти до чудовища!

– И что мне делать? – раздраженно спросил я.

Аурум усмехнулся, как будто я задал самый глупый в своей жизни вопрос.

– Ты спрашиваешь, что делать? – переспросил он. – Пока ты, доних, не стал селххет – тренироваться и ждать.

Мне было неловко ощущать на себе взгляды незнакомых эльфов всех сословий, пока мы вместе с Аурумом шли к окраине города, чтобы позаниматься там, вдали от толпы, под тенью огромных ветвей священного дерева.

Поначалу эльф-охотник не ожидал такой прыти, которую показал ему я, натренировавшись на чудовищах за год с нашей

последней встречи. Я в считанные мгновения добрался до битх'бала Аурума, ускользнув от всех стрел, пущенных в меня. Впрочем, я тут же поплатился за свою излишнюю самоуверенность, получив сильный удар гардой лука в подбородок.

– Плохо, доних, – покачал головой Адамантис. – Элементаль бы уже раскрошил твой череп на мелкие куски.

Я сжал зубы и продолжил нападение. Теперь я был предусмотрительнее и не лез на рожон. У меня все еще оставалось желание побороть эльфа в поединке, чтобы сбить с него спесь, вызванную уверенностью в том, что человек не может быть сильнее эльфа.

Но Аурум умело сводил на нет все мои атаки. Сам он почти не атаковал (если не брать в расчет летящие время от времени в мою сторону стрелы), но и не давал мне ни единого шанса потревожить свое биологическое поле.

– Аурум, – спросил я эльфа во время передышки. Хотя сам эльф нисколько не устал, мне пришлось просить его немного отдохнуть, – Дандраллеон рассказывал мне то, что он много лет рос, да и ты говорил... Что потерял отца несколько десятков лет назад. Но разве могло ли такое быть, если чудища появились всего около сорока лет назад?

Эльф улыбнулся и, убрав лук за спину, скрестил руки на груди.

– А ты сам как думаешь? Это, может, у вас, доних, чудища появились недавно, но в Энтерском лесу они живут испокон

веков. Если не веришь, можешь пойти к своим в Энтерберг, спросить старших, как долго они живут рядом с чудищами.

Внезапно выражение его лица поменялось, он резко погрузился.

– Правда, есть у меня предположение, – сказал он. – После смерти отца наступило время, когда монстры в лесу стали особенно яростными, озлобленными. Возможно, Дандраллеон тоже как-то повлиял на их поведение, что и привело в итоге к распространению чудищ по всему миру. Но это не точно, – он посмотрел на меня. – Точно никто не знает.

Солнце по-матерински нежно освещало Дадал’Тревар круглый день, поэтому я не заметил, как наступил вечер. Лишь Аурум, благодаря какому-то своему внутреннему чувству, остановил тренировку, и мы пошли обратно в город.

На следующий день я ожидал продолжения занятий с Аурумом, но тот отказался.

– Сегодня я не могу заниматься тобой, – сухо ответил он. – Но, думаю, Алесия сходит с тобой.

Сестра Аурума, которая пришла ко мне в комнату вместе с братом, слегка смутившись, кивнула.

– Посмотрим, как ты научился владеть глефами, Гавилан, – сказала она. – А заодно увидишь, чему научилась я.

Тренировка началась как обычно. Я давно научился предугадывать движения Алесии и поэтому легко избегал ее атак. Но так продолжалось недолго – внезапно эльфийка улыбнулась и, выпрямив руки, в изящном сальто прокрути-

ла свои клинки кругом так, что я еле успел откатиться. Вложив в удар свою силу и преумножив ее своим весом, Алесия ударила в землю с такой мощью, что ее хрупкие на вид скимитары смогли бы пробить насквозь любой щит, кроме башенного.

Все это произошло за считанные мгновения, и неподготовленный человек вполне мог бы превратиться в кровавое месиво. Но мы с Алесией немало тренировались вместе и примерно представляли возможности друг друга.

Я довольно быстро раскусил слабость данной атаки – после завершающего удара, буквально на миг, Алесия останавливалась, приходя в себя и восстанавливаясь. До того, как она встала в боевую стойку, я успел проскользнуть ей за спину и легонько ударить в спину.

– Никаких послаблений, – сухо ответила охотница и вихрем развернулась, целясь мне под ребро.

Я отпрыгнул назад, неожиданно для самого себя подпершись клинками глеф, и сделал обратное сальто. Увидев ошеломленное лицо подружки, я поспешил ответить:

– Спонтанные действия – вот ключ к моим победам, – и, улыбнувшись, ринулся обратно в атаку.

После долгой, изнурительной тренировки, мы шли обратно в домик сильно уставшие. Случайно мы встретили по дороге Аурума. Он стоял у стены, образованной одним из толстых корней великого дерева, стража леса, торчащего из земли, и беседовал с какой-то рыжеволосой эльфийкой. Она бы-

ла похожа на Алесию, хоть и не настолько прекрасна, но черты ее лица были плавными и идеальными. К тому же и ее брови, и волосы, скрученные в длинный хвост, были обжигающе рыжего цвета, как осенние листья, застигнутые пожаром, а на щеках были заметны созвездия веснушек.

О чем эльфийка разговаривала с Аурумом, я не мог разобраться, ибо они общались на своем языке. Разве что по интонациям я отметил про себя, что они произносили свои слова с особой нежностью, присущей влюбленным, но у голоса девушки чувствовалась какая-то настойчивость, как молодая мать журит своего маленького непоседливого ребенка, а Аурум постоянно запинаясь и краснея, еле-еле находя слова для ответа.

Наконец, они закончили разговор, эльфийка, слегка разозленная, чмокнула в щеку Аурума и, развернувшись, ушла.

– Вианна! – позвала ее Алесия и побежала за ней. Я, растерявшись, остался стоять на месте.

– Кто знает, что у женщин на уме, доних! – обратился ко мне Аурум. – От слишком частого общения они устают, говорят, что ты им надоел, и советуют пойти заняться охотой. Но после долгой охоты они меняют свою точку зрения и начинают говорить, что ты совсем про них забыл и не заботишься о них. Держаться на одном расстоянии от этих двух крайностей очень сложно и, как ни странно, лучше всего это получается, когда ты перестаешь об этом заботиться... Как у вас прошла тренировка с Алесией?

Я не успел рассказать ему про наш с Алесией сегодняшней день, как вдруг к нам подошел другой эльф. Он был высокий и худощавый, с очень развитыми плечами и длинными костлявыми руками. Голова его тоже была длинная и худая, выделяя торчащие скулы и острый подбородок. Его огненно-рыжие длинные патлы, свисающие до лопаток, вместе с длинными тонкими бровями, растущими в противоположные друг другу стороны, а также сравнительно небольшое количество веснушек на лице намекали на некое родство со знакомой Ауруму эльфийкой. Глядя на его внешность, не очень было понятно, как при всем при этом он мог носить на своем теле бронированные пластины и громоздкие, украшенные орнаментом наплечники, похожие на обручи.

– Сйах, – сказал он на эльфийском, подняв руку в приветствии.

– Сйах, Ио, – ответил ему Аурум. Я молча кивнул, решив, что не стоит отвечать ему на незнакомом мне языке. Впрочем, ни с того ни с сего эльф перешел на всеобщий язык:

– Несправедливо получается, Аурум. Я позволил тебе встречаться со своей сестрой, надеясь, что ты в ответ отдашь мне Алесию. Вместо этого она не желает... нет, даже брезгует! общаться со мной. Как бы я с ней не заговаривал, меня для нее не существует. Более того, теперь она связалась с этим... Человеком... И я совсем пропал для нее. Нечестно получается, разве не так?

Говоря, эльф обращался напрямую к Ауруму, игнорируя

меня, как будто я был сродни домашнему животному. То, что он при этом разговаривает на всеобщем языке, недвусмысленно намекало на открытое пренебрежение ко мне.

Аурум усмехнулся.

– Если ты хочешь говорить об этом, чтобы доних нас понимал, то пожалуйста, – произнес он. – Только тебе не кажется, что наши сестры вправе сами за себя решать, кто им нравится, а кто нет? Я не держу силой Вианну, но ей хочется быть именно со мной. Так же я не могу силой заставить Алесию полюбить тебя, Ио, как бы ты сам этого не желал. Если тебе хочется, чтобы моя сестра ответила тебе взаимностью – добейся ее расположения сам, не властью и силой, а другими методами.

После таких слов Ио вспыхнул, на мгновение его лицо стало одного цвета с волосами, но он быстро пришел в себя.

– Не забывайся, Адамантис, с кем ты говоришь таким тоном! – процедил он сквозь зубы. – Ты прекрасно знаешь, что я люблю Алесию уже много десятков лет. Я могу дать ей многое – то, что ты, ее брат, не сможешь ей дать за всю свою долгую жизнь.

– Вот только захочет ли она взять то, что ты можешь ей дать, – встрял в разговор я.

– Не влезай в разговор, человек, – огрызнулся Ио. – Не тебе это решать.

– Ты сам дал ему шанс решать это, заведя разговор на его языке, – встал на мою защиту Аурум. – Доних прав. Пусть

Алесия и Адамантис, но она все же селххет и может постоять за себя. Если ты действительно можешь ей что-то дать – попробуй, но с таким подходом, как сейчас, ты от нее ничего не добьешься.

Ио ничего не сказал в ответ, лишь злобно прищурился и, оглядев нас, молча удалился.

– Техват, Ио! – крикнул ему вслед Аурум. Он обернулся ко мне и сказал: – Брат Вианны. Они с сестрой относятся к касте охотников, Каррагис, из которых в основном состоит стража города и лесные патрули, к тому же именно они добывают пропитание для всех эльфов... Кроме Адамантисов, конечно. Он считает, что раз он выше по положению, то может манипулировать мной и Алесией, как хочет. При этом он так же полагает, что может управлять Вианной как младшей сестрой. Наивный выскочка! Пусть у меня и нет никаких законных прав, но в обиду я себя не дам...

Я пожал плечами. То, что далеко не все эльфы дружелюбны к людям, я понял еще, когда лечил спину в Дадал’Треваре. Вернее, как раз большинство эльфов пренебрежительно относились к моему роду. Снисходительная надменность Аурума – это почти что дружба, чуть ли не максимум, на который я мог рассчитывать, и за его помощь я был ему премного благодарен.

Мы пошли домой. На пути мы догнали Алесию, которая разговаривала с Вианной. Заметив нас, она попрощалась с рыжеволосой девушкой и пошла к нам. Внезапно мне в го-

лову пришла неожиданная мысль.

– Аурум, а вы можете научить меня эльфийскому языку? – спросил я, чем поверг брата с сестрой в ступор.

– Э-э-э, – начал было эльф, потеряв на время голос.

Алесия быстрее пришла в себя:

– Можно попробовать, но он довольно сложен. Дело даже не в звучании, а в разнообразии слов.

– Нет, Алесия, – перебил ее Аурум. – Доних не должен знать эльфийский!

– Почему? Это ведь не запрещено, – парировала эльфийка. – Если он не будет разговаривать на нем на людях, то почему бы и нет?!

Охотнику только и оставалось, что смотреть на свою сестру и на меня с открытым ртом. Это продолжалось недолго, после чего он махнул рукой:

– Делай как хочешь. Ты уже взрослая и сама отвечаешь за свои поступки. Но знай, что и за этот поступок ты тоже будешь отвечать сама!

Алесия улыбнулась и кивнула. С этого момента, помимо тренировок с глефами, у меня добавились еще занятия по эльфийскому языку.

Спустя всего пару дней я уже более-менее разобрался в словах, обозначающих того или иного члена семьи – отец, мать, брат, сестра, сын, дочь, дядя, бабушка, внук и даже шурин. С произношением, правда, было не все так хорошо – лицевые мышцы у меня были развиты не так идеально, как

у эльфов с их прекрасными ликами, точно у сошедших с барельефа полубогов. Но Алесия заверила меня, что упорные тренировки позволят мне научиться произносить слова так, что любой эльф сможет меня понять.

Но мое спокойное обучение не длилось долго. Одним вечером ко мне пришел Аурум.

– Вставай, доних, – ответил он, прислонившись плечом ко входу. – Дарконис собрали совет. Приказано, чтобы ты присутствовал.

– Вообще, на советах Дарконис почти не зовут никого из других каст, – начал разговор Аурум, когда мы направлялись прямо в сторону дерева. Толстые ветви с зелеными, оранжево-желтыми и рыжими листьями тяжело провисали над нашими головами. – Про таких, как ты, доних, я вообще не говорю. Так что ты, доних, будешь первым из рода, кто присутствовал на совете.

– Что там вообще будет? – спросил я его.

– Дандраллеон угрожает не только тебе, – ответил эльф, – но и всему Энтеррскому лесу, в том числе и Сумрачному Городу, потому что именно здесь расположено Сердце леса. Такое нельзя оставлять без внимания, ибо на кон поставлена наша мать-природа и вся жизнь в лесу. Отряды Каррагис стали обнаруживать места скопления элементалей. Они чем-то взволнованы. Гноллы тоже озлобились, стали вести себя гораздо смелее, чем раньше. Что-то грядет, и это что-то – не очень хорошее, доних.

Мы подошли к стволу дерева. Прямо в нем был проделан проход, украшенный разноцветным мхом и лианами, с которых свисали умело сделанные фонарики с природным огнем, уютно освещающие пространство вокруг себя приятным фиолетовым светом. У прохода стояли два стражника из какой-то высокопоставленной касты. Их синяя, с золотистыми укреплениями броня была чрезмерно увеличена по сравнению с размерами их тела, а полотна ткани, свисающие с нее, создавали впечатление огромного, звездного цвета, плаща. В руках стража держала длинные вычурные алебарды, которые она скрестила перед нами.

– Ну вот мы и пришли, – сказал Аурум и обратился к стражникам. – Гавилан, доних.

Алебарды были отставлены в стороны, и я направился сквозь дерево. Обернувшись, я увидел, что Аурум остался стоять на месте.

– А ты разве не идешь? – спросил я его.

– Ты что, – ответил мне эльф-охотник. – Я же Адамантис. Мне категорически запрещено присутствовать там, где находятся Дарконис. Меня никогда и не позовут на совет. Так что иди один, доних, с тобой ничего не случится.

Мне ничего не оставалось, кроме как послушать товарища и идти дальше сквозь тоннель. Дерево изнутри не было ничем украшено, но светлячки, сидящие на его стенах, красиво освещали рыжие листья, устилающие покрытую изумрудной травой землю, так что в великолепии у Сердца леса не было

недостатка.

Когда я вышел к большой площадке внутри ствола дерева, я не поверил своим глазам. Сначала у меня возникло ощущение, будто дерево было без кроны. Но, приглядевшись, я заметил, что сверху сияло не солнце – то был мощный бело-зеленый свет нескольких тысяч светлячков, висящих на потолке. Я заворожено смотрел на своеобразную пещеру (если так можно было бы назвать полость в стволе), пока меня не окликнул холодный женский голос, говорящий на чистом всеобщем языке:

– Человек! Приди в себя и встань в центре!

Я посмотрел в сторону источника звука и увидел деревянное ложе, выросшее на одной из стенок. Там стояла высокая фигура в длинном синем плаще с широкими наплечниками, наподобие той одежды, что была на стражниках у входа в тоннель. Фигура принадлежала эльфийской женщине с изящной фигурой и длинными серебристыми волосами. По человеческим меркам она выглядела лет на сорок. В руках она держала длинный темный посох со странным камнем лимонного цвета. Я огляделся и увидел, что кроме нее по всей пещере, на разных высотах были расположены ложи, в каждой из которых стояло по эльфу в тех же самых синих одеждах и с точно таким же посохом.

– Человек! – повторила эльфийка. – Кажется, я точно сказала тебе на твоём языке, куда следует пройти.

– Может, ты говоришь не на языке людей? – усмехнулся

кто-то из эльфов повыше уровнем, но, ощутив на себе сердитый взгляд эльфийки, он сразу же замолк.

Я решил не испытывать терпение высших членов общества эльфов и смиренно прошел в центр площадки. Мягкая трава приятно шелестела под ногами, пока я шел до середины созданного природой амфитеатра.

– Ты – Гавилан, первый из людей, которому посчастливилось присутствовать на совете жрецов Дарконис! – воскликнула эльфийка. – Но не радуйся этому, ибо проблема, решаемая здесь, произошла от тебя!

– Я не в том сейчас положении, чтобы радоваться, – пробурчал я себе под нос, не совсем кстати вспомнив события, произошедшие всего лишь неделю назад в Нижних Валушках.

– Тихо, человек! – громогласно ответила жрица. – Сейчас ты на совете, и ты будешь говорить только тогда, когда тебе позволят!

– Уймись, Слания, – вдруг сказал один из Дарконис, стоящий в ложе примерно напротив жрицы. – Этот человек недавно потерял всю свою семью. Вспомни, как ты горевала, когда лишилась Лиама.

– Мало ли чего лишилась я! – грубо ответила Слания. – Совет Дарконис – не место для семейных проблем, здесь решаются дела куда более великие. Я понимала это, когда решался вопрос...

– Даже вопрос о своих детях ты решала хладнокровно, мы

все знаем это, – вздохнул жрец.

Я посмотрел еще раз на эльфийку. Так значит, это была Слания, мать Аурума и Алесии, та самая, что собственноручно лишила своих детей касты Дарконис. Что ж, если она действительно ратует за интересы всего эльфийского общества, наплевав на свои, то на данный момент это очень походило на правду. Я смотрел на нее своим взглядом охотника на чудищ, выискивая мимические движения на ее лице. Слания держалась твердо, но на ее лице то и дело проскакивали маленькие, еле заметные тики. Я воспринял это как успешные попытки эльфийки сдержать собственные эмоции. Неожиданно даже для самого себя, несмотря на изначальное недоверие и предосторожность к Слании, я испытал к ней уважение. Сразу было видно, что Аурум с Алесией – ее дети; только они могли быть твердыми в своем решении, принятом из-за четких жизненных принципов, а не по собственной прихоти.

– Может, перестанем отвлекаться? Все-таки мы здесь собрались по поводу элементаря! – прервал мои мысли молодой эльф с волосами, заплетенными во множество плотных тонких кос, чье ложе было расположено почти в самом низу, у земли.

– Это верно, Кригель, – кивнул жрец напротив Слании. Он был седовласым и разговаривал спокойным, умиротворяющим голосом. – Чудовище – элементарь, называющий себя Дандраллеон – угрожает всему лесу, в частности, Сердцу

леса и эльфам, проживающим рядом с ним. Его сила велика – настолько, что когда-то он – прости меня, Слания – сразил Лиама, одного из наших самых искусных Каррагис...

– Самого искусного Каррагис, – резко ответила Слания, но она быстро осеклась и замолчала. – Продолжай, Виостро.

Жрец как ни в чем не бывало продолжил:

– Как мы уже обсуждали ранее, Дандраллеон копит силу, собирая вместе гноллов и элементарей. Проблема с гноллами стояла уже давно – они слишком быстро умнели, как оказалось, благодаря Дандраллеону... Человек, почему ты поднял руку?

– У меня вопрос, – ответил я.

– Какой же? – спросил Виостро.

– Почему вы все разговариваете на всеобщем, человеческом, языке? Вы все его знаете?

Жрец усмехнулся.

– Дарконис многому научены, – сказал он. – Да, мы знаем язык людей, не только всеобщий, но и энтеррский диалект. Также мы знаем языки элементарей, дриад и множество других. Даже недавно возникший, пока еще первобытный, язык гноллов мы успели выучить. Мы, эльфы, должны быть в курсе всего, особенно того, что нас касается.

– И именно поэтому ты здесь, – перебила его Слания. – Твое нахождение в Сумрачном Городе очень сильно касается нас.

– Ты видел Дандраллеона в непосредственной близости, –

раздался голос еще какого-то эльфа сверху. – Мы понимаем, что это чудовище разительно отличается от своих собратьев, но никто из нас не наблюдал за ним и, следовательно, не знает всех способностей владыки элементарей, как ты выразился. Поэтому мы ждем от тебя, человек, что ты опишешь его нам как можно лучше.

Я не умолчал ни о чем, стараясь в подробностях рассказать о каждой своей встрече с чудовищем. Не забыл я и про то, что Дандраллеон владеет не только изначальными элементами. Совет внимательно слушал меня, запоминая и обдумывая каждое высказанное мной слово.

– Если ты говоришь, что элементаль потерял тебя, когда ты спрятался под веткой в лесу, – произнес Виостро после того, как я закончил монолог, – значит, у него еще недостаточно развилась связь с природой. Но связь есть – это видно по тому, как Дандраллеон легко меняет ландшафт – а значит, время терять нельзя.

– Ты хочешь сказать, что рано или поздно настанет момент, когда элементаль обнаружит нас, просто прочувствовав Сердце леса почвой? – переспросил Кригель.

Виостро кивнул.

– И даже это не самое страшное, – продолжил он. – Я боюсь, что может наступить момент, когда само Сердце леса будет ревоплощено Дандраллеоном.

– У меня вызывает раздражение уже само его имя, – фыркнула Слания, потрянув платиновыми волосами. – Надо

быть очень самонадеянным и нарциссичным, чтобы дать самому себе такое вычурное имя.

Еще один Дарконис с верхних лож ответил:

– Если мы должны поторопиться, то зачем нам медлить? Необходимо прочесать весь Энтеррский лес и его окрестности.

– Слишком опасно, – возразила Слания. – Большое количество патрулей не останется незамеченным для элементарей. Дандраллеон... поймет, что мы перешли к активным действиям, и нападет на нас раньше. Мы не успеем подготовиться к его атаке. Мы обязаны не допустить ни малейшей царапины на древе. И уж тем более мы не должны допустить, чтобы элементаль осквернил его.

Жрецы разом заговорили, каждый предлагал свой вариант развития событий, каждый желал высказать свой план действий, каждый хотел, чтобы его услышали. В стволе древа поднялся негромкий, но равномерный шум. Шум почти мгновенно прервался, когда Слания гневно постучала посохом.

– Я требую тишины! – прикрикнула она на совет. – Одумайтесь, перед нами доних, а вы себе такое позволяете!..

– Слания, я все понимаю, но ты не самая главная в совете, – спокойно ответил ей Виостро, поглаживая свою длинную ухоженную бороду. – Совет – а это несколько десятков Дарконис – решает вопросы всецело, опираясь на все мнения, а не на мнение кого-то одного. Не забывай об этом.

Щеки Слании вспыхнули на мгновение, не знаю, то ли от мимолетного стыда, то ли от нравоучений старого эльфа, но жрица быстро успокоилась и так же спокойно ответила:

– Я думала, что стала высшей жрицей не просто так, а для того, чтобы мнение мое выделялось среди других.

– Истинно так, Слания, но на совете каждый имеет равное право высказаться, – парировал Виостро. Он обернулся на меня и, заметив, что я внимательно слушаю их диалог, осекся. Слания мгновенно побагровела и яростно прокричала:

– Ты что, все это время слушал нас, человек?! Ты что, знаешь эльфийский?!

Внезапно даже для самого себя я осознал, что последние несколько фраз жрецов звучали на их родном языке, который я, по их мнению, не знал, потому что их спор не был предназначен для уха простого человека.

Кто-то из Дарконис рассмеялся:

– Этот человек, Гавилан, действительно не так прост, как может казаться на первый взгляд! Видно, само Сердце леса завало его в Дадал’Тревар, потому что видит в нем нечто большее, чем видим мы!

Виостро улыбнулся.

– Возможно, ты прав, – ответил он. – В самом деле, иногда в истории наступает момент, когда миру нужны герои. Тогда они и появляются – начиная с самых мелких и незначительных успехов, они вырастают до свершения настоящих подвигов, способных изменять спокойное течение времени

в беспокойные времена.

– Равно так вырастают и злодеи, – скептически произнесла Слания. – И один из них ищет Сердце леса.

Виостро многозначительно посмотрел на Сланию, но ничего не сказал ей.

– Мне кажется, нам нужно заставить элементалю думать, будто город находится в другом месте, – прервал тишину Кригель, размахивая своими косами, которые с каждым поворотом головы застревали у эльфа на плечах. – Можно сделать большую иллюзию. Я не знаю, конечно, точно, но не думаю, что Дандраллеон способен отличать природную магию от самой природы.

– Интересная мысль, – поддержал идею еще один жрец. – Но создать иллюзию не так-то просто. К тому же, надо будет подвести элементалю к ней.

– Если вам нужна приманка, то я вполне могу за нее сойти, – ответил я, немного удивляясь собственной наглости. В глубине души я немного пожалел, что выпалил эти слова, не подумав, но отступить было уже бесполезно.

– Действительно, – улыбнувшись, кивнула Слания. – Чудовище особенно ненавидит тебя. Это очень поможет, ведь ярость притупит его чувства и его будет проще обмануть.

– Есть еще одна проблема, – ответил еще один жрец сверху. – Можно подвести Дандраллеона к иллюзии, но для этого нужно найти самого Дандраллеона. Где он прячется? Где он копит силы?

– На это есть простой ответ, друг, – ответила ему другая жрица. – Нам нужен патруль. Хватит одного.

– Одного патруля? – переспросил ее Дарконис. – Немного у нас Каррагис, чтобы могли выследить такое существо, как пережравший элементаль.

– Нет, – отрезала Слания. – Не одного патруля. Одного эльфа.

– Уж не собираешься ли ты... – начал было Виостро, но, заметив ухмылку верховной жрицы, все понял и замолчал.

– Кто будет создавать иллюзию?

Вопрос повис в воздухе. Некоторые размышляли над последней фразой Слании, другие не хотели подставлять сами и подставлять других, третьи просто ждали хоть какого-нибудь развития событий.

Кригель стукнул своим посохом об землю, привлекая общее внимание.

– Я предложил эту идею, я ее и исполню, – сказал он. – К тому же, у меня неплохо получались иллюзии.

– Подробности мы обговорим позже, – в свою очередь стукнула посохом Слания. – Пока что мы можем отпустить человека. Все, что ему нужно было знать, мы рассказали, равно как и услышали от него все, что мы хотели услышать. Если что-то понадобится добавить, мы знаем, где тебя искать. Гавилан, ты свободен. Можешь идти.

Аурум терпеливо ждал меня у выхода из дерева.

– Ну, что там произошло? – спросил он.

Я вкратце пересказал ему разговор, состоявшийся у меня и совета. Эльф-отреченный усмехнулся, услышав про патрульного-добровольца.

– Я уже начинаю догадываться, кого она выбрала, – улыбаясь, сказал он.

Надо ли говорить, что после совета для меня вновь начались скучные, однообразные дни? Хотя нет, скучными их никак нельзя было назвать. Алесия продолжала обучать меня родному языку, умудрившись однажды принести целую кучу старых свитков, описывавших быт эльфов несколько столетий назад. С таким учителем я на лету схватывал новые слова, легко выучивая правила согласования, падежи и прочие мудрости эльфийской речи. Когда над Сердцем леса, пламеня, ложился закат, мы выходили на главную площадь Дадал’Тревара и прогуливались вдвоем, разговаривая на самые разные темы. Алесия специально подбирала для меня простые слова, когда задавала вопросы или, наоборот, что-то рассказывала, но вскоре я заметил, что начинаю бегло воспринимать фразы, услышанные от проходящих мимо беседующих эльфов. Некоторые из слов я не понимал, из-за чего тут же засыпал Алесию вопросами.

– Удивительно, как быстро ты впитываешь знания, Гавилан, – ответила мне однажды эльфийка.

– Это плохо? – переспросил ее я, улыбнувшись уголком рта.

Алесия слегка смутилась, ее по-эльфийски маленькие

округлые щечки порозовели.

– Вовсе нет, – она стала пытаться зачем-то оправдываться. – Просто... Как бы это сказать... В свои молодые годы ты не только много чего узнал и научился, но и продолжаешь делать это и дальше. Такими способностями к получению знаний позавидовал бы, наверное, любой человеческий ученый. Но ты выбрал путь охотника.

– Не мне тебе говорить, что охотнику тоже необходимо довольно много знать, – ответил я. – Более того, многое приходится испытывать на практике.

– Да, я знаю, – кивнула Алесия. – Знаешь... Например... Вот, вокруг нас много эльфов. Ты тоже видел в городах и деревнях много людей. Много ли из них оставят значимый след в истории? Скорее всего, нет, они просто перенесут имеющийся запас знаний в будущее, более молодому поколению. Но ты, мне кажется, оставишь заметный след в истории Телехии. В тебе скрыт большой потенциал.

– Спасибо, – смутился я, отчего-то вдруг разом забыв все эльфийские слова. – Надеюсь... Наверное... Возможно, ты права. Я всего лишь живу своей жизнью, а что будет завтра – об этом я буду волноваться завтра.

Время от времени в домике появлялся Аурум, и тогда я напрашивался на спарринг. Эльф-охотник, конечно, не мог мне отказать, ведь из некогда неумелого воина я превратился в достойного соперника. Теперь Адамантис сражался в полную силу, постоянно используя свою коронную атаку – вы-

стрел тремя стрелами одновременно. Но это не могло меня сломить – мое мастерство владения глефами уже было высокого уровня. Я, сам того не замечая, превратился из хлипкого юноши, которым был, когда вышел из дверей пирогоградской следственной службы, в неплохо сложенного молодого человека, нарастив заметную мускулатуру.

– Не забывайся, человек! – сбил мои мысли эльф, кинув в меня свой секретно спрятанный в сапоге ножик прямиком мне в лоб.

– Не волнуйся, я един с природой! – весело ответил ему я, сбив и перенаправив ножик так, что он, не сбавляя скорости, воткнулся вертикально в землю. На эльфийском фраза «я един с природой» была крылатой, означавшей что-то вроде «я всегда начеку» или «я все прекрасно помню».

Аурум опустил лук. Даже с моего расстояния было заметно, что он удивился, насколько четко я произнес эту фразу.

– Это что ж, – наконец сказал он, – мне даже нельзя будет сказать «доних», чтобы ты меня не понял?!

– Я и сам могу назвать себя «доних», эльфети, – засмеялся я. Эльф сначала было нахмурился, но потом сам не удержался и рассмеялся в ответ.

Через день он вернулся не в самом лучшем расположении духа. Первой к нему метнулась Алесия, с вопросом, что случилось. К слову, говорила она на чистом эльфийском языке, который я уже вполне понимал.

– Как я и говорил, – сказал Аурум. – Совет Дарконис на-

шел разведчика для выслеживания чудовища.

– Ты? – Алесия сходу все поняла.

Аурум утвердительно кивнул.

– Они аргументировали это тем, что я постоянно прочесываю лес, с одной стороны до другой, – продолжал отвечать он. – И я имею дружеские отношения со многими лесными обитателями – боггартами, дриадами, лешими, водяными, нимфами... Может, они пытались сыграть на моем самолюбии, но я уверен, что это попытка спихнуть всю работу на меня одного.

Алесия вспыхнула:

– Мать хотя бы знает, что это опасно?! – воскликнула она. – Ты же можешь погибнуть!

– Я думаю, она не забыла о том, что этот Дандраллеон сделал с отцом, – сказал Аурум. – Есть множество вариантов, зачем она это сделала. Во-первых, проверить меня, насколько искусным охотником я стал, и могу ли называть себя «селххет» в той же мере, что и отец. Во-вторых, она может думать, что это в очередной раз поменяет мое мировоззрение и я вернусь к ней с покаянием, и тогда она – возможно! – вернет мне обратно честь называться Дарконис. Ну и в-третьих, не буду отрицать... Она хочет избавиться от неудобного и позорящего ее сына.

На последних словах Алесия не выдержала и вскочила.

– Я пойду к ней и все ей выскажу! – закричала она в гневе. – Плевать, что я Адамантис!

Аурум крепко схватил сестру за руку.

– Я уже принял этот приказ, – спокойно произнес он. – Не стоит усугублять ситуацию, тем более что это ничего не изменит.

Он вздохнул и повернулся к двери.

– Пойду повидаюсь с Вианной, – сказал он. – Я уже предвижу такую же реакцию, но что поделать... Кстати, – эльф обратил свой взгляд на меня, – совет упоминал тебя, Гавилан. Некто Кригель Дарконис ждет тебя с южной стороны от корней дерева.

Кригель?! Это тот самый жрец со сплетенными во множество косичек волосами, который вызвался создать иллюзию Сердца леса? Но что ему нужно было от меня? Я не обладал познаниями в магии природы и уж тем более не разбирался в строении дерева.

Никаких мыслей по этому поводу у меня так и не появилось. Алесия тоже не могла мне ничем помочь. Аурум уже ушел, и вслед за ним ушел и я, в первый раз выйдя на просторные площади Дадал’Треварара в одиночку.

Я сразу узнал Кригеля. Все-таки его внешность была довольно запоминающейся, несмотря на то, что вместо просторной голубоватой робы он переделся в обтягивающие латы, обернутые широким белоснежным плащом, покрытым мелкими узорами, напоминающими орлоогскую письменность.

– Гавилан, – кивнул мне Дарконис, когда я подошел к

нему поближе. – Позволь мне проводить тебя кое-куда.

– Я не могу понять, зачем я тебе понадобился, – честно признался я.

– Ну-у-у. Ты же помнишь, как сам вызвался приманить элементаря к иллюзии? Я уже практически закончил ее, и мне необходимо показать тебе не только местоположение, но и кое-какие хитрости, связанные с ней.

Как же я мог позабыть! Моя роль в столь грандиозном плане была не менее опасна, чем у Аурума. Провести элементаря до ловушки и не стать при этом поджаренным, раздавленным, утопленным или разорванным на куски – это задача не из простых.

– Не удивляйся, что я с тобой общаюсь по-свойски, не церемонясь, как это зачастую делают остальные Дарконис, – ответил на назревавший мой вопрос Кригель. – У меня много друзей-сверстников из самых разных каст, и я вижу, что социальное положение в обществе не влияет на характер эльфа. Жаль, далеко не все разделяют ту же точку зрения. А теперь закрой глаза, – продолжил жрец. – Я знаю, что ты не враг эльфам, но никому, кроме эльфов, не дозволено знать местоположение Дадал’Треварара.

Перемещение меня за пределы Сумрачного Города прошло незаметно. Не знаю, что при этом используют эльфы, но если с Аурумом я чувствовал движение, благодаря ветру, струящемуся по щекам, и другим приметам, то с Кригелем я не заметил совершенно ничего. Моргнул глазами – и вот я

на прогалине Энтерского леса.

– Кстати, – решил завязать разговор молодой жрец, – каким образом ты так быстро выучил эльфийский?

– Да не знаю, – пожал плечами я. – Само собой как-то получилось.

Воцарилась тишина.

– Мда, – нарушил ее Кригель. – Разговаривать ты, похоже, не любишь. Тогда прошу тебя выслушать про мою иллюзию, – при этом он так ехидно улыбнулся и потер ладони, что я понял, что он очень, очень сильно интересуется миражами.

Мы шли по узкой прогалине, вдоль мелкого, поросшего разной травой ручейка. В этом месте деревья росли особенно кучно, нежели в остальном лесу. Весенняя грязь словно бы сама налипала на мои ботильоны, а плащ Кригеля, шедшего впереди, оставался все таким же белым. Казалось, будто эльф даже не касается земли, ведь его ступни не оставляли следов, а я проваливался на полщиколотки в бурую жижу.

– Магия? – спросил я случайно вслух.

Кригель обернулся и посмотрел на комки, облепившие мои ноги ниже колена.

– Вот еще, тратить силы на это, – ответил он. – Простая осторожность и правильное распределение веса. Ты за этим не следишь?

– Ну, вообще слежу, – признался я, – но в этом случае просто решил не обращать внимания.

Жрец улыбнулся.

– Про тебя шли разговоры, что ты – подающий большие надежды молодой охотник на чудищ. Как это так получается, что ты не следишь за окружающим тебя миром все время? – уточнил он у меня. – Наши Каррагис, если признаться, вообще походят на угрюмых истуканов, и к тому же оборачиваются чуть ли не на каждый шорох.

Внезапно он остановился.

– Так, – произнес он. – Видишь вот эту раскидистую иву? – Он указал рукой на старое дерево, разбросавшее свои ветки, как прядь толстых, непослушных волос.

– Сложно не заметить, особенно учитывая тот факт, что ивы любят много влаги, а этот ручеек не мог бы выделить ей столько воды, чтобы дать вырасти, – ответил я.

Этим замечанием я смутил Кригеля. Он запнулся и стал настойчиво осматривать дерево.

– Что, действительно так заметно? – спросил он, взявшись за мокрые ветки, которые трясли гроздьями листьев при каждом прикосновении.

– А что такое? – слегка удивился я. – Выглядит странно-вато, но всякое бывает.

Эльф остановился, опустил руки и повернулся ко мне.

– Ну, если так, – сказал он, – то добро пожаловать в начало иллюзии.

Я удивился еще раз.

– Эта ива – ненастоящая?!

Дарконис улыбнулся, его профессиональная мания взяла

тело под контроль.

– Конечно! Начиная с этого дерева, идет дорожка, ведущая к основе моей иллюзии! – продекламировал он. – Смотри. Доводишь элементаря до этой ивы – тут важно бежать вдоль ручья – сворачиваешь в сторону дерева и бежишь дальше. Видишь вон ту арку из молодых дубов?

Я кивнул. Жрец продолжил:

– Это вторая отметка, означающая, что ты бежишь в правильном направлении. Я не знал, сколько ориентиров тебе нужно, чтобы посадить элементаря на крючок, но решил, что двух, в принципе, будет вполне достаточно. Пойдем дальше.

Мы пошли в сторону арки. По пути Кригель продолжал пояснять:

– Почему надо проходить через арку? Ну, там довольно сложно объяснять, но если вкратце и по-простому... Проходя мимо этих дубов, ты активируешь запасные измерения, которые раскручиваются в этом месте, и ты попадаешь прямо в них. То есть, вы с Дандраллеоном окажетесь как бы в клетке из других измерений, а измерения, в которых мы живем, наоборот, свернутся. И вот там уже, внутри...

Мы сделали шаг в арку и я почувствовал, что мой живот слегка скрутило. На самом деле, если бы я не ожидал ничего необычного, то я вряд ли бы заметил это мимолетное недомогание. Вместе с этим нас окружил ослепительно чистый белый свет...

И мы оказались на широкой поляне, застланной разноцветными листьями, а прямо перед нами стояло ни с чем не сравнимое, громадное, широкое дерево – Сердце леса, опустив свои тяжелые, усталые ветки прямо над нами. Свет оранжевыми лучами озарял все пространство вокруг. Вся площадь выглядела точно так, как будто мы были в Сумрачном Городе, только разве что вокруг не было ни души. Эту недостающую деталь я сразу же сообщил Кригелю.

– А мы точно не в Дадал'Треваре? – заодно уточнил я.

– Нет, все это – чистая иллюзия, это древо не существует в реальности, – улыбнулся Кригель, наслаждаясь моим изумленным видом, наглядно показывающим, насколько я поражен. – Эльфов я не стал делать. Во-первых, это довольно сложно. Одно дело – создать неподвижный или почти неподвижный объект, и совсем другое – движущийся объект со своим собственным поведением. Ну а во-вторых, затраты не стоят того. Чудовищу достаточно оказаться здесь хотя бы на несколько секунд, как ловушка схлопнется.

– Каким образом? – спросил я. – Меня не схлопнет заодно с ним?

Кригель засмеялся.

– Нет, нет, – ответил он, когда успокоился. – Конечно, совет Дарконис не хотел посвящать тебя во все планы, но я, думаю, могу рассказать тебе пару хитрых моментов насчет этой ситуации.

В Дадал'Треваре наступил вечер, когда я вернулся в до-

мик к Алесии. Девушка уже успела приготовить вкусный овощной суп, который я с наслаждением съел.

– Как прошла встреча с Кригелем? – спросила она.

– Хорошо, – признался я. – Кригель – забавный парень, с ним весело. А какую иллюзию он сделал...

Я сам не заметил, как уснул за столом, во время беседы. Не заметил я и то, как меня бережно перенесли на мягкую кровать.

Я не успел выспаться, потому что рано утром со стуком в домик ввалился какой-то эльф из Каррагис и, найдя меня, валяющегося без памяти в постели, разбудил своим громогласным голосом:

– Гавилан! Совет Дарконис ждет тебя! Вставай!

Я еле-еле встал на ноги, и, протирая глаза, ответил:

– Да-да, сейчас, вот умоюсь...

– Нет времени! Совет не будет ждать!

Уже на ходу зашнуровывая дублет, я думал, что такое понадобилось эльфийскому совету, что они решили сиюминутно найти меня. Я даже не успел обратить внимание на то, что кроме спящего меня, в домике больше никого не было.

Вновь пройдя через могучие ворота в стволе Сердца леса, я оказался окружен мириадами эльфийских жрецов. Мне показалось, что в этот раз их было намного больше, причем вид у всех у них был взволнованный.

– Человек! – произнесла зычным голосом Слания, гулко стуча своим посохом, призывая остальных к тишине. – На-

стало время того, к чему мы готовились. Ты готов исполнить свою роль в действии?

– Думаю, Слания, это не тот вопрос, на который может быть какой-либо ответ, кроме того, что мы от него ждем, – заметил Виостро. – Тем более что внутри себя он знает, что не готов так на него отвечать, но что поделать, если судьба зовет.

– Ты переусердствовал с умозаклочениями, Виостро, – в свою очередь заметил один из пожилых жрецов, которого я не видел в прошлый раз. – Мы не ждем от тебя каких-то свершений, Гавилан, – обратился он ко мне. – Не нужно никакого героизма. Никто из нас никогда не стремился к героизму. Каждый из нас просто делает свою работу. У кого-то работа – добывать пропитание, у кого-то – лечить больных, а у кого-то – защищать родной мир от напасти. Да, ты знал, на что идешь, но и задача твоя не предполагает большего, чем ты можешь. Просто сделай то, что надо.

– Э-э-э, – немного недоумевая, ответил я. – А что все-таки произошло? Аурум нашел элементаля?

Кто-то хлопнул за моей спиной. Я обернулся и увидел Кригеля, стоявшего в обычных синих одеждах Дарконис, прислонившего ладонь ко лбу.

– Как обычно, за спором упускаем главное, – сказал он и посмотрел на меня. – Нет, Аурум пока ничего не нашел, вестей от него пока еще нет. Зато простые патрули нашли кое-что интересное.

– На город готовится нападение, – продолжила за него Слания. – Замечены не только довольно большие скопления элементарей, но и отряды гноллов. Отряды огромны, на каждого нашего эльфа наберется с десяток гноллов.

Опять гноллы! Пушечное мясо армии Дандраллеона, которое тем не менее было так взлелеяно, что за небольшой промежуток времени они прошли путь развития от тупых животных до разумных существ, способных думать тактически, пусть даже слабо. О численности их можно слагать легенды – плодились гноллы не хуже тараканов.

– Но я же должен загнать Дандраллеона в ловушку! – возразил я. – Что мне делать сейчас, если о нем пока нет ни слуху ни духу?

– Если этот элементарь собирает армию, значит, он скоро объявится и сам, – ответила Слания. – Тебя и несколько Каррагис оставят в лесу. Мы направим Аурума к тебе, как только он отыщет чудовище. Правда, скорее всего, он сам тебя найдет, ведь он считает себя первоклассным следопытом... – Слания ощутила на себе осуждающий взгляд нескольких жрецов и замолчала.

– В любом случае, наше дело уже началось, – продолжил речь Виостро. – Готовься и как можно скорее отправляйся в лес. Кригель снова тебя отнесет.

Кригель сделал еле заметный наклон головой.

– Как угодно, Виостро, – сказал он.

– Тогда решено, – кивнул старый эльф.

– Решено! – вновь вступила в разговор Слания. – Соберайся и жди Кригеля, человек.

– Я буду на том же месте, что и в прошлый раз, Гавилан, – еле слышно сказал Кригель, когда я проходил под его местом к выходу. – Приготовься получше.

Как же давно я не экипировался полностью, проверяя каждую деталь своего снаряжения! Однако ничто не было забыто, я помнил каждый этап подготовки.

Защитная рубашка. Плотная, не слишком теплая, зато вполне может остановить лезвие, если оно вдруг зайдет слишком далеко. Поверх рубашки – толстый кожаный дублет, подвязанный плотно к телу, но не сковывающий движения. Воротник, сделанный из прочных листьев, окрашенных в тот же цвет, что и дублет – подарок Алесии – для защиты шеи сзади. Наплечники, повторяющие движения рук и с ребрами, защищающими шею от боковых ударов. Ремни с инструментами, перекрещенные на груди и продетые сквозь наплечники. Каждый инструмент закреплен на своем месте – все, от скальпеля до отвертки, было заточено и почищено. Кроме того, в некоторых карманах находилось несколько запасных магазинов с болтами для арбалета.

Плотные штаны, подпоясанные крепким ремнем. На ремне – несколько подвесок для бомбочек. Каких-либо особых бомб я не заготовил, поэтому все места были заняты обычными осколочными. Все бомбы прикрыты защитной твердой плашкой, сделанной из несгораемого сплава, чтобы

бомбы никак нельзя было активировать, пока они висят на мне. Снизу штаны заправлены в высокие ботильоны. Такая обувь защищает голеностоп, но не стесняет его в движениях. Подошва ботильонов прошита металлическими нитками, а пятки и особенно носки армированы стальными набойками, удобными при ходьбе и незаменимыми во время нанесения болезненных ударов ногами.

На руках – хорошо подогнанные перчатки с длинными рукавами. На костяшках и на фалангах пальцев крепко подшиты заклепки. Перчатки не просто так сделаны на заказ – они совсем не ощущаются, позволяя пальцам двигаться так, как будто они голые.

На голове ничего нет, шлемы я не люблю, к тому же ни один шлем не был настолько удобен, чтобы во время боя нельзя было отвлекаться. Единственное, что было на моей голове – это ободок, который я надел только ради того, чтобы волосы не падали на лицо, а всегда были позади.

Арбалет, одно из моих основных оружий, висел сбоку, вдоль левой ноги. Он был не слишком большой, и не требовал много места. Сейчас он был начищен и смазан, поэтому выглядел так, будто я только сегодня его собрал. Внутри уже стоял магазин с автоматической подачей болтов.

Другое, самое важное мое оружие – парные глефы. Каждая выдвижная пластина заточена со стороны острия, каждая деталь, которая должна двигаться без задержки, смазана должным образом, металлические части очищены от сла-

бого налета грязи и пыли (спасибо кузнецу из Энтерберга, эти клинки не поддавались коррозии, которая в любом другом случае была неизбежна). Ремни, сделанные из кожи, перешитой со сталью, все так же крепки, как и ранее, и потому оружие не выпадает из рук ни в какой ситуации. Щитки с металлическим острием выскоблены до ровной поверхности, с плавным наклоном. Лезвия натерты маслом для пущей легкости разрезания плоти.

Я проверил механизм раскрывания лезвий. Клинки вылезли почти бесшумно и так же бесшумно спрятались обратно в корпус. Идеально. Я повесил глефы за спину, там, где для них специально были подготовлены крепежи. Снимать их оттуда и закреплять на себе было не слишком долго, примерно полминуты, но на выходе из города я их все равно надену. Пусть в них было не совсем удобно ходить просто так, но даже при надетых глефах руки все равно можно использовать.

Я не знаю, что нужно было подготовить против элементарей, в особенности против Дандраллеона, но надеялся, что это будет уже не моей заботой. Зато я был более чем опасной силой против гноллов, с которыми наверняка скоро придется сражаться.

– Ты готов? – спросила меня у выхода из домика Алесия. Она была одета в свой темно-зеленый лиственный костюм. Скимитары висели у нее на бедрах, а позади развевался короткий плащ такого же цвета, что и броня, лишний раз под-

черкивая ее изумрудные волосы. Лишь ее прекрасные глаза светили, казалось, чужеродным, и оттого таинственным, лиловым светом.

– Ты тоже собираешься? – поразился я.

– Я уверена, что скоро пригожусь, – ответила молодая эльфийка. Я заметил слегка порозовевшие щечки. Что и говорить, я сам чувствовал, что мои собственные щеки немного озарил румянец. – Брат скоро должен прийти, я знаю. Впрочем, я буду не одна.

Рядом с Алесией стояла рыжеволосая Вианна, а чуть поодаль – ее несносный брат Ио, который презрительно косился на меня. Мне показалось, что не будь мы в эльфийском городе, а где-нибудь в пустынном месте – он бы мигом набросился бы на меня с яростным желанием разорвать на части.

– Он... Э-э-э... Тебя не тронет? – шепотом спросил я.

Алесия вздохнула.

– Надеюсь, нет. Сейчас не то время. Не знаю, что он во мне нашел... И сколько бы я ни говорила ему, что он мне неинтересен, я никак не могу избавиться от его взгляда... – эльфийка помолчала, но потом внезапно встрепенулась. – Ладно, нам пора расходиться. Тебя наверняка уже ждет Кригель.

– Да, – сказал я. – Удачи вам... Удачи тебе.

– Мы еще встретимся, Гавилан, – произнесла Алесия и вдруг подошла ко мне и поцеловала меня в щеку. Этого я не ожидал. Краем глаза я заметил, как карие глаза Ио наливались багровым цветом, он еле сдерживал себя.

Я залился красной краской. Вианна, увидев это, коротко посмеялась.

– До встречи, Гавилан, – сказала Адамантис и отошла.

До жреца в белом плаще я дошел как будто без сознания.

– Ты готов? – спросил Кригель. – Тогда закрой глаза.

Глава 11. Битва за Сердце леса

Мы стояли в густой чаще. На самом деле, стояли только я и Кригель, большинство эльфов – а их здесь было не менее десятка патрульных групп – сидели на деревьях и следили за гноллами, чей лагерь был расположен буквально в километре от нас.

– Гноллы не знают, где находится Сердце леса, – сказал Кригель. Он был единственным Дарконис здесь, потому что, по его словам, он сам вызвался остаться на передовой. – Дандраллеон, по всей видимости, хочет навязать нам бой с ними, надеясь, что мы истощим свои силы и отступим к Дадал’Тревару.

– Зря он на это надеется, – ответил я. – Гноллы – не самое лучшее войско для истощения противника. Даже один отряд эльфов справится с целой ордой этих недочудищ.

– Возможно, – согласился жрец, – но он может заодно натравить на нас своих элементалей, а это будет уже посложнее.

– Знаешь, – продолжил он, – забавно, что этот бой никто из людей не услышит. Мы находимся так глубоко в лесу, в такой дремучей чаще, что никакие деревни здесь не стоят, и никакие охотники, даже самые опытные и бывалые, сюда не ходят.

– Нам же лучше, – ответил я. – Не нужно привлекать лишнего внимания. К тому же, будет меньше жертв.

– Ну, – парировал Кригель, – Насчет жертв я с тобой не соглашусь. Надеюсь, они будут, – тут он встрепенулся, поняв, что я хотел ему сказать, и стал оправдываться. – Я имел в виду гноллов, не людей и не эльфов.

– Я уже понял, – слегка улыбнувшись краем рта, сказал я. Кригель опустил к земле, прижав ладони к сырой после недавнего дождя траве.

– Летний дождь – довольно редкостное явление, – сказал он, закрыв глаза. – Жалко, он мешает сосредоточиться – через капли хуже ощущается волнение природы. Как бы справиться со всем до начала осени...

Я вспомнил осень в Энтеррском лесу. Да уж, лучше бы поторопиться, иначе все низины затопит водой настолько, что пройти по лесу будет невозможно, и придется ждать зимы. А может, Дандраллеон специально ждет осени, зная, что это самое неудобное для нас время, и в водяной форме доберется до Сумрачного города. «Нет уж», подумал я, отгоняя от себя плохие мысли, «тогда нам придется постараться навязать чудовищу летнюю войну».

– Природа говорит мне, что не слишком далеко от нас много существ, которые ее пугают, – ответил Дарконис спустя пару минут сосредоточения. – Скорее всего, это гноллы, где-то на расстоянии двух-трех километров. Сильной неприязни я не чувствую, похоже, что элементаря среди этой армии нет.

– Армия гноллов идет к нам? – спросил я, надеясь подго-

товиться заранее.

– Пока нет, – покачал головой Кригель. – Стоят на месте. Ничего, если кто-то приблизится хоть немного ближе, патрульные эльфы дадут всем знать.

Жрец посмотрел наверх и показал несколько знаков патрулям. Судя по еле заметному шелесту, как будто слабый ветерок задел отдельно растущие листья деревьев, патрульные поняли команду Дарконис.

– Интересно, знают ли гноллы, куда нужно двигаться, – задумался я вслух. – Они же не могут знать расположение Дадал’Тревара.

– Не могут, но Дандраллеон уже мог каким-нибудь способом разведать примерную территорию города, – ответил эльф. На мой вопросительный взгляд он добавил: – Дандраллеон, пусть и нелюбимый, но все же сын природы, и он в полной мере пользуется этим, пытаясь отыскать спрятанный своей матерью город.

Я вглядывался в промежутки между деревьями. В растительности Энтеррского леса не было заметно скудности – здесь росли все возможные виды растений, которые встречались в других регионах, кроме разве что чересчур жаркого Акинвара. Растения вплотную прижимались друг к другу, иногда переплетаясь причудливыми узорами, и оттого мешали пройти не только путнику, но и животному. Только самые дикие звери без проблем находили заветные тропы среди буйной растительности. Всем остальным приходилось про-

кладывать себе путь силой либо же искать обходные пути.

Гноллы не могли похвастать совершенной акробатикой, а тактическое мышление, как я помню, было у них на уровне маковых бутонов – дескать, делай что-нибудь, что-то да произойдет. Однако я уже почти два года не встречал гноллов, а за это время их мозг мог развиваться и достичь способностей современных стратегов. Я сильно волновался, но все же часть меня с нетерпением ожидала появления чудищ – только из любопытства, ничего более, как появлялось любопытство при схватке с псевдособакой с одними лишь глефами.

Волнение постепенно перерастало в скуку и напряжение. От нечего делать я стал смотреть на траву и цветочки, растущие под ногами, и мелких насекомых, снующих туда-сюда в поисках сладкого нектара. В какой-то степени я завидовал спокойствию эльфов. Например, Кригель неподвижно стоял в ожидании, смотря в одну точку вперед. Наверное, долгоительство играет не последнюю роль в закалке терпения.

Неожиданно Дарконис вскинул руку, и взглянул вверх.
– Идут, – коротко сказал он. – Патруль засек начало движения.

Я слегка размялся. Руки привычно крепко схватили держатели глеф. Мое тело было готово, и оно жаждало вступить в бой.

Впереди послышался страшный шум. С треском ломающихся ветвей, шорохом сминающейся травы и поганым собачьим лаем перед нами появились гноллы. Их было

несколько десятков. Потом слева появился еще десяток гноллов. Потом справа – еще десяток. И еще. И еще.

Спустя всего пару минут мы с Кригелем были окружены ни много ни мало полутысячей гноллов. Они смотрели на нас не как на добычу – скорее, как на декоративных зверьков, с которыми можно немного поиграться, а затем просто отрезать голову и пойти дальше. Они внимательно разглядывали нас, а потом все как один рассмеялись. Для моих ушей это звучало так, как будто их всех одновременно стошнило. Пока они ржали над нами, я успел подробнее разглядеть армию чудищ.

На первый взгляд, это были все те же гноллы – собакоподобные гуманоиды, с грязной мордой, смотрящими в разные стороны глазами и ушами, словно рваные опухшая, кривыми руками и ногами с длинными черными когтями и грязной вонючей шерстью. Но теперь вместо рванья и ворованной одежды они были одеты в довольно неплохие доспехи, криво сбитыми, но все же самодельными, а в их лапах были зажаты проверенные не раз и сносно отточенные оружия – мечи, топоры, копья и кинжалы.

Но больше меня смутило то, что после взрыва смеха они стали переговариваться друг с другом – на каком-то своем языке, странном, булькающим и лающим, но наверняка практичным для них самих.

– Они советуются, что делать с нами, – незаметно шепнул мне Кригель. – Они думают, что нас двое, и поэтому им

неинтересно просто так нас убивать.

– Но нас-то на самом деле больше, – возразил я, но мой ответ слышали близко стоящие гноллы, и заорали, тыча в мою сторону своими пиками.

– Тише, тише, – все так же незаметно для чудищ прошептал эльф. – нас двое только пока, остальные присоединятся в бою.

Болтовня гноллов прекратилась, передний ряд чудищ наступил, и на открытое место вышел здоровый монстр. Он значительно отличался от собратьев, хотя бы тем, что был раза в полтора больше и выше всех остальных чудищ, его доспехи дополняли толстые и высокие наплечники, а в своих огромных мохнатых ладонях он сжимал мощный двуручный топор, испещренный глубокими колдобинами и царапинами. Через один его глаз проходил еще свежий, розовый шрам, а в челюсти недоставало нескольких зубов, кроме разве что самых длинных и острых клыков. Гнолл что-то прорычал своим соплеменникам, и те сразу кинулись наперебой обсуждать это.

– Что они говорят? – спросил я Кригеля. В этот раз гноллы не обратили на меня внимания.

– Вот этот здоровый гнолл – вожак, именуется себя, кажется, Хоррег, – поморщился Дарконис. – Он решил провести бой один на один. Со стороны гноллов будет выступать он сам...

– А с нашей стороны выступлю я, – молниеносно высказал я свое решение. – А что будет, если мы победим? Они

отступят?

Кригель подозрительно покосился на меня.

– Ты точно встречал гноллов раньше? – переспросил он. – С чего ты взял, что они будут отступать? Нет, конечно, они продолжают свое наступление. Разве что после этого у нас будет бой не один на один, а один на тысячу.

Вожак гноллов схватил свой топор двуручной хваткой и пролаял в нашу сторону, недвусмысленно махая оружием, как бы предлагая одному из нас принять бой. Я сделал шаг вперед. Вокруг нас образовался большой полукруг из гноллов, по другую сторону которого одиноко стоял эльф-жрец. Несмотря на внешнюю неразвитость, гноллы держали слово и не нападали на Кригеля, направив свои взгляды на нас с Хоррегом. Лишь один попытался было слегка ткнуть эльфа своей ржавой пикой, но Дарконис поразительно молниеносно отреагировал вспышкой света из пальцев прямо перед носом монстра, да так, что тот изумленно рухнул на свой зад, укрытый громяющими доспехами.

Я посмотрел на оскалившуюся морду Хоррега. Тот смотрел на меня узкими глазами с вздувшимися красными прожилками, с его кривых челюстей стекала вязкая слюна. Я чувствовал, что внутри он уже весь кипел от нетерпения, но выдерживал нужный момент для нападения. Как и я, он не знал, что стоит ожидать от противника, но надеялся на скорую расправу. Однако гнолловская натура все же оказалась сильнее стойкости воина, и поэтому монстр напал первым.

Его огромное оружие взметнулось наверх по дуге и со свистом опустилось на то место, где секунду назад стоял я. В начале атаки Хоррега я заметил, что он отпустил правую руку и вел топор одной лишь левой. Значит, мой противник был либо левшой, либо амбидекстром, то есть двуруким. Второй вариант очень редко встречается, тем более что вряд ли среди гноллов кто-то умел обращаться обеими руками одинаково. Следовательно, вожак гноллов был левшой. Именно поэтому от удара топора я нырнул под правую руку чудища, защитившись от случайных захватов острием клинка. Я думал провести контратаку по ногам гнолла, но решил, что сначала это будет довольно опасно, тем более что я не знал особенностей ведения боя противника.

И я оказался прав. Сразу же после удара об землю, без промедления, топориче взметнулось вверх и, пройдя вокруг левой ноги гнолла, остановилось буквально в нескольких сантиметрах от меня только из-за того, что у Хоррега больше не было возможности повернуть руку дальше как из-за физических ограничений, так и из-за доспехов, в частности наплечников. Теперь я уже не мог ждать, и поэтому напал на левую руку гнолла, отскочив при этом назад. Хоррег успел увернуться от основной силы атаки, но я все же сумел оставить царапину. Вожак гноллов рыкнул от досады и, стиснув свои острые клыки, развернулся ко мне. В толпе чудищ прошел шепот, но Хоррег что-то грозно прорычал, оглядывая своих подданных, и звук сразу же утих.

Гнолл снова начал атаку, и я снова зашел ему с правого бока. Правда, в этот раз я остуился – монстр перехватил древко своего топора еще во время движения и лезвие, круто развернувшись, полетело прямо в меня. Я только лишь успел прикрыться правой рукой, как мощный удар пришелся прямо на щиток глефы, заставив даже мою руку резонировать в ответ, и оставил на нем зарубину.

Я стал обходить гнолла по окружности, но тот слишком быстро развернулся, вновь перехватив руками топор. За лезвием стало сложно следить, оно всегда двигалось пусть и по широкой дуге, но в определенный момент круто меняя направление движения практически в непредсказуемом направлении. Я не успевал самостоятельно проводить атаки, я мог лишь кое-как уворачиваться, чтобы не оказаться сбитым больше тяжелым, чем острым оружием. Однако я не переставал приглядываться к особенностям движения топора, тому, как Хоррег держит его и меняет угол атаки. Ждать, пока мощный гнолл устанет, было бессмысленно, так как я прямо видел, как легко монстр вращает могучее оружие в своих лапищах, как бесппроблемно, монотонно двигаются округлые мышцы под его толстой, грубой кожей, испещренной старыми ранами и оспинами. Сколько бы ни жил Хоррег на этом свете, он явно очень давно занимался своим топором, и потому мог бесппрерывно атаковать им снова и снова. Скорее я устану уворачиваться и пропущу один удар, который решит исход нашего боя.

Пока что я видел, что мой самый первый вывод насчет Хоррега был неверен – вожак гноллов на самом деле был амбидекстром. Получается, что он либо сознательно, либо случайно обдурил меня еще в самом начале, и теперь упивается своим превосходством на импровизированной арене.

Вскоре я стал чувствовать, что начинаю уставать, и поэтому стал подбираться ближе к краю выделенной нам поляны. Мне было немного страшно (вдруг кто-нибудь из многочисленного войска гноллов не удержится и ткнет в меня своим клинком), но выдерживать по прежнему высокий темп движения в постоянном напряжении я уже не мог. Но не успел я выйти, как мне казалось, за пределы атаки Хоррега, как тот схватил свой топор у самого конца и взмахнул им почти горизонтально настолько широко, что передние ряды смотрящих на дуэль отшатнулись на пару шагов назад. Я успел пригнуться, но перед этим подумал, что сделаю я так же на более близком расстоянии, монстр не преминул бы воспользоваться этим и перенаправить силу удара ровно вниз.

Теперь же мне приходилось то нагибаться, то подпрыгивать, в зависимости от того, на какой высоте Хоррег запускал свой топор. Гнолл скалился, словно бы улыбаясь на то, как я пытаюсь оттянуть неизбежное.

Смысла продолжать это больше не было. Я решил, что уже достаточно «отдохнул», и вернулся опять во внутреннюю зону. Мой битх'бал еще не был потревожен, но мне казалось, что биологическое поле Хоррега занимает всю площадь аре-

ны. Мне надо было атаковать гнолла во что бы то ни стало.

И я стал наседать на чудище. Я не ставил перед собой задачу нанести врагу повреждения, но я хотел поставить теперь уже правильный диагноз противнику и найти ему противодействие. На каждый мой выпад, мой разворот, вскидывание, прыжок в ответ, с ужасающим ревом рассекая воздух, прилетал топор и возвращал меня на место. Каждый отбитый удар вибрацией расходился по всему моему скелету, и каждый последующий давался мне сложнее и сложнее. Я целюсь в голову – сверху падает обух топора. Я целюсь в ноги – топор летит горизонтально, грозясь отрезать мне мои собственные. Я бью в бок, в туловище – и вот уже древко, резко развернувшись, перекрывает мне линию атаки. Я целюсь в спину – перехват – покореженное лезвие направляется ко мне с другой стороны...

И тут-то я заметил, что со спины мои нападki имели чуть больше шанса попасть в цель, нежели атаки куда-либо еще. Все дело заключалось в том, что Хоррег не мог повернуть руки достаточно назад, чтобы отбить удар продолжением полета своего оружия, ему мешали чересчур большие наплечники. Может быть, эти наплечники хорошо защищали, но они все-таки довольно ощутимо сковывали движения. Гноллу приходилось перехватывать топориче другой рукой и завoдить оружие с другой стороны, если я оказывался примерно ровно за его спиной. Заметив это, я также стал чувствовать, что Хоррега бесит это вынужденное ограничение, уж

слишком крепко он захватывал древко и придавал чересчур большой импульс удару, чем это было необходимо.

Тогда я продолжил кружить вокруг врага, постоянно за-скакивая ему за спину. Нелюбимое действие вождю гноллов приходилось делать все чаще и чаще. Начинали срабатывать животные инстинкты, присущие гноллам с самого их появления в лесу. Все-таки недалеко они продвинулись в своем интеллектуальном развитии, раз до сих пор не научились сдерживать свои эмоции. Наконец, настал тот момент, когда Хоррег издал полный ярости рев, и в бешенстве ухватился за свои наплечи, одним стремительным и необычайно мощным движением содрал их со своего тела, разорвав напрочь все удерживающие ремни и крепежи.

Это мне и было надо. Да, если рассматривать со стороны возможностей Хоррега, то у него появилось больше степеней свободы. Но если рассматривать происходящее со стороны моих возможностей...

Со следующей дугой, произведенной топором, я подправил вражеское оружие слегка вниз левой глефой, после чего подпрыгнул. Усилив прыжок отскоком от древка гнольего топора, я взлетел к левому плечу Хоррега и, подняв правую глефу, вместе с началом падения опустил клинок на плечевой сустав противника.

Остро наточенное лезвие, да еще и щедро смазанное маслом, с учетом силы атаки прошло по руке гнолла, как будто я резал снег. Толстые мышцы легко поддались стали, а хря-

щи разорвались с жутким скрипом. Хоррег взвыл от боли, его топор с тяжелым звоном упал на землю. Хоррег слегка наклонился, чтобы схватить свою отрезанную руку или свое оружие, но я был быстрее и, развернувшись, атаковал врага левой рукой.

Изуродованная страшной гримасой голова Хоррега, все еще в ржавом кривом шлеме, откатилась к краю арены, к ногам ошалевших от только что произошедшего убийства мелких гноллов. Я огляделся, чтобы взглянуть на Кригеля. Дарконис одобрительно кивнул и сделал шаг вперед, ко мне, развернувшись к остальным гноллам.

Повисла тишина, которая, впрочем, длилась совсем недолго. Придя в себя, многотысячная армия гноллов решила отомстить человеку с эльфом за убийство своего вождя. Я срочно встал в боевую стойку и подготовился к худшему, ведь против такого количества врагов на маленькой территории у меня не было шансов, пусть даже на моей стороне был жрец.

Но зато на моей стороне были еще несколько патрулей Каррагис. Тихий залп множества стрел опустился на первые ряды чудищ, так что целая сотня гноллов умерла, даже не дойдя до меня. Те, кто видел смерть соратников, приостановились, но задние ряды не видели, что случилось, и продолжали наседавать. Получилась давка, гноллы мигом потеряли строй и из более-менее выдрессированной армии превратились в неуправляемую толпу тупых животных.

Этот переломный момент и стал призывом к атаке. Пока чудища еще не пришли в себя, я бросился в атаку. Боковым зрением я видел, что Кригель тоже поднял свой посох и вступил в бой. С деревьев спрыгнули эльфы-охотники и присоединились к схватке.

Я прорубался сквозь ряды гноллов без особого труда. Собакоподобные твари, может, и умели драться, но искусству войны их некому было учить. Отряды смешивались друг с другом, путались в собственном оружии и падали на головы товарищам. Пока чудищ было слишком много, убивать их не представляло большого труда. Я ощущал себя мясником... пока не обернулся на эльфов.

Каррагис вырубали гноллов так, как косари косят траву, буквально пачками, не замедляя темп и не церемонясь. Любая атака гнолла заканчивалась на взмахе, после чего отрубленная рука приземлялась в грязь недалеко от окровавленного тела хозяина.

Со столь яростным напором армия чудищ редела на глазах. Прежде забитое место постепенно освобождалось, но пусть внизу, на земле, лежали трупы гноллов, теперь монстры могли показать свое боевое искусство в полной красе. Я старался принимать это во внимание, но это было довольно тяжело.

Удар слева, подкат. Неудача – подкат закончился на каком-то мертвом чудище, что сбило темп. В то же время справа сверкнула секира – это еще один гнолл решил напасть на

меня – но я уже выровнялся и, наклонив плечо, ушел от атаки и контратаковал. Наспех сделанный шлем чудища не спас его от прямого удара сверху. Движение назад, чтобы вытащить клинок из черепа – ух, передо мной упал на толстое пузо еще один монстр, сдуру напоровшись на злополучную секиру своего собрата. Этого гнолла я даже не заметил: не знаю, что бы произошло, не отойди я в сторону. Шорох, переходящий в свист, позади. Нельзя отвлекаться. Подсечка, полуоборот, удар правой глефой. Гнолл с дубинкой больше никогда не будет подходить исподтишка. Надо передохнуть. Освободил правую кисть, отогнул плашку, взял бомбу. Нажать кнопку и бросить ее метров за двадцать – дело одной секунды. Правда, в других случаях настолько близкий взрыв бомбы почти неминуемо задел бы меня, но сейчас до моей щеки долетело лишь несколько капель крови, да правое ухо немножко оглохло. Но это пустяки по сравнению с тем, что десяток гноллов скончался на месте и еще десятка два разбежались в панике от взрыва. Некоторых «дезертиров» отлавливали эльфы и тут же прибывали.

– Ньеплохой штука! – одобрительно кивнул мне один из патрульных эльфов, находившихся неподалеку.

Небольшое замешательство в стане чудищ дало мне время для передышки. Я потянул шею, руки, спину, слегка размялся. На все про все ушло совсем немного времени, и его мне как раз хватило, потому что гноллы с новой силой пустились в атаку.

Удар правой глефой, поворот, тут же удар левой. Приседание – два гнолла с пиками нечаянно проткнули друг друга насквозь. Выбравшись из-под смертельной арки из двух грузных массивных тел, сделал подножку стоявшему рядом чудищу, а когда тот упал, пронзил его грудь острием клинка. Кто-то в страхе отпрянул назад. Ему никто не пытался помешать, многие уже успели увидеть не только меня, но и эльфов в действии.

Я поразился полководческому умению Дандраллеона. Этот элементаль умудрился научить боевым действиям расу чудищ, не приспособленных ни к одному виду обучения вообще. Гноллы могли держать строй, умели обращаться с оружием и щитами, неплохо чувствовали доспехи. Но вот мораль – один из основополагающих столпов победоносной армии – у гноллов была абсолютно никакая, и вместе с отсутствием их собственного полководца на поле боя их шансы на победу изначально были близки к нулю.

– Интересно, почему Дандраллеон пустил гноллов одних? У них слишком низкий боевой дух, без поддержки они ни на что не способны, – повторил мои мысли неожиданно возникший около меня Кригель, искусно отбивая посохом вялые удары чудищ. – Разве что...

– Разве что гноллы не нужны были лишь как пушечное мясо для истощения сил противника, – догадался я, продолжив идею Дарконис.

– А это значит... Каррагис! Перегруппировываемся! –

прокричал охотникам на своем языке жрец. – Нас ждет что-то более сложное, нежели истребление гноллов.

– Гноллы и так почти добиты, Дарконис, – ответил ему один из подошедших патрульных, одетых в шипастые доспехи. – Можно расправиться с ними до конца.

– Откуда в тебе столько ненависти, Энтиэль? – спросил Кригель. – Подражаться ты еще успеешь. У меня есть подозрение, что силы нам понадобятся против более сильного противника.

Внезапно, как ветер, по рядам эльфов пронеслось короткое слово: «элементали». Когда оно эхом, дошло до нас, Кригель помрачнел.

– А вот и этот противник, – ответил он. – Другого и не следовало ожидать от чудовища-элементалю. – Он развернулся к патрулям и громким голосом скомандовал: – Держать позицию! Защита прежде всего! Сейчас нам главное – просто выжить! Если заметите чудовище – сразу же сообщайте, Гавилан его выведет!

– Ты думаешь, Дандраллеон теперь уже появится? – спросил я эльфа-жреца.

– Элементали – его сородичи, – ответил Дарконис, сжав посох покрепче. – Пусть он относится к гноллам как к мусору, но своих собратьев он не оставит. Если элементали нападут, то Дандраллеон будет среди них.

Он прокрутил окружность концами посоха и выбросил вперед руку. В воздухе образовался небольшой локальный

вихрь, который Кригель сдерживал зажатым кулаком. Вихрь с жадностью всасывал воздух вокруг себя, словно водоворот. Из-за деревьев появились яркие силуэты элементарей, в любимой ими огненно-воздушной форме. Когда один из элементарей заметил жреца и полетел к нему, Кригель направил кулак прямо на монстра. Как только элементарь достиг эльфа, жрец разжал кулак, выкинув его в сторону чудища. Мощный порыв ветра сдул пламя монстра, обнажив его средоточие стихий. Элементарь не успел перевоплотиться в воздух, как Кригель выхватил средоточие из его нутра и прижал к себе. Воздух успокоился, и средоточие стихий погасло.

Я удивленно смотрел на кристалл в дрожащей от напряжения ладони жреца. Так быстро расправиться с элементарем у меня никогда бы не получилось. Кригель посмотрел на средоточие стихий и с пренебрежением выбросил его в грязь.

– Одним осквернителем леса меньше, – сухо ответил он на свое действие.

Мерцающих огней между деревьями стало намного больше. Элементаряли перешли в яростную атаку, не разбирая своих и чужих, нападая как на эльфов, так и на беззащитных перед ними гноллов. Запахло паленой шерстью вперемешку с жареным мясом, раздался плачущий вой. Остатки убегающей армии гноллов встретили бесславную смерть.

Прямо передо мной тяжело опустился один элементарь, моментально приняв каменную форму, из-за чего он бук-

важно продавил сырую лесную землю. Рокот, доносящийся из недр чудища, с трепетом напомнил мне о последней встрече с Дандраллеоном, но я все же постарался взять себя в руки и дать отпор монстру. Я принял защитную стойку и взглянул на элементалю, ожидая его действий. Долго ждать не пришлось, чудище было вне себя от стремления к разрушению, и, расплавив одну из своих рук до водного состояния вперемешку с горячим паром, направило ее в мою сторону. Кипяток чуть было не ошпарил меня, вместо этого ударившись о дерево. Горячие капли задели меня, и, не повернись я спиной к ним, обожгли бы лицо.

– Что-то твоя вода не слишком олицетворяет жизнь, – сказал я монстру в насмешку. – Надеюсь, что олицетворение смерти будет более правдоподобным.

Похоже, что элементаль услышал мои слова, потому что мгновение спустя в мою сторону полетели пылающие камни. Теперь уже лавовый монстр швырял горящие валуны, которые с треском ломали тонкие стволы молодых деревьев и серьезно повреждали деревья постарше. Удивительно, что никого из эльфов не задело... Но потом я заметил, что наши силы рассредоточились настолько широко по лесу, что арена радиусом метров примерно в пятьдесят принадлежала только мне и чудищу. Это дало мне немного уверенности в собственных силах и в том, что во время боя нас никто больше не потревожит.

Камни тяжелы, и даже невероятная сила элементалю не

способна запустить их в цель настолько быстро, чтобы нельзя было среагировать в ответ, особенно на таком расстоянии, на котором находился я. Этот факт позволил мне быстрыми перебежками сократить половину дистанции до чудища, пока тот в ярости забрасывал поляну лавой.

Но подойти ближе таким образом уже не получится – я не настолько ловок, чтобы среагировать на глыбу в десяти метрах от себя. Надо идти на хитрости. У меня в запасе еще было несколько бомб, и я не преминул ими воспользоваться. Я сгреб с пояса сразу три штуки и, выбежав из-за дерева, метнул сразу все три веером (не забыв, естественно, спрятаться обратно). При соприкосновении с землей все бомбы тотчас же взорвались, окутав воздух не только многочисленными осколками, но так же и клоками земли и дерна и, конечно же, пыли. Конечно, бомба вряд ли нанесет хоть сколько-нибудь значимый вред элементалю, зато поднявшиеся клубы пыли скроют от него мое местоположение. Даже пары секунд хватит, чтобы сократить расстояние до чудища.

Так и случилось. Наши биополя столкнулись, когда пыль уже стала оседать, и элементаль не сразу понял, что его противник находится на расстоянии его же вытянутой руки.

Правда, я тоже не сразу понял, что столкнулся лоб ко лбу с элементом, чье тело на данный момент приняло каменную форму. Пытаться проткнуть камень глефами было бесполезно, вытащить средоточие стихий – тем более.

Руки элементаля тоже стали каменными, и он начал

неистово размахивать ими, словно палицами, пытаюсь задеть меня. Я пока что кружил вокруг чудища, напряженно думая, как бы ослабить оборону монстра. На самом деле, чтобы достать средоточие стихий у элементаля, необходимо было заставить его перевести тело в любую другую форму, кроме земляной.

Озлобленность элементаля была ключом к успеху. Я уже неплохо раздражил его, так что вместо выверенных ударов он беспорядочно крутил своими могучими ручищами. Мне оставалось лишь держать дистанцию и постоянно уворачиваться от взбешенного чудища. И еще ждать. Рано или поздно то, что я запланировал, должно будет случиться.

Я успел поймать тот момент, когда правая рука элементаля стала плавиться, превращаясь в пламя, а ноги стали закручиваться в вихрь. Еще немного... Вот предплечья тоже стали огненными, а сам элементаль замахнулся, чтобы нанести мне решающий удар обжигающей вспышкой...

Когда грудь элементаля только начала становиться прозрачной, и я мог разглядеть еле заметную рябь средоточия стихий внутри, я вздохнул поглубже и, размахнувшись глефами, прыгнул прямо внутрь монстра. Горячий воздух обнял меня, я почувствовал, что мои волосы подпалились, но останавливаться было смертельно опасно. Глефы приняли на себя основной удар пламени, а своим собственным телом я буквально вынес средоточие стихий из туловища элементаля. Не успев даже взвыть, чудище рассеялось легким туманом.

НОМ.

Держа кристалл в дымящихся руках, я осознавал, что за это время убил только одного элементалю, а между тем чудищ была целая армия. Самостоятельно я не смогу справиться и с десятком, и я сомневался, что это может сделать кто-либо из эльфов здесь, на выжженной лесной поляне. Разве что Кригель... Но даже он рано или поздно выбьется из сил, элементалей здесь явно много больше, чем кто-нибудь сможет выдержать.

– Гавилан! – услышал я голос эльфа-жреца. Я обернулся и увидел Кригеля. К нему подлетал элементаль, но его вдруг почему-то свело в сторону, и он врезался в дерево, взорвавшись снопом искр.

– Не обращай внимания, иллюзии и не на такое способен, – отвлеченно ответил на произошедшее Кригель, опершись на посох и пытаясь отдышаться. – Гавилан, настало твое время. Прибыл гонец, говорит, Аурум засек чудовище.

– Дандралеон где-то здесь?! Уже?! – воскликнул я.

– Еще нет, не совсем здесь, – грустно усмехнулся жрец. – Но что ему стоит оказаться тут за мгновение? Торопись, человек, Аурум тебя ждет. И не забудь о метках, которые я тебе показал!

– А как же вы? – спросил я. – Здесь еще целая битва. – Я указал рукой в сторону Каррагис. Они сражались с явно превышающим их числом войском элементалей.

– О нас не беспокойся, – ответил Дарконис. – Это наша за-

бота. Пока мы держим элементарей здесь, Дандраллеон остается один. Я думаю, так всем будет проще. Беги.

И я побежал. Дорога была каждая секунда. Хорошо, что я знал куда бежать – мне достаточно подробно объяснили, да и я довольно много времени провел в лесу, чтобы найти и то место, где расположена иллюзия, и то, где мы с Аурумом должны встретиться.

Шум битвы позади меня стихал, пока совсем не прекратился. Энтеррский лес умеет хранить свои тайны. Никто из элементарей не заметил моего бегства и не стал меня преследовать. Оно и к лучшему. Мало ли что у этих чудищ на уме, и как они связаны со своим предводителем...

Спустя примерно час я оказался в условном месте. Там никого не было, только ветер нежно поглаживал беззащитные листочки молодого кустарника.

– Эй, доних, опять ты упорно стараешься не быть селххет? – услышал я голос сбоку от себя. Я повернул голову и увидел Аурума Адамантис, в полном своем снаряжении, выходящего из кустов.

Да уж, эльф-охотник мог выглядеть эффектно, если хотел. Каждая деталь его, начиная от искусно вышитых одежд, ремней и шляпы до изящного, крепко сделанного лука, выглядела не только к месту, но и стильно и красиво, а самое главное – была удобной и практичной.

– Я... Я просто бежал... – Я пытался оправдаться, но даже сам понимал, что в данном случае никакого оправдание

не могло помочь, ведь то, что должно произойти сегодня, не потерпит ни одной ошибки.

– Поздно уже, доних, – ответил эльф. – Раз-два, и тебя убили. Не слишком сложная засада должна быть, чтобы заставить тебя врасплох.

– Я натренируюсь, – сказал я.

– Если еще успеешь, – фыркнул Аурум. – Так, у меня нет времени с тобой препираться. Сам уже понял, что мы нашли чудовище.

– Мы? – переспросил я. – Я думал, ты один искал...

– Ну да, буду я искать монстров по всему лесу в одиночку, – раздраженно перебил меня эльф. – У меня есть еще множество знакомых по всему Энтерру. Конечно, рано или поздно я мог бы самостоятельно выследить элементалю, но сейчас у нас нет столько времени.

Я вспомнил, что на совете Дарконис Аурума выбрали в какой-то степени из-за того, что он один из немногих эльфов имел связи с лесными... Нет, не чудищами... Скажем, обитателями.

– Дриады? Лешие? – спросил я.

– Почти, – кивнул Аурум. Он стал понемногу успокаиваться, хотя в начале нашей встречи выглядел каким-то взвинченным. – С дриадами и лешими я все равно успел встретиться и заручиться их поддержкой в случае чего. Но они ничего не видели. Зато видели боггарты.

– А кто это такие? – спросил я. – Ни разу их не встречал.

– И не встретишь, – серьезно ответил Аурум. – Зато они тебя много раз встречали. – Он убрал руку назад и потом вернул ее обратно, но теперь на ладони сидел кто-то совсем крошечный. Я пригляделся. На вид это был маленький комочек, хотя при более подробном осмотре малыш выглядел как почка с дерева, с крохотными ручками и ножками, и листком, прикрывающим лицо, словно маска, на котором были изображены какие-то странные знаки. В своей ручонке малыш сжимал большой и широкий, по сравнению с ним самим, дубовый лист.

– Это... боггарт? – спросил я.

– Да, это боггарт, – ответил Аурум. Малыш посмотрел на меня, потом повернулся к Ауруму и что-то заверещал. – Ага, я тоже так думаю, – сказал эльф.

– Что он сказал? – уточнил я.

– Он тоже сомневается, что тебя выбрали в качестве приманки. Не слишком доверительно ты выглядишь.

– Ну-ну, – буркнул я. – Как его зовут то, это «недоверие»?

– У боггартов нет имен, – ответил Адамантис. – Сами они обращаются друг к другу просто так, без имени, потому что знают, с кем разговаривают. Вообще, у боггартов есть какая-то своя сеть, что-то вроде пчелиного улья, где каждый тотчас узнает все, что узнал хотя бы один. Поэтому, говоря, что Дандраллеона видели боггарты, я не говорю про какого-то конкретного боггарта, я говорю про них всех. На самом деле, мне тоже тяжело не выделять кого-то из них

отдельно, поэтому вот его, – он указал на чудика у себя на ладони, – я называю Старшой, потому как он что-то вроде одного из старшин у боггартов. По крайней мере, именно с ним я чаще всего и связываюсь.

– И что может сказать тебе Старшой? – спросил я.

Боггарт неуклюже повернулся к лицу эльфа и стал ему что-то рассказывать писклявым голоском. Разобрать это было очень сложно, больше всего это было похоже на угуканье младенца, только ускоренное в несколько раз.

– Прямо сейчас Дандраллеон движется в сторону битвы элементарей, – Аурум стал переводить мне. – Если кинуться ему наперерез прямо сейчас, то примерно через полчаса можно столкнуться с ним в месте, находящемся наиболее близко к иллюзии. Хотя нет... Вот он пересекает реку... И переходит в водную форму, сплаваясь по этой реке вниз. Там находится одна из людских деревень.

– Он что, хочет сам приманить нас? – спросил я.

– Кто знает, что движет этим элементом, – вздохнул эльф-охотник. – Он хочет выжить людей и эльфов из леса – вот его намерения, а все остальное – лишь средства к исполнению цели. Пока что нам известно одно – надо направляться в его сторону, там ты его и встретишь. Попробуем обойтись малыми жертвами.

Аурум Адамантис безошибочно определил направление, ведь он, в отличие от меня, знал Энтеррский лес как свои пять пальцев.

– Почему боггарты не нашли Дандраллеона раньше? Мы могли бы выманить его еще утром, – спросил я Аурума во время бега. Мой голос все время сбивался (шутка ли, следить за дыханием, когда ты бежишь что есть мочи по сырой земле, перепрыгивая через длинную траву и высокие корни).

– Боггарты видят все, что могут видеть. Там, где нет боггартов, они ничего видеть не могут. По-моему, вполне логично, – дыхание Аурума не сбивалось, он четкими выверенными движениями преодолевал лес. Будь его воля, он уже бы оставил меня далеко позади. – Элементаль просто где-то прятался. Никто не всевидящ. Равно как никто не всеведущ.

Попробовал бы он сказать эту фразу где-нибудь в церкви крестоворота. Там-то монахи многое могли бы рассказать ему о своем боге.

Пока я так думал, мы оказались у быстрой лесной реки. В Энтеррском лесу довольно много рек, питающих весь Энтерр, они переплетаются внутри его словно вены внутри живого существа. Тем более странно, что этим рекам никто никогда не пытался давать имена – даже люди, которые всегда любят назвать то, что еще никем не названо. Возможно, сказывалась еще особенность энтербергцев не давать ничему названия. Насколько я помнил, имена были только у города и у самого леса. Все остальное было не важно.

– У той деревни, ну, ниже по течению, есть боггарты неподалеку? – задумчиво спросил я.

– Вроде кто-то есть, – ответил Аурум, наклонившись в

Старшему, который во время бега отчаянно держался за длинное ухо Адамантис. – Но там никто не видел Дандраллеона... Может быть, – он прошептал мне, – может быть, он где-то в реке...

– Может быть, – тихо согласился я.

– Помнишь, где находится наше место? – спросил эльф. Я утвердительно кивнул. – Тогда встретимся уже там. Не подведи. На сегодня ты уже исчерпал свой запас ошибок. – С этими словами Аурум прыгнул вверх, затерявшись в кронах деревьев, и исчез из виду.

Я остался один, обдумывая последнюю фразу эльфа. В этом он был прав – ошибок у меня больше быть не должно. Каждая моя следующая ошибка может оказаться последней – причем не только для меня, но и для всех в Энтеррском лесу.

Оставалось только ждать. До ивы, оставленной Кригелем у ручья, отсюда нужно было бы бежать минут десять. Сколько времени даст мне Дандраллеон – неизвестно. Этот лес – его дом, как и дом Аурума, здесь он превосходно ориентируется. Интересно, ощущает ли он мое присутствие или нет? Заняты ли его мысли разрушением той деревни, куда он направился по реке, или это было лишь для отвода глаз? Но зачем ему кого-то отводить, если он и так собирался всех уничтожить?

На всякий случай я проверил свое снаряжение. Пояс с бомбочками пустовал, флягу с водой я уже успел где-то об-

ронить. Глефы все измазаны в крови гноллов и саже. Еще и кончики волос подгорели после боя с элементом. Зато, по крайней мере, доспехи не сбиты и все еще прочно держатся, подвязывать ничего не надо. Инструменты тоже, вроде бы, все на месте.

Хотя сейчас для меня главное не оружие и не инструменты. В моем задании сейчас главный инструмент – это ноги, больше от меня ничего не требуется. По крайней мере, в глубине души я на это надеюсь. Раньше я бы возмутился от того, что меня не берут в бой. А теперь я хочу лишь справиться только с этим. С остальным я не справлюсь. Я это уже усвоил. Я не идеален. Пусть даже я буду тренироваться и держать себя в форме, я не сравнюсь с тем же Аурумом в скорости и ловкости. Я могу быть близок к этому, но не более того.

Почему я раньше считал себя лучше остальных? Что это – юношеский максимализм? Или просто недостаток опыта? Разве мог я хотя бы год назад подумать, что чудище будет умнее меня? Нет, я всегда считал их намного ниже себя по интеллекту. Может быть, сильнее или быстрее, но точно не умнее себя. И из-за своей глупости я лишился родных...

Какие-то ошибки могут слегка поранить, какие-то – оставить на память незаживающий шрам. Ошибки серьезнее могут лишить тебя смысла жизни. Поэтому надо стараться все продумывать наперед, не суясь никуда лишь по наитию или по порыву сердца. Почему-то это дошло до меня только сейчас... Эх, освоить это бы еще на практике...

От реки задул слабый ветерок, но даже от него меня всего передернуло. В своих мыслях я уже забыл, что от долгого бега я весь насквозь взмок, и теперь, несмотря на лето, мерзну посреди леса. Вдобавок я понял, что сильно хочу пить. А рядом – вот она! – река. Осталось только протянуть руку и напиться. А заодно и умыться.

Я наклонился у самой кромки резво струящейся воды, чтобы набрать ее полные ладони. Всплеск волн в паре метров от меня заставил направить свой взгляд в ту сторону. Там течение остановилось, струи поднимались вверх, сцепляясь вместе и объединяясь в большую горку с выемками, словно зрачками, для глаз, и большой пропастью, заменяющей рот. На вершине горки начали кристаллизоваться огромные пластины в виде короны. Когда я понял, что к чему, гора уже стала выше меня раза в три, и она, бурля кипящими течениями, громогласно проскрежетала:

– Г-А-В-И-Л-А-Н!

Глава 12. Судьба Энтерра

Я бежал что есть мочи, петляя между деревьями, как в Злом лесу. За мной, сметая все на своем пути, в ярости несся Дандраллеон. Он уже перевоплотился в свою любимую форму, с коронами и шипастыми металлическими наплечниками, только вдобавок ко всему он еще и пылал, сжигая многовековые дубы, которым не посчастливилось оказаться на его дороге. Как он мог гореть, если он даже не перевоплотился в огненную форму, у меня не было времени обдумывать. Все мои мысли занял только бег.

– Ты куда, смертный?! – ревел владыка элементарей. – Надеешься убежать от меня?! В тот раз тебе это удалось, но здесь моя родина! Здесь мой дом, а не твой! И я тебя все равно настигну! А после этого я выжгу отсюда все твое племя, и всех эльфов, и всех тех, кто заставил элементарей скрываться в глубинах Энтеррских пещер!

Я слушал его только вполуха. Я пробежал уже половину пути, впереди оставалось еще столько же. Главное – не допустить ни единой ошибки.

– Думаешь, сумеешь сбежать в безопасное место? К Сердцу леса? – орало позади меня чудовище. – Ну-ну! Давай! Попробуй! Веди меня туда!

Неужели он действительно считает, что я настолько глуп, чтобы вести его туда, куда он больше всего хочет попасть?

Почему он не думает, что я просто хочу от него убежать? Но сейчас это не особо важно, главное заманить его в ловушку.

– Почему тебя не было вместе с другими элементами? – я попробовал поддержать нашу так называемую «беседу». – Не захотел помочь своим собственным собратьям?

– О, ты заговорил, недомерок! – усмехнулся Дандраллеон. – Решил, что я струсил или что хотел обезопасить себя? Ну так знай, что те элементы, что сейчас сражаются с твоими друзьями-эльфами – лишь часть от моей армии, а где эта армия находится сейчас, я тебе не отвечу – пусть это останется нашим с тобой секретом! Впрочем, еще немного, и этот секрет останется только моим!

Повелитель элементов радостно зарокотал и заставил деревья на моем пути склониться ко мне, преградив путь толстыми колючими ветками. Мне пришлось уйти немного вбок, слегка поменяв маршрут, но монстр предвидел это – с лавиноподобным шумом деревья поехали в мою сторону, вспахивая землю крепкими корнями. Это было не очень приятно – я бежал параллельно цели, не зная, как исправить сложившуюся ситуацию.

Зато Дандраллеон знал. Он выбил из-под земли высокий каменный шпиль прямо на моем пути, так что у меня не было ни малейшей секунды отреагировать на это, и я со всего размаху впечатался в холодную породу. Правая нога от щиколотки до колена тотчас же отозвалась болезненной канонадой.

– Вот ты и попался, человечиска! – довольно заурчал монстр. Элементаль наклонился ко мне, протянув свои пальцы, которые превратились в длинные стальные иглы, и эти иглы становились все тоньше, длиннее и острее.

– Еще нет! – ответил я и рванул прямо через деревья. На каждом шаге правая нога гулко отзывалась вспышками боли. Стараясь не замечать этого, я вложил все свои силы в рывок сквозь ветки. Они сдавили мою грудь, процарапали мне лоб и щеки, но, рубанув оружием пару раз по особенно толстым сучьям, кое-как я умудрился прорваться.

Бежать оставалось еще совсем немного. Лицо жгло от пота, затекающего в свежие царапины, ногу сводило судорогами, но я собрал всю волю к жизни и бежал. Больше мне ничего не оставалось.

Вот я уже добежал до ручья. Теперь-то меня уж точно не сбить с пути. Я несся прямо по крохотному руслу, одной ногой ступая по левому берегу, другой – по правому. Я слышал, как Дандраллеон звонко шуршал вихрем позади меня, и незаметно для себя стал мысленно молиться, чтобы он не догнал меня еще раз.

Внезапно ручей передо мной вдруг поднялся из своего русла и завис в воздухе. Потом он стал колебаться, словно немислимой длины хлыст, после чего с силой ударил меня прямо между ног. Он такого удара у меня перехватило дыхание, я сбился и упал прямо в грязь. Хорошо, что руки я успел расставить в стороны, иначе бы напоролся на собственные

глефы.

– Нет, человечек, ты неправ. – спокойно ответил Дандраллеон. – Я тебя все равно догнал. От меня невозможно убежать. Все, что ты видишь здесь – это я. Я везде. Я – все.

Я посмотрел перед собой. Около воды стояла одинокая понурая ива, опустив свои распущенные зеленые волосы.

– Нет, Дандраллеон, – ответил я. – Не все здесь ты.

Я сделал последний рывок. Я уже ни на что не надеялся. Элементаль мог в любой момент схватить меня что водой, что землей, мог перегородить мне путь чем угодно – и это в нескольких метрах до цели.

Но этого не случилось. Используя грязь словно лед, я проскользил по берегу ручья до самой ивы и свернул в нужную сторону.

– Сколько можно уходить от неизбежного?! Ты же знаешь, что этот лес мой! Никто тебя не спасет – даже у твоих друзей-эльфов нет таких сил, чтобы сравниться со мной! – заревело чудовище. – Природа – это моя мать, а не их! Она будет на моей стороне!

– Это мы еще посмотрим, – еле-еле произнес я, задыхаясь от истощения. – Знаешь, у родителей бывают нелюбимые дети.

Не стоило этого говорить. От такой наглости с моей стороны Дандраллеон мгновенно вспыхнул самым ярким и мощным пламенем, который я когда-либо видел в своей жизни. Даже пожар, который я видел в детстве в деревне, когда за-

горелся сеновал у соседей, был щуплым огоньком по сравнению с этим. Любой феникс казался бы невзрачной букашкой рядом с огнем, которым стал Дандраллеон. От нестерпимого жара на земле под ним образовался обугленный круг, а деревья стали разгораться в большом радиусе. Ручей же, дотекая до этого места, просто испарялся без следа.

– ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?! ЧТО ТЫ ПОСМЕЛ СКАЗАТЬ?! – звук доносился сразу отовсюду так отчетливо, что я потерял ориентацию в пространстве. **– НИКТО НЕ БУДЕТ МНЕ ПРИКАЗЫВАТЬ! ВАШЕ ВРЕМЯ ПРОШЛО! ВЕРНУЛОСЬ ВРЕМЯ ЭЛЕМЕНТАЛЕЙ! МЫ, ЭЛЕМЕНТАЛИ – ВСЕГДА БЫЛИ И БУДЕМ ИСТИННЫМИ ДЕТЬМИ ПРИРОДЫ, И НИКАКИЕ ЭЛЬФЫ С ЛЮДЬМИ ДАЖЕ РЯДОМ НЕ СТОЯЛИ С ТЕМ ВЕЛИЧИЕМ, ЧТО УГОТОВАНО НАМ!**

Я старался не слушать его, хоть это и было крайне сложно, и пытался найти дубовую арку – второй ориентир в ловушку, приготовленную Кригелем для чудовища. Наконец, в ярком свете огня я увидел что-то похожее и, снова мысленно помолившись, побежал в ту сторону. Сзади меня языки пламени облизывали мою спину и плечи, я чувствовал их обжигающую хватку на своем теле. Глефы в моих руках стали накаляться, и держать их становилось больно, но я все равно не отпускал их, потому что они были моим последним шансом на выживание. Если можно было бы представить сейчас мое биологическое поле, то оно в данный момент напоминало беспомощную икринку, которую владыка элементарей

мял и давил как заблагорассудится.

Десять секунд пронеслись как десять часов. Огонь обжигал меня, я чувствовал, что стораю заживо в великом пламени чудовища. Сил не хватало даже на то, чтобы просто идти вперед, не то что сражаться.

Последний дуб оказался над моей головой, я сделал еще один шаг... И оказался на свежей поляне, устланной розовыми листьями, а передо мной стояло великое дерево, заполняя мою душу уютом. Шум полыхающего пламени исчез, огонь прекратился – я стоял один в тишине, ступая к центру спокойного круга.

– ТАК ЭТО И ЕСТЬ СЕРДЦЕ ЛЕСА?! – раздался позади меня грохот. Я со стоном обернулся. Пламя утихло, свернувшись в привычную форму Дандраллеона. – Похоже на то. Примерно здесь я ощущал сильное биение энергии. И зачем природа даровала такую силу эльфам... – он взглянул искоса на меня. – Я исправлю эту ошибку. Но ты этого не увидишь, – с этими словами он замахнулся своей рукой, увеличив ее в размерах. Рука запульсировала, превращаясь то в каменный булыжник, то в водоворот, то в кольцо пламени, то в юркий смерч, пульсирующий плющ, шипастый металлический шар, лиловый сгусток, зубастую пасть, темную бездну, по кругу меняя свои состояния, будто намереваясь убить меня всем сразу.

– Нет, Дандраллеон, – я вновь осмелился назвать своего врага по имени, – это ты не увидишь того, что хочешь.

Сердце леса, поляна, листья, крона, даже небо разделились на миллионы тонких полосок, которые распустились, словно нити, а затем стали сжиматься в размерах, сдавливая пространство. Неведомая сила схватила меня за шкуру и, не церемонясь, понесла назад к выходу. Улетая, я видел, как иллюзорные нити стягивали элементалю, обвязываясь вокруг него и заставляя его уменьшаться вместе с собой.

– Что происходит? – ошеломленно восклицал Дандраллеон. – Это противоречит природе! Этого не может быть! Этого не должно быть!..

Больше криков я не слышал. Западню схлопнулась, выбросив меня прямо перед дубовой аркой. Боль снова вернулась, я почувствовал ее по всему телу. Ни одна моя часть не осталась здоровой.

– Вот и все, Гавилан, – сказал Кригель, остановившись рядом со мной.

– Кригель... – прохрипел я. – Разве ты не должен был быть там... В бою?..

– Я, наверное, больше был бы нужен здесь, – замялся жрец. – Там элементалей осталось совсем немного. Я думаю, Каррагис с ними справятся.

– Точно все закончилось? – спросил известный мне голос. Я поднял глаза и увидел Аурума, на плече которого сидел Старшой, осматривая окружение с заметным интересом. При этом боггарт умудрялся сидеть так, чтобы не пересекаться линией видимости с Кригелем, так что Дарконис при

всем желанием не смог бы его заметить.

Я услышал звук шагов, которые приближались ко мне. Кто-то наклонился и поднес бурдюк с водой к моему рту.

– Попей, тебе полегчает, – этот голос я узнал бы в любой ситуации. Это была Алесия. – На тебя страшно смотреть. Что это чудовище с тобой сделало...

– Точно, Адамантис, – ответил Кригель Ауруму. – Подпространство схлопнулось, связав с собой Дандраллеона. Оно уменьшилось до неимоверно маленьких размеров, затем попросту исчезло за ненадобностью. Мир иллюзий, – он улыбнулся, затронув свою любимую тему, – он таков, что любое подпространство можно создать и держать, сколько необходимо, а затем удалить, когда оно перестанет быть полезным. Все, что находилось в тот момент в этом подпространстве, тоже удаляется.

– А оно не может появиться где-нибудь в другом месте? – недоверчиво поинтересовался Аурум. Он незаметно наклонил голову к Старшому и спустя мгновение добавил: – Или в другом времени?

Кригель покачал головой.

– Исключено, – ответил он. – Я же говорю, подпространство перестает существовать вообще, как будто этого и не было. Его не восстановить, не вернуть, от него останутся разве что воспоминания.

Я перевел усталый взгляд на Аурума. Кажется, тот был удовлетворен ответом.

– Наконец-то, – сказала Алесия. – Наш отец отомщен.

– Но его все равно не вернуть, – сухо ответил Аурум. – И хотелось бы, чтобы никто из элементалей не решил вдруг повторить дело Дандраллеона.

– Устроить геноцид элементалей? – выдавил из себя я. – Как-то не очень...

– Молчи, доних, ты не в том состоянии, чтобы говорить, – перебил меня Адамантис. – Никто не собирается устраивать геноцид. Но за элементами нужно будет следить, не отдавая их воле случая, как раньше.

Он подошел ко мне и взвалил меня на плечи. Я застонал – по туловищу снова пронеслась волна боли.

– Осторожнее, брат, – вступилась за меня Алесия, – он же все-таки сильно ранен.

– Эх, доних, все время приходится за тобой ухаживать, – по-отцовски пожурил меня Аурум. – Опять будешь отлеживаться у нас...

Он направился к дому.

Я почувствовал, как мои ступни горят.

– Жара, – прошептал я.

– Что? – переспросил Аурум, продолжая идти. – Закрывай глаза, а лучше засни. Несмотря ни на что, тебе не стоит узнавать дорогу к Сердцу леса.

– Жара, – повторил я. – Снизу жара... Как в деревне...

Мои ноги нагрелись.

– Что-то ногам тепло, – согласился со мной эльф. – В лесу

не должно быть так тепло даже летом...

– Убегай, – ответил ему я.

Аурум отпрыгнул в сторону. Вместе с ним отскочили и Кригель с Алесией. И вовремя – земля стала разрываться, из рваных ран вознеслось пламя. Все место кругом – и дубовая арка, и вековые деревья, и древняя земля – закрутилось в бешеном водовороте, приобретая разные цвета и формы, пока не стала превращаться в нечто гуманоидное. Туловище было высотой с пять человек; из него выросли огромные четырехпалые ручищи – правая рука была как жерло вулкана, вся в красных испаринах, ревущая и ненавистная, а левая рука стала хрипящей водой, бурля в неистовом ритме вокруг самой себя, заглатывая себя вовнутрь и снова вырываясь, кипя и остужаясь, осаживаясь на плечи, покрытые широкими металлическими пластинами с длинными, как копья, шипами, торчащими в разные стороны, выставленными на смерть всему живому. Последней выросла голова – пять кристаллических сверкающих пластин, короной возвышающихся над и без того величественным телом, длинные каменные скулы и испещренная острыми кристальными зубами пасть. Но самое страшное – это глаза, темные и таинственные, как бездна, из которых струился потусторонний дым.

– Чудовище! – воскликнула Алесия, вскинув скимитары.

Дандраллеон не обратил на ее слова никакого внимания. Его взгляд переводился то на меня, застывшего в ужасе, то на Кригеля, который не мог понять, как его план мог потерпеть

крах.

– ЛОВУШКА... ЗАПАДНЯ... ПЫТАЛИСЬ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ МЕНЯ, – его скрежещущий рокот был противен и противоестественен, но он раздавался отовсюду, от каждого дерева, от каждой ветки. Казалось, что он звучал прямо у меня в голове. – НО Я ВЕДЬ ГОВОРИЛ, ЧТО ЭТОТ ЛЕС – МОЙ. Я – ВЕЗДЕ. Я – ВСЕ. И ЭТОТ ЛЕС – НЕ ПРОСТО ЛЕС. ЭТОТ ЛЕС – Я.

– Но... Ты же должен был схлопнуться с подпространством... – ошеломленно бормотал Дарконис.

Дандраллеон надменно взглянул на эльфа.

– О, А ВОТ И ЭЛЬФЫ, – игриво произнес он. – А ТЫ НЕ ПОДУМАЛ, ЧТО Я МОГ СКОПИРОВАТЬ СЕБЯ МНОГОКРАТНО В ЭТОМ МЕСТЕ? А ВЫЛЕЗТИ ЧЕРЕЗ ТУ ЖЕ ДЫРУ, ЧТО И ЧЕЛОВЕЧИШКА? А ПОДЧИНИТЬ СЕБЕ САМО ПРОСТРАНСТВО? Я, ЭЛЕМЕНТАЛЬ, МОГУ ТВОРИТЬ МЕТАЛЛ, МОГУ ТВОРИТЬ ЖИЗНЬ – ПОЧЕМУ БЫ НЕ НАУЧИТЬСЯ ТВОРИТЬ САМО ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ? ВОТ ОНО, ИСТИННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЭЛЕМЕНТАЛЕЙ – БЫТЬ ТВОРЦАМИ МИРА! МЫ – ИСТИННЫЕ ДЕТИ ЭТОГО МИРА, И ПОЭТОМУ МИР ДОЛЖЕН ПРИНАДЛЕЖАТЬ НАМ!

– Это все неправильно, – прошептал Аурум.

Но чудовище не слышало его, а продолжало разговаривать со жрецом:

– ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО УМЕЕШЬ ВЛАДЕТЬ МАГИ-

ЕЙ ИЛЛЮЗИЙ? ТЫ ПЫТАЛСЯ ПОКАЗАТЬ ЕЕ НА МНЕ? ЧТО Ж, ТОГДА Я ПОКАЖУ ТЕБЕ, ЧТО УМЕЮ ВЛАДЕТЬ САМОЙ БЕЗДНОЙ!

Он схватил Кригеля за талию своей лавовой рукой так быстро, что я даже не заметил никакого движения – как будто рука просто переместилась на нужное место. Запахло паленым мясом. Кригель заорал не своим голосом. Он пытался было что-то предпринять, но у него ничего не получалось, то ли от нестерпимой боли, то ли от страха. В лапах у такого громадного монстра он выглядел как червяк. Дандраллеон наклонился к нему и взглянул на него своими бездонными чернящими глазами. Кригель закричал еще сильнее, его крик перешел за границу слышимости. В ужасе я смотрел, как с тела бедного эльфа заструилась темная энергия, вытекающая из его глаз, ноздрей, ушей, раскрытого рта – и затекала в глаза владыки элементалей, бесследно пропадая где-то в глубине. Казалось, что с Кригеля слоями снимают материю – он таял на глазах, превращаясь в непонятную субстанцию, которую Дандраллеон пожирал одним лишь взглядом. Спустя несколько ужасных мгновений от жреца ничего не осталось, он исчез без следа.

Упиваясь собственным величием, чудовище-элементаль снова встал и расправил плечи.

– ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО Я ПРОСТО БРОСАЮ СЛОВА НА ВЕТЕР? ЧТО Ж, ДУМАЙТЕ, МНЕ ЭТО ТОЛЬКО НА РУКУ. ТОЛЬКО НЕ СТОИТ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО Я И ЕСТЬ

САМ ВЕТЕР.

Он повернул голову ко мне и продолжил:

– Я И ТАК ЗНАЛ, ЧТО ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ОТВЕСТИ МЕНЯ К СЕРДЦУ ЛЕСА. ЗАТО ТЫ СМОЖЕШЬ ОТВЕСТИ К СВОИМ ДРУЗЬЯМ-ЭЛЬФАМ, А УЖ ОНИ ПОКАЖУТ МНЕ ВЕРНЫЙ ПУТЬ. НО ДАЖЕ ЭТО НЕ ПОНАДОБИТСЯ. ВАША ИЛЛЮЗИЯ ИМЕЛА ДОСТАТОЧНО ИНФОРМАЦИИ, ЧТОБЫ УКАЗАТЬ МНЕ ПРАВИЛЬНУЮ ДОРОГУ К МОЕЙ ЦЕЛИ. А ТЕПЕРЬ, ГАВИЛАН, – он поднял свои руки в медленном замахе, – Я РАСПРАВЛЮСЬ С ТОБОЙ РАЗ И НАВСЕГДА!

Я сидел на земле прямо перед огромнейшим элементом, понимая, что ничего не смогу с ним поделаться. Внезапно перед собой я увидел тень. Это встал Аурум, защищая меня своим собственным телом.

– Ты больше не получишь смертей, чудовище! – произнес эльф-селххет. – Сегодня я отомщу за своего отца!

– ЖАЛКИЙ ЭЛЬФ! – зарокотал Дандраллеон. – ЕСЛИ ТЫ ПРИШЕЛ МСТИТЬ ЗА СМЕРТЬ ЛИАМА, ТО ЗНАЙ – НИКТО НИКОГДА НЕ СРАВНИТСЯ С НИМ В ИСКУССТВЕ БОЯ! А ТАК КАК Я ЕГО ВСЕ-ТАКИ ПОБЕДИЛ, ТО НИКТО БОЛЬШЕ НЕ СМОЖЕТ ПОБЕДИТЬ МЕНЯ!

Я пытался найти Старшего на плечах Аурума, но, похоже, боггарт успел уже сбежать.

Перед высоким пылающим телом Дандраллеона силуэт Аурума, казалось, только уменьшался, словно элементаль

поглощал и его.

Нога искрой боли напомнила о себе, на секунду заставив забыть все, что происходило вокруг меня.

Мысли спутались, и мне пришлось приложить большие усилия на то, чтобы хоть как-то упорядочить их и вновь обратить внимание на элементаря.

Аурум вскинул свой лук, молниеносно зарядив сразу пять стрел, и выпустил их в монстра. Все стрелы попали в разные места тела чудовища, но не нанесли ему абсолютно никакого вреда, а просто сгорели в жарком огне, окружающем элементаря.

– ТВОИ ЖАЛКИЕ ПОТУГИ НЕ ПОМОГУТ ТЕБЕ, НАСЕКОМОЕ! – рассмеялся Дандраллеон так, что даже земля затряслась. **– БЕССМЫСЛЕННО СРАЖАТЬСЯ СО МНОЙ ТЕПЕРЬ, КОГДА Я ОКОНЧАТЕЛЬНО ВЫРОС!**

Аурум выставил свой лук вперед и произнес на эльфийском:

– Еще мой отец говорил, что нет никакой проблемы, с которой не смогло бы справиться простое оружие охотника!

– А еще мой отец говорил, что любое чудовище рано или поздно будет повержено! – продолжила Алесия, встав с обнаженными скимитарами в боевую стойку рядом с братом.

– И ГДЕ ТЕПЕРЬ ВАШ ОТЕЦ?! – зарокотал владыка элементарей. **– ВЫ НИЧТОЖНЫ! ВСЕ УЖЕ РЕШЕНО! Я ВСЕ УЖЕ РЕШИЛ ЗА ВАС!**

Брат и сестра Адамантис, не сговариваясь, подпрыгнули

высоко в воздух одновременно с точностью до долей секунды. Никогда я не видел такой мощи от эльфов. Они заскочили почти под самую крону леса, оказавшись выше элементаля. С грацией, присущей только своему роду, они отскочили в сторону чудовища – Аурум, натянув тетиву с несколькими стрелами, и Алесия, замахнувшись кривыми скимитарами – наградив монстра градом стрел и ударов, прежде чем тот попытался отбиться от них замахами, которые выглядели, как ленивые отмашки от надоедливых мух.

К сожалению, у Кригеля не было того, что было у селххет – выверенной скорости и точности. Ни один удар, ни одна атака Дандраллеона не успевала за движениями эльфов так же, как я не успевал за движениями элементаля. Аурум обстреливал чудовище с разных сторон, пытаясь найти слабое место, Алесия же выбрала глаза элементаля, и постоянно пыталась атаковать их по немислимым траекториям, уворачиваясь от рук элементаля. Ее тело и скимитары были частью друг друга, она свободно захватывала чуть более плотные части тела монстра изворотами клинков, чтобы менять направление своего движения, и резко останавливалась, если вдруг преграда возникала на ее пути. Ее реакции я мог только позавидовать, даже было странно, как я мог тренироваться наравне с ней, видя, как она сейчас сражается. К сожалению, я понимал, что и у энергичных эльфов рано или поздно накопится усталость. В тот момент, когда их скорость сравнивается со скоростью Дандраллеона, все и закончится. Оставалось

только надеяться, что Адамантис найдут изъян в защите чудовища раньше, чем это случится.

Пока что ни стрелы Аурума, ни клинки Алесии ни разу не достали тело элементаля. Он даже не пытался особенно защищаться. Где-то он мог изогнуться, где-то перехватывал удар, но все равно большинство атак останавливались в неистовом пламени, постоянно излучающемся из крепкого туловища элементаля. Казалось, что он специально насмехается над эльфами, не для того, чтобы доказать свое превосходство, а чтобы сами они поняли его превосходство над ними.

Но они не сдавались. Удивительно, как вообще мог совет лишить их права называться Дарконис, не оставив их хотя бы Каррагис, если они показывали мастерство, которое далеко не каждый эльф сможет постичь. В полузабытьи я смотрел на сражение, для меня каждая секунда длилась часами, причем это были мучительные даже для меня самого секунды. Каждое движение для меня выглядело замедленным, и я мог подробно разглядеть каждую атаку. Клянусь, за эту битву я научился искусству боя не меньше, чем за всю свою охотничью практику! Такие, казалось бы, простые формы и уловки не были мне раньше известны.

Аурум прицелился и выстрелил Дандраллеону прямо в глаз. Стрела, изогнувшись дугой, пролетела мимо рук, мимо всполохов огня и влетела прямо в мрачно-темную глазницу элементаля. Я ожидал услышать крик или всхлип... Но ни-

чего не произошло. Стрела просто влетела в око чудовища и затерялась там, словно внутри Дандраллеона была скрыта целая вселенная.

– БЕСПОЛЕЗНО! БЕСПОЛЕЗНО! – довольно загромычал владыка элементарей. – **НАИВНО ПОЛАГАТЬ, ЧТО МЕНЯ МОЖНО РАНИТЬ КАКОЙ-ТО СТРЕЛОЙ!**

Он выпустил руку вперед, пытаясь поймать Аурума, но эльф быстро спрыгнул с ветки дерева и перелетел на соседнюю. Монстр хотел достать его и там, но селххет тут же перескочил на другое дерево. Но не совсем. В лапе чудовища вдруг открылась черная дыра, из которой вылетела, без потери скорости, запущенная ранее самим же Аурумом стрела. Звонко прорезав воздух, она зацепила ногу эльфа чуть пониже колена. Аурум не произнес ни звука, но все же немного оступился. Однако даже этой мимолетной задержки хватило Дандраллеону, чтобы он переместил в пространстве свою каменную длань и схватил противника.

– Нет! – крикнула Алесия. Она растеряла бдительность и кинулась было к брату, но элементарь мигом отбросил ее назад другой, не менее тяжелой рукой.

– **НУ ЧТО Ж,** – обратился монстр к Ауруму. – **ВОТ ТЫ И ПОПАЛСЯ, МЕЛКИЙ ЧЕРВЯК! Я ПОСТАРАЮСЬ НЕ УБИВАТЬ ТЕБЯ ТАК БЫСТРО, КАК СДЕЛАЛ С ПЕРВЫМ ВАШИМ ТОВАРИЦЕМ.**

Он поднял свою свободную руку и тотчас же расплавил ее, испустив струю яркого огня.

– НИКОГДА НЕ ПРОБОВАЛИ ЭЛЬФЯТИНКИ? – спросил Дандраллеон. – ГОВОРЯТ, ВЫ, ЭЛЬФЫ, НЕ ЕДИТЕ МЯСО.

– Мы не убиваем ради забавы! – возразил Аурум, безрезультатно пытаясь высвободиться из неослабевающей хватки чудовища. – А вот я лично как-нибудь попробовал бы элементаря!

– НЕВКУСНО, МОЖЕШЬ МНЕ ПОВЕРИТЬ, – безразлично ответил Дандраллеон.

Он опустил пламя прямо на левую руку Аурума. Я вновь услышал душераздирающий крик, на этот раз из глотки своего друга. Недалеко от меня лежала отброшенная Алесия, она не могла пошевелиться, видя тот ужас, что творил с ее братом элементарь.

Рука, охваченная пламенем, стала таять, словно ледяная, обнажив сначала светлое мясо, а затем белые плетеные кости, которые тут же почернели и осыпались пеплом.

– СНАЧАЛА ОДНА РУКА, ПОТОМ ДРУГАЯ, ПОТОМ НОГИ! – хохотал повелитель элементарей, не обращая внимания на нас с Алесией, занимаясь лишь одним Аурумом.

И, наверное, напрасно. Откуда-то из леса послышался далекий звук горна, и из чащи к кострищу, в которое превратилось место нашей битвы с элементарем, посыпались множество разных странных существ. Я не мог понять, кто они – за все то время, которое я провел в Энтеррском лесу, я никогда с ними не сталкивался.

Лишь потом я пригляделся и заметил, что часть из них были дриадами. Эти полуженщины-полулани скакали вокруг в мрачной тишине, выхватывая копья и дротики, бережно спущенными стоящими рядом деревьями, и беспрестанно метали их в чудовище.

Некоторые фигуры выглядели странно – они состояли сплошь из каких-то лиан, обвешанные рогами. Время от времени лианы раздвигались, и из тела этих существ выскакивали животные разной величины – то белки, то лисицы, а то и вовсе медведи. Большинство из них, заметив Дандраллеона, в страхе прятались обратно. Несколько этих лиановых фигур держало в руках выгнутые спиралью горны, в которые они постоянно дули, правда, непонятно откуда.

– ЧТО ЭТО ТАКОЕ? – развернулся Дандраллеон. Он пренебрежительно отбросил Аурума в сторону, тотчас же забыв о нем, и я потерял эльфа из виду. – ЛЕШИЕ, ДРИАДЫ, КИКИМОРЫ... БОГГАРТЫ?!

Лесная армия наседала, из глубин леса прибывали все новые существа, и все они окружали чудовище, постоянно атакуя его.

– ЧТО ЭТО С ВАМИ ПРОИСХОДИТ?! – взревел Дандраллеон. – ВЫ ЖЕ... ВЫ ЖЕ ДЕТИ ПРИРОДЫ, КАК И Я! ВЫ ЖЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВМЕСТЕ СО МНОЙ, А НЕ ПРОТИВ МЕНЯ!

В некоторой растерянности монстр даже позабыл о собственной защите, но это не слишком его волновало – ника-

кой удар лесных жителей не мог хоть сколько-нибудь заметно поранить владыку элементарей. Оставалось только уповать на количество этих ударов.

– ЗНАЧИТ, ТАК?! – воскликнул Дандраллеон, когда понял всю бесполезность атак против него. – ЧТО Ж, ВЫ САМИ НАПРОСИЛИСЬ!..

Он превратил свои руки в металлические крючья и схватил сам себя за грудь (по крайней мере за то место, где у гуманоидных существ обычно бывает грудь), распарывая ее напополам. Я сидел, не понимая, что происходит, и рядом со мной точно так же сидела взъерошенная Алесия. С силой потянув руками в разные стороны, Дандраллеон разверз огромную дыру в своем теле...

И оттуда с диким воем вылетело множество элементарей в воздушной форме. Со свистом, дребезгом и еле различаемым смехом они закружили над остальными участниками битвы.

– А ВОТ И МОЯ АРМИЯ, КОТОРУЮ ВЫ ВСЕ ТАК ЖДАЛИ! – расхохотался Дандраллеон. – ВОТ И МОИ ЭЛЕМЕНТАЛИ! ЖГИТЕ, ТОПИТЕ, БРАТЬЯ! ДАВИТЕ И РАСКАЛЫВАЙТЕ! СЕГОДНЯ МЫ ПОГРЕБЕМ СЕРДЦЕ ЛЕСА ПОД ТЕЛАМИ НАШИХ ВРАГОВ!

Элементали с радостью направились исполнять волю своего главаря. Завязалась нешуточная бойня, в которой одни жители леса истребляли других. Дриады и лешие сгорали в яростном пламени. Боггартов уносило бешеным вихрем в

высокие дали. Водяные оставались без собственных водных пузырей и медленно умирали в канавах, не в силах вздохнуть. Средоточия стихий вылетали из поверженных тел монстров тут и там. А в центре всего беспорядка королем сражения, как гора, выступал грандиозно выглядящий Дандраллеон.

Алесия в испуге подползла ближе ко мне.

– Со стороны это выглядит куда страшнее, нежели чем участвовать в этом самой, – прошептала она мне.

– Самое страшное – это то, что мы здесь тоже участники, а не зрители, – ответил я.

– Я не вижу Аурума, – сказала Алесия, волнуясь. – Где он?..

– Не знаю, – признался я. В пылу сражения было тяжело найти кого-то конкретного, кроме Дандраллеона.

– ГДЕ ЭТОТ ВЫСКОЧКА ГАВИЛАН?! – хрипел повелитель элементарей. – СМОТРИ, ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ! НЕ БУДЬ ТЕБЯ, Я БЫ ПРОСТО СВЕРГ СЕРДЦЕ ЛЕСА, А ТЕПЕРЬ ЭНТЕРРУ ПРИХОДИТСЯ РАСПЛАЧИВАТЬСЯ ЛИШНИМИ ЖИЗНЯМИ! ЧЕЛОВЕК! ПОКАЖИСЬ!

Он распихивал всех на своем пути, как букашек. После пары эльфов ему ничего не было страшно. Теперь он был недосыгаем. Теперь он вырос и стал практически бессмертным.

Лесная армия передо мной редела. Странно, что никто до этого не обращал внимания на меня с Алесией. Наверное, из-

за того, что мы были слишком беспомощны, тогда как рядом присутствовали куда более опасные враги. Но теперь наша беспомощность сыграет против нас.

– ВОТ ТЫ ГДЕ! – злорадно усмехнулся Дандраллеон, обратив свой взгляд на меня. Еще один леший, накинувшийся на чудовище, был немедленно испепелен до угольков. – ГАВИЛАН, КАК ТЫ ЕЩЕ НЕ ПОНЯЛ?! СЕГОДНЯ – ДЕНЬ МОЕГО, ИМЕННО МОЕГО, ТРИУМФА! СЕГОДНЯ ТЫ УМРЕШЬ!

Алесия попыталась встать, защищая меня, но коротко вскрикнула и снова упала на колени. Похоже, что после мощного броска она вывихнула ногу. Однако владыка элементарей все равно не обращал на нее внимания – он целиком был сосредоточен на мне.

Я слегка отполз назад, но там был толстый ствол дерева, и прятаться мне было некуда.

– ТЕПЕРЬ ТЕБЯ НИЧТО НЕ СПАСЕТ! – гоготал Дандраллеон.

Внезапно еще одна тень оградила меня от чудовища. Из-за падающего на меня света я не мог разглядеть, кто это был, но заметил пышную копну листоподобных волос и почему-то очень знакомый круп...

– Йеллити!.. – прохрипел я.

Дриада оглянулась на меня и улыбнулась уголком рта...

И тут же была сметена массивным шипастым стальным кулаком. Сила удара была такова, что дриада улетела даже за

пределы выжженной поляны.

– НИКТО НЕ ПОМЕШАЕТ МНЕ РАСПРАВИТЬСЯ С ТОБОЙ, ГАВИЛАН! – ухмыльнулся Дандраллеон. И тут же получил тычок в лоб.

Я не мог понять, каким образом дриада, выброшенная столь далеко, могла так быстро вернуться обратно. Причем она заметно прихрамывала, но все равно в считанные секунды добралась до меня.

– Йеллити, осторожно! – прокричала лежащая на земле Алесия.

– Пожалуйста, не надо, – хрипел я. В горле почувствовался привкус крови. – Мне не выжить, спасайся сама...

Но дриада не слушала нас и продолжала с поразительной даже для дриад быстротой метать острые и крепкие древесные копыя. На миг владыка элементалей даже отшатнулся, но то был лишь миг.

– Я!

Стальной кулак полетел вверх.

– СКАЗАЛ!

Воздух со свистом закружился вихрем вокруг мощной руки элементалей.

– НЕ!

И вдруг наступила тишина.

– МЕШАЙ!

В которой шипастый шар быстрее звука опускался вниз, стремительнее чего бы то ни было.

– МНЕ!

И опустился на место Йеллити.

Странные капли осели на моих щеках.

Я увидел перед собой лишь котлован, в котором покоилась дымящаяся сталь.

Звук запоздало вернулся, с утробным улюлюканьем следуя за сталью.

Йеллити уже не было.

Алесия в ужасе выдохнула. У меня перехватило дыхание, и я закашлялся, с кашлем изо рта вышли несколько оранжевых капель крови вперемешку со слюнями.

– Йеллити, – прошептала Алесия. – Как же так... – Она откровенно огляделась. Внезапно осознав, что это была далеко не единственная смерть здесь, она посмотрела на Дандраллеона. – Как ты мог... Как ты додумался начать такое...

– ГАВИЛАН! – ревел Дандраллеон. Его голос с легкостью перебивал шум происходящего вокруг нас боя. – МНЕ УЖЕ НАДОЕЛО, ЧТО ТВОЮ СМЕРТЬ КАЖДЫЙ РАЗ ПРИХОДИТСЯ ОТКЛАДЫВАТЬ! НО ЭТО БЫЛ ПОСЛЕДНИЙ РАЗ!

– Я тоже надеюсь, что это был последний раз, чудовище.

Я посмотрел направо и увидел Аурума, прислонившегося к еще чудом уцелевшему дереву. В правой руке он держал лук, а зубами он держал стрелу, пытаясь натянуть ее на тетиву. Несмотря на кажущуюся абсурдность ситуации, Аурум был полон решимости. Пусть даже он неумело тянул тетиву,

но рука крепко-накрепко держала лук, а стрела была направлена точно на Дандраллеона.

– Брат... – только и смогла прошептать Алесия.

– КАК ВЫ МНЕ НАДОЕЛИ! – заревел владыка элементарей. – ХВАТИТ МНЕ МЕШАТЬ!

Аурум, не слушая его, продолжал свое дело. Когда тетива напряглась до предела, я заметил, что эльф что-то прошептал губами, и на кончике стрелы зажегся лиловый огонек, который тотчас же разгорелся, став ярко-фиолетовым.

– АМВИТЕН?! ПРИРОДНЫЙ ОГОНЬ?! – удивился элементарь. – ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО МОЖЕШЬ ПОБЕДИТЬ МЕНЯ ПРИРОДНЫМ ОГНЕМ?! ТЫ ЖЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я СЫН ПРИРОДЫ, АВАТАРА ИЗНАЧАЛЬНЫХ СТИХИЙ! ЭТОТ ОГОНЬ БЕЗВРЕДЕН ДЛЯ МЕНЯ!

Аурум ничего не ответил, а лишь разжал зубы. Стрела с амвителином, тихо шелестя, прочно вонзилась в скулу Дандраллеона.

– ВОТ ВИДИШЬ! – захохотал он. – НИЧЕГО НЕ ПРОИЗОШЛО!

Фиолетовое пламя полностью окружило стрелу и перекинулось на элементаря. Природный огонь распространялся по каменно-железному телу чудовища, как пожар расходится по весеннему полю, сжигая сухостой. За считанные мгновения Дандраллеон оказался покрыт темным сиреневым ореолом волшебного огня.

– НИЧЕГО! – радостно кружился монстр. – НИЧЕГО...

Амвитен вокруг элементаря стал ярче и вдруг заискрился всеми цветами радуги. Каждый раз, когда природный огонь вспыхивал, от тела чудовища откалывался маленький, примерно с хлебную крошку, кусочек и поднимался по пламени вверх, а затем растворялся в воздухе.

– ЧТО ЭТО ТАКОЕ? – недоуменно спросил Дандраллеон. – ЭТО АМВИТЕН? ПОЧЕМУ ТАК? ПОЧЕМУ... МНЕ БОЛЬНО?

Все больше и больше крошек откалывались от владыки элементарей, буквально расщепляя его. Сообразив, что так он может лишиться всей своей плоти, Дандраллеон попытался сбросить огонь с себя, но это было бесполезно – он уже был полностью покрыт им.

– ЧТО ЭТО? – орал он. – ПОЧЕМУ ТАК? Почему? Природа, зачем ты так со мной? Я же твой любимый сын! Я же... Я же не хуже других? Почему?!

Образ Дандраллеона постепенно стал просвечиваться. Еще немного и я увидел внутри средоточие стихий чудовища. В отличие от маленьких радужных кристаллов других элементарей, его средоточие было большим и толстым, но черным, темнее самой темной ночи. Средоточие стихий испуганно колыхалось внутри своей утончившейся оболочки, растерянно пытаясь спастись от внешнего мира.

Я вдруг осознал, что этот момент нельзя упустить. У меня был шанс. Шанс умереть, но был и шанс выжить.

Я собрал все свои оставшиеся силы, выдохнул, заперев

боль в глубинах сознания, и рванул к черному средоточию стихий чудовища. Поравнявшись с горящим Дандраллеоном, я подпрыгнул, вытянув вперед руки...

– НЕТ...

Закрыв глаза, я обхватил твердый кристалл и прижал его к груди. Как я упаду, уже не имело значения.

Лишь когда я приземлился, ударившись о землю боком и прочувствовав всю свою вернувшуюся обратно боль, я открыл глаза. Элементаль позади меня растворялся, природный огонь уже просто светил в воздухе, растворяя остатки сущности чудовища в себе.

Остальные элементали увидели, как их вождя только что победили, и, заметив меня, прижимающего средоточие стихий, яростно понеслись ко мне навстречу...

И столкнулись с непреодолимой стеной, которой являлись подоспевшие отряды Каррагис. Почти как всегда вовремя...

– Ты в порядке? – спросила меня Алесия, приковыляв на своей больной ноге ко мне. – Сознание не теряешь?

– В... Вр-роде н-нет, – ответил я. Мой голос дрожал, вкуче с уже привычной хрипотой и кашлем.

Кто-то из эльфийских отрядов подошел к нам.

– Вы как? – спросили нас. – Элементали отступают. Мы будем их догонять.

– Идите, – кивнула Алесия. – Мы справимся.

Неподалеку я увидел Аурума. Тот отбросил лук и тяжело дышал, прислонившись к дереву.

Я попробовал встать. Я уже не мог точно понять, где и что у меня болело, потому что болело все тело сразу. Я предложил Алесии свое плечо, и мы вместе, поддерживая друг друга, хромая, дошли до Аурума.

– Все? – спросил Аурум, не переставая глубоко дышать.

– Все, – прошептала Алесия. – Отец отомщен. Но... Твоя рука...

– Плевать, если все закончилось, – эльф хотел отмахнуться несуществующей рукой, но у него ничего не получилось.

– Но что же будет с тобой дальше? – спросил я. – Ты же селххет.

Аурум нервно рассмеялся.

– Я уже Адамантис, куда уж хуже, – ответил он.

На плече Аурума вдруг откуда ни возьмись появился маленький боггарт-почка с листком.

– Старшой, – кивнул ему эльф. Боггарт посмотрел на него и помахал ему листочком.

На плечи эльфа упали еще несколько десятков боггартов. Они махали ручками друг другу, пытаясь что-то сказать, толкались и о чем-то оживленно спорили. Внезапно они все как один направились к левой руке эльфа, сползли по его плечу прямо к свежей ране и стали ее облеплять. Раз за разом все новые и новые боггарты возникали на плечах и голове Аурума, переползали на руку и присоединялись к уже сидящим там собратьям. Рана скрылась, а боггарты все лезли и лезли. Они уже сделали большую горку, по контурам напо-

минающую сгоревшую руку эльфа-изгнанника. Когда наконец последний боггарт занял свое место, Старшой что-то еле слышно прокричал, и кучи маленьких ручонок расцепились, так что все боггарты повалились в траву.

На том месте, где они держались, у Аурума осталась рука. Она выглядела как гладкая, молодая ветка дерева, но точно такой же формы, какой раньше была рука Аурума – были заметны мускулы, хрящи, даже жилы. Такой изящной и скрупулезной работы я никогда не видел. Аурум посмотрел на свою новую руку и подвигал новоприобретенными пальцами. Изящные и тонкие, но в то же время крепкие и прочные пальцы легко и послушно покорились воле своего хозяина.

Старшой одобрительно кивнул и шепнул что-то на ухо Ауруму.

– Подарок от боггартов, – разъяснил Аурум нам с Алейсией. – Природная рука. Ух ты... Ощущается как моя собственная.

Старшой еще что-то шепнул эльфу.

– С этой рукой я могу ощущать боггартов, как будто я часть их общины... – Аурум огляделся вокруг и восхищенно произнес: – Я чувствую... Я чувствую весь лес.

Старшой обернулся, помахал нам листиком и упал в траву вслед за своими товарищами.

– Здорово, – прохрипел я. – Спасибо боггартам за это...

Что-то внутри меня вдруг щелкнуло, все краски поплыли перед глазами. Мысли снова смешались. «Гавилан!», услы-

шал я крик Алесии. Верх и низ поменялись местами, и я понял, что падаю, но не понял, куда именно. Края моего поля зрения стали темнеть, а затем и весь мир передо мной потемнел...

...Сладкий ветерок проскользнул мимо моего носа, но он не остался незамеченным – слишком явственно в нем ощущались нотки яблочного пирога. Тут же новая информация перенеслась вниз, к животу, который глубоким урчанием заявил о том, что он давно не видел еды. Я попытался приоткрыть глаза, но веки крепко-накрепко слиплись, так что мне пришлось бы сперва поднять руки и протереть их. Именно что «бы» – рук я не почувствовал. В испуге я дернулся и тут же получил сильный разряд в плечи, как будто их проткнули миллионы игл. Постепенно осязание стало приходить ко мне, и до меня дошло, что мое тело просто-напросто затекло. Как только я понял, что могу двигать конечностями, я тут же стал разминать их, и спустя немного времени я уже спокойно растирал глаза.

Яркий свет залил зрачки, а когда и зрение вернулось ко мне, я обнаружил, что нахожусь в знакомом месте – в домике, где жили Аурум с Алесией. Лучи радостно проникали сквозь окна, раскрашивая комнату оранжевыми оттенками.

Живот снова заурчал, на этот раз более требовательно. Я слегка смутился, пусть никого и не было рядом – звук был, наверное, на весь дом.

В комнату, шурша травяной шторой, зашла Алесия. Она

выглядела необычно – благодаря тому, что на ней было платье, расшитое осенними листьями различных теплых цветов, что было непривычно видеть после ее повседневного изумрудного обмундирования. В руках она несла плошку с бульоном и напряженно следила, чтобы не пролить ни капли. Подняв взгляд, она наконец увидела меня.

– Гавилан! – вскрикнула Алесия, уронив плошку на пол и расплескав бульон по полу. Не обращая на это внимания, она бросилась ко мне и обняла меня. – Ты наконец очнулся!

Я осторожно обнял ее в ответ, отчего мурашки пробежали по всему моему телу, от макушки до ступней. Постепенно я вспоминал, что произошло со мной до того момента, как я потерял сознание.

– Долго я... спал? – спросил я эльфийку, когда она все-таки отпустила меня.

– Около месяца, – ответила Алесия. – Такого крепкого сна я не ожидала даже от тебя. Но это даже было к лучшему, за тобой было проще ухаживать, к тому же все твои раны излечились.

– Что, даже ожоги прошли? – удивился я и начал судорожно осматривать свои руки, грудь, ноги...

– Ты же помнишь прошлый раз, – улыбнулась Алесия. – Эльфийские знахари способны на многое.

Я посмотрел на нее. Девушка излучала тепло и счастье.

– А с тобой как? Что с ногой?

– Ногу я только вывихнула, она зажила за пару дней. Во-

обще, все, кто выжил в той битве, уже полностью восстановились. А кто не выжил, – она сделала небольшую паузу, – их память мы уже почтили.

– Ты знаешь, когда я был в землях близ Орлоога, у местных жителей было поверье, что души павших воинов собираются в Орлооге и ждут часа последней битвы на земле, – ответил я. – А лучшие воины попадают на небо в виде небесного сияния, и именно они поведут войско людей в тот час. Я думаю, что если бы так было и у вас, то все, кто погиб в битве против Дандраллеона, стали бы небесным сиянием.

– Возможно, – согласилась Алесия. Она о чем-то задумалась, но тут же спохватилась: – Ты же давно не кушал! Вот, я принесла... – она посмотрела на лужу из бульона и исправилась: – Там, в другой комнате, есть свежий яблочный пирог, я вот только-только его испекла.

Меня не надо было долго упрашивать, я мигом вскочил и, немного пошатываясь (шутка ли, месяц лежать без движения), понесся к пирогу. Пока я с наслаждением и словами благодарности Алесии уплетал пирог, в домик зашел Аурум.

– Сестра, я тут набрал еще грибов... – начал было он, и вдруг увидел меня. – Гавилан! Ты живой и здоровый!

Следующая часть обеда прошла во взаимных расспросах и рассказах.

– Как твоя рука? – спросил я, кивая на левую, древесную, руку Аурума.

– Я быстро к ней привык, – ответил эльф. – Очень креп-

кий хват, быстрые движения. Такое ощущение, что она слушается меня даже лучше правой. А уж с боггартами... Теперь мне не нужно связываться напрямую со Старшим или кем-то еще, я вижу все, что видят они, и наоборот. Им это тоже удобно – они не могут так быстро перебираться по лесу, как я, поэтому многие части Энтеррского леса, особенно где слишком опасно для них, боггартам раньше были недоступны. Теперь этой проблемы нет, – улыбнулся он. Я отметил про себя, что крайне редко видел, чтобы Аурум улыбался, причем доброй улыбкой, а не язвительной ухмылкой.

– А что с элементарями? – продолжил я.

– Тех, кто участвовал в битве, всех перебили Каррагис. На совете Дарконис было принято решение, что теперь все места, где обитают элементарии, должны находиться под строгим надзором. Мы выявили несколько очагов скопления. Теперь, если хоть один элементарий попробует сбежать из своего ареала, его тут же выслеживают и уничтожают. И, насколько я знаю, за этот месяц еще ни одна людская деревня не сгорела по вине элементария.

– Кстати, – добавил Аурум, – на том же совете было высказано предложение... От матери... От которого я даже сам удивился. Про дарование нам звания Каррагис. Однако я отказался. Имя Адамантис стало мне куда ближе, и пусть оно останется у меня в память о поступке Слании. К тому же уже никто давно не относится ко мне как к изгнаннику, все общаются со мной практически на равных. За некоторыми ис-

ключениями, конечно... Алесии тоже было дано такое предложение, и я хотел, чтобы она приняла его, ведь отказ был моим личным выбором, но...

– Но я тоже отказалась, – подтвердила Алесия. – Я тоже привыкла к имени Адамантис, и знал бы ты, сколько на самом деле свободы это дает! Каждое имя, хоть Дарконис, хоть Каррагис, хоть Слитис, несет в себе жесткое обязательство перед обществом эльфов, кроме Адамантис. Изгнанников никто ни к чему не призывает и ничем не обязывает. Я могу заниматься шитьем, созданием доспехов, могу приносить пищу, могу патрулировать леса... И никто не может меня остановить, потому что по правилам я отречена от общест-венности! Нет, Аурум, я начала это вместе с тобой, с тобой и продолжу.

– А что-нибудь про меня было? – спросил я.

Эльфы переглянулись, Аурум немного помялся, но все же ответил:

– Есть еще одна причина, почему я решил остаться Адамантис... Совет Дарконис практически полностью проигнорировал тот факт, что ты тоже участвовал в битве. Были, конечно, некоторые, вроде Виостро, кто пробовал поддержать твое награждение, но... В общем, совет пришел к выводу, что твое полное выздоровление в Дадал’Треваре послужит достаточной наградой...

В Сумрачном Городе я провел еще половину недели, после чего Аурум вывел меня из своего города к Энтербергу.

С досадой я обнаружил, что большую часть доспехов было либо слишком дорого, либо невозможно восстановить – все сторело, протерлось и отсырело настолько, что казалось, будто я таскал ее с самого рождения, не снимая. Денег мало на что хватало. Скрепя сердце мне пришлось продать свой многозарядный арбалет – он понравился столичным торговцам, а уж они-то знали толк в оружии. Я выручил за него почти десять золотых монет, и на них мне удалось подлатать ботильоны и наплечники, а вот штаны с перчатками пришлось покупать новые. На дублет, похожий на тот, который был у меня, уже не хватало, и я очень долго спорил и торговался с кожевниками, прежде чем нашел того, кто забрал у меня остатки монет и старую одежду в придачу в обмен на нагрудную броню.

Опробовать обновленное снаряжение пришлось почти сразу же, мелкой охотой – надо ведь было как-то добывать себе пропитание. Надо сказать, что по ощущениям новые доспехи ничем не уступали старым. Таким образом я провел еще половину недели в полисе, накопив немного медяков на походную еду и мелкие нужды.

Уходя из Энтерберга, я набрал вяленого мяса и сухарей, а заодно купил небольшую головку козьего сыра. Уйдя за пределы внешнего круга городских ловушек, я огляделся и сказал в воздух:

– Аурум! – и уселся ждать.

Прошло всего полчаса, когда передо мной появился эльф.

– Ты действительно научился слушать лес, – улыбнулся я ему.

– Не лес, боггартов, – возразил Аурум. – Что ты хотел? Я думал, ты уже давно покинул Энтерр.

– У меня есть просьба, – ответил я. – Показать одно место...

Тихая, укромная заводь одной из многочисленных рек Энтеррского леса. В такие места обычно не любят ходить ни мелкие животные, ни хищники, а уж люди вообще остерегаются – слишком подозрительными кажутся им чересчур тихие полянки в чащах. Поэтому здесь так буйно росли растения, не боясь, что их съедят или растопчут.

Была еще одна причина, почему священную тишину этого места никто не нарушал. Здесь покоились умершие обитатели леса – кикиморы, водяные, дриады. Именно здесь Аурум указал мне на небольшую горку, взрытую не так давно. Я молча встал перед ней и долго думал.

– Она самоотверженно пожертвовала своей жизнью только ради того, чтобы подарить мне и Алесии несколько секунд. Никто не знал, что именно эти несколько секунд в итоге окажутся спасительными... Скажи, Аурум, – обратился я к товарищу, – почему жители леса отважились на такую жертву? Я сам видел, сколько их полегло в той схватке с элементами.

– Лесные жители не считают себя какими-то особенными существами, – ответил эльф. – Все они воспринимают себя

частью леса и поэтому без сомнения ставят жизнь леса выше своей. Элементали перестали быть частью леса, и природа отреклась от них. Именно поэтому амвитен сжег Дандралеона.

– Гноллы тоже перестали? – спросил я.

– Гноллы никогда и не были частью леса, они пришли издалека. Так же и людей природа никогда не принимала и вряд ли примет. На всякий случай, имей это в виду.

Я кивнул в ответ. После этого я полез в свою сумку и достал головку сыра, положив его на могилку.

– Я думаю, ей бы понравилось... – пробормотал я. Аурум понимающе улыбнулся.

– Не сомневаюсь, что она бы приняла этот подарок.

Я развернулся к эльфю.

– А где находится... Кригель?..

Адамантис недоуменно взглянул на меня.

– Ты вроде бы сам знаешь...

– Нет-нет, – ответил я. – Я имею в виду, ну, вы же оставляете какие-то памятники или обелиски или что-то еще?

– А, я понял тебя, – сказал Аурум. – Нет, эльфы не роют могилы и не ставят памятники. Погибших мы сжигаем природным огнем, дабы воссоединить их с природой, и прах развеиваем по ветру. С нами остается лишь память о них. Другого никому и не надо.

– Значит, с Кригелем мне не удастся попрощаться, – огорчился я.

– Почему же, – ответил эльф. – Ты всегда можешь попрощаться с ним мысленно. Память о нем всегда будет храниться в тебе, пока ты не забудешь. Если ты не забудешь, – поправился Аурум.

– Постараюсь не забыть, – сказал я.

Мы пошли на север.

– Знаешь, Аурум, у меня есть еще одна просьба, – решил я. – Ты можешь позвать Алесию?

– Хотелось бы спросить, зачем, но, пожалуй, не буду, – ответил эльф. – Если сможешь подождать немного времени, то могу.

– Мне не впервой ждать, – сказал я и усмехнулся. – Особенности профессии.

Эльф словно растворился в листве. Мне кажется, я никогда не смогу привыкнуть к его исчезновению. Как никогда не смогу разобраться, как у него получается каждый раз так незаметно сбегать.

Конечно, я, человек, вряд ли мог рассчитывать на благосклонность эльфов, тем более Дарконис – мало кто из них видел меня в лицо, не говоря уже о том, чтобы быть со мной знакомым. Наверное, у них тоже есть свои стереотипы о людях, поэтому мое лечение в Сумрачном Городе у них вполне могло бы сойти за наибольшую благосклонность за помощь в сражении.

А еще у меня были странные ощущения после победы над Дандраллеоном. Казалось бы, убийство чудища должно бы-

ло неплохо воодушевить меня как охотника, ведь это было большое достижение – на моей памяти не было ни одной записи о случае, когда охотник на чудищ убивал чудовище. Однако я не чувствовал ничего. С одной стороны, оно и понятно, ведь чудовище убил совсем не я, я лишь принял небольшое участие. С другой – сражения с чудищами привили мне некую обыденность, повседневность, и поэтому этот триумф в какой-то мере воспринимался мною как данность. Я часто слышал, как охотники выгорали на работе и уходили от дел, становясь обычными крестьянами и ремесленниками, кем они были с самого детства. Неужели и я выгорел? Так рано? Я ведь еще совсем молод и посвятил охоте на чудищ всего лишь два года своей жизни.

– Ну уж нет. Я еще посражаюсь. Мне еще многому стоит научиться и встретиться со многими чудищами. Бестиарии еще слишком пусты, про многих монстров написано слишком мало или совсем ничего. У меня еще будет время оставить охоту, но не скоро, – сказал я сам себе.

– С кем ты разговариваешь? – раздался голос позади. Я обернулся и увидел брата с сестрой Адамантис. Алесия, которая и задала мне этот вопрос, была в привычном зеленом жилете и брюках, обычном своем боевом облачении.

– Да я... Да просто... – промямлил я. – Алесия, Аурум, я хотел увидеть вас обоих, чтобы попрощаться. Пора мне снова отправиться в путешествие. Наверное, начну с Делетской равнины, – это была широкая равнина на севере от леса, ко-

торая принадлежала Ланиру, – а дальше как пойдет.

– Ты еще вернешься сюда? – с надеждой спросила Алесия.

– Конечно, – ответил я. – Охотники на чудищ всегда нужны людям, рано или поздно. Но я еще не все увидел в мире, мне еще многому стоит научиться. Но в Энтеррский лес я когда-нибудь загляну.

– Ты знаешь, как меня искать, – улыбнулся Аурум.

– Знаешь, Гавилан, – вдруг сменила тему Алесия, – я тоже подумываю о том, чтобы попутешествовать по Телехии. Возможно, как-нибудь ты встретишь меня в одной из таверн. Если, конечно, узнаешь, – подмигнула она мне.

– Давай, иди уже. Не стоит долго прощаться, – сказал Аурум, – тем более, если хочешь вернуться. Новые дела ждут тебя, селххет.

Я взглянул в лиловые глаза эльфа, думая, что увижу там каплю насмешки или иронии. Но нет, его слова были крайне прямолинейны, это было видно по его лицу. Я протянул руку Ауруму. Он немного замешкался, не совсем понимая, что я от него хотел, но потом протянул свою в ответ. Мы обменялись крепким рукопожатием (но хватка эльфа все-таки была крепче), после чего он хлопнул меня по плечу и оттолкнул бережно в сторону.

Я шел по лесу, затронутому ранней осенью. Сезон дождей еще не начался в полной мере, но сырость уже собиралась в оврагах и низменностях, поэтому надо было торопиться.

Снова я один, сам по себе. На ногах – крепкие ботильоны,

с железными подковами, с заправленными в них плотными штанами. На теле – вываренный из кожи дублет со стальными заклепками, ремни с кучей карманов и пояс с ободком. За спиной – два щитка, раздвигающихся в мощные и острые глефы, которые не раз зарекомендовали себя в качестве грозного оружия. В голове – множество фехтовальных тактик, стратегических мыслей, рецептов масел и зелий, снарядов и кучи всевозможной техники, которую еще предстоит воплотить в жизнь.

В общем, все как всегда. История мальчика, который хотел стать охотником на чудищ, закончилась. Началась история охотника на чудищ.

Эпилог

Дверь в кабинет распахнулась. Эрик, до этого мирно дремавший на стуле в ожидании, когда программа скомпилируется, нервно оглянулся. На пороге стоял Гейб МакМиллан, начальник отдела разработки.

– Это ужас! Менеджеры совсем обезумели! Говорят, что количество пользователей падает, и все из-за нас! – сходу стал орать он.

Эрик Фолькерсон работал в отделе тестирования и был ведущим тестировщиком, но с Гейбом часто пересекался по рабочим вопросам, ибо он, собственно, и тестировал то, что разрабатывала команда Гейба.

– Что там у них опять случилось? – сонно пробормотал он.

– Да опять то же самое! – завопил Гейб. – Продажи падают, оценки падают, онлайн падает... Все у них падает, как ни подойди. И во всем винят разработчиков! Конечно, когда мы только вышли в релиз, никто не сказал, «Гейб, ваши ребята молодцы, вот вам премия»! Да хоть бы гребаная благодарность! Нет! А кого похвалили?..

– Маркетологов, – ответил за него Эрик с явным безразличием. – Как будто ты не знаешь, как это бывает. Пошел бы сам в менеджеры... Ладно, – он уселся на кресле поудобнее, – ты же не за этим пришел. Вернее, за этим, но не толь-

ко. Что хотел-то?

– Все то же, – уже спокойно сказал Гейб. – Как у вас дела с поврежденными жесткими дисками? Данные так и не восстановили?

– Неа, говорят, там все глухо, – ответил Эрик. – Что, из-за этого нас, типа, и ругают?

Гейб молча и грустно кивнул. Конечно, печально, что тебя кроют почему зря.

– Хотя бы «Ликвидатора» восстановили?

Эрик пожал плечами:

– Чего нет, того нет. Сам знаешь, там куда выше крыши. А все, мать их, бэкапы валялись на этих треклятых дисках. И как так получилось, что все они сразу накрылись, ума не приложу. Даже если написать «Ликвидатор» заново, уйдет пара недель, не меньше.

– У нас нет двух недель, – ответил Гейб. – Нас похоронят намного раньше.

– А что? Проблема появилась?

Гейб снова кивнул.

– Да, и не одна. Куча несанкционированных авторизаций.

Наполнение мира – дело не из простых. Приходится и фантазировать, и считать, и учитывать желания целевой аудитории. Нужно использовать художников для создания эскизов моделей, 3D-моделистов, чтобы сделать саму трехмерную модель, программистов, чтобы написать физический движок и алгоритм поведения и аниматоров, чтобы за-

ставить двигаться эту самую модель. На каждую уйдет не один десяток человеко-часов.

Поэтому отдел разработки изобрел инновационную систему создания псевдослучайных моделей. По сути, это была довольно сложная нейросеть, учитывающая физический движок, более-менее считающая баланс характеристик, внешний вид, количество полигонов на модель и на выходе выдающее какое-либо игровое или неигровое существо, которое затем попадало в релизную версию на серверы. Однако человеческий фактор никуда не исчез – не все модели существ получались идеальными, кто-то не подходил под возрастной рейтинг, кто-то случайно получался чересчур несбалансированным, а кто-то просто выглядел нелепо, и так далее. Каждую получившуюся модель приходилось проверять и авторизовать в релизной версии самостоятельно, благо это было не так трудно – проверить сотню моделей вполне мог и один человек за час до конца рабочего дня. Зато эта система сэкономила уйму времени, позволив за короткий срок добавить несколько десятков отличных животных и растений, а также гуманоидов, которых по старинке пришлось бы создавать не менее полугода. Этот набор и вошел в релиз.

Уже позже, выложив рабочую версию программы на сервер, отдел разработки столкнулся с проблемой. Некоторые модели, не проверенные операторами, каким-то образом оказались в релизе. Искать неисправности в работе нейросети было делом небыстрым, а патч нужен был здесь и сейчас,

поэтому отдел тестирования создал утилиту – «Ликвидатора Искусственно Авторизованных Моделей», который находил модели без метки оператора и полностью удалял ее с сервера.

В нейросети все-таки нашли ошибки, но они оказались так сильно связаны с самой ее функциональностью, да и «Ликвидатор» работал на удивление точно, быстро и исправно, что с авторизацией моделей решили больше не заморачиваться.

И вот случилась еще одна неожиданная проблема – из-за сбоя электроэнергии сгорело несколько жестких дисков на серверах, причем по какой-то «счастливой» случайности среди них оказались диски, где хранились все резервные копии «Ликвидатора». Нейросеть осталась работать без должной проверки.

– Может, остановим пока систему создания моделей? – спросил на всякий случай Эрик.

– Ага, – саркастично ответил Гейб, – и получим еще больше жалоб от игроков и еще большее наказание от начальства. Мы же сами хвалились, что «наш мир живой и постоянно меняется»... Эта, мать ее, Дебора из отделения пиара... Вот она – плата за живой мир.

Эрик был согласен. Он совсем не хотел лишаться премии, но был солидарен с Гейбом в том, что они попали в ловушку собственных амбиций.

– Ладно, – вздохнул он и встал с кресла. Подойдя к кофемашине, он нажал кнопку и получил стакан горячего и очень

крепкого эспрессо, как он любил. – Что ты хочешь конкретно от меня, Гейб? Пойти вместе к начальству и добиться для себя правды?

– Нет, ты же знаешь Ричардсона, он слишком упрям, – отрезал Гейб. – Я прошу у тебя совета, что делать.

– Ну, – Эрик слегка отхлебнул от стакана и прикрыл глаза от удовольствия, – Можно посадить человека, который пару-тройку недель будет вручную чистить искусственные авторизации.

– У нас маленький штат, – покачал головой начальник отдела разработки. – Каждый человек на счету. Если у нас снять хотя бы одного с задач, мы не уложимся в дедлайн по разработке дополнения. У меня даже болеющий Алекс выходит на полсмены. Если у тебя будет кто-нибудь...

– Неа, – сразу же ответил Фолькерсон. – Та же фигня.

Гейб немного помялся и исподлобья посмотрел на товарища.

– Есть еще одно предложение, не знаю, понравится тебе или нет, – чуть тише сказал он.

– Какое? Выкладывай уж. Предложение – это же не приказ.

– Я промониторил текущую ситуацию. По большому счету, не все так плохо, как могло бы быть. Некоторым игрокам даже нравятся эти несанкционированные НИПы. Но есть несколько таких, которые портят весь геймплей, – начал рассказывать Гейб. – Они то ли трут другие модели, то ли фраг-

ментируют данные, где они записаны, но все, что мы добавляли ранее, портится.

– Похоже на какой-то вирус, хех, – усмехнулся Эрик.

– Ага, вот именно, – согласился Гейб. – В общем, пока что надо бы избавиться от этих конкретных моделей, и как можно быстрее. Поэтому я подумал – не мог бы ты написать что-то наподобие антивируса с конкретными сигнатурами? Я знаю, до работы здесь ты занимался чем-то подобным.

– Ужас, друг! – усмехаясь, воскликнул Эрик и допил свой кофе. – На что только не способна ваша система! Несанкционированные авторизации, порча информации... Я тебе точно советую разобраться с ней раз и навсегда, чтобы больше не пришлось прикручивать к ней никаких костылей.

– Наверное, – смутился Гейб. Он понимал, что сам являлся одним из источников случившейся проблемы, поэтому не отрицал своей вины, по крайней мере, перед Эриком. – Но насчет антивируса... Сделаешь?

– Как нефиг. Только сигнатуры скинь.

Когда Гейб принес флешку с записями сигнатур, Эрик допивал уже второй стакан кофе.

– Давай сюда, – он схватил флешку и перебросил данные на соседний компьютер. – Это будет веселый вечер.

– Прости, что напряг тебя, – извинился Гейб, но тестер приложил палец к своим губам.

– Т-с-с. Никаких извинений. С тебя тысяча рейтинга сам знаешь где. Логин с паролем знаешь.

У разработчиков игр, как ни странно, тоже бывают любимые игры, и это не всегда те же самые, что они разрабатывают.

Гейб улыбнулся.

– За день не обещаю, но за два точно будет, – ответил он. – Ты же там так на бронзе и гнездишься?

– Я просто временно свалился, – парировал Эрик.

Он протянул руку другу, и они с удовольствием обменялись рукопожатием.

После окончания рабочего дня, когда весь отдел тестирования опустел, и Эрик остался один, он подвинул кресло ближе к компьютеру с сигнатурами и, не забыв прихватить любимый эспрессо, открыл среду разработки.

– Ну-с, посмотрим, что можно сделать, – пробормотал он, улыбаясь непонятно чему.

Эта ночь для Эрика Фолькерсона выдалась тяжелой, но он этого не замечал, сосредоточив свое внимание на программе. Сидя перед светом экрана монитора, он увлеченно печатал код, изредка поглядывая в справочники и время от времени прогуливаясь до кофемашины, чтобы налить себе еще кофе. Количество строк постепенно увеличивалось, с каждой минутой добавлялись все новые и новые функции, разные варианты защиты от взлома. Тишину офисного здания нарушали только щелчки, издаваемые клавишами.

Наконец, когда за окном уже стали появляться первые лучи восходящего солнца, Эрик нажал кнопку компиляции и

довольно откинулся на спинку кресла.

– Идеально, – пробормотал он самому себе. – Импорт сигнатур, настройка поиска и даже функция самовосстановления. Вот это антивирус так антивирус! Гейб наверняка будет доволен...

На этих мыслях он задремал, ожидая, когда в офис снова придут сотрудники, и можно будет похвалиться перед ними новым творением. Не менее сладостным было и его ожидание того, как он вернется домой и увидит себя на несколько рангов рейтинга выше. Гейб уж точно сдержит обещание.

Солнце уже полностью вышло из-за горизонта. Полоска прогресса компиляции почти полностью заполнилась, а Эрик сладко спал. Наступил день выхода нового патча.